Спи, милый принц

No. 33,531.

ENTERTAINMENTS, &c.

ACADEMY of MUSIC, Tenterden-street,
...tuted 1822. Incorporated by Royal Charter 1830.
...MAJESTY The QUEEN and the ROYAL FAMILY.
Principal—DR. A. C. MACKENZIE.
...BEGINS Thursday next, January 14, 1892.
...amination, To-morrow (Tuesday), 12th Jan., at 11 a.m.
...thly Concert, Saturday, January 30th, 1892, at 8.
F. W. RENAUT, Secretary.

ACADEMY of MUSIC, Tenterden-street, W.
...trons—The QUEEN and the Royal Family.
Principal—Dr. A. C. MACKENZIE.
Metropolitan Examinations, 1891-92.
...g CANDIDATES have PASSED :—
...—As Teacher.—Alice Whitfield. Examiners.—Messrs. ...on Faning, and Charles E. Stephens, chairman.
...s Performers.—Elizabeth Dobbie and Amy A. E. Frost. ...—Mrs. M. Coulthard, Amy B. Devonshire, Frederick ..., Georgina R. Vickers, and Louisa G. Willis. ...—Messrs. Manuel Garcia, Arthur L. Oswald, and ...mmings, chairman.
...e, as Performers and Teachers.—Jane Carpmael, Edith ... Mabel F. Crankshaw, Augusta J. Foster, Bernard W. ... Frewer, Emily R. Hodgson, Louisa Le Sueur, Lillie L. ...rt C. Parsons, George M. Rowe, Esther A. Spedding, ... Stericker.
...—Elizabeth Atkins, Emily Bartlett, Edith C. Bard... Bindon, Annie R. Ettleston, Arthur Carnes, Ellen E. ... A. Chard, Ethel M. Cooper, Hannah Crauter, Jessie F. ...Cross, Annie T. Croxall, Agnes Dawes, Jessie Balfour, ... E. Fearn, Helen Fredericks, Helen Freeman, Marion ...ra Hall, Letitia M. Hayes, Caroline Henman, ...ood, Kate Isaac, Lilla James, Edith Jennings, Samuel ... Lockwood, Marian T. Marshall, Ada M. Miller, Eliza ...F. Roberts, Constance E. Surridge, Charles W. Vanse, ...illiam Whitehead. Examiners.—Messrs. Oscar Berin... ...tton, and Walter Macfarren, chairman.
...rformers and Teachers.—Charlotte Coleman, Annie ...Giles, and Sybil Palliser.

ДЭВИД ДИКИНСОН

Восходящая звезда английского детектива. Сегодня его книги читают во всем мире. Писатель родился в 1946 году в Дублине, много лет работал на Би-би-си, вел информационные и политические программы, а также специальную программу «МОНАРХИЯ», посвященную жизни королевской семьи и самому институту монархии.

На страницах его книг – преступления, совершенные в высшем обществе БРИТАНСКОЙ империи, тщательно скрываемые тайны английской Короны, политические и религиозные заговоры. Особую привлекательность романам ДИКИНСОНА придает тонкая ирония и типичный английский

DEATHS.

On the 11th Jan., at Brighton, WILLIAM SWIN... years, second son of J. LEWIS LEWIS and ... Esq. Eliot-park, Lewisham-hill.

On Monday morning, the 11th inst., at Yorktown ... wife of the REV. FREDERICK M. MIDDL... Yorktown, and youngest daughter of the late ... Copped Hall, Totteridge, Herts.

On the 11th Jan., 1892, at Park View House, Ro... ROBERT PATERSON, J.P., Solicitor, of ...

On the 11th inst., at 19, Cadogan-terrace, South ... bronchitis, FRANCES LUCY STRONG, eldest ... of the late Joseph Thompson Strong, Commander ...

On the 11th inst., at her niece's residence, ... STUTCHBURY, in her 81st year.

On the 11th Jan., 1892, at The Rectory, Ha... EDWARD CHARLES TOPHAM, Rector of Ha... Dean, in his 79th year.

On the 11th Jan., at 3, Lansdown-place, Ch... CRYMES, widow of the late JOHN WATSON, Es... Gloucestershire, and for many years Reside... Ackarowa, New Zealand, in her 75th year.

On the 11th inst., at Abney Hall, Cheadle, ... MARGARET ANN, LADY WATTS, widow of ...

On the 11th Jan., at Randolphs, Biddenden, Kent ... of the late ROBERT WELLS, M.R.C.S., aged 70.

On the 11th inst., at Bush Hill, N., JOHN YO... 63d year, fortified with all the rights of the Church.

On the 12th inst., CATHERINE ELIZA, wife ... PIPER BADDELEY, of 12, Oakdale-road, Streath...

On the 12th Jan., at 370, Brixton-road, from infl... MARY, widow of the late G. R. BENGOU... years. Friends, please accept this, the only intima...

On the 12th inst., after a short illness, at Eyn... TREADGOLD BIRD, the beloved wife of August... year. No cards.

On the 12th Jan., at 20, Gloucester-crescent, ... BLANCHE (POPPIE), youngest daughter of the ... BURNELL.

On the 12th inst., at 57, Regency-square, Bri... CLARKE, in his 90th year.

On the 12th inst., at Knight's Hill, West N... HANNAH, the beloved wife of DR. ROBER... Berkeley-square, W., aged 76 years.

On the 12th inst., at 21, Highgate-road, N.W., R... Esq., late of Tavistock-street, Bedford-square, in his ...

On the 12th inst., at his residence, No. 23, Harring... from pneumonia following influenza, DUNCAN C... firm of Messrs. Moyer and Mortimer, 36, Conduit... ment Paddington Cemetery, Willesden-lane, Kil... next, at 1. Friends will please accept this intimatio...

On the 12th inst., at 90, Finborough-road, South... denly, MARGARET, widow of the late LIEUT... DILL, R.E.

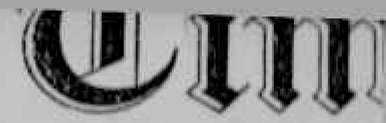
On the 12th inst., at 63, High-street, Clapha... FISHER, formerly of Great Dover-street, Southwa...

On the 12th inst., at Camden House, East Mole... A. FOLEY, widow of the late Henry Foley, Esq., o... Canterbury, in her 83d year.

On the 12th inst., at Oakdene, 7, Northfield-ro... ... IVY MAUD, the dearly-loved child of WILLIA... HARRIS.

... at South Harling, HENRY H... ... No flowers, by req...

... the 12th Jan., at Grosvenor ...



LONDON, MONDAY, JANUARY 1

ДЭВИД ДИКИНСОН

Спи, милый принц

ДЭВИД ДИКИНСО

Спи, милый принц

W. R.—Letters and copy of advertisement received. Cable your Montreal friend to address mine, post-office box three hundred forty-two, New York, arranging interview.

DR. S. B. B.'s ESTATE.—Several Securities and Probate not yet traced. If Mr. F. M. will COMMUNICATE with Mr. A. B. he may rely upon strict confidence being maintained.

OF WILLIAM ALBERT GROSSMITH, who suddenly left his home ... in 1882 ... of his widow or children), INFORMATION is ... requested ... father's will.—R. Eales, ... Russia.

BANK of ENGLAND.—N... having been made ... direct the re-transfer from ... the National Debt of the sum ... per Cent. Consolidated Stock, late Consolidated £3 per Cent. Annuities, which at one time stood in the names of LORD AUGUSTUS HENRY CHARL... HERVEY, of Ickworth-park, Suffolk, deceased, and HERB... ARTHUR ... transferred ... —Notice ... this date ... into their ... Arthur ... he havi... same, unless some other claim thereto shall in the meantime be made and sustained.

BANK of ENGLAND.—No. ... Application having been made to the ... direct the re-transfer from the ... the National Debt of the su... solidated Stock, late Consolida... one time stood in the names of ... Wood-street, Cheapside, E.C. ... SILBER, a minor, and which was transf... the said Commissioners in consequence of the dividends thereon having remained unreceived since the 5th January, 1879; Notice is hereby given, that on the expiration of three months from this date (the 14th of January, 1892) the said Stock will be re-transferred into the names of Albert Marcus Silber, of 56, Wood-street, Cheapside, E.C., Esq., deceased, and Ralph Silber, formerly a minor, now of age, and the dividends thereon paid to the said Ralph Silber, the survivor, he having claimed the same, unless some other claim thereto shall in the meantime be made and sustained.

Смерть Принца Уэльского

Сегодня около семи утра сына ГЕРЦОГА УЭЛЬСКОГО, двадцативосьмилетнего ПРИНЦА ЭДДИ, нашли мертвым в его собственной спальне, в родовом поместье Сандрингем-Хаус на юге Лондона.

Оба запястья, артерии ног, а также шея от уха до уха были яростно рассечены неизвестным преступником, и голова принца была почти отделена от тела. Кому понадобилось так беспощадно расправиться со всеобщим любимцем ЭДДИ? Кто посмел нанести столь жестокий удар королевскому семейству?

Дело поручено ЛОРДУ ПАУЭРСКОРТУ, обладающему большим опытом в раскрытии самых страшных и безнадежных преступлений...

...ghton, SOMERS
...orwood, ELIZA
...T CROSS, of 15,
...ICHARD CULL,
...n 52th year.
...ton-square, N.W.,
...UMMING, of the
...street, W. Inter-
...ourn, on Saturday
...n.
... Kensington, and-
...L-COI. MARCUS
...n, ELIZABETH
...k, aged 74.
...y, ELIZABETH
...f Erham House,
...al, Stamford-hill,
...M and LILLIAN
...ILLS, late of 45
...uest.
... House, Margate.

NO...
W...
office bo...
OF...
dren), I...
father's...
Russia.
W...
SIMPS...
and of...
will CO...
of 27, G...
somethi...
On...
South...
(ART...
On...
EDW...
On...
GEO...
surviv...
On...
CAPT...
Goors...
On...
HEN...
On...
WOR...
On...
EDW...
On...
Irelan...
On...
(Mad...
On...
wife...

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)
Д 45

Перевод с английского
Сергея Ильина

Оформление
Константина Журавлева

ISBN 5-85050-873-2

Часть первая

ШАНТАЖ

Осень 1891

I.

— Пойдемте, Пауэрскорт, пойдемте. Я должен сообщить вам великую тайну.

Лорд Роузбери*, стоя у парадной двери своего дома, нетерпеливо ожидал, когда занесут внутрь багаж Пауэрскорта. Далмени, расположенное неподалеку от Эдинбурга, было одним из многих его поместий.

— Я же только что приехал. Почему не сказать мне все здесь, в Далмени, вместо того чтобы тащить куда-то? — недовольно спросил лорд Фрэнсис Пауэрскорт.

— В моем доме сейчас слишком много людей. Я отведу вас в Барнбоугл, мой маленький замок у моря. Там нам никто не помешает.

Роузбери повел гостя по тянувшейся к лесу тропинке. Пара сорок, хищных и жуликоватых, вспорхнула впереди, отправляясь на какое-то недоброе дело.

— Главное я скажу вам сейчас, Фрэнсис, — произнес Роузбери, мелодраматично оглядываясь по сторонам, словно подозревая, что в лесу могли затаиться соглядатаи или вражеские агенты. Он поплотнее закутался в плащ и прошептал Пауэрскорту на ухо: — Кто-то шантажирует принца Уэльского. А принцесса Уэльская опасается за жизнь своего старшего сына, Эдди.

И Роузбери отступил назад с довольным видом человека, только что передавшего свою тайну дру-

---

* Арчибальд Филип Примроуз, 5-й граф Роузбери (1847–1929) — английский государственный деятель, представитель одного из древнейших шотландских родов. *(Здесь и далее прим. переводчика.)*

гому. Пауэрскорт уже перебирал в уме прошлые дела. Ему случалось расследовать убийства в Симле и Дели, в Лондоне и Уилтшире. А вот с шантажом он сталкивался пока всего один раз.

С Роузбери Пауэрскорт познакомился еще в Итоне, и с тех пор они, при всем их несходстве, оставались друзьями. Роста Роузбери был немного ниже среднего и имел лицо херувима, неспешно обращавшегося в государственного мужа. Он владел очень крупным состоянием, немалую часть которого поглощали его ежегодные, безрезультатные попытки выиграть приз Дерби. Роузбери занимал некогда пост министра иностранных дел, и многие видели в нем будущего премьер-министра. Пауэрскорт был на голову выше друга — на голову, украшенную непослушными черными волосами. Два синих глаза взирали из-под них на мир с отрешенностью и иронией, привычная улыбка уже наградила Пауэрскорта морщинками у углов глаз и по краям рта. Ему довелось послужить, и послужить безупречно, в Индии и Африке — старшим офицером разведки различных армий Короны. Мастерство по части сбора и анализа информации позволило Пауэрскорту сделать вторую карьеру — карьеру человека, занимающегося раскрытием убийств и разгадыванием тайн как в своей стране, так и за границей.

Ну вот и он! — произнес Роузбери, гордо указывая на маленький, стоящий прямо у кромки воды замок. — Барнбоугл. Предков моих смыло отсюда в море вместе с известкой и кирпичами. Но я его восстановил.

Вокруг замка били волны, осыпая каскадами брызг его стены. Паровое суденышко, тащившееся вдали по Ферт-о-Форту к Северному морю, пятнало черным дымом послеполуденное небо.

Роузбери провел друга через большой зал в библиотеку на втором этаже.

— Ну что же, Роузбери, расскажите мне побольше об этом шантаже.

Роузбери уселся у камина, от которого симметрично расходились к окнам ряды книжных полок.

— Больше сказать особенно и нечего. Письма от шантажиста поступают через равные промежутки времени и содержат угрозы выставить на всеобщее обозрение полную прелюбодейства жизнь принца Уэльского.

— Вообще говоря, — сказал Пауэрскорт, — загадка состоит в том, что никто не пытался шантажировать принца Уэльского раньше. Он содержит или содержал целую череду любовниц, точно так же, как вы держите скаковых лошадей на «Эпсомских холмах».

— Искренне надеюсь, что ему везло с любовницами больше, чем мне с лошадьми, — сокрушенно отозвался Роузбери. — Думаю, из двух этих разновидностей живых существ любовницы, если их правильно кормить и объезжать, обходятся дешевле.

— Вам известно, как написаны эти письма — печатными буквами, измененным почерком — как именно?

— Странно, но это одна из подробностей, которыми личный секретарь принца Уэльского сэр Уильям Сутер счел возможным поделиться со мной. Письма составлены из букв, которые вырезаны из газет, предположительно из «Таймс» и «Иллюстрейтед Лондон ньюс», и наклеены на лист обычной бумаги.

— Кто их доставляет, посыльный?

— Нет, письма приходят почтой, как правило, по вторникам. А отправляют их неизменно по понедельникам, из Центрального Лондона.

Пауэрскорт обратил взгляд к морю. Негромкий ропот разгневанных волн наполнял библиотеку. Роузбери, между тем, вглядывался в свои редкие и очень ценные книги.

— А что принцесса Уэльская, Роузбери? Вы сказали, что она тревожится за жизнь принца Эдди?

— Именно так, — ответил Роузбери, снимая с полки древнюю Библию и сдувая с ее корешка облачко пыли. — Сэр Уильям не сообщил мне, обычные ли это материнские тревоги или для них имеются основания более глубокие.

– Принц Эдди унаследовал вкусы отца? Жизнь, полностью посвященная удовольствиям, с редкими перерывами для открытия или закладки нового здания?

— Не думаю, что любовное зелье прелюбодейства влечет принца Эдди на тот же манер, что и его отца. Поговаривают, будто мужчин он любит не меньше, чем женщин.

— О Боже, Роузбери, ну и компания!

— Другой у нас нет, Фрэнсис, и да поможет нам Бог. Они постоянно пребывают на грани скандала, принц Уэльский и весь его круг; тем не менее, они — королевская семья, а мы должны делать все для нас посильное. Однако, Фрэнсис, вы, я полагаю, не удивитесь, услышав, что они хотят, чтобы вы расследовали этот шантаж. Я обещал Сутеру отправить сегодня телеграмму, сообщить, что вы с нами, что приняли это поручение.

Пауэрскорт внимательно вглядывался в друга.

— Это будет очень трудно, Роузбери, почти невозможно. Никакого преступления не совершено, если не считать того, что некто склеил несколько писем и отправил их по почте. Свидетелей в делах о шантаже, как вы знаете, не бывает. Вопросы задавать некому. Любая относящаяся к этому делу переписка окажется закрытой. Платежи, производимые через банки или банкиров шантажистам с ножницами, клеем и экземплярами «Таймс» или без таковых, проследить довольно сложно. «Месье Финчс и компания», как вам, Роузбери, известно не хуже моего, не делятся своими секретами с первым же заглянувшим к ним лордом.

— Я знаю, Фрэнсис, знаю, — Роузбери принял тон, который приберегал для бесед с туповатыми и престарелыми членами Палаты лордов. — И все же вы должны заняться этим. Слишком много скандалов связано уже с принцем Уэльским и его семейством. Еще один способен нанести несказанный ущерб устойчивости конституционного строя и сплоченности Англии.

— Те из нас, кто служил Королеве в прошлом, не вправе отказываться послужить и теперь, — пе-

чально произнес Пауэрскорт. — Я принимаю это поручение. Но вы поможете мне, не так ли? Вы знаете этих людей куда лучше, чем я.

— Разумеется, помогу, Фрэнсис, — сказал Роузбери, вставая и крепко пожимая Пауэрскорту руку. — Пока продлится расследование, я буду помогать вам чем только смогу. Однако пойдемте, мне нужно отправить телеграмму.

Пока двое мужчин возвращались в Далмени, сопровождаемые хрустом осенней листвы под их сапогами, стемнело.

— Во вторник, в девять утра, вас и меня ожидают в лондонской резиденции принца Уэльского, в Мальборо-Хаусе. Ждать осталось пять дней.

Лорд Джонни Фицджеральд, друг и соратник Пауэрскорта по детективной работе, сидел, взгромоздясь на Губителя, почти в сотне футов над землей. Слева от него располагались Война, Мор и Смерть — три другие всадника Апокалипсиса. Справа — еще более темные в пыльных лучах проникавшего в колокольню света Матфей, Марк, Лука и Иоанн молча свидетельствовали о том, что колокольных дел мастеру, отлившему этих чудищ лет двести назад, приходили в голову и мысли более мирные.

На шее лорда Джонни висел полевой бинокль — лучший из тех, какие закупает прусская армия. Здесь, в церковной башне Роуксли в имении его друга Пауэрскорта, лорд Джонни мог предаваться своей страсти — наблюдению за птицами. Из башни открывался превосходный вид на стоящий внизу дом Пауэрскорта, Роуксли-Холл. На юге располагался за холмом симпатичный ярмарочный городок Аундл с красивыми, восемнадцатого столетия, зданиями и менее выдающейся в архитектурном отношении школой. На востоке лежал Фодерингей с его квадратной церковной башней, навевающей воспоминания о заточении Марии, королевы Шотландской. На запад и на север простирался Рокингемский лес,

растянувшийся миль на десять, завершаясь у Кингз-Клиффа.

Над лесом кружили огромные хищные птицы, с невероятной медлительностью поднимавшиеся широкими взмахами крыльев на восходящих воздушных потоках, прежде чем стремглав пасть на свою невидимую отсюда добычу. Фицджеральд мог часами сидеть в этом укрытии между четырьмя евангелистами и четырьмя всадниками Апокалипсиса, наблюдая за охотой птиц, за убийствами, которые они совершали.

Лорд Фрэнсис Пауэрскорт шел к своему дому от железнодорожной станции Аундла. Мальчики из школы играли в регби, дисканты болельщиков отдавались в городке визгливым эхо. Пауэрскорт думал о латинских переводах — пассажах Плиния, речах Ливия, риторических фигурах Цицерона, взирающих на тебя с листа, никогда тобой прежде не виденного. При первом чтении можно распознать одно-два слова. Остальное — тайна, которую надлежит распутать. Тайны зачаровывали Пауэрскорта в течение всей его жизни: в детстве это были головоломки, над которыми он бился, сидя у кресла матери, — в очаге пылал сильный огонь, и потоки ирландской речи лились, в буквальном смысле, над его головой; в пору армейской службы в Индии их сменили коды и шифры, и он забивался в какую-нибудь душную палатку, чтобы расшифровать послания врагов Ее Величества.

Теперь латинским переводом представлялось ему каждое новое расследование. Начинаешь с нескольких слов, с нескольких крох знания, которое следует расширить и перевести на свой язык по мере того, как развивается дело. Он вспомнил удовлетворение, которое испытывал в школе, когда значение латинского текста становилось понятным, проступало, точно симпатические чернила, под действием растворителя — его ума.

До Пауэрскорта, упругим шагом спускавшегося с холма, донесся сверху какой-то шум. Должно быть, Фицджеральд засел на башне, наблюдая за птицами.

— Джонни! — крикнул Пауэрскорт. — Джонни! Джонни!

Пауэрскорт с Фицджеральдом знали друг друга еще со времен их ирландского детства. А в дальнейшем между ними установилась особая близость, знакомая тем, кто сражался плечом к плечу. Фицджеральд был порывист, опрометчив, и потому более холодная голова и меткая стрельба друга не раз спасали его. Они вместе работали над детективными заданиями Пауэрскорта. И, как временами напоминал самому себе Пауэрскорт, лорд Джонни дважды спасал его от безумия.

Больше двадцати лет назад на Пауэрскорта и трех его младших сестер обрушилась внезапная смерть родителей и трех дедушек и бабушек, случившаяся во время великой эпидемии инфлюэнцы, которая выкосила в Дублине и его окрестностях десятую часть англо-ирландской аристократии. Дети остались одни в огромном, смахивавшем на мавзолей доме, пропитанном воспоминаниями, от которых некуда было деться. Две сестры Пауэрскорта худели, бледнели и выглядели так, словно вот-вот зачахнут. Сам же он чувствовал, что того и гляди свихнется от свалившейся на него, ставшего главой семьи, ответственности.

Незванно-негаданно приехали, чтобы пожить с ними, лорд Джонни Фицджеральд со своей матерью. О чем именно добрая леди Фицджеральд разговаривала с его сестрами, Пауэрскорт так никогда и не узнал, однако девочкам стало лучше. А Джонни Фицджеральд увел Пауэрскорта в пятидневный поход по горам Уиклоу — они останавливались в сельских харчевнях, рано вставали и к ночи совсем выбивались из сил. Когда поход завершился, лорд Джонни не без строгости побеседовал с другом:

— Послушай, Фрэнсис, прости, но я хочу дать тебе совет.

Они стояли на верху огромной мраморной лестницы Пауэрскорт-Хауса, с которой открывался вид на фонтан посреди озера и синеватые горы Уиклоу вдали, за парком.

— Если вы останетесь в этом доме, кончится тем, что всех вас свезут на ручной тележке прямиком в ад. Вам надо выбираться отсюда. Вам всем. Надо начать все сначала, пока вы достаточно молоды для этого и прежде, чем твои прелестные деночки обратятся в скорбящих старых дев. Я знаю человека, который даст тебе за дом и ту часть поместья, какую ты пожелаешь продать, огромные деньги, — лорд Джонни с силой кивнул, не без удовольствия вспомнив огромную цену, которую он выторговал перед приездом сюда у дублинского угольного магната. — Вы должны переехать в Лондон. Там ты и глазом моргнуть не успеешь, как выдашь сестер замуж.

С неохотой, но затем со все возрастающей энергией и живостью Пауэрскорт приступил к исполнению дружеского совета. Они перебрались в Лондон; сестрам, которым, возможно, запали в душу советы леди Фицджеральд, не терпелось обзавестись новыми друзьями и оказаться в новом для них обществе. Ныне его прелестные сестры и впрямь все были замужем, производя на свет племянников и племянниц Пауэрскорта с быстротой, которая его порою пугала, поскольку интервалы между деторождениями все сокращались, а запоминать имена новых детей их дяде становилось все труднее. Если сестры будут и впредь продолжать в том же духе, он сможет вскоре составить крикетную команду из одних только Пауэрскортов.

— Джонни, как я рад тебя видеть, — сказал Пауэрскорт. — Похоже, у нас появилось новое дело. И по-настоящему головоломное. Пойдем-ка выпьем чаю, и я тебе все расскажу.

Один раз Фицджеральд спас Пауэрскорта, когда тому было едва за двадцать. Другой, когда ему было уже под сорок.

В тридцать шесть лет лорд Фрэнсис Пауэрскорт обвенчался в соборе Святого Георгия, что на Ганновер-сквер, с Каролиной Стоун, старшей дочерью богатого дорсетского землевладельца Альберта Стоуна. Год спустя родился их первенец, Томас. А еще через два года мать с сыном утонули, когда «Аме-

ли», пассажирское судно, следовавшее из Дублина в Ливерпуль, пошло ко дну со всеми, кто был на борту. Погибло сто шестьдесят семь человек. Пауэрскорту стало казаться, что смерть посещает его раз в десять лет. Родители, жена, ребенок — он лишился всех. На сей раз Фицджеральд на три месяца увез друга в Италию, надеясь, что любовь Пауэрскорта к классическим древностям и шедеврам Возрождения излечит его от страшного горя.

И снова лорд Джонни посоветовал Пауэрскорту — после того как они вернулись в Англию — спастись бегством.

— Нужно выбираться отсюда, Фрэнсис, выбираться туда, где ты никогда с Каролиной не был, подальше от Лондона. В Лондоне тебе больше жить незачем. Если ты останешься здесь, то иссохнешь, как королева Виктория в ее сорокалетнем трауре.

И Пауэрскорт вновь переехал, и теперь наливал своему другу чай в гостиной Роуксли-Холла, глядевшей окнами поверх лужаек на церковный двор и облюбованную лордом Джонни колокольню.

— Я беседовал наедине с лордом Роузбери в его черной башне* у моря, в Барнбоугле. Кто-то пытается шантажировать принца Уэльского. А принцесса боится за жизнь их старшего сына. Говорят, да поможет нам всем Бог, он любит мужчин так же, как женщин. Через два дня мне велено явиться на Пэлл-Мэлл — на великий совет с личным секретарем лордом Сутером. Вот тебе в двух словах и вся история.

Снаружи на лужайке две совсем мелкие пичужки исполняли медленный танец.

— Черт подери! Ничего себе в двух. И ничего себе словах, — лорд Джонни Фицджеральд вгляделся в друга. — Разобраться во всем этом будет дьявольски трудно. Не уверен, что и возможно. Никто же нам ничего рассказывать не станет.

---

* Эдгар: Наехал на черную башню Роланд, // А великан как ахнет: // «Британской кровью пахнет» (У. Шекспир. «Король Лир», акт 3, сцена 4).

— На этой стадии мы сдаться не можем, Джонни. Мы еще даже не начали. Думаю, мне придется навести кое-какие справки о финансовых делах принца Уэльского.

Фицджеральд взял с тарелки пару оладий и водрузил на них горку масла.

— А я мог бы навести справки о том, что поделывают богатые и осмотрительные гомосексуалисты Лондона. Если сказанное о нем справедливо, принца Эдди должны знать в этом кругу.

— Тебе не кажется, Джонни, что нам стоит подсадить туда своего человека? Шантажисты, как правило, выведывают подноготную у людей, близких к их жертвам. С наибольшим вероятием, у слуг Мальборо-Хауса или Сандринхема*. Может, нам позволят устроить туда одного из наших людей — старшим лакеем, младшим буфетчиком, что-нибудь вроде этого.

— Попробовать стоит, Фрэнсис. Сдается мне, я знаком с человеком, который учился с личным секретарем сэром Уильямом Сутером в одной школе. Тогда тот был паршивым маленьким прохвостом. Не думаю, чтобы он сильно переменился.

Друзья проговорили два часа, пока в камине не погас огонь и тьма не окутала за окнами имение Пауэрскорта. Когда они отправились обедать в лучший из отелей Аундла, лорд Джонни ободрился настолько, что заказал к рыбе бутылку «Шассань-Монтраше».

— У нас праздник, — объяснил он лакею. — Я нынче видел трех пустельг и ястреба.

---

* Загородная резиденция английских королей в графстве Норфолк.

2.

Шторы были плотно задернуты. Дверь заперта на ключ, засов задвинут. Две лампы выбивались из сил, стараясь осветить длинный стол. На одном его конце громоздилась кипа газет и журналов. Буквы алфавита, неровно вырезанные из их страниц, тянулись вдоль стола четырьмя неровными рядами. Две руки, неуклюже орудуя клеем, составляли новое послание. Клей то и дело капал на стол и на пол. Руки и в школе-то были неловки по части всяких ремесел, обладатель их вечно ходил в последних учениках. В этот воскресный вечер они почти уже закончили очередное послание — заглавные буквы в середине слов, точки не там, где им положено быть, буквы скособочены под разными углами. Творец послания начал посмеиваться, сначала тихо, потом, когда с посланием было покончено, почти истерически. Завтра оно отправится в Лондон. А там письмо попадет в неприметный почтовый ящик Уэст-Энда. Руки в последний раз разгладили буквы, раздернули шторы; смех утих.

— Лондон всегда представлялся мне куда более интересным в эти утренние часы, — говорил Роузбери Пауэрскорту, пока они шли от дома Роузбери на Баркли-сквер к Мальборо-Хаусу, где им предстояло встретиться с личным секретарем Сутером. Сеялся, опрыскивая шляпы богачей и кепки бедняков, редкий дождик. В четверть девятого на улицах было уже не протолкнуться — не от экипажей богатых людей, но от тех, кто делал жизнь

богачей беззаботной, доставляя им ветчину, гусей, трюфели, устриц, ящики шампанского. Груженные углем телеги терлись боками о более высокие экипажи мойщиков окон; мальчишки местных пекарей раздавали на тротуаре поварятам огромные караваи. Там и сям виднелся какой-нибудь дворецкий или старший лакей, озабоченно вертевшийся вокруг мебельного фургона, наставляя грузчиков, чтобы те поосторожнее вносили столик времен королевы Анны в прихожую да не зацепили бы перил, когда потащат его по парадной лестнице наверх.

Аристократами раннего утра были управляемые ливрейными кучерами экипажи больших лондонских магазинов — бледно-зеленые из «Фортнум энд Мейсон», темно-зеленые из «Харродз», темно-синие из «Берри Бразерз энд Радд». В самом конце Баркли-стрит, там, где она вливается в фешенебельную артерию Пикадилли, трое угольщиков яростно спорили с молодым турком из «Джастерини энд Брукс» о том, кто кому должен уступить дорогу.

— Не думаю, что предстоящая нам встреча окажется легкой, — говорил лорд Роузбери, не без изящества проскальзывая мимо заехавшего на тротуар фургона бакалейщика. — Всякий, кто имеет дело с королевской семьей, должен для начала проплыть между Сциллой и Харибдой, коих изображают два личных секретаря. Сэр Джордж Тревельян, постельничий Виктории, и сэр Уильям Сутер, блюститель принца Уэльского, подняли проволочки до уровня искусства и довели умение напускать туман до глубин, которые и не снились Никколо Макиавелли. Они редко говорят «да». Они редко говорят «нет». Однако они обращают любые переговоры в опасное странствие между двумя этими крайностями, в коем неосторожного путника ожидает обилие шквалов, а надежда добраться до конца пути довольно мала. Одно дело решить послать за вами, мой дорогой Пауэрскорт. И совсем другое — предпринять что-либо из того, что вы предложите. Полагаю, у вас

имеются крохи идей, коими вы сможете украсить нынче утром наш скромный стол?

— Имеются, — улыбнулся Пауэрскорт, приостанавливаясь, чтобы взглянуть на арсенал, выставленный в витрине одного из самых роскошных и самых дорогих оружейных магазинов Сент-Джеймс-стрит.

— Я провел немало времени за чтением в Лондонской библиотеке. И еще больше, беседуя с двумя моими сестрами, вращающимися в кругах, которые соприкасаются с публикой из Мальборо-Хауса.

Младший лакей провел их в расположенный на третьем этаже кабинет личного секретаря. То была большая, хороших пропорций комната с высокими потолками и высокими окнами, выходившими на простор Сент-Джеймсского парка.

— Могу я представить вам казначея и управителя Двора Его Королевского Высочества генерала сэра Бартла Шепстоуна? — сэр Уильям обладал безупречными манерами хорошо вышколенного придворного.

Четверо мужчин уселись за круглый столик у окна. Справа от них располагался огромный письменный стол, усыпанный документами и письмами — сырьем, подумал Пауэрскорт, того мира, в котором живет Сутер. С портрета, занимающего командный пункт над камином и написанного в полный рост, на них взирала стоящая на берегу озера в Сандринхеме принцесса Уэльская.

Позвольте мне прежде всего сказать, как благодарны мы вам за то, что вы пришли сюда этим утром, — начал Сутер, наградив каждого по очереди ледяной улыбкой.

Сэр Уильям был человеком рослым, сутуловатым, с высоким лбом и ухоженными усами. Его лицо, в которое Пауэрскорту не раз предстояло заглядывать в последующие месяцы, было самым необычным из всех, какие Пауэрскорт когда-либо видел. Годы возни со скандалами, окружавшими принца Уэльского, — скандалами, о которых Сутер знал, и скандалами, о которых мог только до-

гадываться, научили его стирать с лица какое бы то ни было выражение. Серые глаза Сутера неизменно оставались непроницаемыми. Ни улыбка, ни гримаса не искривляли его губ. Лицо сэра Уильяма не выдавало решительно никаких чувств. Сутер был сфинксом.

— Я полагаю, лорд Роузбери, вы ознакомили лорда Пауэрскорта со сведениями, кои я сообщил вам при нашей последней встрече, сведениями касательно вымогательских притязаний, предъявленных принцу Уэльскому, и способа их доставки?

Роузбери серьезно покивал. Вымогательские притязания, подумал Пауэрскорт, совсем неплохо — в качестве иносказательного описания шантажа.

— Мы, люди, обитающие на этом конце Пэлл-Мэлл, естественно, размышляли над тем, что может крыться за столь неразумным поведением. Мы пытались идентифицировать обстоятельства, которые позволили бы вымогателю полагать, будто принц Короны может предложить ему некие финансовые компенсации, дабы не позволить разразиться злополучному во всех смыслах скандалу.

— Их следует поставить под надзор закона, все эти чертовы газеты и журналы, — сэр Бартл Шепстоун, похоже, багровел даже при мысли о них. — Поставить под надзор закона Англии.

Шепстоун, отметил Пауэрскорт, все еще носит военный мундир, точно на параде. Вид у него был совершенно как у какого-нибудь начальника строевого отдела. Размышляя о его маниакальной аккуратности, Пауэрскорт решил, что человек этот вполне мог бы организовывать доставку припасов или артиллерии через самые опасные переправы Нила.

Платформа железнодорожной станции, расположенной в сорока милях к северу от Пэлл-Мэлл, обратилась в невидимку — паровоз отходящего поезда выпустил клубы дыма, и те поплыли, окутывая оставленный позади хаос. Платформа ис-

чезла под множеством сундуков, чемоданов, саквояжей, охотничьего снаряжения, шляпных картонок, обувных коробок, тростей прямых и гнутых. Выгрузившиеся из поезда дорожные слуги — два камердинера, два лакея, один грум, два грузчика и младший дворецкий — переругивались, попусту пытаясь навести в море багажа какой ни на есть порядок.

Станция, расположенная невдалеке от Бишопс-Стортфорда, называлась Данмоу-Халт. Гостем, который прибыл на нее с большим эскортом слуг, был принц Уэльский. Хозяйкой — Дейзи Брук, владелица поместья Истон-Лодж в графстве Эссекс и прилежащих земель, раскинувшихся по пяти другим графствам. Помимо этого, Дейзи была также нынешней любовницей принца. В восемнадцать лет принц Уэльский стоял со своим полком в Ирландии. Кто-то из друзей-офицеров доставил в его постель дублинскую актрису по имени Нелли Клифден. Преображение, которое принц претерпел той ночью в лагере на равнине Каррэх, было столь же внезапным и всецелым, сколь то, что выпало на долю направлявшегося в Дамаск Павла. В ту долгую ночь принц Уэльский понял, в чем состоит его жизненное предназначение: заполучить столько женщин, сколько удастся. Прекрасных женщин, женщин послушных, женщин противящихся, женщин Ирландии, женщин Англии, женщин Франции, женщин Германии.

Дейзи была последней из них.

Оставив багажный хаос медленно обретать на платформе подобие упорядоченности, Дейзи и ее принц весело ускакали верхом и вскоре уже въезжали через нарядные краснокирпичные ворота Истон-Лоджа в само имение. Солнце позднего октября благословляло равнинные акры владений Дейзи, и птицы Дейзи распевали осенние песни.

— Мы пришли к заключению, что имела место целая череда событий, кои могли возбудить ощу-

щение, будто в обмен на молчание о них удастся получить деньги. — Сутер легонько кашлянул, как если б его смущало то, что ему предстояло сообщить. Впрочем, никаких колебаний он не испытывал. — Я взял на себя смелость просуммировать эти события в форме памятной записки. Мне представлялось, что таким способом осветить их будет легче. Прошу вас поочередно прочесть ее, а затем возвратить документ мне. Сколь ни высокопоставленными бывают наши гости, — снова ледяная улыбка, — мы полагаем неуместным, чтобы эту комнату покидала хотя бы малая часть какого бы то ни было документа.

Вот оно, подумал Пауэрскорт. Промельк холодной стали в ножнах.

— Я полагаю, однако, что, прежде чем вы прочтете мою записку, мне следует ознакомить вас с некоторыми из самих шантажных документов.

Сутер приобрел такой вид, будто он только что случайно вступил в до крайности омерзительную сточную канаву. Он достал из жилетного кармана маленький ключ, отпер один из ящиков письменного стола, извлек оттуда простой конверт и раздал его содержимое своим гостям.

Пауэрскорт быстро просмотрел письма. Потом просмотрел еще раз. Шантажист, отметил он, так и не освоил искусства вырезывания и наклеивания букв на бумагу. Вырезаны они были вкривь и вкось, по краям букв неизменно присутствовали излишки клея, как будто шантажист боялся, что его послание недостаточно крепко прилипнет к бумаге. Пунктуация точностью не отличалась, а прописные и строчные буквы, используемые вперемешку и взятые, как правило, из разных изданий, неопрятно расползались по листу.

Сами послания были краткими. «Вы побывали с леди Брук у леди Манчестер. Просто позор. Если не заплатите, о ваших подвигах узнает вся Британия». «Вы были с леди Брук на домашнем приеме в Норфолке. Рабочие люди нашей страны не потерпят такого поведения. Вам придется заплатить». Пауэрскорту показалось, что он разли-

чает шрифты «Таймс» и «Морнинг пост», однако имелись и два других, ему не знакомых.

— Навел ли вас осмотр писем на какие-либо мысли? — голос Сутера вернул Пауэрскорта на совещание.

— Похоже, малый считает, что говорит от имени Англии. Не удивлюсь, если это один из чертовых радикалов! — сэр Бартл Шепстоун явно держался о радикалах невысокого мнения.

— Боюсь, — сказал Пауэрскорт, возвращая Сутеру коллекцию злобных посланий, — вывести из них что-либо практически невозможно. Неровные, неопрятно наклеенные буквы — все это могли задумать для того, чтобы сбить нас с толку. Боюсь также, — он смерил сэра Бартла непроницаемым взглядом, — что автором их может с одинаковым успехом быть герцог, живущий на Пикадилли, и рабочий из Пекема.

Пауэрскорт не стал сообщать, что кандидатура герцога представляется ему более правдоподобной.

Шепстоун издал звук, который мог быть ворчанием, а мог и кашлем. Сутер поспешил двинуться дальше:

— Памятная записка, джентльмены. Наша памятная записка.

Он вручил документ Роузбери. Пока тот читал его, Пауэрскорт вдруг обратил внимание на тиканье стоящих в углу часов. «Баклер и сыновья, — гласила надпись на циферблате. — Часовых дел мастера, поставщики Ее Величества Королевы». Шепстоун разглядывал свои туфли с таким выражением, словно и они тоже присутствовали на параде. Сутер смотрел в окно на Сент-Джеймсский парк. Вдали отбивали полчаса куранты Биг Бена.

— Весьма интересно. Весьма. Благодарю вас, — самым напыщенным своим тоном произнес Роузбери, передавая документ другу.

Пауэрскорт, прежде чем приступить к чтению, немного помедлил, лоб его пошел морщинами, он напряженно думал о чем-то.

Фрэнсис Мейнард, она же леди Брук, было двадцать девять лет. Она уверяла, будто родословная ее восходит к Карлу II. Наследницей Фрэнсис стала в возрасте трех лет и имела больше 30 000 фунтов годового дохода. Брак с лордом Бруком, сыном и наследником лорда Уорика, позволил ей занять превосходное положение в обществе. Он также позволил ей заниматься собственными романами, пока уступчивый муж предавался радостям лисьей охоты, совершая крайне редкие вылазки в Палату общин. Леди Брук безусловно была красива. По выражению глаз ее можно было сразу сказать, что она из тех женщин, которые никому не позволят отнять у нее добычу, будь то мужчина или лиса.

— Вы знаете, мою станцию открыли совсем недавно, — начала разговор Дейзи, — теперь мы сможем пускать из Лондона прямые поезда особого назначения к самым моим дверям.

— Я знаю, — ответил принц. — Она лучше моей, сандринхемской. Наверное, мне следует сделать ее более современной.

— Ну так вот, — произнесла леди Брук. — Весной я собираюсь устроить здесь прием. Продолжительностью в неделю. Сооружу в саду шахматную доску с живыми актерами из лондонских театров, переодетыми в пешки, ладьи, а также в королей и ферзей. И чтобы каждую ночь играл оркестр. А еду нам будут доставлять из Парижа. Мне нужно, чтобы вы помогли мне с приглашениями.

Познаниями по части общества-а именно общества леди Брук — принц Уэльский обладал энциклопедическими, ибо за все сорок семь лет жизни никакой полезной работой ему заняться так и не пришлось. Волосы принца быстро редели. Жизнь, состоявшая из череды обедов по семнадцать перемен блюд в каждом, нанесла тяжкий урон талии принца. Никто из людей его круга не посмел бы назвать принца тучным — да и из подданных его на это решились бы очень немногие, —

однако пояса парадных мундиров принца требовали от команды камердинеров постоянного внимания.

Мать принца, королева Виктория, ревностная блюстительница власти и привилегий королевского дома, не желала делиться оными даже с собственным сыном. Политики же, сколько бы ни хотелось им подольститься к наследнику трона, все с большей неохотой посвящали его в какие бы то ни было тайны или дела деликатного свойства, поскольку в результате секретные документы Министерства иностранных дел оставались валяться в театральных ложах или же содержание их начинало циркулировать по столичным каналам распространения слухов.

Принц Уэльский обратил праздность в профессию, а погоню за наслаждениями в занятие, занимавшее все его время. Входными билетами в эту жизнь были аристократическое происхождение и огромное богатство. То была утомительная жизнь, полная увеселений и забав, жизнь, в которой за одно утро убивались тысячи птиц, а совокупления с чужими мужьями и женами на приемах в загородных домах стали общепринятым распорядком дня и ночи.

Памятная записка.

От кого: сэр Уильям Сутер.

Кому: лорд Роузбери, лорд Пауэрскорт.

Предмет: сложные взаимоотношения, возникшие между лордом Бересфордом, его супругой леди Чарльз Бересфорд, леди Брук и ЕКВ принцем Уэльским. Описанные события занимают несколько лет. В записке приводятся наиболее приметные факты. Получение точных сведений о датах оказалось в некоторых случаях затруднительным.

1. *Лорд Чарльз Бересфорд завязывает близкую дружбу с Фрэнсис Мейнард, леди Брук. Эта дружба продолжается год или более того и становится предметом неблагоприятных комментариев в определенных кругах общества.*

2. Сознавая это либо помня о своем положении члена Парламента и младшего члена Правительства, лорд Бересфорд отказывается от этой дружбы и возобновляет брачный союз с леди Чарльз.

3. Тем временем леди Брук приводит в негодование то обстоятельство, что лорд Бересфорд, по-видимому, расторг их дружбу и вернулся в прежнее свое положение. Гнев ее питает также известие о том, что леди Чарльз вынашивает ребенка.

4. Леди Брук пишет весьма несдержанное письмо лорду Бересфорду, призывая такового немедленно вернуться к ней. Письмо это, наполненное компрометирующими и нескромными утверждениями, отправлять ни в коем случае не следовало. Леди Брук зашла в нем настолько далеко, что заявила, будто лорд Бересфорд не имел права заводить ребенка с собственной женой.

5. Вследствие несчастной случайности письмо вскрывает и прочитывает не лорд Чарльз, коему оно предназначалось, но леди Чарльз. Содержание письма приводит ее в ужас, и она решает воспользоваться им, чтобы подорвать положение леди Брук в обществе.

6. Леди Брук отдается на милость принца Уэльского. Она просит его помочь вернуть ей письмо, прежде чем она окажется серьезно скомпрометированной. Леди Брук завязывает с ЕКВ принцем Уэльским близкую дружбу, подобную той, которая прежде связывала ее с лордом Бересфордом.

7. Леди Чарльз передает письмо на хранение лучшему из лондонских стряпчих по делам о диффамации, Джорджу Льюису. Тот направляет леди Брук послание, которое приводит ее в еще больший гнев.

8. Принц Уэльский наносит мистеру Льюису визит и требует, чтобы тот показал ему письмо. Мистер Льюис соглашается на это, отказываясь, впрочем, расстаться с письмом либо уничтожить оное без согласия своей клиентки. Согласия не поступает.

9. Лорд Бересфорд, устав, возможно, от женских интриг, возвращается к своей прежней службе — во флот. Он принимает командование над судном, стоящим в Средиземном море.

10. Дружба между леди Брук и принцем Уэльским так-

же становится предметом пересудов в наименее тактичных кругах общества. Выступая в роли защитника леди Брук, принц Уэльский перестает приглашать леди Бересфорд в Мальборо-Хаус и дает всем понять, что не станет посещать какие бы то ни было светские рауты, на коих может присутствовать и она.

11. *Леди Чарльз глубоко расстраивает светская изоляция, в которой она теперь оказалась. Она пишет к премьер-министру, угрожая разоблачить дружбу принца Уэльского с леди Брук перед широкой публикой.*
12. *Лорд Бересфорд на недолгий срок возвращается из Средиземноморья. Он посещает принца Уэльского в Мальборо-Хаусе. Он осмеливается назвать принца Уэльского подлецом и в какой-то момент даже угрожает наследнику трона физической расправой.*
13. *Принц Уэльский отказывается устранить помехи, препятствующие появлениям леди Бересфорд в обществе. Ее сестра, леди Пиджет, составляет лживый и клеветнический памфлет под названием «Река», содержащий хронику дружбы между принцем Уэльским и леди Брук. Памфлет получает, увы, широкое распространение в обществе.*
14. *В настоящее время лорд Бересфорд угрожает вновь вернуться с корабля и собрать в своем доме на Итон-сквер представителей печатных и телеграфных агентств, дабы проинформировать их обо всем, что ему известно касательно частной жизни принца Уэльского.*

— Дейзи, моя Дейзи, я не виделся с вами почти неделю.

— Однако теперь, мой принц, у нас впереди четыре или пять дней. Прочие гости появятся не раньше, чем послезавтра. До того времени нас будет здесь только двое.

Из всех сторон жизни королевской любовницы эту Дейзи любила пуще всего. Семьи фермеров и иной сельский люд оборачивались, прово-

жая взглядами владелицу Истон-Лоджа, ведшую по своим землям наследника трона. Вся суть их романа сводилась для Дейзи к завоеванию. Девочкой Дейзи не догадывалась, что хороша собой, и только начав выходить в свет, поняла, что она — одна из самых красивых женщин своего времени, женщина, перед которой преклоняются, которую обожествляет и желает армия поклонников. Ей хотелось быть самой прекрасной, хотелось иметь самых красивых любовников, хотелось получить, пока это возможно, все от своей красоты. Хотелось скорее последнего, отчаянного кавалерийского рывка к славе, чем скучного пешего марша сквозь все приземленное и повседневное. Завоевать принца Уэльского, выставить его напоказ, как нового соискателя ее благосклонности, — это было, сознавала она, наибольшей высотой, на какую ей вообще удалось бы подняться. И в самой глубине души она понимала, что долго этот роман не протянется.

Они прошли мимо приходской церкви Литтл-Истона, в которой покоились поколения предков Дейзи. Один из них состоял в личных секретарях лорда Берли, лорд-канцлера и первого министра королевы Елизаветы. Дейзи чувствовала себя продолжательницей семейной традиции служения королевской семье.

— Боюсь, я привез плохие новости, Дейзи, — Эдуард на ходу царственно помахивал сельским жителям, при этом улыбка оставалась словно приклеенной к его лицу.

— О нет, — сказала Дейзи, — а я-то надеялась, что, приехав в мой скромный дом, вы сможете на несколько дней позабыть о государственных делах.

Государственные дела, совершенные принцем со времени их последней встречи, состояли из одного посещения скачек, двух визитов в мюзик-холл и одного обеда — только для мужчин — в любимом его месте утех — в клубе «Мальборо».

— Я о Бересфорде. Лорде Чарльзе Бересфорде.

Дейзи, услышав имя прежнего любовника, поморщилась.

— Мне сказали, — продолжал принц Уэльский, — что он оставил свой корабль «Неустрашимый», стоящий где-то в Средиземноморье. Сказали, что он вот-вот вернется в Лондон, чтобы причинить нам неприятности.

Дорогу, шедшую мимо церкви, устилали поздние, сбитые ветром яблоки, бледно-зеленые и водянисто-красные в солнечном свете. Копыта лошадей и колеса повозок размололи их в отдающее сидром месиво.

— Какие неприятности может причинить он человеку вашего положения, принц?

— Вы прекрасно знаете, Дейзи, чем именно он мне угрожает. Публичным скандалом. Публичность, твердит он, публичность — вот все, что ему осталось. Говорит, что расскажет всему миру о моей личной жизни и о нашей с нами любви. Проклятая публичность! И проклятый Бересфорд!

Некая часть сознания Дейзи не возражала против того, что весь мир узнает о ее романе с принцем Уэльским. Чем больше о нем будут знать, тем пуще она прославится. Однако Дейзи понимала и то, что Обществу это может не понравиться. Делай, что хочешь, но не попадайся.

И, поглядывая на принца, Дейзи чувствовала, что того охватывает все большее раздражение. О Господи, думала она, на сей раз мне придется туго. У нас будут сцены перед обедом и хандра после чая. Тяжелый получится уик-энд — с принцем, уныло сидящим в доме, волнующимся за свое будущее. А то и хуже, чем тяжелый, — скучный.

Пауэрскорт вернул памятную записку личному секретарю. Он уже запомнил ее слово в слово.

— Имеются ли у вас какие-либо предварительные соображения, лорд Пауэрскорт? — Пауэрскорт говорил позже, что Сутер обращался к нему, как нервный пациент к дантисту, — пациент, боящийся боли и кровопролитного зубодерства.

— Дело, безусловно, сложное и деликатное, — ответил Пауэрскорт, ощущая, что против воли

своей перенимает и вокабулярий личного секретаря, и его манеру выражаться околичностями. — Наверняка имеется немало людей, полагающих, будто они обладают сведениями, которые позволили бы им... — он помолчал, прежде чем произнести в этом кабинете страшное слово, — ...шантажировать Его королевское высочество.

Оброненное им «шантажировать» упало, точно камень. Шепстоун вновь уставился на свои туфли — так, словно те вдруг стали нечищенными. Сутер теребил усы. Роузбери оставался бесстрастным.

— Однако разве в данном случае сведения эти не имелись в распоряжении неизвестного нам лица уже на протяжении немалого времени? Я говорю вот о чем — почему шантажист ждал до нынешней поры и лишь сейчас предъявил свои требования? И затем, были ли эти требования выполнены? Расплатился ли, если можно так выразиться, принц?

Шепстоун выглядел теперь так, словно он того и гляди взорвется от подобной дерзости. Однако Сутер был сделан из материала более прочного.

— До настоящего времени такого рода трансакции не совершались. Никаких предложений касательно возможной передачи денег не поступало.

— А если бы они поступили, принц передал бы деньги?

— Я не в том положении, чтобы ответить вам немедленно, — похоже, возможность уклониться от прямого ответа доставила Сутеру изрядное удовольствие.

— Уверены ли вы, — продолжал Пауэрскорт, стараясь получить хоть какой-то ответ, — что, кроме этого, других поводов для шантажа не существует? Простите мне столь неприятную мысль. Таков уж мой род деятельности.

Сутер пожал плечами:

— Кто может это знать? Кто может знать?

— Ни одному прирожденному англичанину подобное поведение и в голову не пришло бы. Никогда не пришло бы, — сэр Бартл снова начал багроветь.

— И уверены ли вы, — продолжал гнуть свое Пауэрскорт, — что в нынешнем положении принца Эдди нет ничего, способного также дать повод для шантажа?

— Черт побери, Сутер, черт побери, — взбешенный генерал бухал при каждом своем слове кулаком по столу. — Неужели мы обязаны выслушивать эти гнусные инсинуации?

— Боюсь, что должны. Да нет, уверен, что должны, — голос звучал очень холодно. Пауэрскорт и забыл о присутствии Роузбери. — Если вы хотите должным образом разобраться в этом деле, — продолжал Роузбери со всей политической властностью, на какую был способен, — вам следует рассмотреть определенные неприятные факты. И это один из них.

В комнате ненадолго наступило молчание. Шенстоун с большим трудом сдерживал гнев. Сутер смотрел поверх камина на принцессу Уэльскую.

— Лорд Пауэрскорт, как, по-вашему, мы должны поступить?

— На данном этапе у меня имеется лишь несколько предложений. Разумеется, мне хотелось бы еще раз просмотреть всю корреспонденцию вымогателя, — с волками жить, напомнил себе Пауэрскорт, по волчьи выть. — Хотелось бы побеседовать с теми, кто присутствовал при поступлении писем. Хотелось бы, чтобы вы нашли повод избавиться от какого-либо почтенного члена вашего хозяйства — старшего лакея, быть может, или кого-то, занимающего схожий пост. Тогда я заменил бы его не менее компетентным слугой из дома моей сестры, который прежде работал со мной в армейской разведке. Это дало бы нам еще один источник информации.

Я хочу также поговорить, с вашего разрешения, с комиссаром столичной полиции. Естественно, никаких подробностей я ему сообщать не стану. Однако у шантажистов нередко имеется послужной список, список прежних жертв. Я знаю комиссара по прежним расследованиям и полностью уверен в его способностях и скромности. Если среди бога-

тых людей Лондона вообще имелся когда-либо шантажист, комиссар об этом знает.

При упоминании о столичной полиции по лицу Сутера прокатилась дрожь острой неприязни.

— Стоит побеседовать и с суперинтендантом Почтовой службы вашего района, дабы понять, что мы могли бы выяснить, наблюдая за почтовыми ящиками. И наконец, я понимаю, что выхожу за рамки моей компетенции, однако я посоветовал бы принцу Уэльскому на время ограничить число его появлений в обществе. Вид жертвы порой подстегивает шантажиста; равным образом, и ее отсутствие может его расхолодить.

Сэр Уильям Сутер делал пометки на лежащем перед ним белом листе.

— Сожалею, — промурлыкал он, — что не могу на данной стадии дать вам прямые ответы на ваши запросы. — Пауэрскорт знал, что он и на миг никаких сожалений не ощутил. — Мне необходимо посоветоваться с коллегами. — Пауэрскорт гадал о том, сколько раз произносились здесь эти слова. Он вспомнил сказанное Роузбери о Сцилле и Харибде. — Предложения ваши интересны и изобретательны. — Сутер уже запустил механизм рутинных проволочек на полный ход. — однако ни «да», ни «нет» я на данном совещании сказать не могу. Могу я предложить, чтобы вы дали мне на размышление дня два или около того? Как только у меня появится ответ, я, разумеется, должным образом извещу вас о нем. И большое вам спасибо за потраченные время и усилия.

Сутер проводил гостей до парадных дверей. Сэр Бартл Шепстоун остался сидеть в кабинете, предположительно для того, решил Пауэрскорт, чтобы дать в одиночестве выход праведным чувствам верноподданного Ее Величества Королевы.

3.

— Розалинда, я даже описать тебе не могу, до чего я сердит.

Лорд Фрэнсис Пауэрскорт и вправду сердился. Негодование свое он высказывал в рабочем кабинете старшей из его сестер, леди Розалинды Пембридж — в ее доме на Сент-Джеймсской площади. Леди Розалинда Пембридж увела сюда брата из гостиной, дабы вспышки его дурного нрава не испортили вечер прочим гостям.

— Фрэнсис, ты ведешь себя неразумно. И сам это знаешь.

— Не знаю я ничего. Не знаю.

Сестре его казалось, что Фрэнсис выглядит сейчас точь-в-точь как в детстве. Сердитый взгляд, отброшенные со лба черные вьющиеся волосы, глаза, горящие негодованием по случаю пренебрежительного к нему отношения, подлинного или мнимого.

— Я специально попросил тебя пригласить на обед членов семьи. Только членов семьи. Я хочу попросить их кое-что сделать, это связано с моим нынешним расследованием. И что я узнаю? Я узнаю, что ты пригласила кого-то еще, не спросясь меня, вопреки моему ясно выраженному желанию. Я же не могу говорить о расследовании при посторонних. Нет, право, нельзя же быть такой глупой!

К расследованиям брата леди Розалинда относилась как к скучному хобби, которыми тешат себя мужчины, — чему-то вроде охоты, рыбалки или стрельбы в цель. Она и представить себе не могла, что у брата возникнут возражения против

приглашения ею кого-то еще на обед. Тем более что и людей за столом в итоге окажется ровно столько, сколько следует, о чем она еще прошлой ночью говорила мужу.

— Ты что, не понимаешь простого человеческого языка? — настроение Пауэрскорта, миновав стадию шторма, приближалось к стадии тайфуна. — Только члены семьи. ТОЛЬКО. Хотя бы это ты способна понять или нет?

— Леди Гамильтон очень достойная молодая дама, Фрэнсис. Она тебе понравится.

— Ты, Розалинда, докатилась до того, что выкопала из могилы любовницу Нельсона?

— Да не та леди Гамильтон, Фрэнсис. Не говори глупостей.

Усилия, которые сестры прилагали к тому, чтобы женить его, порой сердили Пауэрскорта, порой забавляли. За обеденными столами сестер перед ним прошел уже целый парад вполне приемлемых, пышущих здоровьем одиноких женщин. Вторая его сестра, Мэри, специализировалась по дамам лет за сорок, обладательницам светских амбиций, так и оставшихся неосуществленными. А у самой младшей, леди Элинор, жены военного капитана из юго-западного графства, имелась целая армада военно-морских вдов, все еще производивших боевые учения и все еще толкующих о кораблях, паровых котлах и призовых деньгах. Леди Розалинда склонялась к вариантам более эксцентричным: в прошлом году она предъявила брату художницу, затем главу кафедры истории известного женского колледжа — «Но, Фрэнсис, ты ведь так любишь историю», — а следом американку, которая могла унаследовать огромное состояние, но, правда, могла и не унаследовать.

Пауэрскорт приглядывался к ним, выслушивал их разговоры и решительным образом отвергал одну за другой. Но сейчас! Что бы он ни втолковывал сестрам, те просто не обращают на его слова никакого внимания.

— Право же, Фрэнсис, гости уже съезжаются. Не пора ли тебе остыть?

— Думаю, мне пора отправиться домой, — сумрачно ответил Пауэрскорт.

— Но ты не можешь так поступить. Вся семья ожидает встречи с тобой. И леди Люси тоже. Знаешь, она потеряла мужа — он был с Гордоном[1] в Хартуме и погиб там.

— Да будь она хоть царицей Савской или Клеопатрой, мне-то что. Та ведь тоже теряла мужей, не правда ли? Я хочу домой.

— Право же, Фрэнсис, ты разговариваешь совсем как твой племянник Патрик. А ему всего четыре года.

— Ну хорошо, хорошо. Только не жди от меня благопристойного поведения. Ты привела меня в самое отвратительное настроение.

Возможность поговорить с леди Люси, сидевшей по левую его руку, представилась Пауэрскорту только после рыбного блюда. Два бокала «Мерсо» значительно улучшили его настроение. Леди Люси Гамильтон, высокой, очень стройной, с маленькими ушами и прелестным маленьким носиком, был тридцать один год. Темно-синие глаза ее обладали способностью — когда она открывала их пошире — повергать человека в полную оторопь.

— Леди Люси, — Пауэрскорт взял первую подачу на себя и сразу пошел в атаку, — как вы познакомились с моей сестрой?

— Так ведь город просто переполнен вашими сестрами, лорд Фрэнсис, — весело ответила леди Люси. — С леди Розалиндой я познакомилась вчера у леди Берк. Боюсь, я узнала выражение, мелькнувшее на ее лице, и поняла, что скоро познакомлюсь и с вами.

— Выражение? Расскажите-ка мне о нем, — непринужденное обаяние и красота леди Люси уже заставили Пауэрскорта забыть о недавнем гневе.

— Выражение, слишком хорошо мне знакомое. Оно говорит: вот еще одна женщина, которую сто-

---

[1] Чарльз-Джордж Гордон (1822-1885) — английский генерал. В 1884 году правительство Великобритании послало его в Хартум для усмирения восставшего Судана.

ит познакомить с моим вдовым братом или с сестрой, вдруг у них все и сладится. В моей семье я вижу его то и дело. Скажите, лорд Пауэрскорт, ваши сестры всегда пытаются женить вас на ком-нибудь?

— Ну, вообще говоря, да, пытаются, — гостей уже обносили жареной уткой, политой темно-красным вишневым соусом. — Так вас, леди Люси, тоже донимают попытки родни выдать вас замуж?

— О да, и как еще. Только в моем случае стараются все больше братья. Мужчины так незатейливы в подобных делах, по-моему, братья почти уже махнули на меня рукой. Сестры, я полагаю, более изобретательны.

— Что верно, то верно, — сказал Пауэрскорт, — к тому же, у меня их три. Они, точно троица ведьм в «Макбете», бесконечно размешивают в котле свое ядовитое варево — глаз того да волос сего. Знаете, ночами они шныряют по улицам Сент-Джеймса, и зелье булькает в их руках, — Пауэрскорт соорудил из своих длинных пальцев кубок и поднес его к свечам.

— Мне как-то не верится, что они так уж ужасны, лорд Фрэнсис. Хотя у меня тоже имеется очень утомительная тетушка, — леди Люси наклонилась к собеседнику, дабы внушить ему представление о том, насколько тяготит ее поведение родичей. — Мужчин, которые представляются ей подходящими, она приглашает к себе не по одному, а по три-четыре за раз. Отпугнуть одного вполне достойного, но ненужного тебе мужчину — дело нехитрое, а вот с тремя или четырьмя приходится туго. Но оставим это, лорд Пауэрскорт. Давайте будем серьезными, хотя бы на миг. Одна из ваших сестер сказала мне, что несколько лет назад ваша жена и сын утонули в море.

— Да, так оно и было. А ваш муж, леди Люси?

— Он отправился с генералом Гордоном в Судан. И не вернулся. Не помню уж, намеревались они завоевать эту страну или вернуть ее туземцам. Да это теперь и не важно. По крайней мере, у меня остался на память о нем сынишка.

— Что же, давайте обменяемся нашими горестями за сладким, — сказал Пауэрскорт — утку уже убирали со стола. — Сколько лет вашему мальчику?

— Роберту уже семь.

Леди Люси сообразила вдруг, что нарушила одно из золотых правил подобных разговоров. «Не говори им, что у тебя есть ребенок», — неизменно наставляли ее братья и мать. Ну и пусть, нарушила так нарушила. Лорд Фрэнсис представлялся ей человеком куда более приятным, чем занудливые охотники, с вереницей которых ее знакомили братья.

В центре комнаты царил портрет леди Розалинды, написанный Уистлером[*] незадолго до того, как она вышла за лорда Пембриджа. Сестра Пауэрскорта, изображенная в черном, казалось, светилась на сером фоне, глаза ее весело сияли.

На дальнем от него конце стола еще один зять Пауэрскорта распространялся об акциях американских железных дорог и южноафриканских долговых обязательствах. Рядом же с Пауэрскортом разговор обратился к Цицерону.

— Когда я решила заново освоить латынь, то начала именно с него. Я, видите ли, думала, что смогу помочь Роберту, — говорила леди Люси. — Цицерон всегда казался мне довольно простым для перевода, но в конечном счете он наводит скуку, вы не находите?

Пауэрскорт от всей души согласился с ней. А не пробовала она взяться за Саллюстия или Тацита? — поинтересовался он и тут же ударился в длинное рассуждение о том, насколько непереводим, ну попросту непереводим Тацит.

— Право же, милый, — говорила леди Розалинда мужу поздно вечером, когда гости уже разъехались, — Фрэнсис поднял столько шума из-за того, что я пригласила к обеду лишнюю гостью. А потом они принялись откровенно флиртовать, обсуждая какого-то давно умерше-

[*] Джеймс Уистлер (1834–1903) — американский живописец, живший и работавший в Лондоне.

го римского автора по имени Тацит. По-моему, они замечательно поладили. А вот утка Фрэнсису, похоже, не понравилась. Разве с уткой было что-то неладно, Пембридж?

— С уткой было все замечательно, дорогая моя, — ответил ей любящий супруг. — И все-таки флиртовать, обсуждая мертвых римских авторов, никак нельзя, Розалинда.

— Очень даже можно. Я мало что расслышала из его цитат, но цитаты были очень красивые. И потом, они разговаривали глазами. Я давно не видела у Фрэнсиса таких глаз.

— Кстати, — сказал муж. — По-моему, я слышал, как они договаривались встретиться послезавтра в Национальной галерее и затем позавтракать.

— Знаешь, — сказала леди Розалинда, — я вот думаю, вдруг леди Люси окажется той, кого мы искали.

— Опять двадцать пять, — простонал лорд Пембридж. — Они провели вместе всего-навсего два часа, на обеде, в гостях, а ты их уже к алтарю повела. Не так скоро, дорогая.

— Ну, не знаю, не знаю, — отозвалась леди Розалинда.

В эту ночь леди Люси, засыпая, думала о глубоком голосе и длинных, тонких пальцах Пауэрскорта. Пауэрскорт же думал, засыпая, о темно-синих глазах леди Люси, о том, как она грациозно вскидывает голову.

Человек этот забрал у кузнеца сверток уже в темноте. Помимо обычного своего дела, кузнец занимался еще точкой ножей — ремесло это он освоил, когда служил в армии, и теперь старые тупые ножи часто осыпали искрами его точильный камень. Кузнец не знал, почему нож его попросили наточить втайне, так, чтобы никто о том не прослышал. Да его это и не волновало, ему просто нравилась сама работа.

Человек разворачивал сверток в запертой на замок комнате. Он снимал слой за слоем бумагу. Мас-

ла кузнец не пожалел. Нож блестел в свете горевшего в камине огня, искаженные отражения комнаты плясали на его серебристой поверхности. Человек осторожно провел пальцем по лезвию. И даже это наградило его тонким, наполнившимся кровью порезом. Человек улыбнулся и вложил лезвие в черные, немецкого производства ножны. Потом попробовал засунуть нож в свой сапог. Нож пришелся в самую пору. Человек опять улыбнулся.

Принц Эдди, герцог Кларенсский и Авондэйлский, старший сын принца Уэльского, прощался со своей матерью в холле Мальборо-Хауса. Двадцать восемь лет материнского служения нимало не умерили печали, которую принцесса Александра испытывала всякий раз, расставаясь с сыном, пусть даже на вечер.

— Укутайся потеплее, милый. Перчатки при тебе? А шарф?

Большинство молодых людей подобная заботливость, уместная скорее в отношении ребенка лет восьми-девяти, стеснила бы. Однако принц Эдди воспринимал ее как должное.

— Конечно, при мне, мама. Не беспокойся. Я скоро вернусь. — И он ласково поцеловал мать в щеку.

Эдди вообще мало что стесняло. Это и составляло часть его проблемы. Если бы только, говорил он себе, останавливая кеб, проезжавший мимо Мальборо-Хауса, если бы только все они оставили меня в покое. Всю жизнь, думал он, сидя в кебе, который вез его в Хаммерсмит*, кто-нибудь да приставал к нему — делай то, делай это. Когда он был мальчиком, его заставляли читать книги. Эдди не видел в чтении особого смысла. Потом его отправили в военный флот, и уже другие люди стали требовать, чтобы он научился разного рода кунштюкам. Лазить по канату. Прокладывать курс корабля по кошмарным картам

---

* Западный район Лондона.

и осваивать нечто загадочное, именуемое тригонометрией. Узлы вязать. Во всем этом Эдди тоже особого смысла не видел. Всегда ведь найдется человек, который будет вязать узлы за тебя, да и никто, пребывающий в здравом уме, не станет просить его проложить во время плавания курс корабля. После этого он служил в армии. И новая компания людей пыталась убедить его в том, что он должен освоить искусство правильной маршировки, усвоить правила ведения войн, какими бы они ни были, научиться командовать людьми и армиями. И в этом Эдди никакого смысла не усматривал, хоть в армии и нашлось несколько приятных молодых людей, ставших его друзьями.

Все это время принцу то и дело напоминали о том, кто он и что ему предстоит когда-нибудь унаследовать. А также — в чем состоит его долг. Между тем Эдди вовсе не желал бабушке смерти. Как и отцу. И уж тем более матери. А все эти кошмарные обязанности могли свалиться на него только после их смерти. До выполнения этих обязанностей было пока еще далеко. Да и в любом случае, думал Эдди, вылезая из кеба на Хаммерсмитском мосту, он всю жизнь наблюдал за тем, как исполняет свои обязанности его отец. И намеревался последовать родительскому примеру — правда, на собственный манер.

Пока Эдди шел берегом реки к Чизику, поднялся ветер, испещривший темную воду пеной. Две тяжело груженные барки натужно тащились к Темзе. Эдди в его простом сером костюме и темном пальто старался ничем не отличаться от своих будущих подданных. Когда он проходил мимо очередной таверны, оттуда выкатился взрыв хриплого хохота. Стайка морских чаек выжидательно парила над кромкой воды.

Он уже приближался к открытой загородной местности. Викторианские виллы прекратили свое безжалостное продвижение вдоль берега реки, шпиль церкви Святого Николая остался далеко за его спиной. Никакого света впереди не различа-

лось, лишь луна мерцала, отражаясь в воде, когда облака проскальзывали мимо нее. Пройдя излучиной реки, принц Эдди увидел вдали большой дом. К нему-то он и направлялся.

Ровно восемнадцать месяцев назад Англию потряс скандал — выяснилось, что дом 19 по Кливленд-стрит есть не что иное, как бордель для гомосексуалистов, руководимый неким Чарльзом Хаммондом. Скандал еще усилился, когда стало известно, что к нему причастен лорд Фредерик Рейнскорт, конюший принца Уэльского и принца Эдди, — лорду пришлось бежать за границу, дабы избегнуть позора и компрометации своих хозяев. Гомосексуальная элита Лондона отреагировала быстро. Она покинула Кливленд-стрит и потратила полгода на поиски более удобного места. И в итоге нашла Брандон-Хаус, для целей ее подходивший идеально.

Дом этот стоял на принадлежавшей его владельцам земле. Слева, в миле от него, был Хаммерсмитский мост, а справа, на том же расстоянии, — железная дорога, ведущая в Барнз. К северу от дома уходила к Чизик-Хаусу, в котором Эдди играл еще маленьким мальчиком, пустая земля. К югу пролегала река — служители дома держали на ней две пришвартованные лодки с веслами в уключинах, на случай, если придется спешно бежать в раскинувшиеся по другому берегу зеленые поля Барнза.

В «Клубе», как его называли, были установлены особые правила. Вступление в него стоило 500 фунтов. Существование «Клуба» зиждилось на принципе взаимного шантажа. Принимали в него только по личным рекомендациям. И получив таковую, правление «Клуба», в шутку — но лишь наполовину в шутку — именовавшееся его членами «Звездной палатой»[*], требовало сообщить ему, а следом и проверить имена двух близких родствен-

---

[*] «Звездная палата» — Высший королевский суд Англии, ставший символом королевского произвола и упраздненный во время Английской буржуазной революции в 1641 году.

ников нового кандидата — жен, матерей, братьев, сестер. Любое нарушение правил, на редкость строгих, влекло за собой мгновенное разоблачение нарушителя — сначала перед его семьей, а затем, если потребуется, и в газетах. Два громких самоубийства последнего десятилетия связывались знающими людьми именно со «Звездной палатой».

Сам дом был построен в конце восемнадцатого столетия. В цокольном этаже его располагалась кухня, на первом — три просторных гостиных, а на следующих двух — спальни. Все окна первых двух этажей заграждались сплошными ставнями. Двери дома редко раскрывались раньше девяти часов вечера летом и шести — зимой. Когда Эдди вступил на подъездную дорожку дома, сквозь ставни пробивались тонкие лучики света.

Персонал «Клуба» составляли прежние старшины или младшие офицеры военного флота, поддерживавшие в управлении обыденными его делами должную дисциплину. Финансами ведал известный банкир, юридическими проблемами в тех редких случаях, когда таковые возникали, — пара членов Парламента и член Высокого суда правосудия. Раз в месяц здесь устраивался бал-маскарад. Раз в год большой костюмированный бал, на котором по Белой гостиной разгуливали исторические персонажи — от маркиза де Сада до Клеопатры. Когда герцог Кларенсский и Авондэйлский расстегнул перчатки и поздоровался с дежурным портье, тот сказал ему: «Добрый вечер, сэр. Сегодня — все обычные услуги».

4.

— Нет, ты только взгляни, Джонни. Господи, да что же это такое!

Пауэрскорт сидел со своим другом лордом Джонни Фицджеральдом в маленькой гостиной верхнего этажа сестриного дома на Сент-Джеймс-стрит. Гостиная именовалась в доме «комнатой дяди Фрэнсиса». Разбросанные по полу игрушки свидетельствовали о том, что племянники дяди Фрэнсиса были постоянными ее посетителями.

— Я к тому, что остается только смеяться, ей-богу. До чего же она напыщенна, эта шатия из Мальборо-Хауса. — Пауэрскорт поднес к свету пару исписанных листков бумаги. — Двенадцать дней назад мы с Роузбери пришли в Мальборо-Хаус, чтобы поговорить с личным секретарем Сутером. Он сказал, что ему потребуется некоторое время, дабы обдумать сделанные мной предложения, те, что мы с тобой, если помнишь, обсуждали в Роуксли.

Лорд Джонни кивнул, помышляя более о бутылке «Шассань-Монтраше» к рыбе, чем о тонкостях детективной работы. Этим вечером ему пришлось довольствоваться простым «Шабли».

— Ну конечно, ответили мы. И Сутер сказал, что через пару дней свяжется со мной. После этого я получил от него первое любовное послание, оно у меня где-то здесь. — Пауэрскорт горестно огляделся по сторонам, словно надеясь, что письмо затесалось между общарпанными римскими легионерами племянников, — а сегодня пришло и второе.

Он помахал вверх-вниз официальным письмом и зачитал его вслух:

— «Мальборо-Хаус, Пэлл-Мэлл, et cetera, et cetera[1]. Дорогой Пауэрскорт, примите мои смирен-

---

[1] И так далее (*лат.*).

ные извинения за видимое промедление в том, что касается ответа на Ваши предложения. К нам поступило еще одно из шантажных посланий. В нем упоминается то обстоятельство, что ЕКВ гостило у леди Брук в Истон-Лодже. Комментарий опять-таки сводится к тому, что народ Британии не потерпит подобного поведения и монархия рухнет, скандально и с позором.

Обращаясь к сути Ваших предложений, с сожалением должен уведомить Вас, что нам потребуется более продолжительный период консультаций и наведения справок, прежде чем мы сможем дать Вам какой-либо определенный ответ. Нам очень помогло бы, если бы Вы смогли представить памятную записку, подробнее освещающую то, что мы с Вами обсуждали. Это позволило бы значительно ускорить мои консультации с коллегами. С нетерпением ожидаю Вашего ответа. Ваш покорный слуга, et cetera, et cetera».

— Вот так-то, — сказал Пауэрскорт. — За такие штуки премию надо давать. Ежегодная «Премия Сутера», присуждаемая студентам первых курсов за самый напыщенный образчик английской прозы. И почему я вообще должен что-либо переносить на бумагу? Разве у меня нет собственных государственных тайн, собственных секретных документов, которые вовсе не следует пускать по кругу за обеденным столом Мальборо-Хауса или забывать на бильярде клуба «Мальборо», на расстоянии одного броска игральной кости от улицы?

Фицджеральд, внимательно разглядывавший этикетку на бутылке «Шабли», рассмеялся.

— Не кипятись, Фрэнсис, не кипятись. Ты считаешь новое письмо существенным? Полагаешь, что Бересфорды открыли на Итон-сквер небольшую мастерскую по вырезыванию и наклейке букв, что они-то и есть шантажисты?

— Вполне возможно. Эти послания могут с такой же легкостью поступать от архиепископа Кентерберийского или министра иностранных дел. Их может присылать кто угодно. Они могут исходить даже из самого Мальборо-Хауса, — Пауэрскорт

рассеянно вертел в руке одноногого солдата императорской гвардии Наполеона, раненного в сражении с племянником дяди Фрэнсиса.

— А не хочешь узнать, что удалось мне выяснить со времени вечера, проведенного нами в Аундле? Узнал я не так чтобы очень много, но все лучше, чем ничего.

— Превосходно, Джонни. Рассказывай.

— Ну так вот, — начал Фицджеральд, — помнишь, мы говорили о принце Эдди и о том, связан он или не связан с миром мужских борделей?

Взгляд Пауэрскорта привлекла одна из многих картин, посвященных битве при Ватерлоо. Картина изображала британский полк, выстроившийся квадратом у Катр-Бра, перед великой схваткой. В центре квадрата возвышался крепыш старшина, охранявший флаг Союза и знамя полка. Половина образовавших квадрат мужчин стреляла, стоя во весь рост, остальные, те, что находились в переднем ряду, опустились на колено, примкнув штыки, готовые пронзить ими французских кавалеристов, если те посмеют приблизиться, и весело выкликая врага на бой. По краям картины кружила, воздев пики, кавалерия французов, неспособная прорваться внутрь. Ружейный дым овевал бойцов, вдали палили огромные пушки.

Вот она, думал Пауэрскорт, слава британских солдат, отдавших жизни за Короля и отечество. А восемьдесят лет спустя мы сидим здесь, обсуждая мужские бордели, в которые захаживает старший сын принца Уэльского.

Лорд Джонни давно уже привык к временным «отлучкам» неожиданно уходившего в свои мысли друга.

— Как ты помнишь, несколько лет назад на Кливленд-стрит было одно такое заведение. Имелось и еще несколько, разбросанных по той же части Лондона — на задах Фицрой-сквер и за вокзалом Кингз-Кросс. Однако после скандала с Кливленд-стрит богатые люди перепугались. Им вовсе не хотелось, чтобы их застукали еще раз.

Так что они уложили вещички и перебрались в другое место, купив очень милый дом у реки, за Хаммерсмитом. Джентльмены появляются там через благоразумные промежутки времени. У двери дежурит здоровяк, который мог когда-то служить и полковым старшиной. До наступления темноты никто туда, похоже, не заглядывает. Не то чтобы я пробыл там достаточно долго, пытаясь выяснить, входит ли принц Эдди в число завсегдатаев или не входит. Однако готов побиться о заклад — входит. И установить это будет не так уж и трудно.

— Внутрь попасть ты не пытался? — спросил Пауэрскорт.

— Не пытался. Оттуда, где я находился, сделать это было бы сложновато. На дереве, в сорока футах от земли да еще и с отсиженной ногой, — лорд Джонни рассмеялся.

— У меня также имеются разведывательные данные, заслуживающие того, чтобы доложить о них. — Пауэрскорт вдруг посерьезнел. — Принц Уэльский наделал массу долгов. По последним подсчетам, он задолжал фирме «Месье Финчс и компания», находящейся не более чем в двух сотнях ярдов отсюда, сумму в двести тысяч фунтов.

— Стало быть, пока я изображал героя, замерзая на дереве в Хаммерсмите, ты разгуливал по городу, вламываясь в банки. Не знал за тобой таких дарований, Фрэнсис.

— В банки я не вламывался, — Пауэрскорт улыбнулся. — Однако средняя из моих сестер, Мэри, замужем за очень деловым джентльменом. Тебе не доводилось встречаться с Уильямом Берком, Джонни? С виду он совершенно нормален — глаза и уши на обычных местах, любит своих детей, обожает крикет и охотится в Южном Эссексе. Однако он из тех, кто понимает, что такое деньги — откуда они берутся, куда деваются, где их больше, а где меньше. Наш Уильям состоит директором нескольких довольно крупных компаний. И одна из них — банк «Финчс». Бог его зна-

ет, где Уильям раздобыл свои сведения, однако он говорит, что это самая большая задолженность, какую «Финчс» когда-либо видела.

— Двести тысяч фунтов - сумма астрономическая, Фрэнсис, — перед внутренним взором лорда Джонни поплыли пропитанные солнцем поля, покрытые лозами исходящего соком благородного винограда. — На них можно купить целые деревни в Бордо или Бургундии, Сент-Эстефе или Марго, Монтраше или Поммаре.

— Уильям говорит, что годовой доход самого богатого человека Англии - владельца множества угольных копий - или таких магнатов, как Мейплз либо Липтон, составляет около ста тысяч фунтов, может быть, чуть больше. Так что принц задолжал два их годовых дохода. И по словам Уильяма, долг этот образовался не за одну ночь. Он рос какое-то время — как дерево, становящееся с каждым годом все выше и выше.

— А ты не думаешь... — Фицджеральд и Пауэрскорт всегда обсуждали свои дела в подобной манере, подбрасывая друг другу самые фантастические идеи; некоторые из них в дальнейшем оказывались верными. — Ты не думаешь, что он платит шантажисту уже многие годы?

— Что ж, более чем возможно, — задумчиво произнес Пауэрскорт, — а может быть, он просто не способен жить, довольствуясь своими доходами. Не думаю, что Дейзи Брук обходится дешево. Но есть и еще кое-что. Роузбери сказал мне, что лет двенадцать-тринадцать назад принца Эдди и его младшего брата, принца Георга, отправили в кругосветное путешествие, продлившееся целых два года.

— И существуют предположения, что это было связано с каким-то скандалом?

— Роузбери ничего такого не помнит. Однако он обещал все для меня выяснить. Это означает, что он, скорее всего, расспросит самого первого морского лорда[1]. Однако я должен составить ответ личному королевскому секретарю.

---

[1] Начальник Главного морского штаба Британии.

— А ты способен сделать этот ответ столь же напыщенным, Фрэнсис?

— Дай попробовать, Джонни, просто дай мне попробовать.

«Дорогой сэр Уильям, — начал писать Пауэрскорт, усевшись за столик у окна — внизу, на Сент-Джеймсской площади, уже зажигались фонари, — Благодарю Вас за Ваше письмо от 21-го с. г. С сожалением должен уведомить Вас, что не имею привычки доверять бумаге возможные направления расследования. Подобного рода документы обладают обыкновением рано или поздно попадать не в те руки. Насколько мне известно, Ваше учреждение также придерживается мер предосторожности подобного рода. Я, разумеется, буду лишь счастлив появиться у Вас в удобное для Вас время и обсудить с Вами и Вашими коллегами все вопросы. Мне очень хотелось бы, чтобы вопросы эти были урегулированы должным образом».

— Ну как, Джонни, достаточно напыщенно?

— Не думаю, что этот твой Сутер узнал бы напыщенность, даже если б она подошла к нему и погладила по головке. Он просто пропитан ею, Фрэнсис. Замаринован в напыщенности.

— Знаешь, — Пауэрскорт, слушая друга, рассмеялся, — надо бы попробовать выяснить, не разрешат ли мне, в виде особого исключения, выдвинуть мой меморандум на присуждение «Премии Сутера» за этот год.

Трафальгарская площадь была переполнена. Движение здесь сгустилось настолько, что в конечном счете все до единого экипажи, повозки, кареты и кебы застыли на месте. У фонтана громоздился мебельный фургон, начинка коего вывалилась на землю, и лев Ландсира* изумленно взирал на нее.

---

* Сэр Эдвин Ландсир (1803–1872) — английский художник, анималист и портретист, вылепивший модели четырех бронзовых львов, украшающих пьедестал колонны Нельсона на Трафальгарской площади.

Ожидая леди Люси в портике Национальной галереи, Пауэрскорт гадал, не настанет ли когда-нибудь день, в который и весь Лондон застынет на месте. Высоко на своей колонне, чей цоколь украшался голубиным пометом, — подобно тому, как паруса больших кораблей украшались некогда круглыми дырами от ядер, — Горацио Нельсон, не обращая внимания на хаос внизу, неотрывно вглядывался в Биг Бена, в Парламентскую площадь и в реку, которая могла бы унести его вдаль.

Затем она оказалась вдруг рядом, леди Люси Гамильтон, выглядевшая в своем сером наряде скромно и сдержанно, — лишь на голове ее сидела слегка залихватская розовая шляпка. Шляпка внушила леди Люси сомнения уже при ее примерке. Не чересчур ли она легкомысленна? Не слишком ли нарочита для утреннего рандеву, цель которого — посмотреть картины в Национальной галерее? Розовая. Модная, разумеется, тут и говорить не о чем, и определенно подчеркивающая синеву ее глаз. Ну ладно, подумала леди Люси, если я так и буду переминаться у зеркала, то наверняка опоздаю.

— С добрым утром, леди Люси, — Пауэрскорт с удовольствием оторвался от созерцания наружного хаоса, царившего на площади. Глядя на леди Люси, столь очаровательную, приветливо улыбавшуюся, он подумал, что хаос этот того и гляди сменится другим, внутренним. — Войдем? Что бы вы желали увидеть сегодня?

— У вас есть любимцы, которых вам хотелось бы навестить, лорд Фрэнсис?

Мимо проскочила стайка студентов — альбомы для эскизов в руках, карандаши, торчащие из карманов.

— Ну, я с удовольствием взглянул бы на парочку Рафаэлей. Вам по душе Рафаэль, леди Люси?

— О да, по душе, — она широко улыбнулась Пауэрскорту и снова вспомнила о шляпке. — Но я бы посмотрела еще и на Тернера.

За пышной святой Екатериной, извивы одежд которой отвечали изгибу ее рук, последовала стро-

гая рафаэлева Мадонна с колоннами и парой невнятных святых по сторонам от нее.

— Вам не кажется, лорд Фрэнсис, что где-то имелись правила насчет того, как должны выглядеть все эти святые? Не думаете ли вы, что существовало подобие руководства для художников, доступное, разумеется, лишь немногим избранным, и в нем говорилось, что святой Иероним должен быть неизменно печальным, а святой Варфоломей — веселым? Я вот знаю, что святой Себастьян всегда утыкан противными стрелами, а четыре евангелиста никак не допишут каждый свою книгу, но как насчет остальных?

— Очень интересная мысль, леди Люси. Должен признаться, ответ мне не известен.

За спиной их послышался грохот колес. По галерее катили на тележке портрет какого-то написанного в полный рост господина семнадцатого столетия. Господин этот был мрачен — весь в черном, с Библией в руке и собачкой у ноги. За тележкой семенил озабоченный смотритель, то и дело повторявший возчикам наставления о том, что тележку надлежит везти помедленнее, не забывая при этом о неровностях пола.

— Куда повезли этого голландского господина? Уж не выбросить ли они его собрались, как по-вашему? — прошептала леди Люси, когда странный кортеж проследовал в нескольких футах от них.

— Быть может, для него пропела труба архангела, — сказал Пауэрскорт. — Его творец, или, вернее, реставратор, призвал этого господина, но, впрочем, не к последнему суду, а к восстановлению красок. Полагаю, он направляется в мастерскую — ради чистки или чего-либо в этом роде.

— Для картины это, наверное, большое расстройство, — сказала леди Люси, глядя, как тележку спускают в подвал. — Висит она, довольная, на стене, думает о чем-то своем, а тут вдруг приходят неприятные люди и куда-то ее волокут.

— То же самое и с людьми, вам не кажется? — ответил Пауэрскорт. — Сидите вы, довольная, до-

ма, под картинами на стене, а тут вдруг является Смерть со своей тележкой — и все, пора в дорогу. Отправляйтесь в подвал.

— Мне бы это совсем не понравилось, — рассмеялась леди Люси. — Давайте я вас к Тернеру отведу.

Она повела Пауэрскорта в другую часть галереи. Тут было не продохнуть от штормов, кораблекрушений, утопающих, полыхающего красками пара, закатов, романтических развалин посреди запустелых итальянских ландшафтов. У леди Люси, когда она окинула их взглядом, слегка закружилась голова.

— Ну вот, взгляните... — Она усадила Пауэрскорта на скамью перед «Сражающимся "Темерером"». — Разве эта не лучше их всех?

На другом конце зала студенты сворачивали наброски и собирали принадлежности. Двое смотрителей со скучающими, бесстрастными лицами важно взирали на них. Снаружи отбивали двенадцать колокола церкви Святого Мартина.

— Уверяют, — сказал Пауэрскорт, вытягивая ноги так далеко, что они стали опасными для неосторожных посетителей музея, — что это одна из картин, которые в Англии воспроизводят чаще всего. На стенах Британии висит почти столько же «Темереров», сколько портретов королевы Виктории.

— Я-то знаю, кого из них мне бы хотелось иметь, — непочтительно отозвалась леди Люси, проверяя, насколько прилично ведет себя ее шляпка. — Как вы думаете, лорд Фрэнсис, о чем говорит эта картина?

— О чем хотел сказать Тернер? Или о чем она говорит зрителю? Я всегда считал, что картины, как и лица людей, способны говорить сразу о многом, — он быстро, украдкой заглянул в лицо леди Люси, зачарованной радужным закатом, медью и золотом Тернера, сияющими над Темзой. — Считается, что эта связана с наступлением века паровых машин, не правда ли? Прощальное слово паруснику, обреченному на то, чтобы уродливый черный буксир поволок его в последнее плавание —

на слом. Прощай, романтика, здравствуй, дым, прощай, парус, здравствуйте, мощные машины.

— А по-моему, она совсем о другом, — леди Люси говорила теперь с немалым пылом. — Ну, то есть, люди могут думать, что картина именно об этом. Я же думаю, что она в куда большей мере говорит о самом Тернере.

Леди Люси немного наклонилась вперед, перебирая в памяти другие картины Тернера, которые помогли бы ей отстоять свое мнение.

— Тернер, тот Тернер, что написал эту красоту, был тогда уже старым человеком. В молодости он составил себе имя и прославился тем, что писал корабли и сражения великой войны с французами. Этот корабль, «Темерер», — она драматично повела рукой в сторону призрачного судна, — долгие годы строили в Рочестере или где-то еще. — Леди Люси готова была первой признать, что ее познания по части корабельных верфей особой обширностью не отличаются. — Он ходил по Средиземному морю. Нес патрульную службу в Атлантике. При всех его пушках на борту и способности унести одним бортовым залпом множество жизней существование «Темерер» вел вполне мирное. Он сражался всего один день, лорд Фрэнсис. Всего один день. Но то был день битвы под Трафальгаром, когда «Темерер» бился бок о бок с «Виктори» и нашим другом Нельсоном, стоящим снаружи на колонне, — день вечной славы. И Тернер в ту пору написал этот корабль.

А затем опять патрулирование, скучные плавания, и наконец огромный корабль начал разваливаться — рангоут за рангоутом, парус за парусом. И вот в 1834-м или когда это было — отвратительный буксир поволок его не то вверх, не то вниз по реке, на слом.

Однако для Тернера — для Тернера, лорд Фрэнсис, — красноречие леди Люси и ее любовь к живописи уже совершенно заворожили Пауэрскорта, — он был символом, напоминанием о его собственной жизни, его прошлом, настоящем и будущем. Вот он, тот корабль, который Тернер,

еще молодым человеком, писал многие годы назад, в час его славы. Ко времени, когда «Темерер» вышел в свой последний путь, от него должен был остаться один только корпус — ни мачт, ни снастей. Тернер вернул их назад. Вот почему картина названа «Сражающийся "Темерер"». Этот корабль, корабль Тернера, его любимый «Темерер», должен был выйти в последнее плавание таким же нарядным, каким был в дни своего величия, своей мощи, а никак не в обличье какого-нибудь попрошайки, упрятанного в работный дом.

Теперь даже смотрители внимательно слушали леди Люси, не спуская с нее зачарованных глаз.

— Это дань Тернера его ушедшей молодости. Закат наступил не только для прекрасного корабля, но и для самого Тернера. Он знает, что и ему предстоит вскоре отправиться в последний путь. Не так уж и долго осталось ему ждать переправы — не через Темзу, через Иордан. Это последняя элегия, пропетая Тернером своей молодости, своей прошлой жизни, своей карьере, которые неудержимо уплывали от него. Вслед за закатом наступает тьма. Смерть. Забвение. Нет больше «Темерера», нет больше Тернера. Но у нас осталась вот эта картина, чтобы мы помнили о них обоих.

Леди Люси вдруг примолкла, словно изнуренная всплеском чувств.

— Я вам даже сказать не могу, леди Люси, как поразили меня ваши познания.

Пауэрскорт смотрел на нее с уважением, с новым чувством — куда более сильным, чем то, с каким он пришел в галерею. Неужели она способна описать с таким красноречием любую картину?

А леди Люси испытывала благодарность к нему – за то, что он ее выслушал. Совершенно другой человек, думала она. Как часто, стоило ей проникнуться желанием поговорить о картинах, о книгах, мужчины тут же переводили разговор на лошадей, крикет, рыбную ловлю. А этот умеет слушать. Она вспомнила слова, сказанные ей, еще восемнадцатилетней, матерью: «Не обманывайся их внешностью, девочка, или тем, с какой лов-

костью кружат тебя молодые люди по бальным залам Лондона. Найди мужчину, который будет ценить твой ум, а не только приятную внешность».

Она повернулась к Пауэрскорту, который, казалось, вглядывался в оснастку «Темерера». Уж не нашла ли она такого мужчину?

Настало Рождество, а Пауэрскорт — в том, что касалось обитателей Мальборо-Хауса, — так ни на шаг и не продвинулся. Долгий теннисный матч — обмен письмами — продолжался, игроки отправляли их с задней линии, выйти к сетке никто из них не желал.

— Чем они там занимаются, Бог ты мой? — спросил он у Роузбери в его библиотеке на Баркли-сквер.

— Полагаю, принц Уэльский никак не может решиться, — ответил Роузбери, наливая в бокалы положенный по сезону белый портвейн. — Он хочет узнать, кто его шантажирует. Но боится того, что может всплыть при любом расследовании. Кстати. Ссору с Бересфордами премьер-министр почти уже уладил. Солсбери* говорит, что переговоры по «Берлинскому трактату» дались ему намного легче.

Роузбери купил себе на Рождество скаковую лошадь, которая, по его убеждению, должна была победить на Дерби.

Принц Эдди обручился с принцессой Мэй фон Тек — к радости и облегчению его и ее родителей.

Пауэрскорт подарил лорду Джонни Фицджеральду ящик «Шассань-Монтраше».

Сестры в складчину купили Пауэрскорту первое издание «Упадка и разрушения Римской империи» Гиббона.

Но ближе всего сердцу Пауэрскорта был подарок, который он сам сделал на Рождество своим племянникам.

---

* Роберт Артур Талбот Гаскойн Сесил Солсбери (1830–1903) — маркиз, английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1885–1892 годах.

Часть вторая

САНДРИНХЕМ

Январь 1892

5.

Вольтижеры безостановочно продвигались вниз по склону — то была цепь стрелков, авангард армии французов. За спинами их стояли, развернувшись вокруг Бель-Альянса в боевые порядки, отборные части Великой армии Наполеона в шлемах, переливавшихся цветами разных земель. То был военный калейдоскоп. Уланы в красных шапках с белыми плюмажами и медными пластинами, на которых была выгравирована буква «N», егеря в зеленых с алым треуголках, гусары с многоцветными плюмажами, драгуны в медных касках поверх тигровых тюрбанов, кирасиры в стальных шлемах с медными крестами, карабинеры в ослепительно белых мундирах и гренадеры Старой гвардии в тяжелых меховых киверах.

По другую сторону долины ожидали своей участи британцы — разношерстная армия в разношерстных мундирах.

— Огонь! — приказал тонкий голосок. — Огонь!

Бам! Бам! Бам! Бам! — вскричали два других.

— Если я поосновательнее затянусь сигарой, — сказал лорд Фрэнсис Пауэрскорт, который, вообще-то говоря, сигар терпеть не мог, но полагал, что история требует жертв, — мы сможем окутать все поле сражения дымом.

Вот это и был его рождественский подарок трем племянникам — огромная раскладная доска, в мельчайших подробностях изображавшая поле битвы под Ватерлоо, и игрушечные солдатики в мундирах всех войск, какие сошлись в тот июньский день.

Уильяму, старшему из племянников Пауэрскорта, было уже восемь — он командовал двумя солдатами помоложе, Патриком и Александром. Патрик был барабанщиком, снабженным копией инструмента, который на европейских полях сражений вел к победам и славе французскую пехоту. Александр состоял в горнистах-сигнальщиках и был обучен передавать разного рода приказы солдатам армии Веллингтона.

— Первым делом после артиллерийской бомбардировки, — Пауэрскорт отважно затянулся сигарой и заволок поле битвы дымом, — стало наступление на ферму Угумон. Четыре полка ветеранов, — он указал на горстку солдатиков, — двинули к ней. Бей в барабан.

Пока Уильям продвигал сквозь дым войска, Патрик отбивал *pas de charge**: бу-бум, бу-бум, бу-бум, бу-бум.

— Отлично, — сказал Пауэрскорт. — Итак, Александр, — обратился он к младшему из племянников, — ты стоишь близ герцога Веллингтона, вот он, сидит на коне по имени Копенгаген. Твое дело трубить, передавая его приказы. Смотри! Он увидел, что французы приближаются к шато. Необходимы подкрепления. Ну же! Труби!

Нельзя сказать, чтобы Александр овладел всем репертуаром горниста — от побудки до вечерней зори, — но шум он умел создавать немалый.

— *Alors***, — воскликнул Пауэрскорт, — коекому из французов удалось-таки прорваться в дом. Сейчас я покажу вам, что это случилось. Будем считать, что вот эта дверь — главные ворота, а вы, все трое, выходите с барабанами и горнами наружу и что есть силы стараетесь пробраться внутрь. Придется вам недолго побыть французами, а я стану полковником Макдоннеллом, защитником ворот.

Трое мальчиков что есть силы напирали на дверь. «Больше шума! Кричите по-французс-

---

* Сигнал атаки (*франц.*).

** Вот так (*франц.*).

ки!» — игра все сильнее увлекала Пауэрскорта. Вопли *«Allez! Allez! Vive la France! Vive l'Empereur!*»* — Пауэрскорт сам обучил племянников — разнеслись по всем верхним комнатам дома, достигнув и гостиной, лежавшей двумя этажами ниже. Могучим рывком Пауэрскорт сумел-таки захлопнуть дверь. Трое мальчиков навзничь рухнули на пол, образовав кучу-малу, из которой торчали в разные стороны руки и ноги.

— Пауэрскорт! Пауэрскорт! — вскричал Роузбери. Ворвавшись в комнату, он замер, вглядываясь в поле сражения. — Сдается мне, вы отвели британскую кавалерию слишком далеко влево, — задумчиво сообщил он, обозрев войска. — Но в путь, Пауэрскорт, в путь, у нас совсем нет времени! Причину объясню по дороге!

Роузбери быстро свел Пауэрскорта вниз по лестницам, притормозив по пути лишь затем, чтобы извиниться перед его сестрой: «Тысяча извинений за вторжение, леди Розалинда! Завтра мы вернемся на поле боя!»

После чего Роузбери поскакал вниз по ступеням, вытащив ошеломленного Пауэрскорта под ночное небо и запихав его в ожидавший обоих экипаж.

— Ливерпуль-стрит! И как можно быстрее. Меня ждет поезд!

— Поезд? — неуверенно переспросил Пауэрскорт, гадавший, не сон ли все это.

— Да-да-да. В этой стране, если хочешь быстро попасть куда-то, приходится заказывать поезд особого назначения. Мне уже случалось проделывать это.

Даже в столь отчаянной спешке Пауэрскорт улучил время, чтобы подивиться своему другу. Большинство людей, когда им приходится торопиться, роются в расписаниях, изыскивают исключающие один другого маршруты, тревожатся по поводу возможных задержек в пути. Роузбери

---

* Вперед! Вперед! Да здравствует Франция! Да здравствует Император! (*франц.*)

же просто нанимает поезд, причем лучший, какой можно купить за деньги, думал Пауэрскорт, пока паровоз, неторопливо набирая скорость, удалялся от вокзала, окутывая лондонский пригород клубами уже настоящего дыма.

— Куда мы направляемся? И почему такая спешка?

— Спешка? Спешка? Да скачи мы хоть на диких конях, и то не поспели бы вовремя. Мы направляемся в Сандринхем, мой дорогой Пауэрскорт. Произошло нечто ужасное. Кошмар, о котором мы пока ничего не знаем.

Он протянул другу телеграмму: «Приезжайте немедленно. Дело чрезвычайно сложное. Привезите Пауэрскорта. Без отлагательств. Сутер».

— Смерть замыкает все, — негромко произнес Пауэрскорт, — но пред своим концом тягающийся с Богом человек еще свершить благое дело может... Простите, я вчера снова читал на ночь Теннисона.

— Что заставляет вас думать о смерти, Фрэнсис?

— Ну, поразмыслите сами, друг мой, — заговорил Пауэрскорт, который с той минуты, как ему пришлось покинуть поле битвы при Ватерлоо, почти ни о чем другом и не думал, — если бы случилось нечто, принадлежащее к естественному порядку вещей — дом загорелся бы или обрушилась крыша, — призывали бы пожарников либо строителей. Если бы скончался престарелый дядюшка или тетка, вас не стали бы вызывать средь январской ночи. И уж тем паче не послали бы за мной. Послали бы за ордами родственников и парочкой пасторов. Вернее, епископов. Может быть, даже архиепископов.

— Так вы, Фрэнсис, обладаете, помимо фотографической памяти, еще и даром предвидения? Роузбери вглядывался в друга так, точно ожидал, что на лбу его вот-вот проступит текст новой телеграммы.

— Нет, разумеется, — усмехнулся Пауэрскорт. — И все же мне представляется, что наиболее правдоподобное объяснение случившегося

таково: в Норфолке совершено некое грязное дело. Смерть, наступившая от причин неестественного порядка, называют обычно убийством. Однако, прежде чем пускаться в дальнейшие рассуждения подобного толка, нам надлежит получить сведения более основательные.

Двое друзей посидели немного в молчании, размышляя каждый о своем. Роузбери думал о политических последствиях смерти одного из членов королевской семьи. Пауэрскорт озабоченно взирал на него.

— Я уверен, что недооценить последствия приключившейся в королевской семье смерти при странных обстоятельствах невозможно, — произнес наконец он, глядя, как дым от сигары Роузбери плывет по вагону. — В последнее время я много думал об этом.

Он перевел взгляд на проблески света, призрачно вспыхивающие в небе Восточной Англии.

— Где-то в глубине сознания всех членов этой семьи кроется страх, тревога, нечто, заставляющее их трепетать во сне. На поверхности, разумеется, все тихо-мирно — дворцы, помпезность, пышные церемонии. А вот в глубине...

Представьте себе все это, — продолжал он с выражением, свидетельствующим — в его случае — о живости необычайной, — как картину Клода*. Грандиозный мифологический ландшафт, изящные классические здания, сборище греков и римлян, от которых ничего хорошего ждать не приходится, — людей вроде Дидоны и Клеопатры. Ну, вы понимаете, о чем я.

Пауэрскорт начертил на запотевшем окне вагона большую рамку.

Все обычные приемы Клода тут как тут фантастические строения, резкий солнечный свет, странное, едва приметное ощущение какого-то другого мира. Я думаю, Роузбери, у вас имеется в одном из ваших домов парочка Клодов?

---

* Клод Лоррен (1600–1682) — французский пейзажист, которого в Англии принято называть просто по имени.

— У меня их три, — признался Роузбери, — а может, и четыре. Не помню. Но что же изображено здесь? — Он указал на полотно старого мастера, тускло рисовавшееся на вагонном окне.

— Здесь, — ответил Пауэрскорт, выводя внизу рамы кривоватый кружок, — стоит фантастический дворец — величавая колоннада, зубчатые крепостные стены, стяги, колышущиеся под ярким солнцем. А вот тут мы видим сидящую на старательно прописанном, украшенном драгоценными камнями троне маленькую королеву, и на голове ее красуется не чепец, как обычно, а самая что ни на есть корона. Вокруг же толпится всегдашняя публика — придворные, секретари, конюшие, слуги — во всех мундирах и при всех регалиях, какие только найдутся в королевстве. Думаю, Клод написал бы их с немалым удовольствием.

А вот тут, за ними, в парке, — палец Пауэрскорта вывел на окне вагона еще несколько незавершенных кружков, — стоит вереница статуй. Одни скрыты углом террасы, и нужно повернуть за него, чтобы увидеть их, другие выстроились полукругами и стоят по стойке смирно в ожидании последней переклички. На самом заднем плане можно увидеть давних пращуров королевской семьи — Генриха VII, Ричарда II, маленьких принцев в Тауэре, напоминающих обитателям большого дома внизу картины, что предки их, ради того, чтобы усесться на трон, проливали реки крови. И сбрасывали с него тогдашних монархов.

За этим полукругом мы видим Карла I в день казни. Королям Англии случалось лишаться головы на балконе, что висит над Уайтхоллом. А несколько ближе к дому вдруг обнаруживается Робеспьер, человек, внедривший мысль о терроре не только в души французов, но и в голову каждой коронованной особы Европы. В левой руке его модель гильотины, у ног — повозка, доверху набитая напудренными головами аристократов. Нравится вам эта тележка, Роузбери?

— А женщины, которая вяжет, сидя у гильотины, там нет? — с улыбкой спросил Роузбери. — Не-

ужели не нашлось на этой картине места для мадам Дефарг с ее вязальными спицами смерти?

— Не нашлось, — ответил, поворачиваясь к окну, Пауэрскорт. — Картина почти дописана. На одном краю полукруга, ближнем к дому, мы поместим родственника и коллегу Королевы. Его наитишайшее величество Александра II, русского царя, двенадцать лет назад убитого бомбой террориста и лежавшего в гробу с лицом, настолько обезображенным, что родные его, подходившие к покойному для прощального поцелуя, падали в обморок.

А на другом — лорда Фредерика Кавендиша, наместника Ее Величества, вице-короля Ирландии, всего только десять лет назад, в 1882-м, заколотого фениями* в Феникс-парке Дублина.

И наконец, вот здесь, — Пауэрскорт изобразил еще один кружок, — мы поставим бородатого агитатора в фуражке с брошюрой в руке, с вызывающе поднятым кулаком, разглагольствующего о бедах, кои еще впереди. А в самом дальнем, левом углу картины, — рука Пауэрскорта почти дотянулась до шнура стоп-крана, — висит темное облачко, грозящее мирному покою пейзажа Клода, быть может, даже и грозовое, чреватое молниями.

---

* Фении — члены тайного общества ирландцев, основанного в 1857 году. Фении боролись за независимость Ирландии.

6.

Герцога Кларенсского и Авондэйлского нашли незадолго до семи часов утра. Грудь его ночной рубашки была пропитана кровью.

Красной кровью.

Крови вообще было столько, что Шепстоун, ветеран многих сражений, говорил после, что пахло в спальне так, точно воздух мясной лавки смешался в ней с воздухом скотобойни.

Спальня Эдди находилась во втором этаже Сандринхем-Хауса, окна ее выходили на гравиевый простор перед парадным входом. Пол здесь не был совершенно ровным, но чуть приметно понижался по мере приближения к окнам. Под переплетом окна натекло маленькое озерцо, поверхность которого жутковато поблескивала в свете свечей.

Отливая алостью крови.

От узкой кровати к озеру тянулись притоки, пятная ковер, а там, где пол оставался голым, просачиваясь между половицами.

Реки крови.

На туалетном столике лежали Библия и дневник Эдди, открытый на дне его смерти. На двери спальни висел полный парадный мундир принца, алый, надевавшийся в последний раз несколько дней назад, на день рождения Эдди. Оба запястья принца были яростно рассечены. Из обоих стекали, впитываясь в матрас, малые, но не иссякающие потоки.

Темно-красная кровь.

Главные артерии ног тоже были взрезаны и тоже питали реку, текущую к озеру у окна. Голова же принца почти отделилась от тела. Убийца

рассек шею от уха до уха, оставив голову опасно свисать с подушки. Вот так и испустил дух двадцативосьмилетний Альберт Виктор Христиан Эдуард, герцог Кларенсский и Авондэйлский, второй человек в линии наследования трона Виктории.

Герцог обратился в труп.

Голубая кровь.

Кровь королевская.

Принц Уэльский страдал. На нем и только на нем лежала ответственность за действия, которые придется предпринять в связи с убийством сына. А что может произойти, если об этой смерти и обстоятельствах ее прознает широкая публика?

Только одно слово и приходило принцу на ум, рисуясь там буквами высотою с сам Сандринхем.

Скандал.

Скандал, который разразится, едва лишь газеты начнут обсасывать убийство наследного принца, спавшего в собственном доме, в собственной постели, в окружении прочих членов семьи. Скандал, который затронет и его, принца Уэльского, частную жизнь, скандал, и без того едва не грянувший перед Рождеством и не открывший всем глаза на его роман с Дейзи Брук.

Скандал, связанный с его мертвым сыном.

Волны гнева, порожденного смертью принца Эдди, поднялись в душе принца Уэльского. Первые десять — пятнадцать минут он ощущал себя накрытым этими волнами с головой, утопающим в гневе. Потом прилив отступил, но лишь для того, чтобы раз за разом возвращаться, выбирая для этого время по собственному усмотрению.

Принцу Уэльскому и всегда-то не сиделось на месте. Теперь же он оставил свой кабинет и направился в бильярдную, на другой конец дома, зная, что там его никто не потревожит. Кто-то оставил на столе шары. Простой удар. Принц Уэльский взял кий, согнулся над столом, прижав его край животом. И промахнулся.

Он попробовал соорудить еще один карамболь. Уж, наверное, подумал принц, красный и белый

не посмеют ослушаться воли своего господина. Посмели. Он снова промахнулся.

Скандал окружал его семью, как оправа — те весьма не дешевые бриллианты, которые он покупал в больших ювелирных домах великосветского парижского Фобурга. Небесам и его банкирам ведомо было, что за многие годы принц Уэльский отдал продукции этих домов изрядную дань. Драгоценные камни поступали к нему ящиками, обернутые во множество слоев изысканнейшей шелковой китайской бумаги. Снимая один шуршащий слой за другим, принц проникался уверенностью, что вот под ними-то, наконец, отыщется подлинное сокровище, — но только затем, чтобы лишний раз обмануться.

Эдди лежит в ящике, на самом дне. Или, вернее, на дне гроба. Эдуард вспомнил, как несколько месяцев назад, когда возникла угроза очередного скандала, обсуждал с Александрой будущность сына.

— Отошли его! Ради Христа, отошли куда-нибудь! В Европу, в колонии, мне все равно. Куда угодно, лишь бы его не было в стране, по крайней мере, два года!

Аликс тогда слабо взмолилась:

— О нет. Только не в этот раз. Ты уже отсылал его много лет назад и едва не разбил мне сердце. На этот раз Эдди останется здесь.

И он уступил, уступил вопреки здравому смыслу. Эдди остался. И вот полюбуйтесь, к чему это привело. Из всех их скандалов те, что были связаны с принцем Эдди, неизменно оказывались наиболее серьезными.

Принц Эдуард знал о них многое и думал, что знает практически все, но даже ему неведомо было, не существует ли и других слоев, ожидающих, когда их начнут разворачивать в ничего не прощающем свете публичности и негодования нации. Слой за слоем шелковой бумаги скандала.

Бильярдные шары лежали в лужицах света, темно-зеленое сукно ожидало новой партии. Смерть остановила игру.

Принц Уэльский принял решение. Он вызвал сэра Уильяма Сутера и сэра Бартла Шепстоуна в гостиную на задах дома, чтобы посовещаться с ними.

Очередная волна гнева налетела на него, точно неистовый тайфун.

— Личный секретарь, — сказал он. — Казначей и управитель моего Двора. Мне нет нужды растолковывать вам, джентльмены, причины, по которым я считаю, что случившееся надлежит утаить. Не смерть, разумеется, но убийство. Скандал может разразиться нестерпимый. Я считаю, что ни единое слово не должно просочиться отсюда во внешний мир. Однако не знаю, можно ли это устроить.

Личному секретарю Сутеру уже приходилось участвовать в весьма причудливых совещаниях со своим господином, обсуждая на них и темы чрезвычайно причудливые. Сейчас он взирал на принца так, точно разговор шел о заурядном процедурном вопросе — инспекционной поездке в пожарную бригаду Бирмингема, закладке очередного здания в Шордитче.

— Как можно быстрее вызовите сюда Роузбери. И этого его друга сыщика Пауэрсвуда, Пауэрсфилда, как его там.

— Лорд Роузбери и лорд Фрэнсис Пауэрскорт уже в пути, Ваше королевское высочество.

— И когда они появятся, джентльмены... — принц Уэльский встал. Он показался своим собеседникам внезапно постаревшим — волосы растрепаны, глаза горят от неукротимого гнева. — Я считаю, что нам потребуются две вещи.

Шепстоун, верный придворный, столкнувшийся с очередным кризисом, принялся что-то черкать в маленькой синей книжечке.

— Нам необходимо понять, можно ли утаить случившееся, скрыть его. И затем нам необходимо, чтобы — Пауэрскорт? Вы ведь так назвали его, Сутер? — нам необходимо, чтобы он нашел убийцу моего сына.

Вы знаете, Шепстоун, как надлежит поступить, когда убийца будет найден. Мы не можем при-

звать в помощь себе закон и суд Англии, однако существуют законы более древние. Мне отмщение, говорит Господь. Я воздам. «Даже до третьего и четвертого рода смеющихся надо мной»[1]. Каждый, кто причастен к этому убийству, должен заплатить за него. Своей кровью. Не кровью моего сына.

Принц Уэльский покинул гостиную. Стоящие в углу ее, рядом с книжным шкафом, старинные часы отбили пять. Со времени обнаружения тела прошло меньше суток.

Сэр Уильям Сутер безучастно взирал на часы.

Сэр Бартл Шепстоун некоторое время смотрел в огонь. Потом записал в книжечку еще кое-что. Он заполнил словами своего господина — такими, какими запомнил их, — три странички. Вообще-то, сэр Бартл предпочитал Бога Нового Завета, Бога любви и прощения, ветхозаветному трубному гласу: Мне отмщение. Но он знал, в чем состоит его долг.

— Роузбери! Пауэрскорт! Слава Богу, вы приехали, — сэр Уильям Сутер и сэр Бартл Шепстоун были в своих приветствиях единодушны. Пауэрскорт с интересом отметил, что траура ни на одном из них нет.

— Сообщите нам факты, друг мой. Сообщите факты. — Роузбери стоял, прислонясь к каминной полке гостиной, расположенной в глубине Сандрингхема и выходящей окнами на снежную равнину и замерзшее озеро.

— Что ж, попытаюсь, — Сутер поморщился, перспектива вновь пережить последние двадцать четыре часа была ему явно не по душе. — Тело герцога Кларенсского обнаружили незадолго до семи часов прошлого утра. Лорд Генри Ланкастер, он, если не ошибаюсь, конюший или камергер герцога, заглянул к нему, чтобы осведомиться о его здоровье — герцог был сильно простужен — и

---

[1] Исход, 20, 5.

спросить, не желает ли он, чтобы ему принесли завтрак. Слава Богу, это был Ланкастер, а не одна из убирающих комнаты горничных.

— Как лежало тело? — негромко спросил Пауэрскорт.

Сутер внимательно вглядедся в него. Возможно, именно в таком мире и вращается Пауэрскорт, в мире, где ночами по коридорам прокрадываются убийцы, а по утрам находят трупы. В мире, где запах крови остается в твоих ноздрях еще долгое время после того, как ты выйдешь из комнаты.

— Герцог лежал на спине. Горло перерезано. Так же как запястья и большие кровеносные сосуды на ногах. Кровь залила весь пол.

— Боже мой! — воскликнул Роузбери. — И это Англия, а не Рим времен Нерона или Борджиа. Какой ужас!

— Согласен. Согласен, — Сутер отнесся к его восклицаниям с терпеливостью взрослого человека, ожидающего, когда у ребенка утихнет вспышка раздражения. Лицо Сутера осталось таким же непроницаемым, как всегда, — маска, скрывающая работу ума. — Ланкастер соображал быстро. Он призвал еще одного конюшего, Гарри Радклиффа, и велел ему охранять дверь, никуда не отлучаясь, говоря всем, что герцог спит и будить его нельзя ни в коем случае. Я проинформировал о случившемся принца Уэльского, а тот сказал жене и прочим членам семьи.

Доктор Бродбент, осмотрев тело, пришел к заключению, что убийство произошло между одиннадцатью часами предыдущего вечера, когда Ланкастер пожелал герцогу спокойной ночи и оставил его, и пятью часами утра. Бродбент, естественно, также поклялся все сохранить в тайне. Принц пожелал, чтобы вы, джентльмены, приехали сюда, прежде чем мы решим, что предпринять дальше.

О том, что здесь произошло, знает меньше дюжины человек. Принц придерживается твердого мнения, что убийство необходимо скрыть, что мы

должны придумать историю, которая позволила бы утаить правду. Этим, а не конкретными обстоятельствами смерти, — Сутер смерил Пауэрскорта мрачным взглядом, — нам и надлежит заняться без промедления.

— Господь милосердный, но это же Англия, друг мой! Речь идет о внуке Виктории! Вернее, о бывшем внуке Виктории, — поправился Роузбери. — Как вы можете думать о том, чтобы все утаить? Вспомните о парламенте! Вспомните о законах Англии! О нашей древней конституции!

— Я не уверен, — холодно произнес Сутер, — что кто-либо из ваших коллег или предшественников позаботился описать в ней то, с чем мы столкнулись. В нашей конституции, я имею в виду. И это дает нам некоторое пространство для маневра.

— Оставьте, Роузбери, — большую часть этого разговора сэр Бартл печально смотрел в окно, словно надеясь, что время возьмет да и обратится вспять. — Вы всегда давали королевской семье советы касательно конституции. Говорится ли в ней, что мы не можем утаить эту историю, скрыть ее, если такова воля родителей?

Роузбери взглянул на висевший у книжных полок портрет принцессы Уэльской. Казалось, в комнате присутствуют сразу три Александры — сияющая новобрачная, счастливая мать, окруженная тремя своими детьми, и царственная принцесса Уэльская в официальном убранстве и сверкающей диадеме.

— В конституции не содержится ничего, — сказал он наконец с видом человека, которого завели в приют умалишенных, перед обитателями коего ему и приходится выступать, — говорящего, что вы не можете это скрыть. Существуют, правда, законы страны, могу вам назвать, к примеру, закон о заговоре, имеющем целью извратить отправление правосудия. Мне было бы легче ответить на ваш вопрос, если б я знал, чем он вызван, если бы понимал, что заставляет вас извращать правосудие.

— Никто не пытается извратить отправление правосудия, Роузбери. Именно поэтому Пауэрскорт и здесь. Мы хотим, чтобы он отыскал убийцу.

Пауэрскорт промолчал, хоть и чувствовал себя хуже некуда. Если убийство скроют, он не сможет задавать никаких вопросов, не сможет вести расследование, заниматься своим прямым делом. Он будет походить на человека, пытающегося играть в крикет с завязанными глазами и только одной свободной рукой.

— Причины, я полагаю, просты, — Сутер, пока за окнами меркнул последний отблеск света, начал перечислять их, загибая пальцы. — Нам приходится выбирать одно из двух зол. Конечно, сокрытие правды — вещь ужасная. Но подумайте, что произойдет, если мы не скроем ее. По всему Сандринхему и Мальборо-Хаусу начнут расхаживать полицейские. Подумайте об этом, Роузбери. Инспектор Смит, проведший жизнь, расследуя дела преступных банд Ист-Энда, явится, чтобы допросить принца Уэльского. Суперинтендант Питерс начистит до блеска свои лучшие черные сапоги и проследует в Виндзорский замок, дабы побеседовать с королевой. Они не знают мира, в котором мы живем.

От одной только мысли о подобных бесчинствах лицо Сутера стали медленно покидать все краски.

— А кроме того, существует политическая оппозиция, радикалы и им подобные. Каждый правдами и неправдами пробившийся в Палату общин политикан будет вскакивать со своего места на задней скамье, норовя задать вопрос, которого никто еще прежде не задавал, стараясь поставить королевскую семью в положение самое нестерпимое. Газеты обезумеют. Поначалу мы, разумеется, получим траурные заголовки, лояльные и благочестивые передовые статьи. Большая потеря для нации и империи. Полагаю, вы и сами, Роузбери, способны написать такую хоть сейчас. Но дайте им неделю, и они набросятся на королевскую семью, ровно стервятники. Они вытащат на свет

огрызки всех сплетен, какие ходили по гостиным Лондона в последние три года. И все, кого эти сплетни затрагивали, окажутся в положении до крайности затруднительном. Подумайте также о газетах зарубежных — во что они превратят все это? Подумайте о том, как возликуют Париж и Берлин, когда убийство и череда скандалов в королевской семье попадут на первые полосы их газет. Траур там будут носить очень недолго.

И тогда Роузбери понял все.

Необходимость сохранения тайны, необходимость молчания.

Страх — вот ключ ко всему. Страх перед неописуемым, невиданным еще скандалом. Страх, что кто-то начнет переворачивать камни и из-под них поползет нечто жуткое, способное поставить под угрозу положение королевской семьи. Страх настолько сильный, что рискованное, опасное само по себе сокрытие истины выглядит рядом с ним лучшей из двух возможностей.

Пауэрскорт же пытался отыскать нить, связующую его прежнее расследование, расследование, которое так и не состоялось, с нынешними ужасными событиями в Сандринхеме. Некто шантажирует принца Уэльского, возникают опасения за жизнь принца Эдди. Они, должно быть, решили, что все позади, думал он, глядя на Сутера и Шепстоуна и вспоминая окончательно закрывавшее, казалось бы, это дело письмо из Мальборо-Хауса, полученное им в последний день прошедшего года. Что там говорилось? «Счастлив иметь возможность сообщить Вам, — писал Сутер в изысканном своем стиле личного секретаря, — что обстоятельства, приведшие нас к рассмотрению возможности воспользоваться имеющимся у Вас опытом, переменились к лучшему». В этот холодный январский вечер, думал Пауэрскорт, они определенно переменились к худшему.

— Джентльмены, джентльмены, — Сутер решил призвать совещающихся к порядку. — Через час нам предстоит встретиться с принцем Уэльским. Роузбери, я был бы благодарен вам, если бы

вы смогли упорядочить ваши аргументы, направленные против моего предложения. Прежде чем принять окончательное решение, принц желает получить от нас наилучшие из возможных рекомендации. Я должен сейчас отправиться к нему. Сэр Бартл ответит на наверняка интересующие вас более конкретные вопросы.

Сутер неспешно покинул комнату. Когда он закрывал дверь, откуда-то с верхнего этажа донеслись едва различимые звуки женского плача.

— Удалось ли обнаружить какие-либо следы орудия убийства? Окно было закрыто или открыто? — Пауэрскорт, приступая к расследованию, ощущал себя назойливым, лезущим не в свои дела человеком.

— Орудия убийства так и не нашли, — ответил сэр Бартл Шепстоун. — Насчет окна не знаю — впрочем, члены семьи наверняка весь день входили в эту комнату и выходили из нее. Завтра вы сможете осмотреть ее, ну и Ланкастер, разумеется, все вам расскажет.

— Я вызвал сюда кое-какие подкрепления, — продолжал Шепстоун. — Скоро здесь появится отряд из двух дюжин гвардейцев под командой майора Дони, а с ними врач и хорошо обученный похоронных дел мастер. Все они входят в состав специального отдела службы Двора и поклялись сохранять в тайне любую необычную миссию, подобную этой.

— Я и не знал о существовании такого специального подразделения, — сказал Роузбери с выражением человека, с трудом верящего, что подобные вещи вообще могут существовать без его ведома и одобрения.

— О, они очень, очень секретны, мой дорогой Роузбери. Когда вы станете премьер-министром, то узнаете о них все — как и об особых отрядах столичной полиции. Эти люди помогут нам с телом.

Пауэрскорт вдруг вспомнил, что Шепстоун удостоен Креста Виктории за выдающуюся отвагу,

проявленную в пору восстания сипаев[*]. И сделал в уме пометку — рассказать племянникам, что он беседовал с белобородым стариком, кавалером Креста Виктории; восстание сипаев, подозревал он, представляется мальчикам историей столь же давней, как и гибель Испанской армады.

— Сколько людей сейчас в доме? — спросил, возвращаясь в Сандринхем, Пауэрскорт.

— Ну, здесь сейчас семья. И Теки, конечно, — принцесса Мэй, как вы знаете, была помолвлена с принцем Эдди. Около полудюжины молодых людей, друзей и конюших принца Эдди.

А сколько во дворце слуг?

Сэр Бартл не без грусти покачал головой.

— Вы знаете, представления не имею. Кто-то из них живет, разумеется, здесь, кто-то приходит из ближних деревень. Семьдесят? Восемьдесят? Я никогда об этом не задумывался.

— Какие-либо сообщения о появлении в окрестностях посторонних людей? — Пауэрскорт чувствовал, что пока ему никуда продвинуться не удалось. И улучшений по этой части не предвидится.

— Странно, что вы заговорили об этом, лорд Пауэрскорт, — Шенстоун вдруг приобрел вид очень усталого человека. — К нам поступали сообщения, что по соседству появилась компания русских и несколько ирландцев. Принц Уэльский убежден, что кто-то из них и есть убийца.

— Позвольте мне задать основной для нашего следующего совещания вопрос, — пока продолжался этот разговор, Роузбери, присев, размышлял, упорядочивая доводы, которые ему предстояло предложить принцу Уэльскому. — Сколько людей осведомлено о случившемся? Сколько человек знает правду?

— Я бы сказал, не более дюжины, самое большее, человек пятнадцать. Но все они принадлежат либо к королевской семье, либо к другим слав-

---

[*] Восстание наемных индийских солдат английской армии против англичан (1857–1859).

ным семьям, и в том, что касается сознания своего долга, на них положиться можно.

Пауэрскорт, услышав о предположительной связи родовитости с добродетелью, слегка приподнял бровь. Если бы все эти родовитые и высокопоставленные особы, с горечью подумал он, исполняли свой долг в соответствии с понятиями о чести, присущими их классу, и блюли при этом заповеди, мы, вероятно, не имели бы на руках окровавленный труп, коченеющий в спальне наверху.

Этим вечером принц Уэльский казался человеком совсем небольшого роста. Он выглядел так, точно некая мощная машина выкачала из него почти весь воздух. Глаза принца покраснели от слез, лицо побледнело, осунулось. И хотя он был облачен в один из лучших своих мундиров — самый темный, — ордена и медали, свисавшие с кителя так, словно и они были в трауре, казалось, оставляли его совершенно равнодушным.

— Друзья мои, — начал он, — спасибо, что приехали, дабы помочь нам в это трудное время. Спасибо вам, Роузбери, спасибо вам, Пауэрскорт. Мы никогда не забудем о вашем содействии. Я не думаю, Роузбери, что смогу принять окончательное решение до наступления утра. Однако я хочу, чтобы вы попробовали убедить меня в том, что нам следует обнародовать правду. Сам я склоняюсь к тому, — и полагаю, Сутер уже сказал вам об этом, — чтобы скрыть ее.

Для человека, который в течение последних тридцати лет вел жизнь принца Эдуарда, подумал Пауэрскорт, с любовными интригами, карточной игрой, потаенными разъездами *en garçon*[*] по увеселительным заведениям Европы, скрытность должна была обратиться в стиль жизни. Слишком много вечеров делал он вид, будто всего лишь играет в бильярд в клубе «Мальборо».

---

[*] На холостяцкий манер (*франц.*).

Роузбери начал с выражения соболезнований и сочувствия семье, в которой произошла столь страшная трагедия. Он говорил о своем долгом знакомстве с Александрой и Эдуардом, о частых посещениях им Мальборо-Хауса и Сандринхема, об уик-эндах в собственных его домах, в Ментморе и Далмени. Упомянул о своей давней близости с королевой Викторией и людьми ее Двора.

— Мне нередко случалось повторять, Ваше королевское высочество, — он легко склонил голову, глядя на принца Уэльского, — что за всю мою жизнь я встречал только двух людей, внушавших мне страх. Одним был старый громила Бисмарк. Другим — маленькая женщина, ваша матушка, Королева.

Принц Уэльский слабо улыбнулся. Шепстоуну удалось выдавить подобие смешка. Пауэрскорту ни разу не приходилось слышать выступлений Роузбери в Палате лордов. Правда, однажды он присутствовал на митинге, где Роузбери выступал вместе с Гладстоном[1], — речь Великого Старика показалась на фоне элегантного красноречия Роузбери многословной и мрачной. Но чтобы друг его говорил с такой силой, Пауэрскорт не слышал еще никогда.

— Разумеется, я понимаю, что заставляет вас сомневаться в необходимости выставить это прискорбное дело под холодный свет дня. Разумеется, мне ведомо, что в сокрытии его присутствуют привлекательные стороны, что опий секретности есть зелье сильное и вызывающее привыкание. Разумеется, я сознаю ваши опасения относительно того, что может ожидать нас по другую сторону этих закрытых дверей, какие темные призраки способны явиться, чтобы лишить покоя вас и вашу семью.

— Однако, Ваше королевское высочество, — Роузбери говорил теперь очень тихо, переводя

---

[1] Уильям Юарт Гладстон (1809–1898) — английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894 годах; лидер Либеральной партии с 1868 года.

взгляд с принца Уэльского на безмолвствовавшего у камина Сутера и обратно, — я думаю, что существуют соображения порядка более высокого, другие стяги, верность которым нам следует хранить. Я попросил бы вас подумать о правде. И прежде всего, о правде в отношении к моей профессии, к политике. Конечно, политика может быть делом грязным, запятнанным продажностью и коррупцией, опозоренным обманными призывами к избирателям и отвратительными сделками фракций. И все же, около шестисот членов Палаты общин и тысяча — моей Палаты лордов торжественно поклялись хранить верность Королеве. А для того, кто приносит такую присягу, это очень серьезно. Подумайте, что почувствуют и как отреагируют эти люди, узнав, что их принц Уэльский скрыл от них нечто, солгал им о столь важном событии, как смерть второго в линии наследования трона человека. В политике нет зрелища более уродливого, чем Палата общин, осознавшая, что ее обманули. Они пересчитают все суммы, которые утверждают каждый год, дабы поддерживать уровень жизни королевской семьи, и все их инстинкты толкнут их на то, чтобы отомстить вам любым способом, какой они сумеют отыскать.

Подумайте также о правде и о церкви Англии. Наша церковь не является уже той силой, какой была когда-то — Дарвин и те, кто переходит на сторону Рима, ослабили ее, и все-таки она остается церковью нашей страны. Люди сгорали на кострах, чтобы дать ей жизнь. Епископы ее назначаются именем Королевы, состоящей главой этой церкви, каковую когда-нибудь придется возглавить и вам. Сможете ли вы, стоя на коронации в окружении князей церкви и государства, сказать, что будете хранить священные законы Божии и соблюдать Его Заповеди?

Если не считать мягких каденций Роузбери, в комнате не раздавалось ни звука. Снаружи падал густой снег, укутывая тех, кто находился в доме, в новые слои белизны.

— Подумайте и о вещах еще более нематериальных, но более ценных, чем сама правда. Подумайте об отношениях между королевской семьей и рядовыми гражданами страны. Для некоторых из них, тех, кто учился в наших великих частных школах либо служил в армии, верность и патриотизм воплощаются в особах Королевы и членов ее семьи. Можно хранить верность флагу страны, знамени своего полка или своему Итонскому колледжу, однако высшая верность, подвигающая людей на смерть за свою страну, вдохновляется Королевой и принцами крови. Люди среднего класса впитывают ее, вырастая; войдите в дома рядовых граждан этой страны, людей, которые тяжко трудятся ради того, чтобы улучшить свою долю и долю тех, кто придет им на смену, войдите в эти дома, и вы увидите верность, ярким светом горящую у семейного очага. Вы увидите на стенах портреты Королевы или картины, изображающие отдаленные уголки империи. Это те люди, которые оборачиваются и размахивают грошовыми трещотками, когда мимо проезжает особа королевской крови, люди, которые часами стояли в очередях, чтобы попасть на парад юбилейного года. Они верят вам — предадите ли вы их доверие? Нарушьте его и вы нарушите связь, соединяющую народ с сувереном. Нарушьте его — допустите, чтобы вас уличили в этом, — и вся королевская конница, вся королевская рать не смогут его восстановить.

Если вы не встанете в этом деле на сторону истины, подумайте о других истинах, других обязанностях, которым вы измените. Подумайте о долге честности, о требовании говорить правду, сколь бы неприятной она ни была. Сама плоть этой страны, ее нравственный центр, ее правовая система зиждятся, как целое, на предположении, что люди будут говорить правду. Но если вы этого не делаете, почему должны делать это ваши подданные? Во имя честности, во имя вашей ответственности перед парламентом и церковью этой страны, вашей страны, нашей страны, я призываю вас поступить

так, как вы и сами считаете правильным поступить. Сказать правду. Смириться с последствиями. Выполнить ваши обязанности перед страной.

Еще не закончив, Роузбери понял, что говорит впустую. Почувствовал себя человеком, плывущим навстречу приливной волне.

Мой дорогой Роузбери, — сказал принц Уэльский. — Я так вам благодарен. Я всегда полагал, что рано или поздно ваше красноречие сделает вас премьер-министром. Теперь я в этом уверен. И все же, в настоящем случае я, хотя бы раз, намереваюсь последовать правилу моего отца.

Пауэрскорт внутренне застонал, ожидая услышать некую неуклюжую немецкую сентенцию принца Альберта.

— Он всегда говорил: прежде чем решить какой-то вопрос, переспи с ним. Это я и собираюсь сделать. Однако могу ли я попросить вас, джентльмены, и в особенности вас, лорд Пауэрскорт, подумать о том, как именно можем мы скрыть эту историю, буде решение окажется именно таким. И могу ли я попросить вас изложить для меня ваши соображения на бумаге — обещаю, что в чужие руки ваша записка не попадет.

— Не больше одной страницы, — посоветовал Сутер, когда принц удалился в свои покои. — Иначе может выйти сцена. Скажем, к девяти утра, хорошо, джентльмены? И огромное вам спасибо за помощь.

После чего Сутер и Шепстоун выскользнули в ночь, оставив гостиную в распоряжении Роузбери и Пауэрскорта.

К девяти, сокрушенно произнес Роузбери. — Не думаю, что он хоть раз поднимался в девять утра со времени, когда и самому ему было девять. Как по-вашему, Фрэнсис, какое решение примет старый лицемер?

— Я не питаю ни малейших сомнений, — ответил Пауэрскорт, — в том, что он намерен все утаить. Как на ваш вкус кончина от инфлюэнцы?

7.

Немногие спали той ночью в Сандринхеме. Снаружи все падал снег, покрывая огромные шиферные крыши и гравий подъездной дорожки, облекая высокие деревья в причудливые наряды.

Памятная записка Роузбери — Пауэрскорта, начертанная блестящим каллиграфическим почерком Роузбери, ожидала в гостиной Сандринхем-Хауса девятичасового совещания.

Предмет: Предстоящие дни.

1. *Если убийство следует утаить, необходимо указать иную причину смерти. Наилучшим решением является смерть от инфлюэнцы. Принц Эдди уже страдал от простуды. В последние недели эта болезнь стала причиной многих трагических кончин. Еще одна никого не удивит.*
2. *Для того чтобы смерть от инфлюэнцы могла стать прикрытием случившегося, принц Эдди должен, если можно так выразиться, оставаться в живых еще два-три дня. Сегодня в полдень или же завтра необходимо будет вывесить здесь, на Нориджских воротах, а также на двери Мальборо-Хауса извещение о том, что имеются серьезные причины для опасений и что из Лондона затребован дополнительный медицинский персонал. На следующий день это извещение должно появиться в газетах.*
3. *Назавтра будут обнародованы два новых бюллетеня. Каждый последующий будет мрачнее предыдущего. Оба появятся в газетах во вторник.*
4. *В назначенный день надлежит обнародовать последний бюллетень, извещающий о кончине принца Эдди. Кончина состоится утром, скажем, в одиннад-*

цать часов, что даст газетам время для подготовки специальных выпусков.

5. *Сэр Джордж Тревельян, личный секретарь ЕВ Королевы, мастерски обращается с газетами. В особенности близок он с издателем «Таймс». Сэра Джорджа необходимо посвятить в тайну этой болезни и доверить ему отношения с прессой.*
6. *Возвращаясь к сегодняшнему дню, важно, чтобы джентльмены из армии получили доступ к телу и чтобы комната была вычищена. Сегодня в полдень в церкви придется устроить молебен за здравие больного принца. Следует порекомендовать всему домашнему персоналу, если не обязать его, присутствовать на этом молебне. Во время молебна можно будет позаботиться о теле. Можно будет также быстро осмотреть кровлю дома, дабы установить, не имели ль на ней место какие-либо непредусмотренные передвижения.*
7. *Подлинные причины смерти принца Эдди придется открыть еще двум людям. Один — это премьер-министр, чья власть может понадобиться для того, чтобы ускорить предстоящее расследование. Другой — комиссар столичной полиции, у которого имеются досье на все известные ирландские подрывные элементы и который способен оказать помощь, если при расследовании выявятся подозреваемые иностранного происхождения.*

Принц Уэльский читал медленно, порой останавливаясь, чтобы протереть очки. Сутер и Шепстоун деловито строчили что-то в лежащих перед ними блокнотах.

— По-моему, план превосходен, — сказал принц Уэльский, вставая и подходя к высокому окну, чтобы окинуть взглядом лежащий за ним пустой белый простор. — Что ж, теперь мне надлежит принять решение. Я не чувствовал себя способным сделать это, не поняв, какой у нас имеется выбор. Сутер, Шепстоун, как по-вашему, этот план может сработать?

Преданные придворные высказали свое мнение, сводившееся к тому, что при должной распо-

рядительности, а также при условии, что не возникнет непредвиденных обстоятельств наподобие утечки сведений о случившемся на самом деле, план можно будет выполнить, и с успехом.

«Никогда не говорить "да" и никогда не говорить "нет", — сказал себе Пауэрскорт, вспомнив прежние слова Роузбери. — Ваши спины хорошо прикрыты, джентльмены. Если что-либо пойдет не так, вас никто винить не станет. Не сомневаюсь, что вы уже занесли на эти листки свои сомнения и оговорки — собственной безопасности ради. Если план сорвется, вся вина за это ляжет на Роузбери и меня».

Всю свою жизнь Роузбери зачарованно наблюдал за тем, как люди принимают решения. Он видел политиков, принимавших важнейшие решения в спешке или по капризу, или потому, что им не удавалось придумать себе другого занятия, или потому, что они считали необходимым продемонстрировать окружающим свою распорядительность, а в одном случае так и просто по той причине, что министр боялся не поспеть в оперу. И глядя на стоящего у норфолкского окна принца Уэльского, Роузбери сознавал, что наблюдает за принятием самого странного решения, с каким ему приходилось когда-либо сталкиваться.

— Хорошо. Хорошо, — произнес принц Уэльский. — Я хочу, чтобы убийство моего сына было скрыто. Таково мое окончательное решение. Вы позаботитесь о деталях, джентльмены?

Первым молчание, воцарившееся в гостиной после ухода принца Уэльского, нарушил сэр Уильям Сутер.

— Джентльмены, — провозгласил он с довольным видом человека, берущего в свои руки ведение совещания, — мы чрезвычайно благодарны вам обоим. Позвольте мне попытаться распределить те задачи, которые нам предстоит решить для успешного выполнения вашего плана. У нас осталось несколько дней, в течение коих нам придет-

ся поддерживать необходимый обман. После этого мы отправим нашу ложь в учебники истории.

А вот это, подумал Пауэрскорт, сообразивший, что он, похоже, недооценивал Сутера, совсем неплохо. Облапошить историю. Обжулить будущее.

— Лорд Роузбери, может ли королевская семья еще раз воспользоваться вашей добротой и великодушием? Ваше предложение относительно Тревельяна великолепно. Можем ли мы попросить вас со всей быстротой отправиться в Лондон и переговорить с ним лично? Я не решаюсь доверить эти сведения почтовой бумаге, ни даже телеграфному аппарату. Очень важно, чтобы Тревельян сколь возможно быстрее узнал то, что известно нам. Поезд принца Уэльского стоит сейчас на станции Вулфертон, готовый принять любого пассажира. Если вы отправитесь сейчас же, Тревельян сможет встать в наши ряды уже после полудня.

— Минутку, — очень тихо произнес Роузбери. Он сидел, обхватив голову руками, и голос его звучал так, точно доносился из какой-то дальней дали. — Прошу вас, джентльмены, подождите минутку.

Сутер, Шепстоун и Пауэрскорт внимательно вглядывались в лицо Роузбери, тонкие черты которого искажало некое внутреннее напряжение. Он поднял на них взгляд.

— Разумеется, я отправлюсь, чтобы поговорить с Тревельяном в Лондон или Осборн* — в любое место, в котором он сейчас пребывает. Однако поразмыслите, молю вас. Мы вот-вот совершим один из величайших подлогов в истории нашей монархии. Я не сомневаюсь в искренности тех, кто желает его, или в важности причин, толкающих нас к подобному выбору. Однако нам нужен план. Если мы намереваемся обмануть историю, о чем вы, сэр Уильям, только что говорили, нам необходима уверенность в том, что карты наши краплены, так сказать, должным образом, жокеи подкуплены, а в игральные кости налит свинец.

---

* Осборн-Хаус — резиденция королевы Виктории на острове Уайт.

У нас имеется огромное преимущество. Никто никогда не заподозрит даже возможности подобного обмана. История всегда писалась победителями. И их версии происшедшего занимали первые места. Побежденные могли гнить в тюремных темницах или гибнуть на полях битв. Они никогда не рассказывали историю по-своему, а если и рассказывали, то, как правило, слишком поздно.

Однако, джентльмены, мы должны тщательно все подготовить. Во-первых, необходимо установить дату смерти. Затем я предлагаю двинуться от этой даты к сегодняшнему воскресному утру, решая наперед, какие сведения мы будем давать. Это то же, что писать пьесу в обратном порядке. Нам известен последний акт, смерть принца, так же, как Шекспиру, надо полагать, известно было, что «Гамлет» закончится смертью *его* принца. Гамлет был, к тому же, датчанином — это облегчало задачи автора. Нам надлежит написать для нашей драмы акты с первого по пятый, иначе у нас ничего не получится.

— Вы хотите сказать, Роузбери, — произнес Сутер тоном человека, заплывшего в не нанесенные на карты воды, — что мы должны расписать все, как пьесу?

— Пока не уверен. Но считаю, что нам следует спокойно все взвесить. Может кто-либо из вас назвать хотя бы одно чрезвычайно существенное обстоятельство, о котором мы пока ничего не знаем? Обстоятельство, жизненно важное для нашего успеха?

— Как ни странно, могу я. Я думал об этом все утро, Роузбери, — Пауэрскорт смотрел в окно на занесенное снегом озеро.

— И о чем же вы думали, Фрэнсис?

— Если говорить без затей, я думал вот о чем, — Пауэрскорт окинул взглядом гостиную. Сутер обеспокоенно смотрел на огонь в камине; сэр Бартл имел вид отсутствующий, как если бы он надеялся, что и убийство, и необходимость скрывать его возьмут да и рассосутся сами собой; Роуз-

бери кошачьей походкой прохаживался по комнате взад-вперед. — Мы знаем, что принц Эдди должен умереть от инфлюэнцы. Люди умирают от нее то и дело. Однако мы не можем просто объявить всему свету, что он умер от нее — умер, и дело с концом. Нам необходима связная история, газетные извещения о состоянии его здоровья и тому подобное. Но мы же не знаем, как долго способна продлиться эта болезнь. Возможно, два дня. Возможно, десять, двадцать. И пока мы не знаем этого, мы не в состоянии определить день, в который закончится упомянутый Роузбери пятый акт. А, как вы понимаете, пока нам не известна дата окончания пятого акта, мы не знаем и того, чем заполнить четыре предшествующих. И, не зная этого, мы, попросту говоря, блуждаем в потемках.

Есть в доме какие-нибудь врачи? Роузбери явно не терпелось побыстрее дать событиям ход. — Я имею в виду, врачи, которым все известно.

— Доктор Бродбент все еще здесь. Доктор Манби наверняка где-то неподалеку. Я могу вызвать его, — возможность предпринять что-либо в своем мире, мире личного секретаря, а не заниматься сочинением пьес, похоже, взбодрила Сутера.

— Тогда вызовите обоих, и немедленно. Возможно, нам стоит через час снова собраться здесь.

Роузбери покинул гостиную, поманив за собой и Пауэрскорта. Они вышли из парадных дверей дома на неумолимый холод, и редкий снег начал понемногу запорашивать их плотные пальто. Солдаты были повсюду — патрулировали, стараясь не попадаться никому на глаза, окрестности, описывали круги вокруг озера и кустарников парка. Откуда же он их взял столько этот майор Дони? — подивился Пауэрскорт. Он же начал с четырнадцати. А теперь их, должно быть, самое малое, пятьдесят. Если так пойдет и дальше, к концу недели Дони будет командовать полком.

На двух этих врачах можно было изучать законы контраста. Манби, высокому и худому, было

на вид немного за тридцать. Все в его облике отдавало сельским жителем — здоровый цвет лица, непритязательный твид. Бродбент же был существом городским — дородность, редеющие волосы, чрезвычайно респектабельный черный костюм, большой, устрашающий саквояж.

Круглый стол и шесть обеденных кресел, позаимствованные из другой комнаты, стояли в углу гостиной, приготовленные для совещания.

— Доктор Манби, доктор Бродбент, — произнес Сутер тоном на редкость елейным. — Спасибо, что оторвались от дел, дабы поделиться с нами вашими познаниями. Положение, в которое мы поставлены, вам обоим известно, как и выбранный нами способ разрешения возникших затруднений. Нам нужен лишь небольшой практический совет. Роузбери?

Придворный до мозга костей, подумал Пауэрскорт. Передайте пакет, передайте тело, передайте труп. Пусть Роузбери задает вопросы, связанные с тем, что могут впоследствии назвать роковым решением, тогда на Сутера никакой вины в будущем не ляжет.

— Джентльмены, — произнес Роузбери лучшим своим голосом, обыкновенно приберегавшимся им для Палаты лордов. — Вопрос наш прост. Сколько времени требуется человеку, чтобы скончаться от инфлюэнцы? Речь идет о молодом мужчине лет примерно двадцати восьми, обладателе крепкого, во всех отношениях, здоровья.

— Вопрос далеко не так прост, как кажется, — Бродбент опустил взгляд на свой саквояж, как будто тот вмещал все медицинские тайны жертв инфлюэнцы. — Ответ на него зависит от самых разных факторов.

При таких темпах мы тут целый день проторчим, подумал Пауэрскорт, наблюдая, как мужчина в черном старается увильнуть от ответственности.

— Понимаете ли, при этой болезни наблюдается немалое число симптомов. Возраст — это лишь один из факторов и, быть может, не самый

важный. Бывали случаи, когда болезнь растягивалась на три, на четыре недели, а после пациент поправлялся, бывало же и так, что заболевание развивалось гораздо быстрее.

Пауэрскорт глянул на Роузбери, пытаясь определить реакцию друга на эти проволочки. Выйдет ли бывший министр иностранных дел из себя?

Проблеск раздражения мелькнул на лице Роузбери.

— Мне кажется, мы не понимаем друг друга. Вы оба, джентльмены, знаете, о ком идет речь. Существуют причины, раскрывать их я не вправе, которые требуют, чтобы мы утаили обстоятельства смерти Эдди. Я могу сказать лишь, что причины эти связаны с безопасностью государства.

Насчет безопасности государства Роузбери выдумал только что. Он помолчал, дабы мысли о ней поосновательнее укоренились в сознании его собеседников. Что же, подумал Пауэрскорт, вот вам прекрасное оправдание для сокрытия правды. Оно, как снег снаружи, способно прикрыть собою все.

— Мы намереваемся сообщить всему миру, — продолжал Роузбери, — что принц Эдди не был убит, но умер от инфлюэнцы. Нам нужно объявить о его болезни. Нужно сочинить медицинские бюллетени на каждый день — до дня второй его кончины, если вы понимаете, о чем я. Нам хотелось бы, чтобы процесс этот оказался недолгим, дабы можно было должным образом оплакать покойного. В настоящий момент члены семьи находятся в положении нестерпимом. Однако мы не хотим, чтобы болезнь заняла столь мало времени, что приобрела бы облик недостоверный и маловероятный. Доктор Манби, вы человек местный. Какой срок представляется вам разумным? Для того, чтобы все выглядело правдоподобно, естественно.

Я, разумеется, разделяю сомнения моего коллеги, — начал Манби.

О Господи, подумал Пауэрскорт. Еще один. И с новыми увертками, черт бы их побрал. Скоро они

начнут распространяться о клятве Гиппократа. Однако он ошибся.

— Ключевой фактор, как я полагаю, состоит в том, страдал ли больной одной только инфлюэнцей или же она сопровождалась еще какой-то болезнью, которая могла ускорить процесс. Инфлюэнце нередко сопутствует пневмония — двое моих пациентов скончались недавно не от самой инфлюэнцы, но от этого страшного второго заболевания. Если пневмония развивается быстро, можно ожидать, что больной пройдет через период неустойчивых состояний — сегодня он может казаться идущим на поправку, завтра появляется очень высокая температура, а послезавтра — рецидив. При таких обстоятельствах больной может умереть за четыре-пять дней, хоть это и выглядит как слишком стремительный ход болезни. Сейчас преобладающим в Норфолке тенденциям подобного состояния отвечает срок от шести до девяти дней.

— Вы готовы согласиться с этим анализом, доктор Бродбент? — Роузбери не терпелось двинуться дальше, пока не возникли новые медицинские осложнения.

— Мне, разумеется, не известны особенности данной сельской местности.

Опять он за свое, подумал Пауэрскорт, украдкой бросая взгляд на часы.

— Однако, в общем и целом, протекание — возможное протекание — болезни описано весьма точно.

— Благодарю вас, доктор Бродбент, — аккуратно оборвал его в конце предложения Роузбери. Пауэрскорт чувствовал, что Бродбент готов был еще минуты три-четыре распространяться о привходящих обстоятельствах и несчастливых побочных эффектах. — Разрешите мне попробовать подытожить нашу позицию на конкретном примере, — Роузбери одарил медицинских джентльменов слабой улыбкой. — Допустим, принц подхватил инфлюэнцу в конце прошлой недели. Мы знаем, что он страдал от простуды. В пятницу, два дня назад, болезнь приняла серьезный оборот.

Быстро появились симптомы пневмонии. В течение уик-энда и первых трех дней следующей недели больному становилось то лучше, то хуже — так, как это описал доктор Манби. К четвергу он мог скончаться.

— Я бы сказал, звучит даже слишком правдоподобно, произнес доктор Манби. Вы согласны со мной, Бродбент?

Удивительно, но Бродбент был согласен. Еще более удивительным было то, что проделал затем Роузбери.

— Сутер, у вас здесь найдутся бумага и перья?

Сэр Уильям извлек и то, и другое из ящиков стола.

— Джентльмены, я собираюсь задать вам довольно тягостную задачу. И боюсь, выполнить ее придется сейчас. Таково ясно выраженное желание принца Уэльского.

А вот это он сочинил, подумал Пауэрскорт. И сочинил, чтобы не дать им отвертеться от того, что от них требуется.

Роузбери быстро написал на пяти разных листках по одному слову. Воскресенье. Понедельник. Вторник. Среда. Четверг.

— Я просил бы вас помнить — то, что вы напишете о состоянии принца в воскресенье, станет первой новостью, какая попадет в газеты. Одного бюллетеня будет достаточно. Газеты напечатают его в понедельник, понедельничные бюллетени будут напечатаны во вторник и так далее. На каждый день с понедельника по четверг, джентльмены, нам требуется по два медицинских бюллетеня. Они будут подписаны вашими именами. И будут вывешиваться на ограде Сандринхем-Хауса и в Мальборо-Хаусе.

Бюллетени должны быть краткими, но при этом внушающими доверие. По паре предложений в каждом, этого вполне хватит. Выбор дня, в который будет упомянута пневмония, мы оставляем на ваше усмотрение. Думаю, третий бюллетень следует обнародовать под вечер среды. И думаю также, что вам придется написать еще один

вариант, выжидательный, на случай, если он нам вдруг понадобится. Изменений в состоянии больного не наблюдается, что-нибудь в этом роде.

— Вам известно, лорд Роузбери, когда он должен умереть? — практично осведомился Манби, нацеливая перо на свой воскресный листок.

— Разумеется, доктор Манби. Я как раз собирался перейти к этому. Принцу Эдди, герцогу Кларенсскому и Авондэйлскому, предстоит скончаться в четверг в девять утра, это позволит газетам подготовить к пятнице специальные выпуски.

Теперь мы оставим вас наедине с этой неприятной задачей. А сами займемся с прочими джентльменами подготовкой других разъяснительных документов, которые будут направляться в газеты вместе с вашими бюллетенями. — Роузбери уже полностью овладел ситуацией. — Удачливые генералы, — сообщил он двум докторам, вставая, чтобы вывести из гостиной остальные части своей маленькой армии, — ничего не оставляют на волю случая. Все планируется. Все подготавливается. Если мы хотим, чтобы наша версия получилась достоверной, мы должны заставить людей поверить одной большой лжи. А они сделают это с куда большим вероятием, если нам удастся подпереть большую ложь множеством малых. — Нам придется, — он взглянул на Сутера и Шепстоуна, — сочинить это множество, дабы подкрепить бюллетени, — когда ему в первый раз занемоглось, когда послали за врачами, все его выходы под открытое небо, чтобы поохотиться и так далее, выходы, которые могли привести принца в подобное состояние или усугубить его.

— Лорд Роузбери, — не без печали произнес Бродбент, — вы ни о чем не забыли?

— Наверняка забыл, дорогой мой Бродбент. Вот только о чем? — просветите меня, прошу вас. Во времена, подобные этим, никакая помощь не бывает излишней.

— Сегодня воскресенье, — сказал доктор Бродбент. — Вы хотите сказать, что собираетесь поместить в газетах первый бюллетень уже завтра?

— Вот именно. Поэтому вам, джентльмены, следует поспешить. Личный поезд принца Уэльского ожидает меня, дабы на полной скорости отвезти в Лондон. Там мне предстоит встретиться с личным секретарем Королевы. И мы вместе договоримся о встрече с издателем «Таймс» — нынешним вечером. Вот тогда-то и начнет писаться нужная нам история всего этого дела. Официальная, я имею в виду, история. Что касается другой истории, истории тайной, истории тайн, то могу сказать одно: дальше — лишь молчание.

8.

К 10.30 утра Сутер развесил по всему дому извещения о молебне за исцеление принца. Службе предстояло начаться в три часа дня.

Людей в маленькую церковь набилось — не протолкнуться. Дворецкий, лакеи, домашняя прислуга, уборщицы, грумы, садовники, кузнецы, плотники, кучера — все явились, чтобы оскорбить своего Бога молитвой за здравие уже почившего человека.

Пауэрскорт считал, что возможности воскрешения в Восточной Англии весьма скудны. Он собирался потратить это время на разговор с Ланкастером, однако получил от Шепстоуна извещение, что сама принцесса Уэльская просит его присутствовать на молебне. «Он подкрепляет душу мою», — пели прихожане, поначалу вяло, но затем, по мере того как мелодия набирала силу, все с большей убежденностью:

Направляет меня на стези правды
Ради имени Своего.

Пение, набрав мощь, выливалось теперь из маленькой церкви, растекаясь по белым просторам и замерзшим озерам:

Если я пойду и долиною смертной тени,
Не убоюсь зла, потому что Ты со мной;
Твой жезл и Твой посох —
Они успокаивают меня[*].

[*] Псалом 22, 3–4.

На верхнем этаже Сандринхем-Хауса с редкостной быстротой работала специальная команда Шепстоуна. Кровать и постельное белье принца Эдди вынесли из спальни и закопали в лесу. Ковер убрали, половицы отскребли и вымыли, прежнюю кровать заменили новой, с чистыми простынями. Пол застлали другим ковром, почти неотличимым от прежнего. Окровавленную одежду унесли, а на туалетный столик поставили новый набор семейных фотографий, позаимствованных у матери принца. Забрызганный кровью парадный мундир заменили другим, заново отглаженным.

«Господь милосерднейший, обрати взор Твой на слугу Твоего, принца Эдди, ибо жаждет он милости и прощения Твоего. И обнови в нем, Отче любящий, все, сокрушенное коварством и происками диавола либо собственными его попущениями и слабостию плотской...»

Слова «попушениями и слабостию плотской» каноник Гарви произнес скороговоркой. Приходским священником Сандринхема он стал благодаря звучности голоса, нравившегося принцессе Александре, и краткости проповедей, нравившейся ее супругу. И теперь прекрасный голос его наполнял маленькую церковь, освещенную послеполуденным солнцем, пробивавшимся сквозь витражное окно с изображением Судного дня.

Бальзамировщики унесли тело принца Эдди в одно из чердачных помещений, которые всегда оставались запертыми и ключи от которых имелись только у принцессы Уэльской. Когда-то давно в них размещались спальни детей, впоследствии обратившиеся в хранилища их игрушек.

Здесь, среди небольшой армады парусных корабликов, плававших некогда по озеру, среди кукол и плюшевых медведей, подаренных коронованными особами Европы, и оловянных солдатиков французской и прусской армий, тело омыли, и им занялись бальзамировщики, коим надлежало сокрыть ужасные свидетельства убийства. «Вдруг кто-то захочет взглянуть на тело, — ска-

зал им сэр Бартл, — так что вы уж потрудитесь как следует».

— Воззри, о Господи, с небес Твоих, посети и утешь слугу Твоего принца Эдди, — прихожане почти не шевелились, почти все опустились на колени, молясь за принца, коему предстояло, если он до этого доживет, стать когда-нибудь их господином. — Воззрись на него очами милосердия Твоего и огради его от врагов и пошли ему через Господа нашего, Иисуса Христа, покой и безопасность. Аминь.

Поздно, думал Пауэрскорт, слишком поздно. Враг уже нанес принцу удар, и удар страшный. Вечный покой Эдди, быть может, и обрел, а вот безопасности дано ему не было.

Интересно, убийца тоже сейчас здесь? — подумалось вдруг Пауэрскорту. Он вглядывался в спины прихожан, в придворных, в конюших, стоявших, храня прямую осанку, на коленях в той части церкви, что была отведена для королевской семьи. Не одна ли из этих рук, благочестиво соединенных для молитвы, и орудовала ножом с искусством, достойным мясника? Не один ли из этих верующих спрятал в своем шкафу или бросил в какую-нибудь яму в лесу окровавленную одежду?

Сэр Джордж Тревельян, личный секретарь королевы Виктории, сидел в гостиной дома Роузбери на Баркли-сквер. В камине горел огонь, ковер был выметен, пыль с кресел и безделушек стерта. Прислуга в домах Роузбери работала как заведенная, независимо от того, появлялся он там или не появлялся.

— Сэр Джордж, спасибо, что взяли на себя труд приехать сюда из Осборна. Надеюсь, поездка была приятной?

— Вполне, лорд Роузбери. По временам, о чем вам, я уверен, известно не хуже моего, выбраться из дому — большое облегчение, особенно если в него набивается множество всяческой родни.

Тревельян занимал свой пост вот уже двадцать лет. О нем говорили, что со времен Дизраэли* не было человека, который так хорошо умел управлять Королевой. Дизраэли обрушивал на нее водопады лести. Тревельян обходился без таковой. Он использовал более косвенные методы управления: терпеливую переписку, тактику искусных отсрочек, позволявших дождаться, когда уляжется гнев Королевы, напоминания о том, как и что делалось в прошлом. В одном, по меньшей мере, случае, хорошо известном Роузбери, Тревельяну, чтобы добиться своего и наставить Королеву на истинный путь, пришлось самому сочинить несколько потребных ему глав конституционной истории Англии. Повествовалось же в них о том, как для формирования нового правительства пришлось посылать за Гладстоном.

— Родня, — вздохнул Роузбери. — Ну да. Представляю себе, какие чувства должна вызывать у вас эта родня. Но к делу, сэр Джордж, я должен поведать вам нечто ужасное. Когда появится человек из «Таймс»?

— Баррингтон будет здесь примерно через полчаса. Я подумал, что до его прихода нам лучше переговорить с глазу на глаз. Он приведет с собой одного из своих людей. Баррингтон уверяет, что собственный его почерк — это полный кошмар. Даже сам он не способен прочесть то, что написал.

Роузбери кратко пересказал происшедшие в Сандринхеме страшные события. Он не упустил ничего, описав глубокие раны, кровь, залившую всю спальню, отчаяние Александры и холодную ярость ее мужа.

— Суть дела в следующем, Тревельян. Они хотят утаить обстоятельства смерти. Собираются объявить в четверг, в следующий четверг, через четыре дня, считая от нынешнего, что принц умер

---

* Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд (1804–1881) — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 годах, лидер Консервативной партии, вечный соперник Уильяма Гладстона, премьер-министра Великобритании в 1868–1874 и 1892–1894 годах, лидера либералов.

от инфлюэнцы. Моя же задача — предупредить «Таймс», угомонить ее, если угодно, подготовить к удару.

— Боже всемилостивый, — вымолвил Тревельян. — Господь небесный. Бедная семья. — Несколько мгновений он просидел с закрытыми глазами, читая про себя короткую молитву. — Вы полагаете, Роузбери, они поступают правильно, утаивая это убийство?

— Время для разговоров о том, что правильно, а что неправильно, миновало. Они приняли решение. Курс избран опасный. Но они, как вы понимаете, руководствуются боязнью скандала и журналистов, которые начнут копаться в их жизни.

— А что мы скажем Королеве? — преданность своей царственной госпоже, пребывавшей сейчас на острове Уайт в приятном окружении прочих членов ее семьи и вод Английского канала, неизменно стояла у Тревельяна на первом месте.

— Да, действительно, что мы скажем Королеве? — вопрос этот явно тревожил и Роузбери. Он помолчал, глядя в огонь. — Я могу лишь передать вам мнение принца Уэльского. Перед тем как я покинул Сандрингхем, он очень ясно изложил мне свою позицию.

Принц Эдуард, завернувшись в темно-зеленый плащ с капюшоном, довольно долго прохаживался с Роузбери взад-вперед по платформе станции Вулфертон, с горячностью изливая свои страхи. На фонарных столбах, несколько преждевременно увенчанных его короной, сверкали в зимнем воздухе нарядные лампы, паровоз с уже разведенными парами выбрасывал в ночь клубы дыма.

— Принц Уэльский боится своей матери. Думаю, сильнее, чем кого бы то ни было на свете. Он не хочет говорить ей правду. Страшится ее гнева. Опасается за ее здоровье. И пуще всего он боится, что Королева не сможет сохранить подобную тайну и скандальная новость касательно убийства Эдди так или иначе станет темой всеобщих пересудов.

— Боже мой, Роузбери, вот тут вы, пожалуй, правы. Королева непременно кому-нибудь да про-

говорится, возможно, своей любимой берлинской дочери. И через полчаса новость разнесется по всей Вильгельмштрассе и Унтер-дер-Линден. Не думаю, что премьер-министр Солсбери поблагодарит нас за это.

Послышались шаги, отдававшиеся эхом в одном из залов дома Роузбери. А следом стук в дверь.

— Мой лорд. Сэр Джордж. Пришли джентльмены из «Таймс». Мистер Баррингтон. И его главный репортер мистер Джонстон.

— Баррингтон, как приятно снова увидеться с вами! Спасибо, что пришли.

Да, подумал Роузбери, отношения с этим господином с Принтинг-Хаус-сквер* у Тревельяна и впрямь прекрасные.

— Присаживайтесь, джентльмены, прошу вас, — Роузбери усадил гостей бок о бок на обтянутую кожей софу.

— Боюсь, — начал Тревельян, — у нас имеются печальные новости относительно герцога Кларенсского и Авондэйлского.

— Надеюсь, вы не станете возражать, джентльмены, — чарующим голосом произнес издатель «Таймс», — против того, что мой коллега застенографирует нашу беседу? Это поможет нам правильно изложить факты.

— Конечно, конечно, — умения излучать обаяние Тревельяну, придворному тертому, и самому было не занимать. — Итак, герцога поразил весьма серьезный приступ инфлюэнцы. До чрезвычайности серьезный.

— О Боже, Боже, — отозвался Баррингтон, немедля приняв похоронный вид и обдумывая, быть может, траурную рамку на первой странице, извещающей о смерти в королевской семье. — Сейчас от нее страдает столько видных людей. — Он грустно покачал головой. — Инфлюэнца свирепствует по всему Европейскому континенту. Вот

* Буквально — Типографская площадь. В XVII веке на этом месте располагалась королевская типография.

и у епископа Саутуоркского нынче кризис. А кардинал Мэннинг, говорят, и вовсе приблизился к смертным вратам.

Что же, пока все идет хорошо, подумал Роузбери. Почву мы подготовили.

— Вы позволите мне добавить несколько деталей, мистер Баррингтон? Я только что из Сандринхема.

— Прошу вас, лорд Роузбери, прошу вас. Мы будем очень вам благодарны.

— Доктора считают, что болезнь приняла серьезный оборот в пятницу вечером. Главная беда в том, что инфлюэнца сопровождается пневмонией. Лечением руководит доктор Бродбент, который совсем недавно лечил и принца Георга. Ему помогает доктор Манби, местный врач, очень способный. Насколько я знаю, в ближайшие сутки к ним присоединится, если уже не присоединился, доктор Лейкинг.

Имена врачей, всегда полагал Роузбери, способны подпереть любое вранье. Один человек может и солгать, но не трое же докторов!

— Теперь позвольте рассказать о том, как предполагается распространять в дальнейшем сведения о здоровье принца. Начиная с завтрашнего дня бюллетени относительно развития болезни будут регулярно вывешиваться на Нориджских воротах Сандринхема и на дверях Мальборо-Хауса.

— Кто еще находится ныне в Сандринхеме? Баррингтон слегка наклонился вперед. Роузбери он вдруг представился взявшим след смерти гончим псом. Коллега редактора с безумной скоростью стенографировал разговор. Перо его замирало всего через пару секунд после того, как отзвучит очередная реплика.

— Герцог и герцогиня Файфа, герцог и герцогиня фон Тек с детьми, принц и принцесса Уэльские, разумеется, принц Георг, принцесса Мод, принцесса Виктория и некоторое количество друзей и конюших, съехавшихся в прошлую пятницу, дабы отпраздновать день рождения принца, — имен конюших Роузбери, следуя наставлениям

Пауэрскорта, называть не стал. Перо стенографиста летало по бумаге, скрип его заполнил тишину, наступившую после того, как умолк Роузбери.

— Мы считаем, — Роузбери важно покивал сэру Джорджу Тревельяну, — что на первый случай газеты могли бы ограничиться простым извещением о болезни, сопровождаемым, если вы сочтете это уместным, списком лиц, находящихся сейчас в Сандринхеме.

— Разумеется, разумеется, — с неменьшей важностью покивал и Баррингтон. Если б газеты всегда оставались такими ручными и послушными, подумал Роузбери, затруднений у нас сейчас было бы гораздо меньше.

— Существуют, однако, и дополнительные сведения касательно причин недуга, сведения, о которых можно будет упомянуть на следующий день, если, конечно, недуг не прекратится.

— «Таймс» будет до крайности благодарна вам, лорд Роузбери, сэр Джордж, — Баррингтон, подумалось Тревельяну, говорит совершенно как посол великой державы, излагающий условия договора в Министерстве иностранных дел.

— В прошлый понедельник герцогу, присутствовавшему на похоронах принца Виктора Гогенгоэ, стало не по себе. Вторник он провел в Сандринхеме. В среду отправился на охоту, а день этот, как вы, не сомневаюсь, помните, даже здесь, в теплом Лондоне, был необычайно студен. В четверг он вновь занемог, болезнь продолжалась и в пятницу, в день его рождения.

И тут Роузбери вдруг обнаружил, что ему отказала память. Кое-какие сведения напрочь вылетели из его головы, как у забывшего реплику актера. Вот только суфлера у него не имелось — разве что Тревельян, но тот еще не успел прочесть всю пьесу целиком. Присутствовал принц Эдди на торжественном обеде, данном в честь дня его рождения, или не присутствовал? Что значилось в легенде, сочиненной нынче им, Сутером и Шепстоуном? Что принц остался в своей комнате? Или появился на обеде, но вынужден был покинуть его

пораньше? Роузбери просто-напросто не мог припомнить.

Однако делать было нечего, следовало продолжать.

— И это, джентльмены, практически все, что мы можем сказать вам в настоящее время.

В комнате повисло молчание, перо стенографиста наконец угомонилось. Баррингтон взглянул на часы.

— Лорд Роузбери, сэр Джордж, прошу меня простить. Время не ждет никого, даже «Таймс».

Интересно, погадал Тревельян, сколько раз он повторил этот каламбур за последние двадцать лет?

— Мне необходимо вернуться в офис. Мы должны будем включить этот материал в ближайший выпуск газеты. Так что надо поторапливаться. Мы очень вам благодарны. Я немедленно направлю в Сандринхем репортера.

И двое газетчиков покинули гостиную.

— Что ж, думаю, все прошло, как мы и ожидали, лорд Роузбери. Теперь нам следует договориться о дальнейших наших действиях.

— Разумеется, разумеется, — Роузбери смотрел на опустевшую софу.

— Как вы думаете, Баррингтон повсюду таскает за собой этого господина? Своего бессловесного секретаря? По-моему, за все время, проведенное им здесь, он так и не промолвил ни слова.

— Возможно, это его присяжный писец, — ответил Тревельян, — что-то вроде тех людей с глиняными табличками, что ходили за восточными властелинами по их дворцам, записывая каждое произнесенное господином слово.

Роузбери вдруг рассмеялся, ощутив, как спадает владевшее им напряжение.

— Вы думаете, он и еду Баррингтона пробует прежде него?

На древних улицах Кингз-Линна, городка в семи милях к югу от Сандринхема, снег уже обратился в слякоть. Пауэрскорт, разбрызгивая ее, добрался до

входа в вестибюль гостиницы «Королевская голова» и, поднявшись на второй этаж, обнаружил в отдельной гостиной пьющего пиво лорда Джонни Фицджеральда и пьющего чай Уильяма Маккензи. К нему прибыло подкрепление.

— Пауэрскорт! Наконец-то! — Фицджеральд выпростал свое высокое тело из лучшего в комнате кресла и с пылом пожал руку друга.

— Сегодняшний вечер обращается в сходку кланов, — сказал Маккензи, низкорослый, немногословный человек тридцати с небольшим лет. Он был тем, кого в Индии называли «траппером». Обучившийся в родной Шотландии тонкому искусству выслеживания оленя, Маккензи обратил его в искусство выслеживания людей. В Индии, как и на родине, о нем говорили с почтительным трепетом.

— Я так рад, что вы здесь, — Пауэрскорт, опустившись в кресло у камина, оглядел своих товарищей. — Давайте, я расскажу вам, в чем состоит дело.

И Пауэрскорт рассказал обо всем — о рассеченном горле и артериях, об озерах крови на полу. Рассказал о плане сокрытия убийства от общества и властей. О деяниях майора Дони и его команды таинственных умельцев, обладателей колдовских навыков, военных и гражданских.

— Так от нас ожидают, что мы найдем того, кто все это учинил? Я правильно понимаю? — Фицджеральд основательно отхлебнул из высокой кружки. — Господи, но как же мы это сделаем, Фрэнсис? Лужи крови по всему полу. Точно в мясницкой в день разделки туш.

— Все что нам остается, — ответил, озирая свое маленькое войско, Пауэрскорт, — это начать с самого начала. — Да мы и всегда так делали — и в Индии, и в Лондоне. В Уилшире, если ты помнишь, у нас было поначалу даже меньше того, что есть здесь. Я думаю... — он примолк, с ужасом вглядываясь в висящее на стене пошловатое изображение шотландского нагорья. — Думаю, первым делом нужно будет отсеять всякого рода людей со стороны.

Джонни, — Фицджеральд только что прикончил кружку и теперь с недоумением оглядывал ее, словно удивляясь, что она опустела так быстро. — Есть сведения, что где-то поблизости находятся русские. Если верить слугам Сандринхема, русские повсюду — в Дерсингеме, в Ханстентоне, в Фейкенеме, в общем, куда ни глянь, везде русские.

– А где, черт возьми, находится этот самый Фейкенем? — Фицджеральд прискорбно славился полным невежеством по части географии, распространявшимся и на страну, в которой он прожил многие годы.

— На северо-востоке от Сандринхема. Вон на стене карта висит, она тебе поможет. Принц Уэльский убежден, что один из этих русских — или не один — и есть убийца его сына. Сам я в этом сомневаюсь, однако собираюсь разыгрывать русскую карту по возможности дольше. Мне не хочется, чтобы они знали, кто у меня на подозрении.

— Что до вас, Уильям Маккензи, я ныне нуждаюсь в вашей искусности как никогда. И прежде всего, мне необходимо знать ваше мнение о том, пытался ли кто-нибудь проникнуть в Сандринхем или выбраться из него. Поместье окружено высокими стенами, ворота на ночь запираются. При снеге, который навалило вокруг, выяснить что-либо вам будет очень трудно.

— Трудно-то, трудно, но не невозможно, я бы так сказал.

Пауэрскорт ощутил вдруг страшную усталость. Завтра, знал он, ему предстоит провести в большом доме еще один день. И все же, глядя на своих товарищей, уже всматривавшихся в карту и обсуждавших планы на завтра, Пауэрскорт понимал, что теперь он не один.

Как это похоже на Фрэнсиса, с горечью размышляла старшая из его сестер, взять и просто-напросто исчезнуть. Вот только что он с удовольствием играл наверху с племянниками, с этой глу-

пой доской и солдатиками, изображающими битву при Ватерлоо, и вдруг — хвать, а его уже нет.

А ведь существует еще и леди Люси, которую он развлекал за обедом здесь, в ее, Розалинды, доме на Сент-Джеймсской площади, а после водил в Национальную галерею разглядывать какие-то скучные картины, и, быть может, их дружба могла перерасти во что-то более существенное. Теперь же и она покинута, как какая-нибудь древняя гречанка, сидящая на знойном острове, пока герой ее плавает неведомо где, а после возвращается, забыв сменить паруса.

Леди Розалинда Пембридж пригласила леди Люси Гамильтон на чашку чая. Леди Люси очень ей нравилась. Может, удастся выведать у нее, как развивается их с братом знакомство. Или же сама она сумеет успокоить леди Люси, поведав ей о странных обыкновениях Фрэнсиса. Впрочем, пока леди Розалинда разливала чай и предлагала гостье сэндвичи с яйцом, в голове ее вертелись мысли куда более важные.

— Я подумываю переменить здесь шторы, леди Люси. Пембридж сказал, что я могу потратить на это пару сотен фунтов или около того. Как по-вашему, какие мне лучше купить — с рисунком или ровные?

— В «Либертиз»* только что появились прекрасные ткани, — сказала леди Люси, хорошо понимавшая, что выбор штор — дело сложное и хлопотливое.

— Ко мне как раз завтра утром придет человек из «Либертиз», — сообщила леди Розалинда. — И принесет целую книгу образцов. Он пытался заинтересовать меня японскими рисунками. Говорит, они входят в моду. Вы не видели этих японских рисунков, леди Люси?

— Кое-какие видела. Они очень красивы. А что думает об этом лорд Пембридж?

— Пембридж! — леди Розалинда издала сардонический смешок. — Пембридж не поймет даже,

* Большой лондонский универсальный магазин.

где они сделаны — в Токио или в Тимбукту. — Она покачала головой, сокрушаясь об отсутствии у мужской половины рода человеческого какого бы то ни было интереса к прекрасному. И тут мысли ее произвели скачок в сторону, к брату. — Имеются ли у вас какие-либо известия от Фрэнсиса, леди Люси?

— Я получила от него записку. Собственно, даже две, — леди Люси улыбнулась каким-то своим мыслям. — Он где-то в Норфолке. Где именно, не написал. Пишет, что это связано с его работой и что ему приходится очень трудно.

— Как это на него похоже, — леди Розалинда подлила себе и гостье чаю. Снаружи зажигались на огромной площади фонари. — Когда все мы многие годы тому назад только переехали в Лондон, еще до того, как вышли замуж, — судя по выражению ее лица, припомнить времена своего девичества леди Розалинде было трудновато, — Фрэнсис водил нас, всех трех, по балам и тому подобное. Наверное, так он выполнял свой долг. Но даже в ту пору начнешь, бывало, оглядываться по сторонам в поисках незанятого мужчины, который мог бы заполнить пробел в твоей бальной карточке или повести тебя к столу, и вдруг выясняется, что Фрэнсис исчез! Просто-напросто растворился в воздухе! Он, разумеется, неизменно появлялся под конец вечера, чтобы отвезти нас домой. Но это было до того утомительно. Однажды по дороге домой моя младшая сестра, Элинор, даже стукнула его за это сумочкой по голове.

— А он хорошо танцевал? Фрэнсис, хочу я сказать. Когда не исчезал, — леди Люси вдруг увидела себя и Фрэнсиса плывущими по полу одного из огромных бальных залов Лондона, не разговаривая, устремив глаза в будущее.

— О, как мило, что вы упомянули об этом. Да, он был великолепен. Только никогда нельзя было понять, о чем он думает. Ноги его прекрасно делали свое дело, а мысли могли в это время витать где угодно.

Люси улыбнулась. Это она себе представляла очень хорошо.

— Можно было подумать, — продолжала леди Розалинда, любившая посудачить о недочетах брата, — что, когда мы выйдем замуж и ему не придется таскаться с нами по балам, они прекратятся. Исчезновения Фрэнсиса, это я о них говорю. Так нет же. Все осталось по-прежнему. Вы знакомы с его близким другом лордом Роузбери?

Леди Люси сказала, что несколько лет назад познакомилась с ним в доме своего брата.

— Однажды — Роузбери был в ту пору министром иностранных дел — он пригласил Фрэнсиса в министерство на очень важный обед. С послами, с прочими министрами иностранных дел — такое было общество. По-моему, в то время в Лондоне проходила какая-то важная конференция. И до пудинга все шло прекрасно. Фрэнсис сидел на месте, вел учтивые разговоры и даже на пол ничего не пролил. А потом один из лакеев принес ему записку, вместе с крем-брюле. Роузбери говорил мне, что крем-брюле был отменный, лучше, чем в Париже. Фрэнсис прочел записку. И попросту исчез. Скрылся через кухню. Посол Германии, граф фон что-то там такое, обнаружил, что разговаривает с пустым креслом. Жена французского министра иностранных дел с набережной д'Орсе обращалась со своими замечаниями к смятой салфетке. Представляете, блестящее общество, и вдруг в нем появляется прореха, как будто зуб только что выпал. Это Фрэнсис взял да и растворился в ночи. Даже Роузбери, и тот на него рассердился.

Леди Люси рассмеялась. Она понимала, что у Фрэнсиса наверняка имелась для такого исчезновения весьма основательная причина. Но не была уверена, что ей стоит говорить об этом.

В дверь робко постучали.

— Кто бы это в такой час? — леди Розалинда приняла недовольный вид. — Пембридж так рано никогда не возвращается.

Стук повторился.

— Войдите! — крикнула леди Розалинда.

В дверь опасливо просунулась взъерошенная мальчишечья голова. Уильям Пембридж, восьми лет от роду, был избран братьями главой депутации в пугающий мир гостиной внизу.

— Ты что здесь делаешь, Уильям? — тон матери был добродушен, но тверд.

— Я насчет сражения, мама. Мы не знаем, что делать дальше.

— Сражения? Какого сражения? Вы что, опять передрались?

— Нет, мама, мы не деремся. Уильям выглядел утомленным, похоже, дипломатическая миссия требовала от него слишком большой траты сил. — Просто мы не знаем, что делать дальше. В Ватерлоо. На той большой доске. Ну, которую дядя Фрэнсис подарил нам вместе с солдатиками.

— Ну вот вам, пожалуйста. Пожалуйста. Ах, Фрэнсис, Фрэнсис, — леди Розалинда вздохнула с таким сокрушением, словно от брата хлопот ей доставалось даже больше, чем от сыновей. Фрэнсис, леди Люси, был настолько добр, что подарил мальчикам на Рождество большую доску. Огромную модель поля битвы под Ватерлоо с солдатиками, игрушечными фермами и всем прочим. И все четверо часами упоенно играли с ней. Четверо младенцев. А после Фрэнсис исчез, умчался с лордом Роузбери в ночь, в самом начале сражения. Вот мальчики и расстроились. В чем там у вас дело, Уильям?

— Мы не знаем, что происходит дальше. После фермы Угумон. Может, ты знаешь, мама?

Не говори глупостей, Уильям. Конечно, не знаю. Не думаю, что и отец ваш знает. Придется вам ждать, пока не вернется дядя Фрэнсис.

Уильям совсем погрустнел. Ему еще предстояло докладывать братьям о неудаче. Всем им так не терпелось продолжить битву.

— Так ведь дядя Фрэнсис может вернуться не скоро. Ты же сказала, что он исчез.

— Ты знаешь своего дядю, Уильям, не хуже моего.

— Может быть, я смогу помочь.

Уильям с сомнением окинул взором тонкую, изящную фигурку леди Люси. Что могут молодые женщины понимать в сражениях и прочих важных делах?

— Видите ли, я довольно много знаю о Ватерлоо. Там сражался мой дед. В кавалерии. Когда мы были маленькими, он нам часто об этом рассказывал. Собственно, и когда мы выросли, тоже.

«Лучший день моей жизни, высший момент карьеры, — часто повторял в последние свои дни старый генерал, вглядываясь почти ослепшими глазами в камин. — Какой был день! Какая атака!»

— У леди Люси найдутся дела поинтереснее, чем лезть с вами наверх и играть в солдатики, Уильям. Возвращайся к братьям. Ступай.

— Ну, пожалуйста, мам. Можно, леди Люси поднимется к нам на минутку? Это бы все переменило.

— Конечно, поднимусь. И с удовольствием вам помогу, если сумею, — и леди Люси заверила леди Розалинду, что ее это нисколько не затруднит. Когда Уильям распахнул дверь гостиной, младшие его братья едва не попадали внутрь. Они подслушивали весь разговор у замочной скважины.

— Я Патрик, — представился средний из братьев. — Барабанщик, вожу французскую армию в атаки.

— А я Александр, — сообщил самый младший. — Горнист. Трублю сигналы, когда мне приказывает герцог Веллингтон.

И они с надеждой воззрились на леди Люси.

— Ну что же, — сказала, озирая поле битвы, леди Люси. — Я вижу, штурм фермы Угумон закончился неудачей.

И она рассказала мальчикам, как британская кавалерия неслась вниз по склону в атаку, как летели галопом кони, летели к катастрофе, поскольку внизу, в долине, французы убили каждого десятого кавалериста. Уж не стал ли, гадала она, ее

дед моделью для одного из этих игрушечных конников? Она рассказала, как наступала вверх по склону императорская гвардия Наполеона, ведомая маршалом Неем и подстегиваемая непрестанной дробью, которую отбивали юные барабанщики. Рассказала, как британцы залегли вверху склона, поджидая врага, поджидая корпус, который за двадцать лет войны не изведал ни единого поражения.

Под ними, в гостиной, леди Розалинда рисовала в воображении картины жизни, которую Фрэнсис и Люси станут вести в их большом доме. Весь верхний этаж займут у них огромные игры. Битвы, солдаты, пушки, барабаны, разложенные по чердаку.

«Мальплаке, — подумала она. — Бленхейм, Ауденард»*. На этом ей пришлось остановиться.

Больше леди Розалинда никаких сражений не знала.

---

* Три из числа сражений, выигранных английским полководцем Джоном Черчиллем Мальборо (1650–1722) во время войны за Испанское наследство.

9.

«Таймс», понедельник, 11 января 1892
Инфлюэнца
Болезнь герцога Кларенсского и Авондэйлского

С прискорбием извещаем, что герцог Кларенсский и Авондэйлский, который находится ныне вместе с принцем и принцессой Уэльскими в Сандринхеме, поражен тяжелым приступом инфлюэнцы, отягощенной пневмонией. В полученной вчера из Сандринхема телеграмме говорится, что силы Его королевского высочества должным образом поддерживаются. С субботы в Сандринхеме находится доктор Лейкинг. Разумеется, в настоящее время все назначенные герцогом встречи отменены.

— Вам, должно быть, приходилось видеть немало мертвых тел, лорд Пауэрскорт?

Лорд Генри Ланкастер был человеком, обнаружившим тело принца Эдди. Он приходился младшим сыном герцогу Дорсетскому — двадцатипятилетний, высокий и очень стройный, со светлыми волосами, которые развевались сейчас под крепким ветром, дующим с Северного моря. Пауэрскорт отвез его из Сандринхем-Хауса на прогулку по дюнам под Ханстентоном, стоявшим в нескольких милях севернее Сандринхема.

— Я хочу сказать, что тоже их повидал, — продолжал он, словно не желая выглядеть совсем уж невинным в этом отношении человеком, — но вы-то должны были видеть многое множество.

Пауэрскорт взглянул на него, ощутив внезапный прилив симпатии. Внутренне он относился к

их беседе, как к допросу; он уже отрепетировал на свой аналитический манер разнообразные направления расследования, наметил моменты, в которых, скорее всего, столкнется с увертками, прикинул, какого рода ложь ему предстоит выслушать. Теперь же он понял, что эта беседа требует не столько холодного рассудка историка, сколько отеческого сопереживания. Что ж, отцом ему пришлось побыть очень недолгое время, зато он прошел долгую и порой мучительную выучку старшего брата.

— Ну, в Индии, во время Афганских войн, мне случалось видеть их немало. В разгар боя, когда кровь бурлит в твоих жилах, зрелище это представляется нормальным. Если все идет хорошо, ты кажешься себе бессмертным, думаешь, что в этот день тебя никак уж не убьют. Горевать начинаешь только потом, думая о павших товарищах. Помните, лорд Байрон говорит в «Чайльд-Гарольде»:

...жребий юных смельчаков:
Как смятые телами павших травы,
К сырой земле их клонит бой кровавый.
Но май придет — и травы расцвели,
А те, кто с честью пал на поле славы,
Хоть воплощенной доблестью пришли,
Истлеют без гробов в объятиях земли[*].

— В двенадцать лет я декламировал этот отрывок перед всей школой, — сказал Ланкастер. — Я и сейчас еще помню его слово в слово.

— Еще бы, — отозвался Пауэрскорт. — Такие слова не забываются.

Они пересекли дюны и шли теперь вдоль берега, бурное море тянулось темно-серыми линиями волн к призрачному горизонту. Ладно, подумал Пауэрскорт, пора приступать к вопросам.

— Как все выглядело, когда вы нашли его? — спросил он, забрасывая в море подвернувшийся

[*] Джордж Гордон Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда». III. 27. *(Пер. В. Левика.)*

под ногу камушек. Камушек обжег ему пальцы ледяной стужей.

— Ужасно, ужасно, — молодой человек содрогнулся, словно в попытке воскресить в памяти то, что хотел бы забыть. — Этот запах, — его опять пронизала легкая дрожь. — Густой, такой густой, что трудно было дышать, и очень сильный, точно какие-то жуткие благовония смерти.

Молодой человек замолчал. Пауэрскорт не произнес ни слова. Он ожидал продолжения.

— И потом, кровь. Обычно говорят, что она красная. Эта была не просто красной. Местами она была черной, а там, где еще сочилась из запястий, — невероятно яркой, алой и словно отполированной. А под окном ее натекла огромная лужа.

— Армейские врачи очень скоро смогут сказать нам, в какой именно час он умер. Прошлой ночью, когда все улеглись по постелям, они исследовали тело. Видите ли, не знаю почему, но я думаю, что его сначала убили, а потом уж сделали эти давшие столько крови надрезы.

Еще произнося эти слова, Пауэрскорт пожалел о них. Не следовало ему в таких обстоятельствах выхваляться своими умными теориями. Люди из специального отряда могли обыскивать кровлю и землю вокруг дома, могли наводить вблизи и вдали от него справки о появлении в этих местах загадочных иностранцев, принц Уэльский мог убеждать себя в том, что убийцей был некий иноземный изверг, русский или ирландский фанатик, подкупленный врагами Ее Величества. Пауэрскорт же был практически уверен, что убийца, прежде чем рискнуть подняться наверх и зарезать принца Эдди, спал на чистых простынях чистой постели, как гость Сандрингхем-Хауса. И вот вам, пожалуйста, он доверяет самые свои сокровенные мысли человеку, который может оказаться одним из главных подозреваемых. Как глупо! И Пауэрскорт выбранил себя за безрассудство.

— Однако скажите, — поспешно спросил он, стараясь прикрыть важность только что сказанного, — когда вы его увидели, он лежал на спине?

— Да. И знаете, я с тех пор все стараюсь выбросить это из головы, но на лице его, над этим разрезанным горлом, застыло подобие глуповатой ухмылки. Вы, полагаю, видели тело?

— Да, видел, — ответил Пауэрскорт, — и боюсь, что вы дали довольно точное его описание. Еще одно — окно, когда вы вошли, было открыто?

— Да, однако ветра не хватало на то, чтобы разогнать запах.

— Что вы еще заметили?

— Ну, боюсь, у меня нет навыков, необходимых в подобных делах, — голос Ланкастера замер. Завывания ветра и удары волн о берег означали, что собеседникам приходилось почти перекрикиваться. Каждое произнесенное ими слово уносилось за их спины и пропадало в темных просторах Северного моря.

— Я имел в виду следующее: если отвлечься от мертвеца, присутствовало что-нибудь необычное в мебели, в одежде, в чем угодно? — задавая этот вопрос, Пауэрскорт наклонился поближе к Ланкастеру.

— Не думаю, — молодой человек в сомнении пожал плечами. Внезапный порыв ветра с воем погнал на них небольшую стену песка, запорошившего обоим глаза и лица. Превосходное, подумал Пауэрскорт, прикрытие для человека, которому есть что скрывать. Не услышал ли я только что ложь?

— Вы ничего не выносили оттуда, не убирали чего-либо с пола?

— Как вы узнали, как узнали? — Ланкастер говорил теперь негромко, и в глазах его, направленных на Пауэрскорта, стояла жгучая мольба. Пауэрскорту еще предстояло не одну неделю гадать, что эта мольба означала. Ланкастер с секунду помолчал. — На полу лежал портрет. Стекло было разбито в мелкие кусочки. Чтобы сделать это, нужно было приложить немалые усилия. Походило на то, что убийца раз за разом давил портрет каблуком. И вложил в это столько же ненависти, сколько в само убийство.

— Вы можете сказать мне, чей это был портрет?— медленно спросил Пауэрскорт.

— О да, понимаете, это, должно быть, и разъярило убийцу — то, что ему никак не удавалось превратить портрет в неразличимую кашу. То был портрет невесты принца Эдди, принцессы Мэй фон Тек.

— И что вы с ним сделали?

— Я... я постарался собрать все кусочки, — ответил Ланкастер; ветер раскачивал его стройное тело. — Уложил их в карман, а потом, когда поднялась всеобщая суматоха, отнес в Сандринхемский лес и выбросил в кучу мусора. Послушайте, вы ведь верите мне, правда?

Пауэрскорт не имел уже ни малейшего представления, кому тут можно верить, кому нельзя. Однако после совершенной им совсем недавно ошибки понимал, что именно должен ответить.

— Разумеется, я верю вам, лорд Ланкастер, — он обнял молодого человека за плечи. — Разумеется, верю.

На обратном пути Пауэрскорт расспрашивал молодого человека о других конюших и круге их обязанностей.

— После того как он заболел в свой день рождения, шестеро из нас несли круглосуточное дежурство, по четыре часа каждый. В день его смерти я, помнится, пожелал ему спокойной ночи, а потом дежурил с трех до семи. Были еще медицинские сестры, дежурившие так же, как мы, но для них отвели другую гостиную.

— Что вам сказали в три часа, когда вы заступали на дежурство?

— Сестра сказала, что принц Эдди спит и тревожить его не следует. Так что я только утром заглянул к нему узнать, не хочет ли он позавтракать или попить. Инфлюэнца порождает порой сильную жажду.

— Так кто же эти другие конюшие?

— Ну, кроме меня дежурили Гарри Радклифф, Чарльз Певерил, Уильям Брокхем, лорд Эдуард Грешем и Фредерик Мортимер.

— А кто дежурил перед вами?

— Гарри Радклифф. По словам сестры, после того как она сказала мне, что Эдди спит, Гарри отправился в постель.

— Понятно, — произнес Пауэрскорт. — Думаю, позже у меня может возникнуть необходимость задать вам еще несколько вопросов. Вы не против?

— Нисколько, — в голосе Ланкастера прозвучало облегчение, вызванное окончанием допроса.

Обогнув ограду дома, они увидели, что на Нориджских воротах уже вывешен новый бюллетень Шепстоуна.

Сандринхем, вечер понедельника.
Болезнь герцога Кларенсского и Авондэйлского продолжает развиваться в худшую сторону, однако Его королевское высочество полны сил и бодрости духа.
Бартл Шепстоун, управитель Двора.

У ворот собралась небольшая толпа, в коей присутствовали и двое, одетые по-лондонски, не по-норфолкски. Лица у обоих были настороженные, любопытные, оба что-то выспрашивали местных жителей.

Газетчики, подумал Пауэрскорт. Уже слетелись.

— Очень жаль, лорд Пауэрскорт, что нам приходится знакомиться при столь печальных обстоятельствах, — майор Эдвин Донн, командир таинственного армейского подразделения, призванного сюда сэром Бартлом Шепстоуном, шел навстречу Пауэрскорту от парадной двери Сандринхем-Хауса. — Я много слышал о вашей работе в Индии.

Пауэрскорта вдруг передернуло — он представил себе, как убийца, оставшись в комнате принца Эдди наедине с окровавленным трупом, отыскивает фотографию принцессы Мэй и в приступе бешенства топчет ее, стараясь обратить в ничто, а кровь хлыщет из вен мертвеца и стекло фотографии дробится под ударами убийцы на все более мелкие кусочки. Здесь и покойнику находиться

небезопасно. Даже фотографии живых, и те ожидает погибель.

— Сколько я понимаю, вашим людям пришлось сегодня после полудня основательно потрудиться?

— Да уж, пришлось, и пока они справляются неплохо, — ответил Дони. — Но к делу, лорд Пауэрскорт, вы же не без причины вытащили меня из дома.

— Разумеется, — Пауэрскорт приостановился на самом верху широкой гравиевой подъездной дорожки. Свет уже тускнел. Снег похрустывал под ногами. Пауэрскорт повел майора за живую изгородь. Некий мелкий обитатель зарослей Сандрингема метнулся мимо них и исчез в белом просторе. — Мне хотелось бы привлечь ваше внимание к крыше дома, майор Дони.

— Крыше? — Дони внутренне погадал, не сошел ли его собеседник с ума. Крыша была как крыша — с королевским штандартом принца Уэльского на флагштоке.

— Отсчитайте влево от парадного входа пять окон. И поднимитесь на одно вверх. Это комната, в которой убили несчастного принца.

Дони, все еще не обретший окончательной уверенности в здравости ума своего собеседника, отсчитал окна.

— Вы говорите об окне, окруженном не обычным красным кирпичом, а камнем? С маленьким декоративным крестом над ним?

Вдали заухала рано проснувшаяся сова. Колокола дерсингемской церкви отбили пять часов.

— Именно-именно, — ответил Пауэрскорт. — Так вот, насколько мне известно, это окно в ночь убийства заперто не было. Вы можете, конечно, спросить, почему его оставили открытым при такой-то температуре, однако люди, страдающие инфлюэнцей, или чем там страдал принц, совершают порою поступки странные. И я подумал, не мог ли убийца перелезть через крышу, спуститься по этой стороне дома, открыть окно, убить принца Эдди и тем же путем удалиться.

— Господи, спаси мою душу! — выдавил майор Дони.

— Давайте обойдем вокруг дома и посмотрим, откуда он мог начать. В вашей команде найдутся хорошие скалолазы, майор?

Мы умеем омывать мертвое тело. Мы умеем приводить в порядок залитую кровью комнату, думал Дони. А теперь этому ирландскому пэру угодно знать, не обучены ли мы также ремеслу скалолаза или вора-форточника.

Двое мужчин осматривали дом с тыльной его стороны, света здесь было немного больше.

— Я хотел бы обратить ваше внимание, — Пауэрскорт указал одним из длинных пальцев, столь очаровавших леди Люси, — на второй этаж, на окна, что несколько правее флагштока. Их здесь по меньшей мере шесть. Это и есть примерно то место, с которого следует начать нашему скалолазу.

— Вы говорите о комнатах конюших? — ошеломленно спросил Дони.

— Майор Дони, мы оба научились осмотрительности, научились хранить молчание, не говорить всего, что знаем. Увы, такова самая суть, основа нашей профессиональной жизни. Мы находимся здесь потому, что я знал – вам я могу довериться целиком и полностью. — Пауэрскорт произнес это шепотом, поскольку заметил двух неопределимых в сумраке людей, направлявшихся к главному входу. — Так есть у вас скалолазы?

Этот человек не из тех, кто легко уступает, думал Пауэрскорт. Если он уступает вообще. Он ощущал в своем спутнике стальную волю, прикрываемую на людях быстрым остроумием либо неторопливым обаянием.

— Вообще говоря, есть. По-моему, даже двое. Однако я полагаю, для ваших целей хватит и одного?

— Верно. И вот еще что, на мой взгляд, попытка перейти кровлю, начав с одной из этих комнат, будет сопряжена с немалыми трудностями.

Дони даже и думать не хотелось о том, что может произойти с незваным гостем, который попытается прокрасться в ранний утренний час через комнату одного из конюших лишь затем, чтобы

вылезти из окна в ночь и подняться на крышу. Он сомневался, что такому человеку удастся остаться в живых.

— Однако в четырех-пяти окнах от тех, что нас интересуют, расположена маленькая дверь. Видите ее? Думаю, наш друг-скалолаз может начать свой поход с нее. По-моему, там достаточно зацепок и опор для ног. Хотя, возможно, он воспользуется веревками и иным снаряжением.

— Веревками? — Дони напряженно размышлял, прикидывая в сумерках расстояния и высоты. — Это, конечно, не Маттерхорн. Однако, согласен, веревки могут понадобиться. Но, послушайте, Пауэрскорт, я полагаю, у человека, который смог перебраться через кровлю пару ночей назад, нашлось время, чтобы приглядеться к ней в дневное время. Он должен был походить вокруг дома, быть может, изучить крышу с некоторого расстояния, воспользовавшись, к примеру, подзорной трубой — чем-нибудь в этом роде.

— Уверен, что так и было, — ответил Пауэрскорт. — Вы предпочли бы назначить восхождение на Сандринхем на следующую ночь, не на эту? Чтобы ваш человек мог разобраться в своей задаче?

— Мне кажется, это было бы более разумным. Нам же не хочется объяснять потом, почему один из наших людей погиб, пытаясь залезть по стене на крышу Сандринхема, не так ли, лорд Пауэрскорт? — Дони потирал, согревая, ладони, и шелест их наполнял ночной воздух. — Что вы скажете о двух часах утра? И полагаю, вы хотите, чтобы я ни единой живой душе об этом предприятии не рассказывал?

— Два часа — это очень хорошо. А полное молчание, боюсь, еще лучше. И распространяться оно должно на всех.

— Даже на Шепстоуна?

— Даже на Шепстоуна, — ответ Пауэрскорта прозвучал очень холодно.

Хотел бы я знать, что у него на уме, думал Дони, пока они возвращались к парадному входу, какие

страшноватые странствия совершает его воображение? Ибо Дони понимал теперь, что ключ ко всему расследованию кроется в голове Пауэрскорта, мысленно складывающего и перекладывающего кусочки окровавленной разрезной картинки.

«Таймс», понедельник, 11 января 1892
Инфлюэнца
Болезнь герцога Кларенсского и Авондэйлского

Вчерашнее известие о серьезной болезни герцога Кларенсского и Авондэйлского опечалило всю страну, о чем свидетельствует обилие запросов, с которыми люди обращаются в Сандринхем-Хаус. Запросы производятся как устным порядком, так и по телеграфу, почти исчерпывая возможности установленного в Сандринхем-Хаусе телеграфного аппарата. Что касается истоков заболевания герцога, оно началось с того, что, вернувшись в понедельник прошлой недели с похорон принца Виктора Гогенгоэ, он почувствовал слабость, однако отправился в среду на охоту, что, как опасаются, пагубно сказалось на состоянии его здоровья. Весь четверг он провел в Сандринхем-Хаусе, однако симптомы болезни не позволяли в то время отличить ее от обычной простуды. В пятницу герцогу стало хуже, он занемог настолько, что уже не покидал своей комнаты и не смог присутствовать на данном в честь дня его рождения обеде. В субботу было сочтено необходимым испросить совета у доктора Лейкинга, который вместе с доктором Бродбентом выхаживал недавно серьезно заболевшего принца Георга Уэльского. Всю субботу и воскресенье герцог страдал от обострения инфлюэнцы, сопровождаемой пневмонией, однако врачи имели возможность сообщить, что им «удается поддерживать» его силы.

— Иностранцы, клятые иностранцы! — лорд Джонни Фицджеральд возлежал на софе гостиной в отеле Кингз-Линн. Пауэрскорт отметил, что по правую руку его застыли в терпеливом ожидании

уже две высокие пивные кружки. Перед Уильямом Маккензи стоял чай и тарелка с печеньем.

— Мы все здесь клятые иностранцы, — продолжал Фицджеральд тоном исстрадавшегося человека. — Я — клятый иностранец. Ты, Фрэнсис, клятый иностранец. И Уильям тоже. Господи, да в этой части света тебя считают иностранцем, даже если ты родом из Питерборо. И все на тебя смотрят. Таращатся так, точно у тебя две головы. Зайдешь купить что-нибудь в лавку, и все, кто там есть, умолкают — а ну как ты вражеский агент.

— Наверняка в этом должны быть и свои преимущества, — рассмеялся Пауэрскорт. — Если уж на нас обращают внимание, то и прочие чужаки должны всем бросаться в глаза.

— Так оно и есть, — лорд Джонни, от души глотнув пива, стер с подбородка пену. — Что напоминает мне о моем отчете. — Он лежал на софе и смотрел в потолок. Большой паук, ускользнувший от внимания горничных, сплетал там сложную сеть для своих будущих жертв. — Сначала о русских. Слуги Сандринхема были правы. В окрестностях присутствует компания русских. Однако вынужден с прискорбием доложить, что русские эти более чем респектабельны.

Из тона, каким он это произнес, можно было вывести, что Фицджеральд затрудняется представить себе респектабельного русского.

— Их здесь шестеро, — продолжал он. То же самое, что с конюшими, подумал вдруг Пауэрскорт. Шестеро — это самое милое дело. Шестеро людей честных* и верных. Полдюжины. Половина жюри присяжных. — Все они из Санкт-Петербурга, — говорил между тем Фицджеральд, — из какого-то Технологического института при тамошнем университете. За главного у них некий профессор Иван Ромицев. У него двое помощников — Дмитрий Ватутин и Николай Деканозов. Нет, но какова у меня память-то, а? — он огляделся по сторонам в ожидании восхищения и оваций.

---

* У. Шекспир. «Много шума из ничего», акт 3, сцена 3.

Двое других джентльменов — только не просите, чтобы я припомнил и их имена, все они у меня где-то записаны, — лаборанты. Всю эту команду интересует развитие печатного дела. Они хотят превратить свою типографию, которая находится в Выборге, это такое место в Санкт-Петербурге, в солидное промышленное предприятие. Приплыли сюда морем. И первым делом отправились в Питерборо, чтобы осмотреть установленные там новые машины, завезенные, насколько я знаю, из Америки. А теперь собираются в Колчестер и Лондон, полюбоваться на другие печатные станки.

— А почему их заметили в Сандринхеме, Джонни?

Как раз к этому и подхожу. Позволишь ты мне, наконец, закончить отчет? — и лорд Джонни, протестуя против того, что его то и дело перебивают, сделал еще один гигантский глоток пива. — Вся эта компания — верные подданные царя. И поездку свою они спланировали так, чтобы взглянуть на Сандринхем. Ведь супруга их царя — госпожа царь или как она там зовется? — родственница нашей Александры, не так ли? Услышав, что здесь рядом есть королевский дворец — а русские решили, что это должен быть дворец, — они отправились взглянуть на него. Думаю, русские рассчитывали увидеть некое огромное здание вроде тех колоссальных дворцов, что стоят в их Санкт-Петербурге. Летних дворцов, Зимних дворцов. Интересно, осенние и весенние у них тоже имеются? Может быть, Сандринхем — это британский зимний дворец? Для русских так оно и есть.

Должен тебе сказать, Фрэнсис, — Джонни, вспоминая русских, рассмеялся, — Сандрингхем их разочаровал. Это не дворец, говорили они в карете, которая подвозила их к главным воротам. Уж больно он маленький. Скорее — большая дача, так в их стране называют летний дом. Не думаю, Фрэнсис, что тебе стоит включать это в отчет, который ты представишь личному секретарю и глав-

ному управителю Двора. Никакой не дворец. Слишком он маленький.

Способен ли ты вообразить, Фрэнсис, хотя бы в самом буйном бреду, что кто-то из этих русских джентльменов, сотрудников Технологического института, может оказаться секретным агентом, революционером? Человеком, который днем разглядывает печатные станки, а по ночам упивается руководствами для анархистов? Думаю, нет.

Решительно нет. Вчера вечером я здорово напился с этими русскими. Ну, то есть это они здорово напились, а я просто немного перебрал. И думаю, они так же невинны, как наши работающие в Санкт-Петербурге печатники.

Имеется по соседству и некоторое количество ирландцев, — продолжал свой отчет лорд Джонни. — Это я не о нас с тобой, Фрэнсис. Пятеро ирландцев, рабочих, которые тянут телеграфные линии на север и на запад от Сандринхема.

Телеграфные линии, думал Пауэрскорт. За прожитые им годы он стал свидетелем упорного продвижения этих деревянных столбов по всей Британии — и вдоль нее, и поперек — точно огромная армия выстраивалась на плац-параде страны, армия, солдаты которой соединялись друг с другом не рукой, укладываемой на плечо стоящего впереди товарища, но одним мотком провода за другим. «Ты не пугайся, — думал он вслед за Просперо, — остров полон звуков»[*]. Слова радости и отчаяния летели по этим не понимающим их проводам. Рождения, супружества, смерти. Интересно, хватило ли его зятю, мистеру Уильяму Берку, здравомыслия вложить средства в компании, которые устанавливают телеграфные столбы, и в фабрики, производящие провода? Почти наверняка хватило. Появились и другие изобретения, еще более удивительные. Голоса, человеческие голоса передаются по проводам. Новые экипажи, которые движутся не лошадьми, но машинами. Пре-

---

[*] Тут автор немного напутал. Это слова не Просперо, а Калибана (У. Шекспир «Буря», акт 3, сцена 2).

красный новый мир'[1], — он снова вернулся к «Буре», на сей раз к Миранде, — нарождается под конец нашего века. Век Разума завершился. Как и Век Просвещения. Здравствуй, Век Машин.

— Фрэнсис, алло, алло. Ты здесь? — лорд Джонни знал Пауэрскорта так давно, что уже привык к этим его временным отлучкам. Джонни всегда считал их чем-то вроде отпуска по болезни. Вот и сейчас мозг бедняги снова увлек его неведомо куда.

— Конечно, конечно. — Не выпить ли мне, заодно с Уильямом Маккензи, чаю, подумал Пауэрскорт. — Ты говорил об ирландцах.

— Я, разумеется, перемолвился и с ними тоже. И имена их записал. Все они играют в Скибберине в одной крикетной команде. Как по-твоему, могут крикетиры быть революционерами?

— Чарльз Стюарт Парнелл, — сказал Пауэрскорт, — да упокоит Господь его душу, был капитаном крикетной команды графства Уиклоу. Я не уверен, что его можно назвать революционером. А ты как считаешь?

— Не вполне, не вполне, — Фицджеральд приступил ко второй кружке пива. — Как бы там ни было, я не думаю, что нужный нам человек находится среди них. Им приходится столько возиться со столбами — вкапывать их, выравнивать по отвесу, лезть наверх, крепить провода. Следующий давай, да побыстрее! Десятнику их, доложу я тебе, впору за рабами присматривать. Думаю, бродить ночами по окрестностям с мясницкими ножами в карманах сил у них не остается.

— Стало быть, русских и ирландцев мы можем с чистой совестью отставить в сторону, — никакого удивления в голосе Пауэрскорта не прозвучало. — Ты хорошо с этим справился, Джонни, и, похоже, положил немало трудов. Я очень тебе благодарен, как и всегда.

— Должен тебе сказать, что теперь я в санкт-петербургском Технологическом институте — желанный гость, — усмехнулся Джонни Фицдже-

[1] У. Шекспир. «Буря», акт 5, сцена 1.

ральд. — И в скромном доме профессора, забыл как его зовут, тоже. Они обещали, когда я приеду, устроить для меня турне по русским водочным заводам. Никто присоединиться не хочет?

Маккензи передернуло при одной лишь мысли об этом.

— Уильям, — обратился Пауэрскорт к своему признающему из всех напитков лишь чай кальвинисту. — Удалось вам отыскать что-нибудь в этом кошмарном снегу?

— И да, и нет, лорд Фрэнсис. «Да» — вот в каком смысле. Я обследовал всю землю вокруг Сандринхем-Хауса. Сделать окончательные выводы из-за снега довольно трудно. Но я не думаю, что кто-либо пытался проникнуть в дом или выбраться из него необычными, если вы понимаете, о чем я, способами. Конечно, всегда оставалась возможность воспользоваться дверью. Таково «да». «Нет» состоит в том, сэр, что я пока ничего не могу сказать наверняка. Мне надо бы поработать еще день или два. Сегодня у меня назначена на поздний вечер встреча кое с кем из местных браконьеров. Возможно, удастся получить какие-то сведения от них.

— Я хотел бы, чтобы завтра утром вы составили мне компанию в большом доме, Уильям. Давайте встретимся, ну, скажем, в десять у главного входа за Нориджскими воротами. Я попросил одного из армейских джентльменов проверить, существует ли возможность перелезть через крышу Сандринхема и проникнуть в «камеру смертника» на другой его стороне. Человек этот, как мне сказали, опытный скалолаз, однако я был бы рад услышать не только его мнение.

— Веревки, морские веревки, — сообщил Маккензи. — К ним привязывают такие штуковины, способные зацепиться за что угодно, за борт другого корабля, за укрепления, за зубцы крепостной стены. А на континенте сейчас изобретают все больше снаряжения для тех полоумных, что лазают по Альпам.

10.

«Таймс», среда, 13 января 1892
Болезнь герцога Кларенсского и Авондэйлского

Выражения сочувствия принцу и принцессе и надежд на скорейшее выздоровление их сына продолжали вчера стекаться в Сандринхем в виде писем и телеграмм со всех концов страны, в то же время и число людей, живущих неподалеку и лично приходивших к воротам и сторожкам Сандринхемского парка, было очень большим. В первом бюллетене, вывешенном на воротах Сандринхем-Хауса, значилось:

Сандринхем, Норфолк, 12 января, 10.30 утра

Относительно болезни герцога Кларенсского и Авондэйлского: воспаление легких протекает своим чередом, силы больного поддерживаются, однако возможность сообщить о каких-либо улучшениях в состоянии Его королевского высочества пока что отсутствует.

У. Г. Бродбент, ДМ
А. Г. Лейкинг, ДМ

Пауэрскорт всегда вспоминал свои разговоры с пятью другими конюшенными как проявление тщеты всего сущего. Ему пришлось столкнуться с каменной стеной хороших манер, превосходно оштукатуренной мягким обаянием высшего света. Он беседовал с одним конюшим за другим, прогуливаясь с ними по парку или встречаясь в совещательной гостиной Сутера, когда истекал срок их дежурства на верхнем этаже дома.

Вопросы неизменно оставались одними и теми же. Ответы тоже.

Видели они что-нибудь необычное в ночь убийства?

Нет, не видели. Гарри Радклифф, Чарльз Певерил, Уильям Брокхем, лорд Эдуард Грешем и почтенный Фредерик Мортимер были единогласны.

Не заметили ль чего-либо необычного в комнате, где умер Эдди, если, конечно, заглядывали в нее?

— Только ужасное обилие крови, — ответствовал хор старых итонцев.

Не слышали ль каких-либо странных шумов в самом доме или вблизи него?

Нет, не слышали. Исключение составил лорд Эдуард Грешем, которому казалось, будто в один из ночных часов он услышал удаляющийся от дома стук конских копыт. Нет, он боится, что точнее назвать время не в состоянии.

Способны ль они представить себе причину, по которой у кого-либо могло возникнуть желание убить принца Эдди?

— Определенно, нет, — отвечал хор конюших. Эдди был чертовски приятным малым. Соображал порою не очень быстро, но в этом нет ничего дурного. Армейские порядки усваивал не без труда, однако и в этом дурного мало.

Кто-либо из них слышал когда-нибудь от Эдди хоть слово о человеке, желающем ему зла, стремящемся как-то навредить?

Нет, никто не слышал.

— Если вы что-нибудь вспомните, что бы то ни было, способное помочь в разоблачении убийцы, прошу вас, немедленно свяжитесь со мной. Немедленно, где бы вы ни находились.

Все торжественно заверили Пауэрскорта, что, разумеется, именно так и поступят. Тут и говорить не о чем. Чертовски важно установить истину.

И Пауэрскорт, размышляя об этих беседах, думал, что они дали ему лишь малую крупицу новых сведений — о стуке копыт в ночи. И все. В остальном он потратил время впустую. Условились ли они загодя о том, что именно станут говорить,

Пауэрскорт не знал. Но говорили они определенно одно и то же. И в одном он был практически уверен. Один из них лгал. А может быть, думал Пауэрскорт в самые мрачные свои минуты, может быть, лгали все.

Досчитав до пятидесяти двух, Пауэрскорт оставил это занятие. Он окинул взглядом толпу, собравшуюся без пяти девять холодного январского утра у Нориджских ворот. Человек семьдесят, возможно, восемьдесят, сказал он себе, толпятся под все еще падающим реденьким снегом, запорошившим филигранное металлическое навершье ворот. Зачем? Чтобы увидеть, как далеко за кованым металлом мелькнет кто-нибудь из членов королевской семьи? Сэра Бартла Шепстоуна или кого-то из его помощников, вывешивающего на воротах последний бюллетень о здоровье принца Эдди? Или это попросту упыри, надеющиеся первыми прочесть сообщение о смерти особы королевских кровей?

— С добрым утром, лорд Фрэнсис.

Рядом с ним внезапно образовался Уильям Маккензи. Сквозь ворота, сколько мог судить Пауэрскорт, он определенно не проходил.

— С добрым утром, Уильям. Как вы сюда попали, хотел бы я знать?

— О, у меня появились здесь свои входы и выходы. Всегда считал, что самое правильное — не лезть людям на глаза.

— Еще бы, еще бы. Что ж, пойдемте, нам надо встретиться с майором Дони и его другом-скалолазом. По-моему, друга зовут Бейтманом.

— Лорд Фицджеральд просил передать вам вот это, — Маккензи сунул руку в один из своих многочисленных и вместительных карманов и вытащил прусский бинокль лорда Джимми. — Сказал, что эта штука позволит вам различить на черепицах кровли имя их изготовителя.

Пока они поднимались по подъездной дорожке, мимо неторопливо проследовала троица вер-

ховых солдат — пар от дыхания лошадей длинными, медленными клубами вис в норфолкском воздухе.

— Лорд Пауэрскорт! А вы, сэр, должно быть, Уильям Маккензи. Доброго утра вам обоим! — майор Дони лучился веселостью и добродушием человека, только что выбравшегося из перетопленного нутра Сандринхем-Хауса. — А это капрал Бейтман, джентльмены. По его словам, он провел весьма интересную ночь!

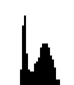
Дони отвел их по едва приметной в снегу тропинке к месту, находившемуся за Сандринхем-Хаусом, ярдах в двухстах от него. Пауэрскорт поднес к глазам бинокль, затем передал его Дони.

— Похоже, не из наших, — уважительно, как если бы британские производители принадлежали к некоему низшему племени, произнес Дони. — Германский, я бы сказал.

— Сэр, сэры, — капрал Бейтман, по-видимому, затруднялся понять, в каком числе, единственном или множественном, надлежит ему обращаться к старшим офицерам, — я получил инструкцию проверить, можно ли при таком снеге перебраться с одной стороны здания на другую. Мне были указаны конкретные окна, — он начинает походить на докладывающего полисмена, подумал Пауэрскорт, — вон те шесть, правее флагштока, в бинокль вы без труда их разглядите. Поскольку доступ к окнам закрыт, меня попросили, далее, выяснить, нельзя ли начать восхождение, если можно так выразиться, с земли, с клумб, что расположены справа.

Как Бейтман вообще догадался, что там находятся клумбы, Пауэрскорт понять затруднился. Все вокруг покрывал снег.

— Итак, джентльмены, должен сказать, что, получив это задание, я выписал сюда специальное снаряжение. Однако снаряжение подобного рода можно без труда купить в хороших магазинах Лондона и иных крупных городов — это специальные веревки с небольшими кошками на концах, — и он извлек из кармана моток веревки.



Что-то вроде помеси между якорным тросом и веревочной лестницей, не так ли? — пришел на помощь коллеге Маккензи.

— В точности так, мистер Маккензи. В точности. Вы забрасываете кошку наверх, она цепляется за кровлю или за трубу, и готово — у вас в руках веревочная лестница. Должен вам сказать, джентльмены, — Бейтман вдруг начал озираться по сторонам, словно опасаясь чужих ушей, — что перебраться с одной стороны дома на другую — дело на удивление легкое. Я начал подъем с клумб, которые вы уже видели. На крыше в нескольких местах уложены — из-за снега их отсюда не разглядишь, — Дони подкручивал регулятор дальности, наводя прусский бинокль на резкость, — маленькие лесенки. Совсем новые, кстати. Думаю, их поместили туда после недавнего пожара, чтобы облегчить спасение людей.

Примерно через пять минут после моего отбытия, — а теперь он смахивает, скорее, на говорящее расписание поездов, подумал Пауэрскорт, — я уже оказался у окна покойного принца Эдди. Я мог бы проникнуть внутрь и убить его, джентльмены. Ну, то есть если бы он там был.

Капрал Бейтман примолк. Он произносил самую длинную за всю свою жизнь речь. Да еще и в присутствии двух старших офицеров, один из которых — лорд.

— Чтобы вернуться на клумбу, с которой я начал, мне потребовалось еще пять минут. Через полчаса на крыше никаких моих следов не осталось. Я тщательно проверил это — тогда и нынче утром. Снег укрыл все, точно одеялом.

— Отличная работа, капрал! Право же, отличная, — майор Дони явно гордился своим подчиненным.

— А скажите, — спросил Пауэрскорт, — вы ничего там наверху не заметили? Ничего необычного?

Занятно, что вы упомянули об этом, ваше лордство. Не знаю, сколько оно там пробыло и значит ли что-нибудь для вас, джентльмены, но я нашел вот это, — он умолк, роясь в карманах, быв-

них, с интерссом отметил Пауэрскорт, еще даже более вместительными, чем у Уильяма Маккензи. Капрал вытащил на свет небольшой обрывок веревочной лестницы, лишившейся одной из копек. Длина обрывка составляла не больше двух дюймов, но назначение его было совершенно очевидным.

Бейтман с Маккензи углубились в специальный разговор об изготовлении веревочных лестниц, их длине и вероятности разрыва.

— Вы полагаете, Пауэрскорт, это оставлено убийцей? — в голосе Дони прозвучала такая тревога, точно убийца обрел вдруг телесные очертания и мог в любую минуту выскочить из Сандринхемского леса или воззриться на них с крыши.

— Более чем возможно, — ответил Пауэрскорт. — С другой стороны, таким снаряжением могли пользоваться пожарные, когда устанавливали те лесенки.

Бог ты мой, подумал Дони, а он своих карт раскрывать не любит. Готов поставить фунт против пенни, что Пауэрскорт или кто-то из его друзей в ближайшие двадцать четыре часа навестит пожарных, чтобы порасспросить их о найденном на крыше обрывке веревочной лестницы.

Однако Пауэрскорт еще не закончил. Ни в малой мере. Он только подбирался к тому, что было для него самым важным из всех вопросом.

— А скажите, Дони, — с таким безразличием, точно речь шла о сущем пустяке, спросил он, — кто-нибудь в доме что-либо слышал? Ну хоть какие-то звуки?

— Вы о шуме, который создавал наш друг Бейтман? Удивительное дело, Пауэрскорт. Никто и ничего. Даже собаки не залаяли.

— Никто и ничего? — в большой задумчивости переспросил Пауэрскорт. — Как интересно.

Пауэрскорт крепко спал. В разгар ночи кто-то легко потрепал его по плечу. Он повернулся. И услышал настойчивый шепот:

— Лорд Фрэнсис. Лорд Фрэнсис.

[1] Сон, мятый принц

Пауэрскорт гадал, не странный ли новый сон явился, чтобы мучить его, а рука все трясла за плечо, трясла и трясла.

— Лорд Фрэнсис. Проснитесь, пожалуйста. Пожалуйста, проснитесь. Пожалуйста.

Пауэрскорт, застонав, резко сел в постели.

— Бог ты мой, Уильям, что вы здесь делаете? И который час, Господи прости?

— Все расскажу снаружи, — прошептал Уильям Маккензи. — Вам следует побыстрее одеться и пройти со мной. Только не надевайте сапог, пока мы не выйдем из дома.

С сапогами в руке Пауэрскорт на цыпочках покинул свою спальню, прошел по коридору, которого ни разу не видел, и спустился по лестнице, по которой ни разу не поднимался. Но как Уильям, верный следопыт, отыскал его в темноте? Что происходит? И куда его ведут?

Из дома они вышли маленькой боковой дверью. Пауэрскорт натянул сапоги и последовал за Маккензи в ночь. Снег громко хрустел под ногами. Когда они проходили сквозь купу деревьев, звук этот еще и усилился. Наверняка кто-то в доме должен их слышать, думал, тревожно оглядываясь, Пауэрскорт. Шуму они производили не меньше королевских конногвардейцев, сменяющих в карауле королевских же драгун.

— Уильям, прошу вас, скажите мне, в чем дело? — даже шепот казался здесь громогласным, словно голос старшины на плацу.

— Еще одно тело, мой лорд. Я нашел его час назад, когда производил небольшой обход поместья. И повстречался с одним из людей майора, занимавшимся тем же. Майор уже там. Это примерно в миле отсюда.

Какая обворожительная краткость, подумал Пауэрскорт. Еще одно тело. Боже милостивый. Когда же это кончится?

Холод, похоже, взялся за его уши всерьез. А от них стал, соблюдая очередность, спускаться вниз — кончик носа, губы, руки, пальцы, ступни. Именно эти участки тела, вспомнил вдруг Пауэр-

скорт, поражала у афинян описанная Фукидидом великая моровая язва, — и сам себе пожелал поддерживать в своей памяти больший порядок. Норфолкское побережье поразила, похоже, язва совершенно иного рода. Два тела за четыре дня — вполне достаточно для теннисного матча в аду или на небесах.

Они уже далеко углубились в лес. Маккензи двигался настолько беззвучно, что по временам Пауэрскорт с испугом думал, что потерял его. Возможно, размышлял Пауэрскорт, сейчас стоит тот самый наитемнейший предрассветный час. А вот и рассветный хор, сказал он себе, когда в деревьях зазвучали резкие крики птиц.

— Почти пришли. — Маккензи все еще говорил шепотом, хотя от Сандрингхем-Хауса их отделяла целая миля. Впереди стоял майор Дони, державший в руке подобие факела, отбрасывавшего на деревья фантастические тени.

— Пауэрскорт, дорогой мой лорд Пауэрскорт. Слава Богу, вы пришли.

Он посветил роняющим жгучие капли факелом слева от себя. На земле лежало тело мужчины. В полном парадном мундире Колдстримских гвардейцев. Выглядел он так, точно просто споткнулся и упал. Землю вокруг залила кровь и усеяли кусочки сероватого и бурого вещества, надо полагать, мозга, решил Пауэрскорт. Смахивающее на овсянку вещество это вывалилось и на плечи мужчины, оставив жуткие пятна на эполетах. Лорд Генри Ланкастер, человек, обнаруживший тело принца Эдди, присоединился к своему хозяину в смерти.

— Думаю, он прострелил себе голову. Или ее прострелил кто-то еще. Скоро здесь будет врач. Как по-вашему, Пауэрскорт, убийство или самоубийство?

Бог весть. Бог весть, — Пауэрскорту захотелось вдруг оказаться дома, в Роуксли — сидеть, просматривая каталоги крупных аукционов, или прогуливаться по своему поместью. — Не стоит ничего трогать, пока не придет врач. Вы позволите?

Позаимствовав у майора Дони самодельный факел, он обошел тело кругом.

— Никаких признаков того, что здесь побывал кто-то еще, нет, мой лорд, — Пауэрскорту всегда казалось, что Маккензи обладает способностью читать его мысли. — Я проверил это прежде, чем здесь появился кто-либо другой. В снегу отпечатки только одних ног. Отпечатки конских копыт отсутствуют. Если здесь не побывал некто, способный перелетать с дерева на дерево, наподобие какой-нибудь африканской обезьяны, лорд Ланкастер пришел сюда в одиночестве.

Тому, что он пришел сюда в одиночестве, удивляться было нечего. Они находились сейчас в сотне-другой ярдов от основной дороги, соединявшей Сандринхем с Вулфертоном, дороги, задуманной так, чтобы поражать гостей принца Уэльского размерами его владений и великолепием поместья. Да уж, думал Пауэрскорт, в поместье есть теперь что показать новым гостям. Один труп, воскрешенный к некоему подобию жизни, ждет разрешения своей участи на чердаке. Другой кулем лежит на земле, и мозги его пятнают темную почву Сандринхема.

Послышались новые шорохи, точно звери какие-то пробирались между деревьями. Под свет факела выступило два новых лица.

— Доктор Спенсер, — поприветствовал своего подчиненного Дони. Проводник доктора, по-видимому, коллега Маккензи по ночному патрулированию, принес с собой самодельные носилки.

— Трупы, когда идут, идут не в одиночку, а толпами*, — доктор Спенсер любил щегольнуть знанием классики. — Дайте-ка мне факел.

Доктор скрупулезно осмотрел голову мертвеца. Особое его внимание привлек правый висок. Потом он бросил неодобрительный взгляд на

* Спенсер перефразировал реплику короля: «Беды, когда идут / Идут не в одиночку, / А толпами» (У. Шекспир. «Гамлет», акт 4, сцена 5).

землю. И протянул майору Дони стандартный «кольт».

— Пока я ничего точно сказать не могу. Не сомневаюсь, что вам, джентльмены, хотелось бы уже сейчас получить пищу для ума. Думаю — но до поры настаивать на этом не стану, — что этот человек покончил с собой. Пуля из револьвера в правый висок — в наши дни это весьма распространенный способ самоубийства.

Доктор Спенсер замолчал, огляделся вокруг. Легкие, едва уловимые признаки рассвета уже доходили сюда со стороны приморского Снеттишема.

— Мы должны перенести куда-то тело. Сейчас же, — доктор говорил с властностью профессионального медика, привыкшего распоряжаться живыми и мертвыми.

— Боже милостивый, — такого испуга Пауэрскорт в голосе Дони до сей поры не слышал, — куда же мы его денем? Да еще и в это утро, в это утро, не больше и не меньше. Через несколько часов королевская семья в полном составе соберется в спальне Эдди, чтобы в последний раз проститься с ним. В девять Шепстоун должен вывесить на Нориджских воротах извещение о кончине принца Эдди от инфлюэнцы. Не можем же мы... — при мысли о предстоящем кошмаре у него перехватило дыхание. — Мы не можем оставить еще одно тело в вестибюле или в укромной гостиной, пока наверху разыгрывают смерть от инфлюэнцы.

Отнесите его в дом Шепстоуна. Он стоит неподалеку отсюда. Так нам удастся некоторое время продержать тело в стороне от большого дома.

Пауэрскорт понимал, что появление еще одного трупа вызовет в Сандринхем-Хаусе вспышку истерии, если не чего-то похуже. Живым вы были там желанным гостем, мысленно сказал он Ланкастеру, которого уже перекладывали на импровизированные носилки, мертвым же вы в этом доме никому не нужны. Вы слишком обременительны. Мы предпочли бы вовсе не думать о вас сегодня.

Пауэрскорт и Дони шепотом обменялись несколькими словами. Маккензи с коллегой взялись за носилки. Пока они медленно продвигались по лесу, в голове Пауэрскорта бухал «Марш смерти» из популярной оперы. Хруст сучьев под сапогами погребальных носильщиков звучал в темноте подобием пистолетных выстрелов.

Вы думаете, его убили, Пауэрскорт? — спросил, шагая по темной просеке, Дони.

— Возможностей несколько, — Пауэрскорт неизменно удивлялся, обнаруживая, что аналитические силы его ума продолжают работать, сколь бы причудливыми ни были обстоятельства, в которых он оказался. — Возможность номер один, — он размял в темноте замерзший палец, — состоит в том, что убийца принца Эдди решил убить и Ланкастера тоже. По неведомым нам причинам. Быть может, связанным с разговорами, которые конюшие вели между собой после смерти Эдди. Быть может, связанным с разговорами, которые происходили у них со мной. Однако я в этом сомневаюсь. Уильям Маккензи был лучшим следопытом, шло ли дело о животном или человеке, какой когда-либо служил в Британской армии. Он говорит, что к месту последнего успокоения Ланкастера вели только одни следы. А я питаю к Маккензи абсолютное доверие. Стало быть, это самоубийство.

Возможность номер два, — продолжал он, замечая с тревогой, что носильщики едва не вывалили свою ношу на землю, — состоит в том, что Ланкастер и был убийцей. Если вы помните, это он стоял на карауле в ту ночь, когда погиб принц Эдди. Времени для совершения убийства у него было предостаточно. Возможность — образцовая. Охваченный раскаянием, он лишает себя жизни. Наша работа закончена. Убийца нам известен. Можно расходиться по домам.

— И вы действительно верите в это, лорд Фрэнсис? — Похоже, возможность номер два внушала Дони большие сомнения.

— Возможность номер три сводится к тому, что он покончил с собой потому, что слишком много

знал. Быть может, он знал, кто убийца. Быть может, для него стала непосильной мысль, что придется сказать нам об этом. Или мысль, что придется выдать друга.

Уже понемногу светало, впереди замаячил в легкой утренней дымке дом Шепстоуна.

— И как же, по-вашему, мы сможем попасть внутрь? Позвоним у передней двери? С добрым утром, а мы вам на завтрак труп принесли. Овсянка у вас найдется? — Пауэрскорт чувствовал, что непочтительность овладевает им, подобно болезни.

— Думаю, нам придется положиться на дарования вашего друга Маккензи, — услышав об овсянке, Дони против своей воли улыбнулся. — Уж если он сумел вытащить вас из большого дома, имея лишь смутные представления о его входах и выходах, взлом жилища Шепстоуна не составит для него никакого труда.

Спустя полтора часа сэр Бартл Шепстоун, спустившись вниз в лучшем своем халате от «Парсли», несколько лет назад подаренном ему на Рождество сестрой, обнаружил весьма необычное собрание гостей. Один из них был очевидным образом мертв и лежал на кухонном столе с кровью на лице и в сюртуке, который, высыхая, пошел странными пятнами. Над телом покойника колдовал доктор Спенсер, время от времени говоривший что-то себе под нос и делавший частые пометки в черной записной книжечке. Пауэрскорт с Дони пили чай из лучших фарфоровых чашек сэра Бартла. В воздухе витал запах подгоревшего тоста.

— Сэр Бартл, — начал потрясенный Пауэрскорт после мгновения молчания, бывшего, возможно, данью покойному, — простите нам столь ранний визит. С майором Дони вы знакомы. Доктора Спенсера, полагаю, тоже знаете. А это, — он указал на кухонный стол, — лорд Ланкастер. Несколько часов назад мы нашли его в лесу. Доктор Спенсер проводит обычное медицинское обследование. Мы думаем, что лорд Ланкастер покончил с собой.

Сэр Бартл Шепстоун, поплотнее запахнувшись в халат, обозрел поле сражения.

— Все правильно, лорд Пауэрскорт, все правильно. С добрым утром, джентльмены. Полагаю, вы принесли лорда Ланкастера сюда, сочтя большой дом закрытым для него.

— В такой день, как сегодняшний, да, — ответил Пауэрскорт, гадая, за что именно получил Шепстоун Крест Виктории. — Нам с майором Дони представлялось, что в доме со всеми его горестями еще одному трупу не место.

— Все правильно, все правильно, — повторил сэр Бартл. — Думаю, мне лучше одеться. Чашка чая для меня найдется?

11.

Спустя два часа Сутер собрал их на совещание — сэр Бартл Шепстоун выглядел абсолютно невозмутимым, как будто и не претерпел ранним утром никакого вторжения в свой дом; Дони в его скромном твидовом костюме имел вид элегантный. На вновь приехавшем из Лондона Роузбери был темно-синий, в полоску, костюм. Ливрейный лакей принес письмо, адресованное Пауэрскорту, и тот рассеянно сунул его в карман.

Пауэрскорт бездумно смотрел в окно, за которым дождь, обращавшийся по временам в ледяную крупу, смывал снега предшествующих дней. С крыши Сандринхема обваливались на лужайки пласты снега и льда. Не исключено, что вместе с ними с крыши смывало улики. То, что от них останется, истает на траве.

— Думаю, нам следует начать с минуты молчания в память лорда Ланкастера, — самым елейным своим тоном произнес Сутер. — Быть может, не появись он в этом доме — направляемый дружбой и чувством долга, — смерть не призвала бы его к себе.

Сутер склонил голову. Шепстоун неторопливо перекрестился и зашевелил губами, читая, решил Пауэрскорт, «Отче наш». Дони с решительным выражением смотрел в ковер — глаза открыты, губы не шевелятся. Быть может, он утратил веру, подумал Пауэрскорт, ощутив к распорядительному майору новый интерес. Сам Пауэрскорт торопливо проговорил про себя слова «Ныне отпущаеши».

— Итак, перейдем к распорядку нынешнего дня, — Сутер вновь обратился в личного секрета-

ря. В 8.30 я предполагаю собрать членов семьи в комнате принца Эдди. Там состоится то, что можно назвать последним бдением. Присутствующие будут перечислены, с указанием их званий, в завтрашних утренних газетах. Все уже дали свое согласие.

— Боюсь, это была моя идея, — тон Дони, человека неверующего, был извиняющимся. — Я полагал, что для подкрепления нашего обмана нам следует по возможности точнее воспроизвести события, которые имели бы место, будь наша ложь правдой, надеюсь, вы поймете меня правильно.

На помощь ему пришел сэр Бартл, белая борода которого выглядела сегодня более чем когда-либо схожей с бородой ветхозаветного пророка.

— Уверен, что вы правы, Дони. — Пророк обращается к неверному, подумал Пауэрскорт. — Если бы принц Эдди и вправду умирал, все члены семьи собрались бы в последние его часы у ложа страдальца. Ради последнего бдения. Не уверен, что сам бы я пожелал отходить в мир иной в окружении моих родных, однако таков обычай. Члены семьи, несомненно, поступили бы именно так.

После чего личный секретарь, управитель Двора и вездесущий майор Дони удалились наверх, в смертный покой.

— Шарады, — дорогой мой Фрэнсис, — устало произнес Роузбери. — Они собираются играть наверху в шарады, в живые картины, изображающие последние мгновения бедного мальчика. Этой семье подобные штуки удаются замечательно, — Роузбери занял излюбленное его место — прислонился к каминной доске, скрестив ноги перед огнем. — Вся их жизнь — сплошные шарады. Все существование — долгая, затянувшаяся игра в живые картины. Они проводят время, переодеваясь в десятки и десятки форменных мундиров, причем в случае принца Уэльского сказанное имеет смысл буквальный. Одежда определяет, кто ты есть. Ты облачаешься в форму — полковника, гвардейца или скорбящей вдовы, — и все понимают, кто ты. Понимают, кто ты такой. В том числе

и ты сам. И пока они вкладывают в исполнение своих ролей всю душу, как оно, несомненно, и произойдет нынче утром, все идет хорошо. Королевская семья выступает торжественным маршем, настало время шарад — подыгрывай им, исполняй свою роль.

Но Бог с ними, Фрэнсис, — Роузбери заставил себя отвлечься от королевских шарад. — Что принес вам этим утром наш друг почтальон? Не пополнился ли в очередной раз список павших?

Пауэрскорт вдруг вспомнил о письме, лежавшем в его кармане. Адрес на конверте стоял простой: лорду Фрэнсису Пауэрскорту, Сандринхем-Хаус. Пауэрскорт аккуратно вскрыл его. Письмо оказалось написанным на почтовой бумаге Сандринхем-Хауса.

Дорогой лорд Пауэрскорт,

Когда вы прочтете это, я буду уже мертв. Я сожалею обо всех неприятностях, кои причиню моим родным, друзьям и себе самому.

Уверен, вы поймете, что другого выбора у меня нет. Я не могу поступить иначе.

Semper Fidelis.

Ланкастер.

Пауэрскорт, дважды перечитав письмо, передал листок Роузбери. Перед мысленным взором его предстал высокий молодой человек с развевающимися по ветру волосами, два дня назад шагавший бок о бок с ним по шумному берегу Ханстентона. Он снова услышал крики чаек. Снова увидел мольбу в глазах Ланкастера, рассказывающего о раздавленной фотографии на полу. И представил себе Ланкастера юного — двенадцатилетнего, так он сказал, — читающего в школе отрывок из байроновского «Чайльд-Гарольда». Теперь и Ланкастер встал в ряды тех, кто уже никогда не вернется:

...жребий юных смельчаков:
Как смятые телами павших травы...

— Какая трагедия, какая трагедия, — сказал Роузбери, возвращая письмо другу.

Наверху сэр Бартл Шепстоун разгладил лист бумаги и начал читать, голосом твердым и ровным:

— «"Таймс", 15 января 1892 года. Мы получили от генерала Шепстоуна, казначея и управителя Двора, следующее описание последних часов и смерти герцога:

"Сандринхем, Норфолк, 14 января 1892. После обнародования 13 января последнего бюллетеня касательно здоровья герцога Кларенсского и Авондэйлского в состоянии его произошли значительные улучшения, сохранявшиеся до 2 часов утра 14 января и позволившие в полночь послать Королеве обнадеживающее сообщение. В 2 часа утра, — Шепстоун сделал паузу, дабы каждый запомнил названное время, — произошел серьезный упадок сил, угрожавший фатальным исходом, и к постели больного были созваны члены королевской семьи"».

— Semper Fidelis, Пауэрскорт, Semper Fidelis, — повторил Роузбери. — Что это, девиз его рода или полка?

— Возможно как одно, так и другое, — ответил Пауэрскорт. — Не думаю, впрочем, что Ланкастер подразумевал именно это. — Он снова взглянул на письмо, словно надеясь, что оно способно сказать нечто новое. — Думаю, слова его следует понимать в прямом их смысле. Верен навек, неизменно предан, неизменно лоялен. Но вы же понимаете, это может означать лояльность и верность практически кому угодно. Подразумевал ли он верность принцу Эдди, поскольку знал причину его убийства, но назвать ее не мог? Знал ли некую темную тайну из прошлого Эдди, которая привела принца к столь кровавой кончине? Вполне возможно, что знал. Но опять-таки, означают

ли эти слова, что он, зная темную тайну, не мог открыть ее по причине верности? Чему он был верен — доброму имени королевской семьи? Своему народу и стране?

Или, если взглянуть на все с другой стороны, Роузбери, быть может, он знал, кто убил принца? Либо знал мотив, побудивший убийцу расправиться с Эдди? И хотел защитить убийцу, своего друга? Semper Fidelis, верен навек, навеки предан другу?

— «По той же причине было послано за семейным капелланом принца Уэльского Ф. А. Дж. Гарви, который в присутствии собравшихся членов семьи прочитал над умирающим молитвы. Его королевское высочество постепенно угасало и мирно скончалось в 9.10 утра».

Из-за маленького окна доносился шум строившихся и перестраивавшихся на гравии гвардейцев. Отряд конников упражнялся с пустым пушечным лафетом, похоронными дрогами, на которых покойник отправится из Сандринхема в последнее свое странствие — через Нориджские ворота, к королевской станции в Вулфертоне, на вокзал в Датчете и оттуда в часовню Святого Георгия в Виндзорском замке*. В девять часов члены королевской семьи, собравшиеся в спальне принца Эдди, начали, каждый по-своему, читать последние молитвы за упокой его души.

— Сейчас мне не известно, — теперь Пауэрскорт представлялся Роузбери и открыто непокорным, и очень решительным человеком, принявшим серьезный вызов и не намеренным отступаться, — что означали для Ланкастера слова «Semper Fidelis». Мысли того, кто вознамерился

---

* Загородная резиденция английских королей в г. Виндзоре. Строительство замка началось еще при Вильгельме Завоевателе в 1070 году.

покончить с собой, редко бывают ясными. Но я немного знал молодого человека и немного знал его семью. И прежде чем с этой печальной историей будет покончено, я отыщу ответ. Я тоже буду Semper Fidelis памяти и о нем, и о его смерти.

В столице страны новость о кончине предполагаемого престолонаследника достигла Мэншн-Хауса[*].

«Наш возлюбленный сын скончался этим утром. Альберт Эдуард».

Большой колокол собора Святого Павла разнес печальную весть по городу. И пока члены королевской семьи покидали спальню герцога, по телеграфным линиям летели в Лондон новые сообщения.

«Сандринхем, 9.08 утра. Произошли изменения к худшему и, боюсь, надежд осталось не много. Шепстоун».

«Сандринхем, 9.35. Его королевское высочество скончалось около 9.10 утра. Шепстоун».

---

[*] Официальная резиденция лорд-мэра лондонского Сити.

Часть третья

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕНЕЦИЮ

[illegible]

12.

Лорд Фрэнсис Пауэрскорт внимательно всматривался в заполненный венецианскими судами канал Сан-Марко. Целую стену большой гостиной его дома в Роуксли-Холл покрывали репродукции венецианских полотен — прозрачные панорамы Serenissima[*] кисти Каналетто, важные олигархи Венеции пятнадцатого столетия, написанные Джентиле Беллини совершающими в самых своих великолепных мантиях торжественный обход площади Святого Марка в честь нового Дожа.

Вот где Пауэрскорту было уютно. Вот где он мог отдохнуть. Восемь дней, проведенных в Сандринхеме, изнурили его совершенно — как если бы он безвылазно просидел их в парнике. В парнике Смерти, обитатели коего собрались в нем, чтобы поклоняться року, до тонкостей продумав ритуалы поклонения. После возвращения в Нортгемптоншир он целый день бродил сначала по огромному Рокингемскому лесу, а потом по своим полям, дойдя до Фодерингея. Теперь он, наконец, мог мирно побеседовать с лордом Джонни Фицджеральдом.

Лорд Джон заменил пиво «Кингз-Линн» двумя бутылками «Нюи Сен-Жорж». Хорошее бургундское, заверил он Пауэрскорта, есть мощный стимулятор мыслительных процессов.

— Джонни... — Пауэрскорт оторвался от своих венецианских грез, погадав напоследок, так же ли трудно было иметь дело с нотаблями, шествую-

---

[*] «Безмятежнейшая республика» *(итал.)* — так называли Венецию в Средние века.

щими вокруг площади Святого Марка, как с членами королевской семьи Британии. — Пора подвести кое-какие итоги.

— Я тоже размышлял об этом убийстве, Фрэнсис. Сдается мне, оттолкнуться нам пока особенно не от чего. Эти старые зануды хотя бы позволили тебе поговорить с членами семьи о том, что происходило в ночь убийства?

— Там было много старых зануд, Джонни. Но, полагаю, старый зануда, которого ты имеешь в виду, это сэр Уильям Сутер, распорядитель Сандринхема.

Пауэрскорт с горечью вспомнил просьбы, с которыми он обратился к личному секретарю. Если предполагается, что он будет проводить расследование, так надо же позволить ему задать хотя бы несколько вопросов. Хотят они, чтобы он раскрыл это страшное преступление, или не хотят? Они хоть представляют себе, насколько трудной становится его задача в отсутствие сведений, на которые он мог бы опереться?

Все было пустой тратой времени. Сэр Уильям заверил его, что никто в доме не слышал ничего необычного и что Пауэрскорту нет решительно никакой нужды обременять себя расспросами, — они никуда его не приведут и лишь расстроят попусту семью, которой и так-то приходится нелегко.

— Думаешь, им есть что скрывать? Что они, возможно, пытаются защитить кого-то из своих? И потому не желают ничего говорить? — лорд Джонни уже завершил возню с пробочником и теперь вглядывался в бокал, наполнившийся густо-рубиновым «Нюи Сен-Жорж».

— Вероятно. Очень вероятно. Не думаю, однако, что исходить нам следует именно из этого. Давай-ка, Джонни, вернемся к самому началу. Кто мог испытывать желание убить принца Эдди, герцога Кларенского и Авондэйлского?

— Ладно, ладно, давай поразмыслим о мотивах, — Фицджеральд отхлебнул вина, дабы оживить мыслительный процесс. — Предположим,

что ты — правительство. Не один из министров, а правительство в целом. Существует Виктория, замуровавшаяся в Виндзоре, или Осборне, или Балморале*, или где-нибудь еще, вечно одетая в черное — в знак траура по принцу Альберту и Джону Брауну**. Долго ей не протянуть. И тогда на троне окажется Эдуард. Король Толстопуз, собственной персоной.

Уж не обладает ли бургундское властью обращать тех, кто поглощает его, в республиканцев, утверждая трехцветный флаг не силой оружия, но с помощью пыльных бутылок «Премье Крю»?***

— Он ведь станет Эдуардом VII, не правда ли? — продолжал лорд Джонни. — Думаю, с ним они так или иначе сладят. Правительство, то есть. Напридумывают кучу всяких церемоний, чтобы он мог то и дело переодеваться. Но посмотри, кого они получат на троне после него. Безразличного, ко всему придурковатого гомосексуалиста. Хотел бы ты, будучи премьером или министром иностранных дел, сражаться за Британию, во главе которой стоит подобный гаер? Так почему бы не избавиться от него уже сейчас? Как тебе такая идея? — Джонни Фицджеральд выглядел чрезвычайно довольным собой, как если бы ему удалось с первой же подачи выбить бэтсмена, послав мяч в калитку.

— Возможно, так они и сделали, Джонни. Мысль отнюдь не дурная. Кто-то из конюших, подкупленный одной из секретных служб, о которых говорил Шепстоун, направляется в Сандрингхем, чтобы спасти страну. Думаю, это вполне возможно. Но, правда, существует одно обстоятельство, заставляющее меня усомниться в правоте подобного объяснения.

---

* Замок Балморал в графстве Абердиншир — официальная резиденция английских королей в Шотландии.

** Джон Браун — любимый шотландский слуга королевы Виктории и принца Альберта.

*** Буквально: «первый виноградник» — слова, стоящие на этикетках лучших французских вин.

— Что такое, Фрэнсис, уж не хочешь ли ты сказать, что правительство страдает обострениями нравственного чувства?

— Разумеется, нет, — усмехнулся Пауэрскорт. — Шкала времени — вот что внушает мне сомнения. Я думаю, что разные люди используют разные шкалы времени. Если ты человек королевской крови, говорил мне Роузбери, шкала времени у тебя очень длинная, длиннее даже, чем у аристократии. Ты думаешь о выживании твоего дома, о том, чьи головы будет раз за разом украшать корона — и думаешь на двадцать, на пятьдесят лет вперед.

Если же ты — правительство, шкала времени у тебя очень короткая. Дальше следующих выборов ты просто не заглядываешь. Пока Эдди не занял трон, серьезных неприятностей от него ждать не приходится, а это когда еще будет, намного позже того дня, в который страна очередной раз отправится к избирательным урнам. Вот почему утверждение, что случившееся — дело рук правительства, кажется мне малоправдоподобным. Хотя и не совсем уж невероятным.

— Ладно, будем считать, что на скачках, посвященных памяти принца Эдди, правительство попало в аутсайдеры — ставки один к двадцати, — лорд Джонни сложил пальцы крышей и тщательно оглядел их. — В таком случае пора заняться делами семейными, — радостно объявил он. — Счастливыми семьями. Королевскими семьями. Жизнью в семье. И смертью в семье. Кто из родных мог захотеть избавиться от него? Давай начнем с Виктории. — Лорд Джонни поднял крышу, сложенную им из пальцев, над головой, изобразив корону. — Ты — Королева. Императрица, первая в Британии с римских времен. Ты Виктория, твоим именем названы водопады, целая пустыня в Австралии, железнодорожные станции. И ты хочешь, чтобы семья твоя навсегда осталась на троне. Наш давний друг Эдуард, король Толстопуз, вызывает у тебя, как претендент на трон, большие сомнения. Однако они и в сравне-

ние не идут с теми, которые внушает тебе его старший сын.

Подумай о них, Фрэнсис. Викторию всю жизнь преследуют воспоминания о ее нечестивых дядьях, о дяде Кларенсе — обрати внимание на имя, друг мой, — наплодившем десяток незаконнорожденных детей, о жутком старом повесе, дяде Камберленде. А был еще дядя-король, дядя Георг IV, с его любовницами и дебошами в Брайтонском павильоне* и в каких угодно местах. Теперь же у тебя имеется внук, внук Кларенс, похоже, соединивший в себе все их пороки, добавив к ним еще один, собственный.

Что тебе делать? Скрепя сердце, ты роняешь слово, очень негромкое, о том, что без него семье было бы жить куда легче, а услышав о его кончине, радостно облачаешься в глубокий траур.

— Тебе следовало податься в прокуратуры, Джонни. Хорошо, версию обвинения, выдвинутого против Ее Величества, мы выслушали. А как насчет того, чтобы предъявить обвинения отцу потерпевшего?

Лорд Джонни вылил из первой бутылки остатки вина и поднял бокал, держа его против света.

— Принца Уэльского? Думаю, тут все еще проще. Помнишь шантаж, с которого началась вся история? Предположим, что шантажист угрожал разоблачить не принца Уэльского, а его сына. Наилучший способ избавиться от шантажиста состоит в том, чтобы избавиться от сына — тогда принца и шантажировать будет нечем. Разве ты не говорил мне, что отец хотел на два года убрать его из страны, отправив в культурное и политическое турне по Европе — в своего рода «Путь повесы»** девятнадцатого века? Ну, а когда у него это не вышло, он просто устранил Эдди. Ладно,

---

* Так называемый Королевский павильон, пышное здание в восточном стиле, построенное в курортном Брайтоне по приказу Георга IV, тогда еще принца Уэльского.

** Цикл гравюр английского художника Уильяма Хогарта (1697—1764); название переводится по-разному — «Карьера мота», «Жизнь развратника», в российском искусствоведении принято называть «Карьера распутника».

теперь твой черед. Что ты скажешь о матери, Фрэнсис?

— Я не слышал о принцессе Александре ни одного дурного слова, — чопорно ответил Пауэрскорт. — Считаю, что она вне подозрений.

— Ты, часом, не влюбился немного, там, у моря, в дочь морского царя, а, Фрэнсис?

— Думаю, в нее все немного влюбляются, Джонни. Такой уж она человек.

— Понятно, — лицо лорда Джонни стало до крайности серьезным. — И мне, стало быть, придется теперь сообщить о столь печальном развитии событий леди Люси? Уверен, это разобьет ее сердце, Фрэнсис. А она так хорошо отзывалась о тебе во всех лондонских гостиных.

Пауэрскорт сделал вид, что сейчас запустит в друга подушкой.

— Не припутывай сюда леди Люси. Это дело личное, — и Пауэрскорт густо покраснел. — Хорошо, что ты можешь сказать о брате, Джонни? Сестер я от подозрений освобождаю, вместе с матерью.

— Брат, брат... — Фицджеральд глубоко задумался, похоже, ставка на брата представлялась ему верным вложением средств. — Брат — человек весьма основательный, не так ли? Он надежен, наш Георг, — несколько пресен, не весьма силен по части мозгов. Ты, помнится, говорил мне, что он не любит перемен. Господи, это в его-то возрасте. Сколько ему, двадцать пять? И все же одного у человека с таким характером не отнимешь. Трон пришелся бы ему в самую пору. Туповатый, скучный, навряд ли способный причинить хоть кому-то какие-либо неприятности — идеальный король, совершенный монарх. Так что либо заговорщики, кем бы они ни были, знали, что у них имеется превосходная замена устрашающему Кларенсу, либо сама эта замена заговор и учинила и, проскользнув в соседнюю со своей дверь, перерезала брату горло. Все просто.

— Уверен, Джонни, что таким манером ты способен состряпать дело против любого, практиче-

ски, обитателя Норфолка, умеющего обращаться с ножом. Давай-ка теперь попробую я.

Пауэрскорт подошел к окну и раздвинул шторы. Ночь стояла звездная. Пауэрскорт вдруг сообразил, что за все время, проведенное им в Сандрингеме, он не видел ни единой звезды, только тучи и вечно падающий снег.

Он взглянул на надгробия своего домашнего кладбища, несущие стражу в еще одной ночи. Теперь, проведя в этом доме десять лет, он успел запомнить почти все выбитые на них имена и надписи: Альберт Джордж Мэйсон, Мэри Мэйсон, его жена, Уильям, их сын, оставивший этот мир в пятилетнем возрасте, Шарлотта, их дочь, ушедшая к своему Отцу Небесному семилетней. И глаза Мои узрят Бога. Ушедшая, но не забытая. «Пустите детей приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Божие»[1].

Молодая лиса восседала поверх одного из надгробий, настороженная, как караульный на посту. Вдали, в амбаре какого-то арендатора, ухала в ночи сова.

— Думаю — да нет, уверен, — заговорил Пауэрскорт, обращаясь к надгробиям, к тем, кто покинул мир задолго до принца Эдди, — ключом ко всей загадке являются конюшие. Мы знаем, благодаря Уильяму Маккензи, что других посторонних там не было. Мы знаем, благодаря тебе, Джонни, что не было там и русских, я имею в виду, русских, способных на убийство. Мне еще предстоит навести у комиссара столичной полиции справки относительно ирландцев и телеграфных столбов, однако подозреваю, что и их миссия была самой мирной. А в то, что убийство совершил кто-то из слуг, я не верю. В доме ночуют лишь очень немногие из них, да и тем пришлось бы проделать неблизкий путь, чтобы добраться до спальни Эдди.

— Но это-то и есть самое неприятное, Фрэнсис. Любая твоя вполне правдоподобная теория отличнейшим образом увязывается с конюшими.

—

[1] Евангелие от Марка, 10, 14.

Правительство могло, как ты предположил, попросить одного из них совершить убийство. Они могли быть агентами королевы Виктории, или принца Уэльского, или даже брата, принца Георга. А могли быть и верными слугами Короны, пожелавшими избавить страну от будущих осложнений, о которых мы с тобой говорили. Или же могли быть тем или иным образом замешанными в историю с шантажом.

— Боже милостивый! — Пауэрскорт резко отвернулся от окна, от лисы, которую он разглядывал. — Слушай, Джонни, а может быть, Эдди-то и был шантажистом? Сначала он шантажировал отца, а потом занялся кем-то из конюших, чтобы добыть побольше денег, а? На второе, так сказать, а возможно, и на третье.

— Эдди — шантажист? Господь всемогущий, это лишь усложнит все еще пуще. Хоть и объяснит, почему никто тебе ничего не хотел говорить. Все они слишком напуганы для того, чтобы признаться, что и из них тоже тянули деньги. Не исключено, что он шантажировал всю эту чертову семейку.

Пауэрскорт почувствовал себя запутавшимся вконец. Едва успел он решить, что хоть немного да продвинулся в своем расследовании, как все опять развалилось. Впрочем, замешательство его продлилось недолго.

— Джонни, у тебя не осталось во второй бутылке немного вина? А, спасибо. Даже если Эдди был шантажистом, думаю, что направление, в котором нам следует двигаться, остается ясным. И думаю, идти нам придется двумя путями сразу. Первый связан с конюшими: лордом Генри Ланкастером, живым или мертвым, Гарри Радклиффом, Чарльзом Певерилом, Уильямом Брокхемом, лордом Эдуардом Грешемом, почтенным Фредериком Мортимером.

— Десять к одному на каждого из них в заезде памяти принца Эдди, — приступил к подсчетам букмекер Фицджеральд. — Пятнадцать к одному на королеву Викторию. Двадцать к одному на принца Уэльского. Двадцать пять к одному на

принца Георга. Тридцать к одному на правительство. Пятьдесят к одному на всех участников за вычетом фаворита. Делайте ставки, джентльмены! Торопитесь!

— Нам придется исследовать жизнь каждого конюшего от колыбели и до нынешнего дня, — Пауэрскорт свою ставку сделал. — Узнать о них все — о каждом поступке, каждом друге, каждом романе с женщиной или мужчиной. Думаю, в этом нам могут сильно помочь мои сестры и твои родственники. Понимаешь, может статься, что у смерти Эдди имеются причины глубоко личные. Вспомни о том, как его убили, о разбитом в мелкие, валявшиеся по всему полу кусочки портрета его нареченной. Не исключено, что это месть. Или же убийце хотелось подтолкнуть нас всех к этой мысли. Портрет мог быть ложным следом, отвлекающим маневром.

— А каков второй путь, Фрэнсис? — по прикидкам лорда Джонни, вина во второй бутылке еще должно было хватить по меньшей мере на один бокал.

— Второй связан со скандалом. Скандалом вокруг Эдди. В последний свой уик-энд он притащил с собой в дом какой-то ужасный скандал. Быть может, не один, а два и даже три. Скандал-то и был тем, о чем принц Уэльский не решился даже упомянуть. Тем, о чем знает или чего страшится принцесса Александра. И Сутер знает, что им известно нечто, неизвестное ему. Ему остается лишь догадываться о том, чем оно может быть. Они навалили кучу всякого рода вранья и тайн только бы скрыть под ней правду. Понимаешь, в том, как они отреагировали на смерть принца Эдди, присутствует одна странность. Мне это пришло в голову только вчера, когда я возвращался в сумерках из Фодерингея.

— Господи, и что же именно? — спросил Фицджеральд, обрадованный перспективой услышать нечто новое.

— Всего лишь одно. — Пауэрскорт вернулся к окну и снова посмотрел на погост. Лиса так и не по-

кинула своего поста. — Все были очень печальны. Очень расстроены. Но, по-моему, удивления никто не испытывал. Они словно бы ждали такого конца.

В эту ночь Пауэрскорту приснился сон. Он находился в большой детской на верхнем этаже Сандринхем-Хауса. Ребенок там присутствовал только один. Принц Эдди. Принц сидел на полу, окруженный экземплярами «Таймс» и «Иллюстрейтед Лондон ньюс». Орудуя ножницами и большим ножом, он вырезал из газет буквы и наклеивал их на лист бумаги. И счастливо улыбался, работая.

Письма шантажиста. Шантажные письма. И только внимательно приглядевшись, Пауэрскорт заметил, что с ножа падают капли крови.

...Думаю, на этом этапе интерес будет представлять все — и обычное, и необычное. Каждый слух из тех, какими обменивается прислуга, каждая сплетня, касающаяся жизни господ, а такие сплетни циркулируют по всем большим домам, любой намек на тайну, любой запашок скандала. Короче говоря, дорогой мой Джеймс, в этом расследовании, как и во всех, что мы проводили вместе, держите глаза и уши неизменно раскрытыми и навостренными. Я, собственно, уверен, что вы так и сделаете, и с нетерпением ожидаю возможности прочитать ваши отчеты — или услышать их от вас, если вы сочтете это более уместным.

Прежние индийские правила остаются в силе. Пожалуйста, уничтожайте всю нашу переписку.

Пауэрскорт

Письмо это составлялось автором в большой спешке — в гостиной на верхнем этаже дома его сестры на Сент-Джеймсской площади.

В штатах прислуги Сандринхема и Сент-Джеймсского дома произошли неожиданные перемены. Уилфрид Тикстон, многие годы состоявший в Мальборо-Хаусе и Сандринхеме старшим лакеем, неожиданно заболел и получил отпуск на неопределенный срок. Двору принца Уэльского посчастливилось быстро найти ему замену в лице

некоего Джеймса Филлипса, старшего лакея леди Пембридж, приходившейся сестрой лорду Фрэнсису Пауэрскорту. Филлипс был агентом Пауэрскорта; они вместе служили в Индии и вместе проводили все расследования — за вычетом одного.

Впрочем, и эта перемена была воспринята Сутером и Шепстоуном с обычным для них недовольством.

— Черт побери, любезнейший, это же все равно что посадить в собственный дом шпиона! протестовал Шепстоун.

На сей раз терпение Пауэрскорта лопнуло.

— Судя по всему, в вашем собственном доме находился убийца — и не один день. И не исключено, что он остается в нем и поныне. Не понимаю, почему вас, в подобных обстоятельствах, должна смущать лишняя пара глаз и ушей среди прислуги.

Сутер покраснел. Шепстоун пробормотал нечто себе в бороду. Однако согласие они дали.

В тот день Пауэрскорт написал множество писем. Он написал лорду Роузбери, прося дать ему имена и адреса определенных винтиков правительственной машины. Написал комиссару столичной полиции, попросив о личной встрече, связанной с чрезвычайно деликатным вопросом. Написал послу России. Написал в лондонское отделение дублинского Министерства по делам Ирландии, прося о встрече со старшим служащим, отвечающим за борьбу с террористами и подрывной деятельностью на этом несчастном острове. Написал сэру Уильяму Сутеру, интересуясь, когда именно начались дежурства конюших, присутствовавших в Сандрингеме во время убийства. И написал леди Люси, ответив согласием на приглашение выпить чашку чая в ее домике в Челси.

Роузбери, сидевший в маленькой библиотеке на втором этаже клуба «Атенеум» на Пэлл-Мэлл, имел вид на редкость счастливый. Каких-либо обоев в библиотеке различить не удавалось, все

ее стены были закрыты книгами. По бокам камина стояли два коричневатых глобуса. На столике у окна была разложена доска китайских шахмат с недоигранной партией, в которой явно побеждали белые. Пауэрскорт, приглядевшись, увидел, что у черных только и осталось фигур, что одинокая ладья, пара пешек и окруженный врагами король, все прочие оказались в плену — выстроенными, согласно их рангу, за линией белых.

— Я только что потратил уйму денег, Пауэрскорт, — радостно сообщил Роузбери.

Интересно, подумал Пауэрскорт, какая сумма представляется Роузбери уймой денег?

— Вижу, вижу, о чем вы думаете, ну так вот — пятнадцать тысяч фунтов! — Роузбери рассмеялся. — В Риме неожиданно выставили на торги редкую библиотеку старинных книг, многие изданы еще во времена Возрождения. Но оставим это. У нас есть дела посерьезнее. Я собрал для вас множество всяческих сведений. Во-первых, — Роузбери порылся в лежащей перед ним папке, — вот вам шесть писем. Это что-то вроде чеков на предъявителя — вы сами проставите в них имена и адреса, какие сочтете нужными, — письма содержат просьбу оказать всемерную помощь и содействие лорду Фрэнсису Пауэрскорту, который проводит в настоящее время расследование, имеющее первостепенную важность для страны. Подписаны лично премьер-министром. Сам я счел их средством несколько чрезмерным, однако Солсбери напомнил мне, что дело идет об убийстве предполагаемого престолонаследника.

Пауэрскорт церемонно уложил письма в бумажник.

— Тот, с кем вам следует перемолвиться относительно «Британии», учебного корабля, на котором много лет назад ходили в плавание принц Эдди и принц Георг, есть не кто иной, как архивариус Адмиралтейства. Зовут его, если не ошибаюсь, Симкинсом, а живет он в какой-то невразумительной квартирке, находящейся прямо в Адмиралтействе, в двух шагах отсюда. О том, что вы

придете к нему, он осведомлен. Человек же, с которым вам надлежит повидаться по поводу ирландцев и телеграфных столбов, носит фамилию Нокс. Он будет в Лондоне завтра и встретится с вами после полудня я решил, что в этом случае мне следует подкрепить вашу просьбу еще и моей.

Роузбери улыбнулся покровительственной улыбкой человека, знающего все ходы и выходы и помогающего новичку освоиться в джунглях Уайтхолла.

Ну-с, если у нас покамест все, дорогой мой Пауэрскорт, я, пожалуй, поспешу к моим банкирам. Боюсь, они не испытают большой радости, если сами вдруг обнаружат, что я несколько минут назад выписал чек на пятнадцать тысяч.

13.

Зала ожидания в Адмиралтействе превосходила размерами все, когда-либо виденные Пауэрскортом, — в ней легко разместился бы экипаж корабля. Картины, каждая из которых достигала оштукатуренного потолка, изображали боевые парусные суда. Ни одного парового тут не было — появившиеся тридцать лет назад, они оставались для первого морского лорда и его лейтенантов чересчур современными.

Возможно, думал Пауэрскорт, размеры этой залы были задуманы такими, чтобы она могла вместить всех, кому довелось маяться здесь в великое столетие флота, еще до начала наполеоновских войн: оружейных дел мастеров, стремящихся показать свои новейшие пушки, картографов со свежими картами неизведанных земель, сумасшедших изобретателей с ошеломительными новыми конструкциями компасов и секстанов, высото- и дальномеров. Здесь отчаявшиеся капитаны без кораблей, живущие на половинное жалованье, в мундирах, заштопанных верными женами и любовницами, слонялись от стены к стене в надежде получить, наконец, место. Сюда приходили за секретными инструкциями Гоу* и Сент-Винсент**, Коллингвуд*** и Нельсон. Здесь задумывалась двадцатилетняя блокада наполеоновской Франции. Здесь обдумывались похороны Нельсона — последний его путь вверх по Темзе, к самому сердцу Лондона.

---

* Граф Ричард Гоу (1726–1799) — британский адмирал.
** Граф Джон Сент-Винсент (1734–1823) — британский адмирал.
*** Лорд Катберт Коллингвуд (1750–1810) — британский адмирал.

— Лорд Пауэрскорт, сэр? Сюда, пожалуйста.

Важный швейцар вторгся в грезы Пауэрскорта и провел его лабиринтом коридоров к месту назначения. Пауэрскорт усомнился в своей способности найти обратную дорогу без посторонней помощи. Они поднимались по лестницам, украшенным живописными полотнами все того же парусного века. Проходили через целые отделы, на дверях которых значилось: «Навигация», «Артиллерия», «Двигатели». И вот, в конце темного, освещенного лишь световым люком коридора, они увидели дверь с надписью «Архив».

— Входите, входите. Вы кто?

В архивариусе флота все было тонким. Тонким и на вид очень старым было его тело, тонким был нос, тонкими — длинные, костлявые пальцы. На тоненький писк походил и его голосок. Даже кабинет архивариуса был длинным и, если можно так выразиться, тонким — узким, как гичка, протянувшимся в тусклом свете футов на сто, и шкафы с папками возносились к его потолку, подобно взбирающимся по брам-стеньгам гардемаринам.

— Мистер Симкинс, спасибо, что согласились принять меня. Я — Пауэрскорт. Полагаю, вы меня ожидали.

— Вы пишете книгу? Сюда приходят главным образом те, кто пишет книги, — Симкинс вгляделся в Пауэрскорта поверх тонких очков.

— Нет, книгу я не пишу.

— Ну, тогда биографию чью-то. Вы, должно быть, один из этих биографов.

— Боюсь, что и к ним я отношения не имею. Вы разве не получили письма касательно моего прихода?

— Так, может быть, статью для одного из военно-морских обществ? Историю какого-то корабля? Я, правда, не припоминаю, чтобы во флоте Ее Величества имелся корабль «Пауэрскорт», но я ведь могу и ошибаться.

Пауэрскорт заподозрил, что Симкинс попросту глух. По краям его огромного письменного сто-

ла, поверхность которого почти целиком скрывали бумаги и папки с делами стародавних времен, слоями лежала пыль.

— Поверить не могу, что ко мне прислали человека, никак к истории не прикосновенного. За последние тридцать лет вы — первый такой, если, конечно, не считать производителя рома из Вест-Индии, да и тот попал сюда по ошибке. Письмо, говорите? Письмо откуда? От кого?

— Письмо из канцелярии премьер-министра.

— А кто у нас теперь в премьер-министрах? Я что-то призабыл.

Интересно, подумал Пауэрскорт, Симкинс вообще из этого кабинета выходит? Может быть, он и спит прямо здесь, прикрывая своим тощим телом и мирными очечками тайны военно-морского прошлого.

В премьер-министрах у нас теперь лорд Солсбери, мистер Симкинс. Лорд Солсбери.

— Вообще-то говоря, я прекрасно вас слышу. Так что кричать не надо. — Как и у многих глуховатых людей, у Симкинса случались внезапные прояснения слуха - что-то вроде ока циклона. — Солсбери, говорите? Похоже, он не из флотских. Один из хатфилдских Солсбери, полагаю? Сесил и все прочее?

Похоже, соотнести премьер-министра с семнадцатым столетием архивариусу было проще, чем с девятнадцатым.

— Из них самых, — ответил Пауэрскорт.

— Ага. Что же вы мне с самого начала всего не сказали? Ладно. Я, наконец, понял, что вам требуется, - Симкинс еще раз вгляделся в Пауэрскорта поверх очков. — Вы все-таки историк. И вам нужны имена капитанов, командовавших кораблем Его Величества «Британия», учебным судном, в 1878-м и 1879-м, плюс имена капитана и офицеров корабля «Вакханка», на котором юные принцы совершили кругосветное плавание. Чертовски странное имя для корабля — «Вакханка». Вы не находите, лорд Пауэрскорт? Сколько я помню, вакханки — это были такие сладострастные и

весьма скудно одетые девицы, которые, охмелев, плясали на греческих островах, а то и занимались чем-то похуже, ведь так?

— По-моему, так. Возможно, тут имелось в виду изящество, с которым этот корабль танцевал на волнах, — неуверенно ответил Пауэрскорт.

— Ну да. Ну да, — Симкинс выбрался из кресла и окинул взглядом свой архив.

— Есть люди, которые то и дело теряют очки. А я то и дело теряю стремянки. Стремянки, которые позволяют мне добираться до верха шкафов. Ну вот куда они все подевались?

— Одна стоит вон за тем вращающимся книжным шкафом, — неуверенно подсказал Пауэрскорт, не вполне понимающий, какое количество стремянок может иметься в виду.

— Эта не подойдет. Слишком коротка. С нее я до верха не достану.

Неужели, подумал Пауэрскорт, его миссии предстоит в самом начале потерпеть неудачу — и все из-за отсутствия высокой стремянки? И он оглядел помещение архива с пущим вниманием.

— Возможно, сгодится та, что стоит в углу?

— В котором? — Симкинс проворно повернулся вокруг своей оси. — А, в этом. Что ж, мысль дельная, лорд Пауэрскорт.

Симкинс, прислонив рахитичную лесенку к стене, полез наверх.

— С годами моя архивная система становится все более запутанной. Я это к тому, что начинаю путаться в ней и сам. По первости, много лет назад, я брал за основу имена судов. Однако дойдя до «е» — Единоборец, понял, что толку от такой системы не будет. И попытался расположить все в алфавитном порядке. Но и тут сумел добраться только до «д» — Дания. Тогда я решил использовать в виде ключа имя первого морского лорда. И это не сработало. Вы сами-то как по части систематизации документов, лорд Пауэрскорт?

— Безнадежен, мистер Симкинс, решительно безнадежен.

Ну вот, — Симкинс уже шатко спускался по ступенькам. — Нам с вами еще повезло, что «Британия» и «Вакханка» начинаются с соседних букв. Будь это «т» или «у», вам пришлось бы прождать целый месяц. Ну-с, так. — Симкинс расторопно перебрал бумаги в первой папке. — «Британия». 1876–1879. Капитан Уильямс. Недолго он прослужил — в большинстве своем они занимают такие посты годами... О Господи, Боже ты мой. — Симкинс воззрился на Пауэрскорта с обновленным почтением. — Похоже, вы и впрямь наткнулись на что-то интересное. Для вашей книги, хочу я сказать. Вместе с капитаном Уильямсом были отправлены в отставку офицеры экипажа. Все до единого.

— И что, на ваш опытный взгляд, это может означать, мистер Симкинс?

— Генеральная чистка. Никогда ничего подобного не видел. Вы не помните, в 1879-м никаких крупных сражений не было?

Пауэрскорт сообразил, что до буквы «с» — Сражения — архивная система Симкинса так и не добралась. Интересно, подумал он, не остались ли вне нее все серьезные вооруженные конфликты? Что, к примеру, могло статься с войной в Эфиопии? Или с захватом Явы?

— Да вроде бы не было.

— Не нравится мне это. Совсем не нравится. Тут попахивает военным судом. Или скандалом. Однако проделано все было втихую. Сегодня экипаж служит на судне. А завтра его уже нет. Хорошая получится глава для вашей книги. — Симкинс вручил Пауэрскорту листок бумаги. — Здесь имена и последние, какие у нас имеются, адреса всех офицеров. Думаю, многие верны и поныне. А вот тут у нас имена офицеров «Вакханки». Здрасьте вам. Да у вас, похоже, просто нюх на такие истории, лорд Пауэрскорт. На этой папке стоят четыре звездочки.

— Четыре звездочки? А что они означают?

— Да вот пытаюсь вспомнить. Я эту систему со звездочками сам придумал, лет тридцать назад, —

архивариус безнадежно оглядел длинное, узкое помещение, словно надеясь увидеть начертанный где-то в пыли ключ к своей системе. — Ага. Я знал, что не забуду. Память у меня время от времени сбоит, совсем как эти новомодные паровые машины на судах, я бы так сказал, но потом оправляется. Так о чем я?

— О четырех звездочках, — мягко напомнил Пауэрскорт.

— О четырех звездочках? Четыре звездочки? Ну конечно. Значение их двояко. Во-первых, они означают, что перед выдачей документов следует испросить разрешения в канцелярии премьер-министра. А во-вторых, что документы, связанные с этими, хранятся в других правительственных ведомствах.

Пауэрскорт представил, как он мыкается от одного архивариуса Уайтхолла к другому — и каждый оказывается эксцентричнее предыдущего, — и сердце его упало.

— В общем, означает это, что имена я вам дать не могу. Имена офицеров с «Вакханки».

— Но, помилуйте, у меня же письмо как раз из канцелярии премьер-министра.

— Какое письмо? У вас разве есть письмо? Кто, вы говорите, у нас нынче премьер-министр? Опять забыл.

— У меня письмо из канцелярии лорда Солсбери, премьер-министра.

— Это который из Хатфилда?

— Совершенно верно.

— Ну, так бы сразу и сказали! Разумеется, вы можете получить эти имена. И простите мне мою забывчивость.

— Что вы, что вы, мистер Симкинс. Я чрезвычайно вам благодарен.

На прощание Пауэрскорт получил множество пожеланий успеха его книге. Они сопровождали его и пока он удалялся от архива по узкому коридору. Последние же слова архивариуса нагнали его уже на нижних ступенях лестницы:

— Постарайтесь придумать для вашей книги хорошую систему документирования. Мне это так и не удалось.

Странное это обстоятельство пришло Пауэрскорту в голову, пока он находился под землей. До Слоун-сквер оставалась, по его представлениям, пара сотен ярдов, когда поезд его, содрогаясь, остановился. Пауэрскорт вытащил список офицеров корабля Ее Величества «Британия» и смятенно вгляделся в написанное Симкинсом. Почерк у того был до крайности мелкий, и писал он очень тонким пером.

Капитан Джон Уильямс, Стейшн-Роуд, Эмбл, Нортамберленд. Эмбл. Эмбл. Где он, к дьяволу, находится, этот Эмбл? И тут Пауэрскорт вспомнил. Замок. Замок у моря, замок Перси* — замок Сорвиголовы и река Кокет, виясь, текущая к морю, к рыбацкой деревушке под названием Эмбл. В чертовой пропасти миль отовсюду.

Лейтенант Джеймс Форрест, Си-Вью, Грейстоунс, графство Дублин. По другую сторону Ирландского моря.

Лейтенант Джек Данстон, Борт-Роуд, Аберисуит. По другую сторону Уэльских гор.

Лейтенант Альберт Сквайрс, Скорс, Сент-Эндрюс. По другую сторону шотландской границы. Лейтенант Альфред Симмонс, Шапстон, Дорсет. Господи, горестно думал Пауэрскорт, если мне придется повидаться с ними со всеми, это обернется турне по окраинам Британии. И все, отметил он, поселились у моря, ради зрелища яхт, и судов, и воспоминаний о флоте.

Вот тут эта мысль и пришла ему в голову. Неся службу в Дартмуте, в Девоне**, они и поселиться

---

* Сэр Генри Перси по прозвищу Сорвиголова (1364–1403), бунтовавший против Генриха IV и ставший одним из героев драмы Шекспира «Генрих IV».

** Подразумевается Дартмутское военно-морское училище, находящееся в городке Дартмут, графство Девоншир.

должны бы были неподалеку от Дартмута. Большинство людей так и поступило бы. Ну, хотя бы один, а то и двое из них остались бы там. В конце концов, большинство бывших флотских селится вдоль длинной береговой полосы, тянущейся от Гемпшира до Корнуолла, чтобы быть поближе к большим портам и военно-морским учреждениям южного побережья. Но эти-то разъехались все. До единого. Такое впечатление, будто они от чего-то бежали. Или им приказано было бежать. От стыда? От позора? В изгнание? Они постарались оказаться как можно дальше от Дартмута.

Поезд возобновил прерывистый вояж к Слоун-сквер. Пауэрскорт, прихватив небольшой сверток, направился к дому 25 на Маркем-сквер, жилищу леди Люси Гамильтон.

— Леди Люси, простите, что так опоздал. Это все поезда, поезда... — и он развел, прося о прощении, руки.

Леди Люси улыбнулась — загадочной улыбкой, прибереeгаемой ею исключительно для Пауэрскорта.

— Вы лучше выпейте чаю, — сказала она, отведя его наверх, в гостиную, и указав на огромный, перегруженный сэндвичами поднос, стоявший на столе. Пауэрскорту подумалось, что такого количества сэндвичей, предназначенных всего лишь для двух людей, ему еще видеть не приходилось. Тут были сэндвичи из черного и белого хлеба, сэндвичи с хрустящей корочкой и без оной, сэндвичи, украшенные веточками зелени. Уж не считает ли она его неким колоссом, обладателем колоссального аппетита? Или им предстоит учинить здесь соревнование по поглощению сэндвичей — вся выручка поступает в пользу бедных и нуждающихся?

— Я думала, — оправдывающимся тоном сказала леди Люси, — что к нам присоединится Роберт. Он хотел пригласить в гости друга, но тому не разрешили покинуть дом.

— Он, что, заболел — я имею в виду друга?

— Нет, не так чтобы. По-моему, там какая-то история с разбитыми окнами.

А, — важно отозвался Пауэрскорт, — то есть, ему на время запрещено покидать казарму. Достойное же поведение принесет ему досрочное прощение.

— Именно так, — леди Люси улыбнулась снова — той же самой улыбкой. — Но эти мальчики даже в свои семь лет способны поглощать немыслимое количество сэндвичей. Просто сегодня Роберту придется расправляться с ними в одиночку — по мере сил.

В дверь неуверенно просунулось маленькое личико. С маленьким носом, синими, как у матери, глазами и копной светлых волос. Судя по виду волос, Роберт пытался, безуспешно впрочем, привести их в некий порядок, перед тем как отправиться чаевничать со взрослыми.

— Роберт, милый, заходи, познакомься с лордом Фрэнсисом Пауэрскортом. Роберт — лорд Фрэнсис, лорд Фрэнсис — Роберт.

Двое мужчин леди Люси обменялись торжественными рукопожатиями — ни дать ни взять Веллингтон и Блюхер по окончании битвы при Ватерлоо.

— Сэндвич, Роберт? Сэндвич, лорд Фрэнсис? Позвольте, я налью вам чаю.

Относительно сэндвичей, подумал Пауэрскорт, она была права. Гора их стремительно утрачивала свою внушительность.

— Я принес нечто вроде подарка, Роберт, — сообщил между глотками Пауэрскорт. — Не знаю, придется ли он тебе по вкусу.

Леди Люси немедля вспомнила, что у Пауэрскорта имеется целая крикетная команда племянников. И стало быть, у него должны быть довольно точные представления о том, что способно понравиться Роберту. Хотя встречаются мужчины решительно безнадежные. Друг ее отца недавно подарил мальчику полное собрание сочинений Овидия. Овидия!

— Это что-то вроде корабля, — продолжал, возясь с оберткой, Пауэрскорт. Подарок Пауэрскорт приобрел в лавке соблазнов — так он именовал

магазин, в котором потратил столько денег на предназначавшихся племянникам вольтижеров и гвардейцев императора.

На свет появилась маленькая яхта, с двумя парусами, превосходным такелажем, позволявшим управлять ими, крохотным штурвалом и полированной деревянной палубой.

— У! У! — восклицал, принимая яхту, новый ее владелец. — Огромное вам спасибо. Ну уж такое спасибо!

Мать его облегченно вздохнула. Не произнесенные вовремя «спасибо», она это знала, бывает порою трудно простить.

— А она как настоящая? И плавать может? — Роберт с большой осторожностью вертел яхту в руках.

— Может. В магазине меня заверили, что она прекрасно ходит под парусом. Не испытать ли тебе ее в ванне?

— Так в ванне же ветра нет. Во всяком случае, в моей, — и Роберт серьезно посмотрел на Пауэрскорта, словно подозревая в нем тайного обладателя ванны, в которой дуют с зюйд-веста пятибалльные ветра.

— Так может быть, попробовать кузнечные мехи? — сказал Пауэрскорт, взглянув на камин леди Люси, у решетки которого лежала пара очень нарядных мехов.

— От них грязи будет полно. И сажа на паруса сядет, — с сомнением произнес Роберт. — Не уверен, что маме это понравится. Ты как, мама?

Похоже, Роберт опасался, что мехи в ванне могут привести к тому же результату, что разбитые его другом окна. В увольнениях отказано, казарм не покидать.

— Круглый пруд в Кенсингтон-Гарденз. В магазине мне сказали, что он придется в самую пору, — попытался выпутаться из истории с мехами и сажей Пауэрскорт.

Леди Люси представилась вдруг картина — каждое воскресенье, после полудня, они втроем отправляются к Круглому пруду, Роберт убегает вперед, под деревья, она идет с Пауэрскортом —

может быть, даже под руку, загадала леди Люси, — и вот уже яхта горделиво плывет по воде.

— Единственное, что меня тревожит, — сказал ее будущий спутник, — так это то, что мы можем ее лишиться. Вдруг она застрянет?

— Что значит, застрянет? — встревоженно спросил Роберт.

— Ну, уйдет на середину пруда и не вернется. И тогда придется кому-то идти за ней вброд.

— Лорд Фрэнсис, лорд Фрэнсис, неужели вы столь безнадежно непрактичны? — спросила леди Люси, чувствуя себя чрезвычайно освеженной прогулкой в обществе мужчин.

— Ну, вообще-то да. Непрактичен, причем безнадежно. А разве я сказал о яхте что-то не то?

— Как же вы не понимаете, если ветра хватит, чтобы прогнать ее до середины пруда, так он приведет ее и к противоположному берегу. Ведь так, Роберт?

— Ну да, пруд же круглый, — Роберт напряженно размышлял. — Надо будет просто обойти его. И ничего она не потеряется. Во всяком случае, я так не думаю.

— Как бы там ни было, лорд Фрэнсис, вы должны заглянуть к нам в один из уик-эндов, чтобы все мы отправились в экспедицию к Круглому пруду. Да и в любом случае, мне очень нравится Кенсингтон-Гарденз.

Пауэрскорт улыбнулся.

— Это было бы замечательно. Но только, Роберт, прежде чем твой корабль выйдет в первое плавание, ты должен дать ему имя. Как ты собираешься назвать его?

— Пока не знаю. Надо подумать. Мам, можно я отнесу корабль в мою комнату? Мне еще нужно сообразить, куда его поставить.

— Конечно, Роберт, иди.

— Какой у вас очаровательный сын, леди Люси, — Пауэрскорт покончил с чаем и с благоговейным трепетом окинул взглядом опустошенный поднос из-под сэндвичей.

Леди Люси слегка порозовела.

— Спасибо, лорд Фрэнсис, большое вам спасибо. Но не хотите ли еще чаю?

— Я должен попросить у вас прощения, леди Люси. Пришел я с опозданием. А уйти должен пораньше. Это, могу вас уверить, никак не связано с вашим обществом. Я был бы рад просидеть с вами до ночи. Но у меня назначена встреча, не пойти на которую я не могу.

— Это не еще одно чаепитие? — леди Люси внезапно представилась другая, совершенно другая леди Люси, разливающая по чашкам «Серого графа» и изливающая на лорда Фрэнсиса Пауэрскорта любовь.

Пауэрскорт рассмеялся:

— Нет, не чаепитие. Я должен повидаться с комиссаром столичной полиции.

— У вас какие-то неприятности, лорд Фрэнсис?

— Леди Люси, дорогая, разумеется, никаких неприятностей у меня нет и в помине. Наша встреча связана с тем, над чем я сейчас работаю.

— А вы не расскажете мне о своей работе, когда-нибудь? Если можно, конечно.

— Обязательно расскажу. Однако если я сейчас не уйду, то опоздаю к комиссару и, возможно, он посадит меня под арест.

Пауэрскорт надел пальто и помешкал у выходной двери, прощаясь. Леди Люси стояла с ним рядом.

— Огромное спасибо за чай, леди Люси. Я напишу вам, чтобы попросить о следующей встрече.

— Надеюсь, это случится скоро, лорд Фрэнсис, — она слегка наклонилась вперед и стряхнула пылинку с воротника его пальто. Ну, во всяком случае, ей показалось, что там была пылинка.

— До свидания, — Пауэрскорт без всякой охоты выступил в ночь.

— До свидания, — леди Люси смотрела ему вслед. Как это он сказал? «Я был бы рад просидеть с вами до ночи». Она улыбнулась и закрыла дверь.

Забираясь в кеб, Пауэрскорт думал, что самым лучшим именем для яхты было бы «Леди Люси». Прекрасные линии. Грациозность. Изящество.

Он наклонился к извозчику.

— Сможете отвезти меня к Скотланд-Ярду? Большое спасибо.

— Лорд Пауэрскорт, дорогой мой, как приятно снова увидеть вас!

Комиссар столичной полиции был высок, худ и обладал прямой осанкой бывшего гвардейца. Сейчас, думал Пауэрскорт, он уже близок к тому, чтобы уйти на покой — он провел на своей невозможной работе годы и годы.

— Сэр Джон, и для меня большое удовольствие снова встретиться с вами.

— Сколько лет прошло с нашей последней встречи? — сэр Джон пересчитал года по пальцам. — Пять или шесть?

— Боюсь, уже семь. Никто из нас не становится моложе.

В 1885 году Пауэрскорт работал над делом особенно неприятным, заставившим его прибегнуть к помощи сил столичной полиции. Его отношения с полицейскими были исполнены великой вежливости, такта и, как он надеялся, обаяния. Они, в свой черед, делали все посильное, чтобы ему помочь. По завершении расследования, за очень хорошим обедом в клубе Пауэрскорта, комиссар заверил его, что если он когда-либо в будущем почувствует нужду в их помощи, ему нужно будет лишь попросить о ней.

— Мне необходимо кое-какое ваше содействие, сэр Джон. Я вынужден снова отдаться вашей службе на милость.

— Что мы можем для вас сделать? — Комиссар, широко разведя руки, уложил их ладонями вверх на свой письменный стол. На стенах его кабинета висели, как заметил Пауэрскорт, четыре огромные карты Лондона — север, юг, восток и запад. На каждой присутствовали маленькие красные кружки, предположительно обозначающие места недавно совершенных преступлений. Восточный Лондон, подумал Пауэрскорт, выглядит этим ве-

чером особенно красным, некоторых его частей было под кружками почти и не видно.

— У меня, если позволите, два вопроса. Первый касается шантажа. И вы навряд ли удивитесь, услышав, — Пауэрскорт поднялся из кресла и подошел к огромной карте западного Лондона, — что речь идет о людях так называемого общества, обитающих вот здесь, — он указал на самый великосветский и дорогой квартал Лондона — районе Мэйфэра и Белгрейвии. — Здесь, как я вижу, у вас красных пятен совсем не густо.

— Преступления — занятие не для тех немногих, кто обладает богатством. Им они попросту ни к чему. Совершать преступления приходится многочисленным лондонским беднякам — либо затем, чтобы добыть немного средств к существованию, либо под влиянием спиртного. Слишком многие наши дела, приходящиеся вон на ту красную зону, — он указал печальным перстом на закосневший в грехе Ист-Энд, — связаны с пьянством.

Пауэрскорт вспомнил, что сэр Джон был еще и казначеем церкви в своей суррейской деревушке, большинство жителей которой ничего о роде его занятий не знало, полагая, что он служит в банке. Пауэрскорт вспомнил также, хоть и не смог сообразить, откуда у него эти сведения, что в свободное время сэр Джон пишет акварели с видами Темзы — увы, довольно кошмарные.

— Шантаж в Белгрейвии, как назвали бы это газеты, — с улыбкой продолжал Пауэрскорт. — Мне необходимо знать следующее, сэр Джон. Имеются ли у вас какие-либо данные о шантажисте, действовавшем в последние годы — изнутри или извне — в так называемом обществе? И если такой человек существует, имеются ли какие-нибудь сведения о том, что он предается своему занятию и поныне?

Сэру Джону не давало покоя выражение глаз Пауэрскорта. Некое напряжение, некая тревога читались в них — причем далеко выходящие за рамки задаваемых им вопросов. Сэр Джон помнил, какими эти глаза были прежде — неизмен-

но храбрыми, неизменно любознательными, неизменно светившимися от наслаждения, доставляемого поисками истины.

— Второй мой вопрос еще более деликатен. Он касается гомосексуального сообщества Лондона, и опять-таки людей богатых. Насколько мне известно, эти люди приобрели недавно особняк у реки, между Хаммерсмитом и Чизиком, чтобы мирно предаваться в нем своим утехам. Так вот, имеются ли сведения, что и там присутствуют шантаж либо преступные деяния иного порядка?

— Мы знаем об этом доме, и знаем уже довольно давно, — сэр Джон вглядывался в карту западного Лондона с таким выражением, точно поверх Чизика обозначилась вдруг Каинова печать. — Нам представляется, что самое правильное и простое — оставить этих людей в покое, поскольку любое расследование в их среде вызывает у моих офицеров тошнотворное чувство.

Сэр Джон по-прежнему внимательно вглядывался в карту Уэст-Энда.

— Как скоро нужны вам эти сведения, лорд Пауэрскорт? Мне нет необходимости говорить вам, что работу в этом направлении мы начнем незамедлительно.

— Послезавтра мне придется отправиться в долгую поездку, — Пауэрскорт поискал на картах вокзалы железной дороги. — Какое-то время я, вероятно, буду отсутствовать. Могу я снова заглянуть к вам дней примерно через десять?

— Разумеется, можете. Я буду только рад.

Усадив Пауэрскорта в очередной кеб, комиссар смотрел, поплотнее закутавшись от густого тумана в пальто, как тот уезжает. Я бы сказал, что поездка ему предстоит непростая, подумал комиссар, когда кеб исчез, свернув за угол, — скорее даже путешествие, полное открытий. Да поможет ему Бог на его пути, думал он, возвращаясь к созерцанию своего города, раскинувшегося по четырем настенным картам, к красным кружкам, усеявшим весь Ист-Энд.

14.

Куда ни глянь, повсюду распускались первоцветы — гипсовые, штукатурные. Интересно, мраморные тут тоже имеются? Пауэрскорту они пока на глаза не попадались. Целые поля искусственных первоцветов раскинулись по стенам лондонского дома Арчибальда Филиппа Примроуза*, пятого графа Роузбери. Теперь, задумавшись об этом, Пауэрскорт припомнил, что видел однажды Роузбери при полном параде — на запястьях его поблескивали в свете свечей запонки в виде золотых первоцветов.

Лорд Пауэрскорт. С добрым утром. Сожалею, но вынужден вам сообщить, что хозяина нет дома. Впрочем, возможно, ваше лордство соблаговолит подождать, он должен вскоре вернуться.

Уильям Лит, дворецкий Роузбери, был человеком приземистым, квадратным, и выражение имел мрачное, как у похоронных дел мастера в часы работы. Пауэрскорт вспомнил, как Роузбери уволил некогда дворецкого, превосходившего ростом его самого. «Ну, невыносимо же, — жаловался тогда Роузбери. — Этот малый все время смотрел на меня сверху вниз. Я начал чувствовать себя итонской "шестеркой"».

— На сей раз, — сказал Пауэрскорт, вступая в огромный вестибюль, — я пришел поговорить не с лордом Роузбери.

— Безусловно, мой лорд. — Лит расторопно избавил Пауэрскорта от пальто и шляпы.

— Мне требуется ваш совет, Лит.

---

* Primrose *(англ.)* — примула, первоцвет.

— Безусловно, мой лорд, — Лит перенес пальто в примыкающую к вестибюлю комнатку.

— Мне предстоит дальняя поездка и, возможно, на нескольких поездах. На скольких, я пока не знаю.

— Безусловно, мой лорд, — проблеск интереса и даже удовольствия обозначился на лице Лита. В наиболее игривые свои минуты Роузбери именовал его «Спутником пассажира». Обширная память Лита вмещала расписания едва ли не всех британских поездов, он обладал энциклопедическими познаниями по части железных дорог Европейского континента. Роузбери уверял, что совсем недавно его дворецкий закупил целые тома со сведениями о железных дорогах Америки и Африки. «Хотите попасть в Вену, минуя Германию или поскорее оказаться в Бриндизи либо Берлине, — тогда Лит именно тот, кто вам нужен. Если он чего-то не знает, он найдет это в справочнике, а не найдет, так выяснит окольными путями. Возможно, он даже держит тайных агентов у "Томаса Кука"* и в "Compagnie Wagons-Lits"**. Уверен, его библиотека железнодорожных расписаний может в один прекрасный день оказаться более ценной, чем мое скромное собрание», — говорил он.

Возможно, ваше лордство соблаговолит пройти со мной. Мой лорд, — и Лит провел Пауэрскорта в свою рабочую комнату, расположенную на половинном пути по лестнице, ведущей в подвал.

Это же святая святых, думал Пауэрскорт. Мне предстоит увидеть Ковчег Завета. Интересно, был ли здесь когда-нибудь Роузбери? Две стены комнаты покрывали книги с расписаниями. Две другие — карты железных дорог Британии и Европы, исписанные во множестве мест микроскопическим почерком Лита.

---

* Основанная в 1841 году туристская компания.

** Французская «La Compagnie Internationale des Wagons-Lits et des Grands Express Européens» — «Международная компания спальных вагонов и больших европейских экспрессов».

— Сент-Эндрюс в Шотландии. Эмбл в Нортамберленде. Аберисуит в Уэльсе. Грейстоунс в графстве Дублин. Ирландия. Вот места, в которые мне необходимо попасть. Возможно, только в одно из них, если я смогу найти искомое в первую же поездку. Но не исключено, что придется посетить все.

— Безусловно, мой лорд. До мест из этого списка добраться непросто, ваше лордство. — Лит стянул с полок пару томов. — Грейстоунс, мой лорд. Боюсь, он скорее в графстве Уиклоу, чем в графстве Дублин. Ну да не важно.

Почти и не помедлив, чтобы заглянуть в свои книги, Лит возвел взор к потолку, и улыбка удовольствия осветила его лицо. Зеленый свет зажегся перед его паровозом, зеленый флаг взвился в сознании, и Лит тронулся в путь.

— Вечерний поезд на Ливерпуль, мой лорд. С Юстона*. Я предложил бы вашему лордству воспользоваться поездом 3.30, он не так переполнен, как все последующие. Потом ночным судном до Дублина или Кингзтауна, предпочтительно до Кингзтауна. Приходит в 7.30 утра. Поезда местного сообщения отходят каждые полчаса, с остановками в Грейстоунсе. Полагаю, ваше лордство сможет поспеть на поезд 7.45.

С Эмблом все проще, ваше лордство. Экспресс до Эдинбурга, остановка в Морпете. Мое лордство и я — мы постоянно ездим этим поездом. Самый быстрый — десятичасовой с вокзала Кингз-Кросс. Оттуда кебом до Эмбла, это не очень далеко. Есть еще местный до Уоркуорта, но он ходит нерегулярно. Очень нечасто, мой лорд.

Аберисуит. 9.15 с Юстона, пересадка в Бирмингеме и еще одна в Лудлоу. Оттуда ехать придется медленно, мой лорд. Очень медленно. Поезда идут со всеми остановками, — Лит приобрел вид печальный, как если бы поезда, идущие со всеми остановками, были тяжким крестом, каковой ему приходится нести. — Правда, вы можете поехать

---

* Лондонский вокзал

экспрессом 9.20 на Кардифф. Боюсь, с вокзала Паддингтон. В Кардиффе пересадка на североуэльскую ветку, в 4.15. Но там езда тоже очень медленная. Горы, мой лорд.

Сент-Эндрюс — тот же поезд с Юстона, что и в случае с Эмблом, мой лорд. Доезжаете до эдинбургского Уэверли, там пересадка. Восьмичасовой с Кингз-Кросс позволит вам поспеть на семичасовой, идущий до Сент-Эндрюса без остановок.

А с другой стороны, мой лорд, — Лит вдруг затормозил — резко, совсем как поезд, — все эти сложности с пересадками и ветками можно и обойти, нужно лишь взять поезд особого назначения.

Особого?

— Безусловно, мой лорд. Особого. Мое лордство нередко ездит ими. Вы просто нанимаете себе отдельный поезд, и он везет вас куда вам угодно.

На лице Лита появилось восторженное выражение, как если б ему хотелось отправиться в последний свой путь на скоростном поезде особого назначения, без остановок следующим до вокзала Святого Петра.

— Боюсь, в моем случае такой поезд оказался бы неуместным, — Пауэрскорт почувствовал охватившее Лита разочарование: экзальтация, порожденная мыслью о скоростном экспрессе, снова сменилась хмуростью распорядителя похорон. — Однако я безусловно запомню вашу идею на будущее.

— Безусловно, мой лорд. Я тут записал для вашего лордства все существенные детали, времена и так далее. Могу ли я помочь вашему лордству чем-либо еще по части этих поездов? — Литу каким-то образом удавалось выглядеть сразу и бесстрастным, и исполненным надежд.

— Только одним, Лит. Давайте предположим, что мне довольно будет одной поездки. До какого из этих мест добраться легче всего?

— Легче всего, мой лорд? Тут и сомневаться почти не приходится. Машины на этой ветке новее, чем на большинстве прочих, мой лорд. И обшив-

ка вагонов там лучше, чем на других. - Лит содрогнулся при воспоминании о неких дурно обшитых сиденьях, о разносящихся по вагону гневных восклицаниях его хозяина. — И, как правило, они пунктуальны. Эмбл, мой лорд, вот место, куда легче всего добраться — если это отвечает планам вашего лордства.

— Безусловно отвечает. Я чрезвычайно вам благодарен, чрезвычайно.

Пауэрскорт гадал, не угостит ли его русский посол чаем из самовара. Не угостил. Чай у него подавали изысканнейший, индийский, и в чашках изысканнейшего мейсенского фарфора.

Граф Василий Тимофеевич Вольский, посол двора Романовых и Николая II, императора и самодержца Всея Руси при Сент-Джеймсском дворе, был само очарование. «Богат до крайности, — так отозвался о нем Роузбери. — До крайности. Тысячи и тысячи акров земли. Куда больше, чем у меня. И повсюду полные картин дворцы. Опять-таки, куда больше, чем у меня. Жуткая жена. Скорее всего, ждет не дождется возвращения в Санкт-Петербург. Бог весть, почему всем этим русским так не терпится, вернуться в Россию-матушку, но вот не терпится и все тут».

— Лорд Пауэрскорт, на вопросы, заданные в вашем письме, я могу ответить очень кратко. Существуют ли документальные свидетельства о деятельности русских анархистов или революционеров за пределами нашей страны? Боюсь, ответом будет нет. Свою преступную деятельность они ограничивают пределами нашего несчастного отечества. Не думаю, чтобы они предпринимали нечто и за границей. Изгнанники, конечно, имеются, многие из них живут в Париже или Женеве, а то и здесь, в Лондоне, однако ведут они себя за границей всегда хорошо. Порочность свою они приберегают для родины.

Он смотрел на Пауэрскорта с печалью, словно горюя о греховности своих соотечественников.

Теперь о господах, чьи имена вы мне назвали. Вы написали, что уверены в их законопослушности, но обязаны это проверить. Я преклоняюсь перед вашей дотошностью, лорд Пауэрскорт. Все они — достойные граждане. С профессором я знаком лично. Он очень любит читать Пушкина у себя в саду. Существует ли занятие более мирное?

Я не знаю, что составляет предмет ваших поисков. Но уверен — ответы на ваши вопросы вы найдете не в России. Могу я пожелать вам удачи в исполнении вашей миссии, лорд Пауэрскорт?

Последний визит, думал Пауэрскорт. После него с лондонской частью расследования будет покончено. И придется заняться делами, к которым душа у меня не лежит нисколько — объездом тех, кто остался от команды корабля Ее Величества «Британия», и странным, многолетней давности вояжем «Вакханки».

Доминик Нокс из Министерства по делам Ирландии пригласил его пройти в огромную залу с окнами, выходящими на Хорсгардз-Парейд*. Снаружи, в Сент-Джеймсском парке, полным ходом шел послеполуденный парад нянюшек с колясками, и перекормленные утки толпились вокруг угощающих их людей. Нокс оказался человеком жилистым, невысоким, одетым небрежно, но с очень опрятной козлиной бородкой.

— Итак, — они уселись в уютные кресла, из которых видны были уходящие к Букингемскому дворцу** верхушки деревьев, — позвольте мне попытаться помочь вам в вашем деле. Многое ли вам известно о секретной операции в Ирландии, лорд Пауэрскорт?

— Рад сообщить, что не многое, — Пауэрскорт подумал, не предстоит ли ему все оставшиеся послеполуденные часы выслушивать лекцию. Что ж,

---

* Плац-парад королевской конной гвардии.

** Главная королевская резиденция в Лондоне.

по крайней мере, здесь нет пыльных папок, до которых приходится добираться по шатким стремянкам.

— Ну, тогда позвольте немного вас просветить. Она огромна, эта секретная операция. Все помнят о совершенном десять лет назад в Феникс-парке покушении на лорда Фредерика Кавендиша и министра Берка. Однако брожение началось намного раньше. На Форстера, когда он, еще до Кавендиша, состоял в главных министрах по делам Ирландии, было совершено девятнадцать разрозненных покушений. Девятнадцать, лорд Пауэрскорт.

Тайные общества вырастают по всей стране, точно грибы в темноте. «Фении», «Ирландское республиканское братство», «Несгибаемые», «Капитан Лунный Свет», не успеешь решить, что ты окончательно разобрался с одним из них, как откуда ни возьмись появляется другое. Они точно сорняки, и сорняки особенно буйные. Как бороться с закоснелой ежевикой, всем известно, — нужно проследить ее, проклятую, до корней, раскопать эти корни и, в конце концов, выкорчевать и тешиться мыслью, будто победа за вами. А через неделю она опять тут как тут. Вот таковы и ирландские тайные общества.

В Дублинском замке располагается ныне центр одной из крупнейших в мире осведомительских сетей. В каждом тайном обществе Ирландии имеются люди из полиции либо других правительственных служб. На некоторых их совещаниях присутствует, быть может, больше осведомителей, чем истинных заговорщиков. Дабы оправдать суммы, которые на них тратятся, осведомители лезут вон из кожи, стараясь опередить друг друга. Скоро нам потребуются осведомители, которые будут доносить на других осведомителей. Я уверен, что многие из них — двойные агенты, работающие на ирландские тайные организации и доносящие им о нас. Возможно, существуют также агенты тройные, четверные — и конца этому не предвидится.

— У Иисуса Христа было всего лишь двенадцать соратников, и то один из них оказался двойным агентом, — позволил себе дерзновенное замечание Пауэрскорт.

— Попади он в Ирландию, на другую сторону работали бы четверо или пятеро его учеников. Когда узнаешь, какие кучи денег передаются этим ирландским Искариотам, тридцать сребреников начинают казаться пустяком.

Нокс опустил взгляд на папку, которую держал в руке. За окнами упражнялся отряд конных гвардейцев, бодрые, аристократическим голосом отдаваемые команды летели по парку к нянюшкам и младенцам, мирно продвигающимся сквозь послеполуденные часы к часу чаепития.

— Перехожу к вашему запросу, лорд Пауэрскорт. Мы проверили имена ваших телеграфных рабочих по архивам Дублинского замка. Ни одно там не значится. Это не означает, будто они не могут оказаться сторонниками насильственных действий — в конце концов, любой не лишенный ума политический убийца прилагает особые усилия, чтобы не попасть в наши бумаги. Однако я думаю, что причастность этих людей к каким бы то ни было преступлениям весьма маловероятна.

Временами они решаются переплывать Ирландское море, дабы подкладывать бомбы в Лондоне. Однако в целом ирландцы одержимы своим маленьким островом, своим местом на нем и соотносительными правами любых чужаков, обосновавшихся среди них за последние восемьсот лет. Они смотрят назад, не вперед. И смотрят внутрь, не вовне.

Короче говоря, лорд Пауэрскорт, я думаю, что любой из этих телеграфных рабочих навряд ли представляет какую-либо опасность. Однако я могу ошибаться. Когда дело идет об Ирландии, англичане, как правило, ошибаются.

Небольшое общество восторженных созерцателей собралось на Сент-Джеймсской площади у новых штор леди Пембридж.

— Ну разве они не божественны? И цвет их, Розалинда, так идет к этой комнате! — Мэри, она же миссис Уильям Берк, средняя из сестер лорда Фрэнсиса Пауэрскорта, спешила воздать должное своей старшей сестре, гордой обладательнице новых портьер, роскошно свисавших, заслоняя огромные окна ее гостиной. — А отделка! Какая прекрасная работа!

Пальцы ощупывали подкладку, глаза впивались в ламбрекены.

— Знаешь, — сказала старшая сестра, — я попыталась пробудить в Пембридже хоть какой-то интерес к цветам и рисунку. С таким же успехом я могла обращаться к львам с Трафальгарской площади. Он совершенно безнадежен. Ни малейшего понятия о рисунках.

— По-моему, они все такие, — сказала сестра средняя. — Мужья, то есть. Да, может, оно и к лучшему, — и ей вспомнилась стоимость новых кушеток, появившихся в прошлом году в ее собственном доме.

Происходившее здесь было собранием клана — ежегодной общей встречей семейства Пауэрскорта, созванного старшим братом на секретное совещание.

— Они могут оказаться несносно любопытными. Собственно, я опасаюсь, что такими они и окажутся, — сказал лорд Пауэрскорт, приготовляя леди Люси к ритуалам инициации, которые ей предстояло претерпеть на семейной встрече в Сент-Джеймсском доме.

— И что же вызовет их любопытство, лорд Пауэрскорт? — леди Люси, собираясь покинуть свой дом на Маркем-сквер, в пятый раз оглядывала выбранное ею платье.

— Кто же, как не вы, леди Люси? Не забывайте, младшая из моих сестер, леди Элинор, вас еще ни разу не видела. Она сгорает от такого любопытства, какое и Чеширскому коту не снилось.

— Спасибо, но, думаю, с этим я как-нибудь слажу, — улыбнулась леди Люси. — В любом случае, это будет не хуже, чем общество моих четверых

братьев, поносящих меня за рождественским обедом за то, что я до сих пор не нашла себе мужа. Один из них даже заявил однажды, будто я для этого уже старовата. Вообразите. Но если серьезно, лорд Пауэрскорт, я польщена и очень довольна тем, что вы сочли возможным пригласить меня этим вечером на обед. Не означает ли это, что вы считаете меня членом семьи?

Пауэрскорт уже начал привыкать к ее поддразниваниям.

— Леди Люси, дорогая, — рассмеялся он, — я наслаждаюсь возможностью принять вас в лоне моей семьи. Однако помните об опасностях, кои в нем таятся.

Вот в этом лоне она теперь и пребывала, и чувствовала себя в нем, как дома, — стояла, беседуя с Уильямом Берком, у камина, и пламя играло в ее синих глазах. Разговор на другом конце комнаты, наконец, отвлекся от штор. Пауэрскорт не сомневался, что так оно и случится.

— Так где, ты говоришь, Фрэнсис с ней познакомился, Розалинда? — Элинор, подобно ее брату, взявшись за расследование, от него уже не отступалась, собирая улики и показания.

— Ну как же, здесь, по-моему, и познакомились. Леди Люси обедала у нас как-то вечером, тогда, я думаю, все и началось. Пембридж говорит, что слышал, как они условливались о свидании в Национальной галерее.

— А, так она художественная натура? Фрэнсису такие нравятся. Но вот практична ли она? Некоторые из этих артистических дам нарочито пренебрегают своими домами и мужьями, — и перед умственным взором леди Элинор прошло видение некоего убогого обиталища в Хамистеде или Сохо, набитого незаконченными холстами и открытыми баночками с краской.

О, думаю, она вполне практична, — ответила леди Розалинда, бросив через комнату взгляд на стройную фигуру у огня. — У нее сынишка от первого брака. Мужа убили в Хартуме, он был там с Гордоном.

— Вот оно что, — на леди Элинор, жену военного капитана, находившегося ныне на маневрах в Средиземном море, услышанное произвело впечатление. Эту вдову осенял ореол славы. — Но скажи, Розалинда, — Элинор бросила взгляд на леди Люси - взгляд, с не лишенным приятности покорством, отмеченный ее братом. — У них это как, ну, ты понимаешь, серьезно?

— Не исключено, что очень, — задумчиво ответила Розалинда. — Что-то такое ощущается в том, как они смотрят друг на друга. Словно в комнате никого больше и нет.

Дальнейшее обсуждение прервал обеденный колокол. Пауэрскорт обнаружил, что леди Люси поместили на противоположном от него конце стола, между Элинор и Мэри. Сам он оказался между Розалиндой и достойным Уильямом Берком и прийти на помощь леди Люси, вмешавшись в ведомые с ней разговоры, было для него делом трудным, если вообще возможным.

Портреты предков Пембриджа висели по стенам, череда их прерывалась лишь огромным зеркалом над камином: Пембридж времен Реставрации — в ярко-красном кафтане и лихо заломленной шляпе, истинно удачливый кавалер; Пембридж конца восемнадцатого столетия в телесного цвета чулках и черном кафтане, с припухлым лицом гуляки. Пауэрскорт вспомнил рассказ Уильяма Берка о том, что этот Пембридж спустил, играя с Чарльзом Джеймсом Фоксом в карты, огромное состояние. Присутствовал здесь и граф несколько более поздний, владелец уцелевших акров — с ружьем в руке и собакой у ног, возможно, старающийся тяжким трудом и удачным браком исправить ущерб, нанесенный фамильному состоянию его предшественником. Вокруг стола вились семейные сплетни, куда более злостные, чем любые другие. Пауэрскорта всегда изумляла готовность членов семьи говорить друг о друге вещи совершенно ужасные, каких они не потерпели бы в устах постороннего человека.

— Так все и было. Да-да, так все и было, — Уильям Берк рассказывал о своем кузене, ударившемся недавно во все тяжкие. — За завтраком он еще оставался женатым человеком. Он, собственно, пробыл таковым двадцать лет. Съел обычный свой завтрак — две копченые селедки, крепкий кофе, гора тостов. Он питал особое пристрастие к джему, правда, дорогая? — Берк улыбнулся жене, ища подтверждения странных застольных обыкновений кузена. — Джем он предпочитал густой, со множеством кусочков цедры — или что там в него кладут — и наваливал его на тост такой горой, что хлеба было почти и не видно.

— Так или иначе, завтрак он съел. А к ленчу ушел куда-то. И не вернулся. Просто сгинул. Несколько дней спустя прошел слух, будто его видели пересекающим Канал в обществе молодой леди. После говорили, что его видели и на юге Франции, в Антибе или Каннах, где-то там, все с той же леди. В отелях вопросов не задают, и какие-либо признаки возможного его возвращения отсутствуют. Он просто сбежал, в его-то пятьдесят лет, бросил всю семью.

Полагаю, они смогут теперь экономить на счетах за джем, — не удержался от шутки Пауэрскорт.

— Фрэнсис, ты ужасен! Несчастную женщину, жену кузена Уильяма, бросили, и это в ее возрасте, а ты только о джеме думать и способен, — сказала старшая из сестер, всегда испытывавшая счастье, отчитывая брата.

— А что это был за джем — оксфордский «Куперс»? Или тот, что продают в таких забавных баночках, по-моему, он называется «Типтри». Его делают где-то в Эссексе.

— Замолчи, Фрэнсис! — и все три сестры принялись объединенными силами корить его. Ведьмы, с горечью подумал Пауэрскорт, вспомнив время, когда они втроем налетали на него, еще мальчишку, и отнимали его рогатки. Взглянув в поисках поддержки на леди Люси, он, как ему показалось, заметил на другом конце стола проблеск

обращенной к нему заговорщицкой улыбки. Улыбка леди Люси, предназначенная только для него, стоила ведьмина котла с кипящим в нем гневом сестер.

Слуги унесли со стола последние тарелки и бокалы. Двери столовой затворились.

Пембридж, выглядевший истинным олицетворением главы семейства, значительно кашлянул и громко забарабанил пальцами по столу.

— Леди и джентльмены, — начал он, улыбаясь по очереди всем, кто сидел вокруг стола, — особенно лучезарная улыбка досталась хорошенькой леди Люси. — Фрэнсис попросил нас собраться этим вечером, поскольку он нуждается в нашей помощи. Фрэнсис, вам слово.

Весь вечер Пауэрскорт прикидывал, какой тон ему лучше взять, обращаясь именно к этому собранию людей. После оплошности с джемом, понимал он, легкомыслия позволять себе не следует. Никаких шуток, сказал он себе. Ради Бога, никаких шуток. Он знал, что двое его зятьев, скорее всего, отнесутся к нему с большей серьезностью, чем сестры, как бы те его ни любили. Ведьмы, он хорошо это помнил, всегда считали его расследования еще одним мужским хобби, которое невозможно принимать всерьез.

— Мне нужна ваша помощь, — начал он, решив, что наилучшей тактикой будет самоумаление. Надо отдаться на их милость. — Я занимаюсь сейчас очень сложным и важным расследованием. Два дня назад я виделся с комиссаром столичной полиции. Он обещал оказать мне любую поддержку, какая ему по силам. У меня в кармане, — он сделал паузу, чтобы извлечь на свет одно из писем с Даунинг-стрит, 10[*], — лежит множество подписанных премьер-министром писем. Адресаты не указаны, я вправе сам проставлять их имена. В письмах говорится, что лорду Фрэнсису Пауэрскорту, исполняющему задание огромной государ-

---

[*] В этом доме находится лондонская резиденция действующего премьер-министра.

ственной важности, надлежит оказывать любую помощь, какая только возможна.

Он снова сделал паузу и оглядел стол. Все молчали и вид имели вполне серьезный: Пембридж походил на некоего энергичного сквайра из прежних Пембриджей; Уильям Берк выглядел деловым человеком, всерьез воспринимающим свой долг перед Королевой и страной; Розалинда казалась бесстрастной; Мэри и Элинор — исполненными любопытства, а на лице леди Люси читался страх за Пауэрскорта. Все это может оказаться очень опасным, вдруг подумалось ей.

— Фрэнсис, ты можешь сказать нам, в чем состоит это дело? Хоть что-то? — спросила леди Розалинда.

Боюсь, что не могу. Сведения такого рода ничем вам не помогут, зато способны очень сильно осложнить жизнь всем, кто причастен к этой истории. В особенности мне, — и он самоуничиженно пожал плечами.

Но как же мы сумеем помочь тебе, не зная, что к чему? — леди Элинор почти в точности исполнила пророчество брата относительно ее любопытства.

Так что мы должны для тебя сделать, Фрэнсис? — спросила Мэри, практичная жена практичного мужа.

— Для начала я хотел бы, чтобы вы не говорили все сразу, — ответил Пауэрскорт, ухватываясь за возможность хоть немного поквитаться с сестрами за джемовую войну.

Мужчины рассмеялись — извечные участники мужского заговора против женщин и жен.

— То, чего я хочу от вас, совсем просто. Мне необходимы сведения о некоторых людях. Сведения об их семьях, финансовом положении, сведения об их состояниях — есть ли у них таковые или они их недавно лишились. Неофициальные сведения, которые легко добываются в разговорах и, если мне позволено употребить в этом обществе подобное слово, из слухов. Я в последнее время стал большим поклонником слухов. В об-

щем, все то, о чем, как мне говорили, беседуют дамы, когда собираются вместе. Да я, собственно, и не считаю, что в слухах присутствует нечто дурное.

В голове его снова мелькнула мысль о ведьмах, плетущих заговор, — заклинания прочитаны, зелья приготовлены, над болотистой пустошью возносятся странные запахи.

— У меня с собой, — сказал Пауэрскорт, опережая то, что, как он знал, будет следующим вопросом — вопросом сестер, во всяком случае, — список связанных с делом людей. Должен сказать, что какие-либо подозрения в их причастности к чему-то дурному отсутствуют, — бойко солгал он, ибо не говорить же родным, что один из этих людей может оказаться убийцей предполагаемого престолонаследника. — Подозрений нет решительно никаких.

Лорд Генри Ланкастер, Гарри Радклифф, Чарльз Певерил, Уильям Брокхем, лорд Эдуард Грешем, почтенный Фредерик Мортимер. Пауэрскорт без затруднений перечислил эти имена. Он уже привык перечислять их про себя в мгновения скуки, когда брился или ожидал в подземке прихода поезда.

— Но, Фрэнсис... — начала Розалинда.

— Что, собственно... - произнесла Мэри Берк.

— И ты всерьез ожидаешь, что мы... — спросила Элинор, лицо которой светилось от интереса и любопытства.

— Опять вы за свое. Опять говорите все вместе. Ну хотя бы разнообразия ради, — Пауэрскорт улыбнулся трем своим ведьмам, ибо колдовство их было, в сущности, добрым, — по очереди, очень прошу вас.

— Фрэнсис, — заговорила, воспользовавшись правом рождения, старшая из сестер, Розалинда, — ты действительно подумаешь, что мы примемся расспрашивать людей об этих молодых джентльменах? Как будто мы полицейские или еще кто?

— Нет, не думаю, — ответил Пауэрскорт. Я просто полагаю, что вы, улучив подходящий, на

ваш взгляд, момент, могли бы попробовать направить разговор на них. Вы уже некоторое время ничего о них не слышали. Правда ли, что такой-то такой-то обручен и скоро женится? Или что такой-то такой-то потерял все семейное состояние? Мне говорили, — скорбно улыбнувшись, продолжал он, — что светские дамы изредка ведут подобные разговоры.

— А вам известно, Пауэрскорт, что один из этих молодых людей мертв? — с весьма серьезным видом вступил в разговор Пембридж. — Ланкастер. Убит в Норфолке, где-то неподалеку от Мелтон-Костэбл, по-моему. Несчастный случай во время охоты. Ужасная история.

Так вот как управился с ним Дони, подумал Пауэрскорт. Он вспомнил обещание майора позаботиться о найденном в лесу человеке, мозги которого были разбрызганы по деревьям Сандринхема. Верен навек. Semper Fidelis.

— Да, знаю, — Пауэрскорт тоже посерьезнел. В столовой наступила тишина, сорочка Пембриджа и руки леди Люси едва приметно отражались в полировке стола. — Однако, боюсь, его тоже придется включить в наши беседы. И смерть его может дать удобный, если позволительно так выразиться, повод для начала разговора.

— Что мы должны будем сделать с этими сведениями? Просто пересказать их тебе при следующей встрече?

— Нет, я хочу, чтобы вы поступили иначе. Я хочу, чтобы вы их записали.

Все три сестры застонали, мучительно и огорченно.

— Фрэнсис, ты это не всерьез.

— Что же, нам опять за парты садиться?

— А награда за лучшее сочинение нам полагается?

На помощь ему пришел Уильям Берк:

— С вашего разрешения, предложение самое что ни на есть разумное. Люди, занимающиеся одним со мной делом, вечно забывают, что в точности им было сказано. Единственное, что способ-

но дать полную уверенность, это запись. Одна из компаний, с которой я связан, уже объявила это своей политикой. Запись переговоров, хочу я сказать.

— И что нам следует сделать после того, как мы занесем все в наши записные книжечки? — неохотно уступила леди Элинор

— Лично передать записи мне. Или послать по почте.

Пауэрскорт решил, что битву он выиграл — ведьмы отступают, котел выкипел.

— А скажите, Фрэнсис, — снова заговорил Уильям Берк. — Скажите, какие вам потребны сведения о финансах? Вы полагаете, в положении этих молодых людей может присутствовать нечто негожее?

— Мне было бы крайне интересно выяснить, — Пауэрскорт снова оглядел стол, решившись обронить слово, которое, как он знал, привлечет к себе всеобщее внимание, — не подвергался ли кто-либо из них шантажу. Или, если на то пошло, не шантажировали ли сами они кого-либо.

15.

Поезд пришел на вокзал Морпета вовремя по расписанию, в точности, как обещал одержимый поездами дворецкий лорда Роузбери. Когда Пауэрскорт направился к «Куинз-отелю» на Бридж-Стрит, солнце уже садилось, и серые облака гнали друг друга по темнеющему небу. Завтра утром, в десять, ему предстояло навестить в Эмбле, на Стейшн-Роуд капитана Джона Уильямса, бывшего командира военно-морского учебного корабля «Британия». Пауэрскорт направил ему составленное в очень осторожных выражениях письмо, назначив встречу на ранний утренний час, в который способность противиться и перечить еще не набирает в человеке полную силу.

Огромное здание, определенно самое большое в этом маленьком рыночном городке, стояло особняком от прочих домов и от улиц. Окна его были малы, узки и зарешечены вплоть до самого верхнего этажа. Маленькая, убогая дверь не обещала посетителям радушного приема. «Приют умалишенных графства Нортемберленд» — сообщала скромная табличка у подъездной дороги.

Сколько людей заперто здесь? — задумался Пауэрскорт. Должно быть, сотни, сотни и сотни безумцев, собранных в этом негостеприимном северном городе. Людей, не способных говорить. Людей, говорить не желающих. Людей, говорящих безостановочно. Замкнутых людей, потерянных для этого мира, а может быть, и для следующего, блуждающих по коридорам мрачного здания.

Он вспомнил вдруг мучительные стихи Джона Клэра, много лет назад помещенного в такой же

приют главного города своего родного графства Норттемптон. Стихи, полные вызова:

Я жив, хоть и не нужен никому:
Друзья заглохли, как воспоминанья;
Я сам с собой делюсь моим страданьем,
А все живу...

Не сидят ли и здесь сотни Джонов Клэров, пишущих гневные протесты, уверения в собственном здравии, неизменно оспариваемые враждебно настроенными санитарами и перегруженными работой докторами — Юлии Цезари, короли Карлы I и Иисусы Христы, обходящие дозором темные коридоры? Попав туда, думал Пауэрскорт, поспешая к исполненным большего душевного здравия покоям «Куинз-отеля», можно никогда оттуда не выйти. Это своего рода земное чистилище для тех, кто еще не умер, тюрьма для людей, чьи самые серьезные преступления совершались в их собственных головах.

Дом капитана Уильямса стоял фасадом к реке и морю, на небольшой террасе, застроенной домишками рыбаков. В миле примерно от него и от моря гордо высился на холме замок Перси в Олнвике, разрушенные зубчатые стены его озирали землю и море.

Капитан Уильямс сам открыл дверь.

— Полагаю, вы лорд Пауэрскорт, — с сомнением произнес он, словно надеясь, что в дверь его мог постучать какой-то другой гость. — Полагаю, вам лучше войти в дом.

— Большое спасибо, — весело сказал Пауэрскорт, быстро оглядывая маленькую гостиную. — Вы проявили немалую доброту, уделив мне время для беседы.

Гостиная капитана Уильямса знавала и лучшие времена. Обои ее начали отставать от стен. Кое-где на них виднелись более яркие, чистые прямоугольники, как если бы отсюда снимали картины, чтобы

продать или отдать в залог, — впрочем, Пауэрскорт сомневался, чтобы в деревушке имелась ссудная касса. Дрова в камине шипели и потрескивали в безнадежной попытке осветить комнату, в которой сумрак, казалось, пропитал и самое мебель.

Да и капитан Уильямс пребывал далеко не в лучшей форме. В молодые свои годы, думал Пауэрскорт, вглядываясь в ссутулившегося в кресле человека, он, верно, был очень высок. Выпадающие зубы его чернели и желтели за розоватым овалом губ. Казалось, и дух капитана норовил последовать их примеру; одежда же апатично свисала с него, как если бы он, встав нынче поутру, не глядя, облачился в первое, что подвернулось под руку. Глаза капитана Уильямса были красны — он пытался скрыть это, глядя не на гостя своего, а вниз, на полинявший рисунок ковра. Пьет, подумал Пауэрскорт. Чтобы обзавестись подобными глазами, человек должен пить как рыба. Впрочем, в таком месте, где, кроме рыбы, ничего, почитай, и нет, это вполне в порядке вещей. Господи, да не принял ли он уже, ведь всего только десять часов утра. Даже Джонни Фицджеральд, пьющий всегда, но очень редко пьянеющий, не начинает в столь ранний час.

— Вы приехали поездом, лорд Пауэрскорт?

— Да, приехал вчера и провел ночь в Морпете.

— Говорят, в наши дни поезда движутся все быстрее, — капитан Уильямс, похоже, пытался потянуть время, отсрочивая пустым разговором вопросы, на кои ему придется отвечать.

— Я приехал к вам вот с этим, — сказал Пауэрскорт, извлекая из бумажника одно из писем с Даунинг-стрит, теперь уже заключенное в простой белый конверт морпетского «Куинз-отеля», с надписанным четким почерком именем адресата.

— Письмо, стало быть, — Уильямс нашарил очки, и пока он читал документ, в лице его проступал все нарастающий страх. — Выходит, дело у вас весьма важное, лорд Пауэрскорт.

Капитан Уильямс явно прикидывал, хватит ли ему смелости на время оставить гостя и подкрепиться глотком бренди.

Пауэрскорт внимательно вглядывался в него — руки капитана, вернувшего письмо, дрожали. Благодарение небесам за то, что я приехал утром, сказал себе Пауэрскорт. Одному только Богу ведомо, на что он похож после полудня.

— Жена ушла на весь день, — сообщил капитан Уильямс, и вид у него стал безутешным, как будто жена способна была оградить его от всего предстоящего.

— То, что мне нужно узнать, капитан Уильямс, довольно просто, — Пауэрскорт старался, чтобы слова его звучали как можно мягче. — Что именно произошло годы назад под конец вашей службы на борту корабля Ее Величества «Британия»? В то время, когда под командой вашей состояли два юных принца.

— Я знал, что вы придете, — капитан Уильямс поплотнее стянул на своем тощем теле полы сюртука. — С тех самых пор я всегда знал, что кто-нибудь вроде вас явится ко мне. Чтобы задать вопросы. Переворошить прошлое. Вычерпать со дна то, что случилось давным-давно. Почему не оставить все это в мире? Не оставить в покое? Это была не моя вина, говорю вам, не моя.

На миг Пауэрскорт проникся к нему жалостью — к пропащему старику, тринадцать лет прождавшему стука в дверь, письма, которое придет по почте. Он, Пауэрскорт, стал ангелом-истребителем, явившимся уничтожить то, что еще уцелело от душевного покоя старика. Но тут он вспомнил о принце Эдди, о предсмертной улыбке на его лице, о лужах крови на полу, вспомнил о лорде Генри Ланкастере, мертвым лежащим в лесу. Semper Fidelis, повторил он себе. Semper Fidelis.

— Почему бы нам не прогуляться? — предложил вдруг Пауэрскорт, желая умерить свою назойливость милосердием. — Быть может, на воздухе рассказать все вам будет проще. Вы станете обращаться к волнам. К чайкам. К песчаным дюнам. А я всего лишь подслушаю сказанное вами.

— Прогуляться? — капитан Уильямс уставился на гостя, как на безумца. Прогулки, сколь ни хо-

рошо прочищают они головы пьяниц, по-видимому, не входили в утренний распорядок старика.

— Прогуляться вдоль моря, — настаивал Пауэрскорт. — Дождь там, во всяком случае, не идет.

И двое мужчин покинули маленький коттедж — старик, сгорбившийся под резким ветром, в поношенном пальтеце, мало способном оградить его от стихий, и Пауэрскорт в теплейшем его, застегнутом до горла пальто. Они перешли реку и побрели по песку.

В море, в сотне, иногда в двух сотнях ярдов от них, зарождались огромные валы, гордо венчавшиеся в своем продвижении к берегу гребнями пены. Брызги, подобные мелкому дождю, летели к песчаным дюнам и далекому замку. Одинокая чайка, ввязавшись в неравную борьбу с бурей, ненадолго зависала в воздухе, а после ее относило порывом ветра назад. Грохот стоял на пустом берегу, по морю, куда ни доставал взгляд, катили к берегу волны.

— Начните с чего хотите, — прокричал Пауэрскорт, постаравшись, чтобы крик его прозвучал не слишком враждебно.

— Вы очень добры. Право же, очень добры, — голос старика был тонок и горек.

Последовала пауза, лишь песок скрипел под их ногами. Пауэрскорт ждал. Далеко в море взлетали и опадали на волнах два судна. Новые чайки прилетели, чтобы померяться с ветром силой крыльев. Пауэрскорт ждал.

— Думаю, все началось, когда те молодые офицеры взяли с собой принца Эдди в Плимут.

Слова капитана Уильямса летели мимо Пауэрскорта. Он напрягал слух, чтобы уловить их, подобно тому, как полевой игрок «на срезке» ловит соскользнувший с биты бэтсмена мяч.

— Им полагалось той же ночью вернуть его на борт, так мы с ними условились. Я отчетливо это помню, — капитан Уильямс обратил к Пауэрскорту лицо со слезящимися от ветра красными глазами.

— Но они его не вернули. Нарушили приказ.

Снова пауза — капитан заставлял свои мысли вернуться на тринадцать лет назад, к событиям, ставшим преддверием его позора.

— Они отвели его в какой-то бордель для матросов. Сказали потом, что хотели сделать из него мужчину. Что мальчику, который станет когда-нибудь королем, пора обратиться в мужчину. А через пару часов вернулись за ним и повели в другой.

— В другой бордель? — Пауэрскорт старался, чтобы слова, им выкрикиваемые, звучали помягче.

— Боюсь, что так. До конца ночи им вполне мог подвернуться и третий. А уж потом привезли на борт. Я наложил на него строгое взыскание — за то, что он не вернулся на корабль, когда ему было приказано. И знаете, что он сделал, принц Эдди? Он просто улыбнулся мне этой своей глуповатой улыбкой.

Улыбкой, которая сопровождала его и в могилу, подумал Пауэрскорт, вспомнив данное Ланкастером описание трупа.

— Чего мы не знали, конечно, так это того, чем он и юнцы постарше занимались, на ночь глядя, в их общей спальне.

О Боже, подумал Пауэрскорт. Боже мой. Он вспомнил рассказ мужа леди Элинор о том, что творится порой на судах, подобных «Британии». Море теперь выкладывало перед ними на берег длинные, толстые полосы пены. Ветер гнал ее по берегу, сдувая на дюны, где она постепенно испарялась.

— Их было пятеро, — продолжал Уильямс, теперь уже торопливо — похоже, он думал о большой порции выпивки, ожидающей его под конец этого тяжкого испытания.

Пятеро, с горечью подумал Пауэрскорт. Совсем как этих чертовых конюших.

— Недозволительные половые сношения, так назвал это проводивший расследование адмирал. Все пятеро вступали друг с другом — каждый с каждым — в недозволительные половые сношения. И все заболели. Сильно заболели.

— Заболели чем? — теперь уже шепотом спросил Пауэрскорт.

— Сифилис, так это называется. Сифилис. Я до той поры о нем и не слышал.

Язвы, думал Пауэрскорт, он начинается с язв. Потом жар, головные боли, сыпь, гнойнички. Месть Нового Света Старому, перенесенная через Атлантику моряками, чтобы потомство их распространило ее по городам и весям Европы. «Французская болезнь», почти неизлечимая. Морские вояжи — уж не думали ль они, что долгий морской вояж решит все их проблемы? Обзаведись кораблем, назови его, за неимением лучшего имени, «Вакханкой», помести на борт преступного принца с братом и отправь в кругосветное плавание. Морской вояж. Шансов заразить кого-либо еще никаких, сказал он себе, чертову посудину патрулировали днем и ночью, команду и пассажиров подвергали строжайшим медицинским осмотрам. Боже милостивый.

— Отец принца обошелся с другими юнцами очень по-доброму. Говорили, что он оплатил их лечение, да и после очень о них заботился.

Так, значит, это все-таки был не шантаж, сообразил Пауэрскорт. Это могла быть самозащита. Те самые двадцать тысяч сверх его годового дохода, которые принц Уэльский тратил из года в год. Цифру эту назвал ему еще в начале расследования Уильям Берк, а тот всегда был точен в своей арифметике. Никакой не шантаж, просто регулярные выплаты средств, потребных для лечения, — возможно, за границей, у дорогих докторов, — молодых людей, чье будущее загублено, однако в том, что касается денег, на мели они, благодаря Мальборо-Хаусу и «Месье Финчс и компании», все же не оказались. Годы и годы выплат, вероятно, продолжающихся и поныне. Не удивительно, что они не пожелали рассказать ему что-либо. Не удивительно, что убийство принца Эдди прямо в его кровати нимало их не удивило.

— Пожалуй, нам пора вернуться домой. Я сожалею, что вам пришлось так несладко. И очень вам благодарен. У вас имеются имена тех юношей?

— Имеются, о да, имеются. Да. По временам я

достаю этот список, смотрю на него и думаю, что лучше бы мне было не рождаться на свет.

Вернувшись домой, капитан первым делом нырнул в буфетную за кухней. Пауэрскорт услышал бульканье наливаемой в стакан жидкости. Затем пауза, звук основательного глотка, снова бульканье. Когда Уильямс вышел из буфетной, выглядел он гораздо лучше.

— Я так задрог, лорд Пауэрскорт. Медицинский виски хорошо разгоняет кровь. Не желаете стаканчик?

— Разве что очень маленький, — ответил Пауэрскорт и погадал, какую порцию получил бы, попроси он большой.

— Адреса, если вы будете столь добры, — Пауэрскорт, изумляясь переменам, происшедшим в поведении Уильямса, баюкал стаканчик в ладони.

Еще один листок бумаги укрылся в его бумажнике. Эмбл он покинул тем же экипажем, каким туда и приехал.

Капитан Уильямс стоял в двери дома и смотрел вслед гостю. До конца жизни предстояло ему вспоминать человека, явившегося к нему в этот день, прогулку по берегу, летящих хвостом вперед чаек, старания гостя уловить его уносимые ветром слова. Еще одно страшноватое воспоминание в его богатой коллекции.

Адреса Пауэрскорт прочитал, возвращаясь в отель. Эта компания, по крайней мере, не разбросана по четырем концам Великобритании, подумал он. Однако при мысли о следующем раунде разговоров, о том, что ему придется снова раскапывать прошлое, ворошить былое, он почти пожелал такого разброса.

Собственно, я должен испытывать немалое удовлетворение, говорил он себе, пока экипаж, погромыхивая по выметенным ветром улочкам, вез его на новое свидание с приютом умалишенных.

При возвращении Пауэрскорта в дом сестры на Сент-Джеймсской площади его ожидала записка

от Роузбери, содержавшая просьбу заглянуть к нему при первой же возможности. Имелась также записка от лорда Джорджа Скотта, прежнего капитана «Вакханки», сообщавшая, что капитан будет иметь честь встретиться с лордом Пауэрскортом завтра утром в клубе «Арми энд нэйви»*. Имелся поступивший из Мальборо-Хауса отчет Джеймса Филлипса, соглядатая-лакея, сообщавшего, что никаких сплетен о смерти принца Эдди между слугами не ходит и что принц Уэльский уехал в Истон-Лодж, погостить у леди Брук. И наконец, имелась записка от леди Люси, тонко пахнувшая ее духами и содержавшая просьбу пожаловать в следующее воскресенье на ленч в ее дом на Маркем-сквер.

Мы собираемся устроить крестины Робертова корабля. Думаю, им надлежит состояться после ленча у Круглого пруда Кенсингтон-Гарденз. Все необходимое шампанское я, разумеется, обеспечу.

Роберт решил дать своему кораблю имя «Британия». Весьма патриотично для столь юного существа, вы не находите?

Всегда ваша, Люси.

Сердце Пауэрскорта упало. Даже единственное «Люси» внизу листка не смогло поднять его настроение. Не леди Люси, не леди Люси Гамильтон, не леди Гамильтон. Просто Люси. Пожалуйста, не называйте его «Британией», думал он, о Боже, только не «Британией». Он никогда не сможет глядеть на маленькое судно, не вспоминая при этом о недозволительных половых сношениях, о флотском дознавателе, разославшем свои жертвы по четырем углам королевства, о надломленном человеке, шепчущем страшные признания ветру, пока в океане перекатываются огромные валы.

— Фрэнсис, — появилась сестра, явно спешившая с одной условленной встречи на другую. — Мы все так усердно трудились для тебя.

---

* Основанный в 1837 году клуб для офицеров всех родов войск.

— Сегодня твои шторы особенно хороши, Розалинда. Как будто их специально для этого предвечернего света и сделали.

— Никакой благодарности, — отозвалась сестра, — никакой. Дерзости и насмешки, вот все, что я получаю в награду.

И она унеслась на новую встречу, думая по пути о том, как мило, что Фрэнсис упомянул о ее новых шторах, хоть он и не проявил к ним того внимания, какого они заслуживают.

Дверь открыл Уильям Лит, загадочный дворецкий Роузбери.

Мой лорд. Его лордство в библиотеке. Ваше пальто, мой лорд. — Лит кашлянул. Дозволительно ли мне осведомиться, мой лорд, пригодились ли уже вашему лордству маршруты поездок, которые мы обсуждали? — тень улыбки скользнула по бесстрастному лицу дворецкого.

— Лит, дорогой мой, — не попытать ли мне снова счастье, подумал вдруг Пауэрскорт. Ведь это все равно, что иметь личного агента в бюро путешествий. — Пригодились, и весьма. Все работало как часы. И я теперь думаю, не прибегнуть ли мне еще раз к вашим добрым услугам и опыту.

Пауэрскорт вручил дворецкому новый список мест, набросанный в поезде, который вез его с севера домой.

— Простите, что почерк не вполне разборчивый. Я писал это в вашем поезде, возвращаясь из Морпета.

— Ваше лордство избрало поезд 8.15 или девятичасовой? Мое лордство держится весьма высокого мнения о быстроте поезда 8.15.

— 8.15, Лит. И поезд шел на удивление быстро.

Лит просмотрел список.

— Да, мой лорд, места интересные. К вашему уходу я приготовлю для вас памятную записку.

Бог ты мой, подумал Пауэрскорт, памятную записку, да он и говорит-то совершенно как Роузбери в одно из его напыщенных мгновений.

— Дозволите ли снова напомнить вам, если возможно, — уничиженный кашель, просительная, почти молящая интонация, — что если ваше лордство желает объехать все эти места, наибыстрейшим средством достижения этого мог бы стать поезд особого назначения.

Опять. Бедняга просто помешан на поездах особого назначения. Что, Боже ты мой, такого уж особого в поездах особого назначения? И Пауэрскорт решил расспросить об этом Роузбери.

— Прошу вас, будьте так добры, включите в вашу записку все подробности.

— Спасибо, мой лорд. Не соизволит ли ваше лордство пройти вот сюда? Лорд Пауэрскорт, мой лорд.

И Лит ускользнул в свое полуподвальное логово, дабы насладиться общением с расписаниями местных поездов Британии — Суррея, Глостершира и Гемпшира, в частности.

— Рад снова видеть вас, Роузбери.

- Пауэрскорт, как мило, что вы зашли. Присаживайтесь.

— Я должен повиниться перед вами, Роузбери. Я воспользовался познаниями вашего дворецкого, чтобы получить сведения о расписаниях поездов.

Роузбери рассмеялся:

— Вы определенно обратились по правильному адресу. Я постоянно повышаю Литу жалованье, дабы он не сбежал от меня к «Томасу Куку» или в отдел путешествий «Харродза».

— Но откуда в нем такая одержимость поездами особого назначения? О чем его ни спроси, он первым делом рекомендует такой поезд.

— А, поезда особого назначения, — задумчиво отозвался Роузбери. — Я сам питаю к ним некоторую слабость. Для Лита же, я думаю, — Роузбери смотрел теперь в огонь, — они попросту представляют собой высшую форму путешествия. Он придает им значение почти метафизическое. Твой собственный поезд, твой собственный машинист, твой собственный маршрут, и никаких других пассажиров, забивающих вагон багажом, детьми и прочими докучливыми атрибутами массовых пе-

редвижений. Если бы Лит попал когда-либо в Платоновскую пещеру и услышал вопрос о Форме или Идеале, он не стал бы распространяться о Любви, Истине или Красоте. Он рассказал бы о поезде особого назначения, с пыхтением выезжающем из мрака, чтобы перейти в Питерборо на великую Северо-восточную ветку.

-- Но довольно, оставим поезда, -- и Роузбери тоже оставил осмотр некоего лежавшего перед ним на столе древнего тома. — Тревельян сказал мне на днях, что интересующий вас корабль, «Британия», стал причиной ужасной ссоры между Королевой и Дизраэли. По его словам, Королева требовала подвергнуть медицинскому осмотру весь его экипаж до единого человека. А у вас, Фрэнсис, есть что-нибудь новое?

На обратном пути Пауэрскорт размышлял в поезде о том, кому следует рассказать о признаниях капитана Уильямса касательно «Британии». Роузбери, разумеется. Джонни Фицджеральду, конечно.

Близ Дарема он начал подумывать о том, чтобы рассказать все леди Люси. Подъезжая к Йорку, решил, что не стоит. И следом спросил себя, посвятил бы он леди Люси в эту историю, если б она была его женой. Ну просто предположим, что он женился на ней, чисто гипотетически, конечно. Не жениться же мне на ней лишь для того, чтобы получить возможность все ей рассказывать. Или жениться? К Питерборо Пауэрскорт надумал рассказать ей, если это окажется действительно необходимым. Да, но что, собственно говоря, означает «действительно необходимым»? Перед самым Кингз-Кросс он оказался на том месте, с которого начал. Он просто не мог ни на что решиться.

Однако Роузбери он рассказать может. И Пауэрскорт рассказал.

Роузбери расхаживал взад-вперед по всей длине своей библиотеки. Картины, книги, редкости — все это попросту вымарывалось из его сознания по мере того, как он постигал значение откровений, произнесенных на побережье Нортемберленда.

— Боже ты мой, Фрэнсис. Какая грязь. До чего же мы так дойдем? Вы-то что думаете?

— На мой взгляд, из этого проистекает несколько вещей. Во-первых, нам пока не известно, что сталось с пятерыми юношами. Однако, если они были больны неизлечимо, — Господи, да некоторые из них, возможно, уже и мертвы, — это могло составить для них или кого-то из членов их семей образцовый мотив убийства принца Эдди.

Во-вторых...— Пауэрскорт поднял руку предотвращая вмешательство Роузбери. — Во-вторых, в этом и может состоять тайна шантажных претензий к принцу Уэльскому. Вы с самого начала сказали мне, что предъявлялись они уже долгое время. Разумеется, долгое. Вся эта оплата докторов, лекарств, компенсации, назовите их как хотите, и прежде всего плата за молчание. Будь вы принцем Уэльским, вам не хотелось бы, чтобы хоть слово о случившемся вышло наружу. Вообще говоря, его можно и пожалеть. Человек ведет совершенно заурядную жизнь распутника и кутилы. И вдруг, без всяких предуведомлений, сын его совершает нечто гораздо худшее. Конечно, в определенном смысле это и было шантажом. Мы не знаем, как производились платежи. Не знаем, от кого исходила инициатива. Однако я полагаю, принц Уэльский заплатил бы за молчание любую цену. А как полагаете вы?

— Заплатил бы, заплатил. Так вы думаете, что убийцей мог оказаться кто-то, связанный с одной из этих пяти семей? Или шантажист. Или оба.

— Да. Или же думаю, что думаю так. Это возможно. Длинная рука мести протянулась из тринадцатилетней давности Дартмута и перерезала принцу Эдди горло.

— Но объясняет ли это страшный характер убийства?

Роузбери был бледен. Пауэрскорт и сам чувствовал себя не в своей тарелке, обсуждая столь фантастические предположения на Баркли-сквер, в одной из лучших частных библиотек Лондона, пока внизу для него приготовлялись железнодорожные маршруты.

— Возможно. Мне всегда казалось, что случившееся могло быть местью — жизнь за жизнь, смерть за смерть. Однако сведений у нас пока маловато. Завтра я свижусь с лордом Джорджем Скоттом, капитаном той самой «Вакханки». Возможно, ему известно еще что-то. А помимо того, у меня имеются адреса пяти юношей с «Британии».

— Да поможет вам Бог, Фрэнсис. И да благословит Бог «Британию» и всех, кто плавал на ней. Хоть я и сильно сомневаюсь, что он на это пойдет.

Лорд Джонни Фицджеральд, материализовавшись из ночного воздуха Лондона, предстал перед Пауэрскортом в маленькой гостиной на Сент-Джеймсской площади. В руке это привидение с даже большей, нежели обычная, набожностью сжимало бутылку.

— Ты только взгляни на нее, Пауэрскорт, — Фицджеральд разворачивал сверток с благоговением, которое Роузбери приберегал для томов ренессансных стихов. — «Арманьяк», Фрэнсис. Посмотри. Ему шестьдесят лет. Давай примем прямо здесь по стаканчику этого нектара.

— Я не буду. Не сейчас, спасибо, — Пауэрскорт содрогнулся при воспоминании о последнем из виденных им человеке с бутылкой — о развалине с трясущимися руками и налитыми кровью глазами.

— Ты дал зарок не пить больше, Фрэнсис? Не записать ли мне тебя на ближайшее посвященное трезвости собрание в Централ-Холле методистов?

— Я просто видел твое будущее, Джонни. И оно далеко не приятно, — Пауэрскорт старался, насколько было ему по силам, говорить серьезно и строго. — Могу рассказать тебе, как ты будешь выглядеть лет через тридцать, если, конечно, не вступишь на путь добродетели. Время у тебя еще осталось. Никогда не бывает слишком поздно. Больше радости от одного спасенного, нежели от девяноста девяти тех, кто никогда не сбивался с пути.

Позволь же мне в точности рассказать, что с тобою случится, бедный раб вредной привычки.

Поверь, я лишь на днях видел эти знаки, эти знамения твоего будущего, — Пауэрскорт пристально вглядывался в лицо лорда Джонни. — Волосы твои выпадут, — Фицджеральд торопливо проверил, на месте ли экстравагантная копна его каштановых локонов. — Глаза же, напротив, западут. Они покраснеют, нальются кровью от чрезмерной приверженности к золотистой влаге, которой потчуют нас виноторговцы Лондона. Зубы пожелтеют и почернеют. Руки будут трястись. Неумеренное потребление духовитых напитков сломит твой дух. Ты утратишь всякую веру в себя и в свое будущее. Отчаяние нависнет над тобой, подобно огромной туче, затмевающей посланный нам самим Господом солнечный свет.

— Бог ты мой, Фрэнсис, вот теперь я точно приму стаканчик. Каким превосходным проповедником ты был бы, если б умел сохранять непроницаемое лицо.

— Думаю, я тоже отведаю малую толику твоего «Арманьяка», Джонни. Исключительно в медицинских целях, ты сам понимаешь. Так говорил тот человек.

И Пауэрскорт второй раз за этот день пересказал нортемберлендскую историю. Теперь осталась лишь леди Люси, думал он. Если только я ей расскажу.

Лорда Джонни Фицджеральда услышанное ошеломило настолько, что он даже замолк. Растолковывать ему следствия сказанного необходимости не было. Он уяснил их так же быстро, как сам Пауэрскорт.

Они сидели, вглядываясь в бутылку «Арманьяка». «J. Nismes-Declou» — значилось на этикетке. Разлито специально для компании «Братья Берри и Радд», Сент-Джеймс-стрит. Сверху доносились высокие голоса, возвещавшие о том, что женская прислуга расходится по домам.

— Ладно, давай-ка я тебя немного развеселю, Фрэнсис. Я пришел к тебе со свежим отчетом. И, боюсь, мне удастся добавить к числу твоих фаворитов новых подозреваемых, — Джонни сделал

большой глоток «Арманьяка» и чуть дрогнул, когда тот обжег ему горло. — Знаешь, его ведь изготовляют совсем не так, как бренди. Потому он такой и резкий.

Так вот, Фрэнсис, я решил, что мне стоит еще раз приглядеться к клубу в Чизике, к дому у вод Темзы, в который тайком сходятся богатые гомосексуалисты Лондона. Я провел еще три дня на дереве. Чертовски холодно было. Думаю, если бы я остался там дольше, волосы у меня и вправду начали бы выпадать. Должен признаться, в кармане у меня лежала бутылка «Арманьяка». Но маленькая, ваше преподобие. Совсем маленькая, — и ладони Фицджеральда сложились, словно охватывая бутылку — действительно, очень маленькую.

По представлениям Пауэрскорта, «Арманьяк» по бутылкам половинного или четвертного объема не разливался, однако он решил не говорить другу об этом.

— На третий день — почему все важное случается на третий день, Фрэнсис? — я увидел знакомого. Я подождал, пока он выйдет, и проводил его до дома, стоящего менее чем в двух сотнях ярдов от места, в котором мы с тобой сидим. Он женат, этот субъект. Я сам был на его чертовом венчании. Должно быть, он, да поможет ему Бог, обладает способностью смотреть в двух направлениях сразу. Назавтра я столкнулся с ним на улице перед самым ленчем. Я целое утро прослонялся у его офиса, делая вид, будто кого-то жду. Последовал ленч. На сей раз, ваше преподобие, обошлось без «Арманьяка». Вынужден признаться обществу трезвенников: пили мы кларет. Ты не поверишь — Помероль, «Château Le Bon Pasteur». Мы проглотили целые две бутылки этой дребедени. «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он водит меня к водам спокойным»*. К водам Темзы. Прости, я что-то отвлекся, совсем как ты, Фрэнсис.

---

* Псалом 22, 1–2, с искажением.

Я сказал, да простит мне Бог, что проникся интересом к мужчинам. Или к мальчикам. Но только, если все шито-крыто, безопасно, без констеблей и арестов. На середине второй бутылки он разговорился. Рассказал о доме у реки, о вступительной плате, предосторожностях, обо всем, что мы уже знаем.

Пауэрскорт, наклонившись, пополнил стакан Джонни. Здесь, в гостиной, было сейчас очень тихо.

— Так вот, в делах Чизикского клуба назрел кризис. Члены его заболевают один за другим. Один или двое в последние годы умели. Симптомы у всех одинаковые. Сыпь, жар, лезии, гнойники.

Снова сифилис, с горечью подумал Пауэрскорт. В большинстве своем люди проживают жизнь, ни разу не услышав этого слова. А я за одну неделю столкнулся с ним дважды.

Известно им, от кого она пошла, Джонни? Эта зараза.

— Нет, не известно. Но они встревожены, очень встревожены. Ошеломлены, вообще-то говоря. И подумывают о том, чтобы прикрыть заведение. Ты понимаешь, Фрэнсис, понимаешь? Конечно, понимаешь. — Пауэрскорт пристально вгляделся в друга, и темная тень страха прошла по его лицу. — Мы можем получить полный ковчег новых подозреваемых. Кто-то же заражал этих гомосексуалистов — там, у реки. А нам известен член их клуба, болевший сифилисом, он ведь мог так и не излечиться, наш предполагаемый престолонаследник. Бог весть, скольких людей он мог заразить там. Бог весть, сколько жизней мог он разрушить, скольким мужьям и братьям пришлось смотреть в лицо своим женам и родным, рассказывая, *как* они заразились, скольким любящим отцам — набираться храбрости, чтобы обрушить на своих детей новость о том, что, возможно, им предстоит через несколько лет умереть, покрывшись язвами и гнойниками.

Давай просто предположим, что один из этих несчастных считает виновником своей болезни члена его клуба, нашего герцога Кларенсского. Бесценного принца Эдди. Что бы на его месте сделал ты? Могу сказать, что бы сделал я. Я бы перерезал ему, к чертям собачьим, глотку. Вскрыл бы все до единой артерии его тела в надежде, что кровь забрызжет весь пол. И наплевать, если меня поймают и повесят. Подумай об этом. Смерть от руки палача ничем не хуже ужасов третичного сифилиса.

Пауэрскорт ощущал огромную усталость. Новый набор подозреваемых, и говорить правду они будут даже с меньшей охотой, чем те, что у него уже были.

— Джонни, Джонни. А я-то до этого думал, что у нас около десяти возможных подозреваемых — или подозреваемых семей. Я говорю «семей», потому что мстить за погубленные жизни могли братья, а то и отцы. Сколько, по-твоему, новых можем мы получить из дома у реки?

— Не знаю, могу лишь догадываться. Может быть, шесть. Может быть, дюжину. Максимум пятнадцать. Не больше.

— Всякий раз, как я решаю, что мы сделали шаг вперед, мы отступаем назад. Еще пару дней тому я с таким довольством оглядывал «Приют умалишенных» графства. Может быть, мне следует присоединиться к его обитателям?

— Никогда не сдаваться, Фрэнсис, никогда не сдаваться. Ты сам так всегда говорил. Даже у подножия той чертовски высокой горы в Индии.

Пауэрскорт улыбнулся этому воспоминанию. Все правильно. Никогда не сдаваться. Он, не протестуя, смотрел, как лорд Джонни Фицджеральд разливает «Арманьяк» по двум стаканам. Чертовски высоким стаканам, как сказал бы лорд Джонни.

16.

Интересно, много ли он знает? Как много ему сказали? И как много он скажет мне? Лорд Фрэнсис Пауэрскорт приближался к клубу «Арми энд нэйви», размышляя о предстоящем разговоре с лордом Джорджем Скоттом, бывшим некогда капитаном «Вакханки».

Выступило, расчертив Сент-Джеймсскую площадь тенями ее огромных деревьев, яркое январское солнце. Пауэрскорт, погрузившись в мысли, остановился в начале Пэлл-Мэлл. Стройная женщина, до подбородка укутанная в великолепные меха, пританцовывая, лавировала в толпе, направляясь к нему. Если Скотта выбрали за умение держать рот на запоре, думал Пауэрскорт, он, возможно, не разучился делать это и сейчас. И тогда я ничего от него не добьюсь.

Стройная женщина остановилась перед ним и окинула его веселым взглядом.

— Лорд Фрэнсис! Лорд Фрэнсис! Алло! Алло! Есть кто дома?

Это была леди Люси.

— Леди Люси, как я счастлив вас видеть. На редкость счастлив, право же, — Пауэрскорт оглядел ее с головы до ног, как будто не видел уже несколько лет. — Что вы делаете здесь в столь ранний час? Времени всего лишь четверть девятого. Я полагал, молодые светские дамы никогда не выходят из дому раньше одиннадцати часов.

— Я не из тех молодых светских дам, лорд Фрэнсис. У меня этим утром, поздним утром, свидание с другой молодой светской дамой. Говорят, будто она состояла в романтических отношениях

с одним из ваших конюших. Так что я, лорд Фрэнсис, направляюсь по вашим делам. К тому же, — она улыбалась ему, глаза их уже вели посреди ранней лондонской толпы свой, потаенный разговор, — мне нужно кое-что купить неподалеку, в «Фортнум энд Мейсон».

— Вы походите в этих мехах на Анну Каренину, леди Люси. Хотя почему я решил, что вы походите на Анну Каренину? Я же ее ни разу не видел.

— Вам вспомнилась иллюстрация из первого английского издания, та, что на обложке. Молодая женщина по горло закутанная в меха, — леди Люси не стала упоминать о том, что женщина эта — или та, с кого ее рисовали, была ослепительно красива. — Но если я — Анна Каренина, то кто же тогда вы, лорд Фрэнсис? — глаза ее вновь стали дразнящими. — Надо полагать, Вронский. Уж не на тайное ли свидание мы направляемся? Должна сказать, мне что-то не очень хочется бросаться под поезд. Во всяком случае, сейчас.

— Не уверен, что я хотел бы обратиться во Вронского. Во всяком случае, не сегодня. Этак я запоздаю на назначенную встречу.

Мысль о том, что придется отпустить его, представлялась леди Люси нестерпимой. Анна вот удержала бы Вронского, несмотря ни на что.

— У меня есть для вас некие новости, лорд Фрэнсис. По тому делу, о котором мы говорили на обеде перед вашим отъездом. Как вы съездили? Удачно?

— Поездка, раз уж вы спрашиваете, оказалась ужасной. Правда, мне удалось повидать симпатичный сумасшедший дом. И я подумываю о том, чтобы удалиться туда на покой. Вы не составили бы мне компанию?

Глаза леди Люси танцевали.

— Я давно уже подумываю о том, чтобы составлять вам компанию, куда бы вы ни направлялись, лорд Фрэнсис. Однако лишь при условии, что я буду знать — потребность в моем обществе не порождена в вас помутнением рассудка.

Не слишком ли далеко она заходит? — подумала леди Люси. Неужели она и вправду сказала это? А, ладно, что чувствовала, то и сказала.

Предмет ее привязанности поглядывал на часы.

— Вы случайно не будете свободны через пару часов, леди Люси? Мы могли бы выпить в «Фортнум энд Мейсон» кофе с крекерами. Впрочем, не думаю, что вы проведете там так много времени.

Вы поразились бы, узнав, сколько времени я способна провести в хорошем магазине. Стало быть, там и увидимся. Но еще одно, лорд Фрэнсис. Мне страшно жаль.

Вы о чем, дорогая?

— Я о сведениях, которые раздобыла для вас. О ваших конюших.

— Да, и что же? — Пауэрскорт встревожился. Только новых дурных новостей, да еще в такой час дня, ему и не хватало. Он и так уж запасся ими на месяц вперед.

— Боюсь, я ничего не записала. Во всяком случае, пока. Но я это сделаю. Запишу.

И она ушла, скользя сквозь людской поток, к магазинам на Пикадилли, и высокий воротник ее еще долго различался в толпе. Быть может, подумал Пауэрскорт, глядя ей вслед, мне и вправду стоит обратиться во Вронского. Могло бы получиться довольно славно. Нет, поправил он себя, могло бы получиться очень славно. В конце концов, муж леди Люси мертв, не так ли?

Глянец. Глянец всего и вся, глянец сапог, спускавшихся ему навстречу, когда он поднимался по ступеням с улицы, глянец посверкивающих под зимним солнцем шпажных эфесов, глянец ножн, глянец поясных ремней, одни — тугие и узкие, другие — тугие и широкие. Даже волосы здесь отливали глянцем, таков уж был заведенный в клубе «Арми энд нэйви» порядок.

Глянец и шум, думал Пауэрскорт, предъявляя в фойе свои бумаги. Армейские каблуки, флотские каблуки, даже каблуки редких здесь штатских

вроде него стучали, отзываясь гулким эхом, по мраморным полам и нарядной, ведшей наверх лестнице. Шум стоял оглушительный. Ему пришлось кричать.

— Лорд Джордж Скотт. Полагаю, он меня ожидает.

Одетый в форму дежурный в сапогах до того уж глянцевых, что в них и на ходу различались отражения клубных потолков, провел Пауэрскорта в комнатку за библиотекой.

Лорд Скотт оказался рослым мореплавателем с коропкой бородкой и аккуратными короткими усиками. Манера выражаться его также отличалась краткостью. Быть может, причиной тому были все те морские сигналы, какие ему приходилось посылать, телеграфные сообщения, отправляемые из далеких уголков мира.

— Здравствуйте. Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Заказал кофе. Много. Тут нам не помешают.

Пауэрскорт предъявил ему свою верительную грамоту — очередное письмо лорда Солсбери. Если они будут убывать с такой быстротой, подумал он, придется, пожалуй, добывать новую партию.

— Знакомы с этим малым, Солсбери, а?

— Встречался с ним один раз, — ответил Пауэрскорт.

— Мало о нем знаю. Порядочный человек, как по-вашему?

— Мой друг, лорд Роузбери, о нем очень высокого мнения. Но говорит при этом, что Солсбери — человек, как и все они, уклончивый.

— Так и положено. Так и положено. На его-то посту, хочу я сказать, — лорд Джордж Скотт налил две чашки кофе и сгрузил в свою три чайные ложки сахара, с верхом. — Нуждаюсь в сахаре. Не знаю, почему. Клятые доктора велели. Ну, так. «Вакханка». Вы пришли поговорить обо всем этом. Прочесал память. Просмотрел кое-какие записи. Сверил времена и места. Давайте, я вам сначала просигналю все с нок-реи, а после вы зададите вопросы.

Пауэрскорт ответил, что план превосходен.

— Чертовски странная история, вся. Семьдесят девятый, вот когда она началась. Пару раз встречался к тому времени с принцем Уэльским. Охота в Йоркшире, один-два роббера в вист. В вист принцу Уэльскому полагалось проигрывать. Не думаю, что вам об этом известно.

Не имел никакого желания возить двух этих клятых принцев в клятую увеселительную поездку вокруг света. Не оставили выбора. Вызвали к первым морским лордам, и все, без вариантов. Старые дураки сказали, что это пойдет на пользу моей карьере.

Обычно, Пауэрскорт, если командуешь судном, то сам набираешь себе офицеров. А тут нет. То же и с матросами. Офицеров подобрала одна орава адмиралов. Команду — другая. Офицеры все старички, почти развалины. Никакой тебе юной лихости и пыла. Постарели, подурнели, лучшие времена давно позади. Думаю, им пришлось опустошить пару работных домов, чтобы снабдить меня этой шайкой, — вспоминая о своей дряхлой команде, лорд Джордж Скотт печально покачивал головой. — Перед отплытием — куча всякой чуши насчет того, не потонем ли мы. Пришлось сходить на старой посудине в северную Атлантику, в самую гущу шторма. Посмотреть, уцелеет она или нет. И никто, похоже, не думал о том, что будет, если она пойдет ко дну. Конец «Вакханке», конец капитану Скотту, конец экипажу. И флоту несладко. Британцы больше не умеют ходить под парусом. Британские корабли больше не способны плавать. Клятые газеты оставляют от королевского флота мокрое место.

Пауэрскорт ясно видел, что при всей нелюбви лорда Скотта к первым лордам Адмиралтейства преданности флоту он ничуть не утратил.

— Великая свара насчет размещения экипажа. У кого-то наверху пунктик по этой части. На другом судне, которое они думали использовать, на «Ньюкасле», имелось что-то вроде герметичных

отсеков, изолированных кают. Этим оно их и привлекло. Позволяло держать одну ораву людей подальше от другой.

Где спал принц Эдди? Вот именно, где. У меня много раз руки чесались выбросить его за борт. Пришлось уступить ему мою каюту. В ней места было побольше. С командой ему якшаться вообще не дозволялось. Только с братом и офицерами. Очень строгие инструкции на сей счет от моих лордов Адмиралтейства. Запечатанные конверты и все такое. — Лорд Скотт налил себе еще чашку кофе, и еще три ложки сахара исчезли в ней. — О чем я? Да, размещение. Принц Эдди большую часть времени сидел в моей каюте. Все два клятых года. Вранья вокруг немеренно. Принц изучает морское дело, такелаж, навигацию, пушки. Все вздор. При принцах что-то вроде паскудного пастора. Звать Дальтоном. Лицемерный старый зануда, как и большинство пасторов. Больше похож на сторожа драгоценного принца Эдди. Глаз с него не спускал.

Когда усвоишь все это, начинаешь понимать главное. Куда мы отправимся, совершенно не важно. Могли и вовсе проходить все два года под парусом вокруг острова Уайт. Никакой клятой разницы. Всегда чувствовал, что смысл плавания состоял в том, чтобы держать Эдди как можно дальше от Англии.

Да, еще одно. Чуть не забыл, — лорд Скотт снова глотнул своего липкого варева. — На борту был не только паскудный пастор. Еще и врач. Не морской. Обычный клятый врач. Все время блевал. Так и обогнул весь свет, кормясь собственными микстурами. Проводил с принцем Эдди кучу времени. Главный пациент. Время от времени особые обследования. Всем прочим разойтись по каютам. Не люблю врачей. И пасторов не люблю. А с той поры и к лордам Адмиралтейства особой любви не питаю. Все. Теперь ваш черед.

Он замолчал. А Пауэрскорт не знал, с чего начать.

— Великолепный рассказ, лорд Скотт. Очень вам обязан. А если позволите задать пару вопросов, буду обязан вдвойне.

Давайте, палите, — весь вид Скотта показывал, что его не испугаешь никаким бортовым залпом, сколь бы увесисты и многочисленны ни были пушечные ядра.

— Те запечатанные приказы, о которых вы упомянули, из Адмиралтейства. Не упоминалось ли в них о недозволительных половых сношениях?

— Господи, Пауэрскорт! Как вы об этом прознали? Мысли читать умеете? — он смерил Пауэрскорта взглядом, полным обновленного уважения, и подлил себе кофе. Клацанье каблуков по мрамору стихло, в библиотеке и вестибюле клуба воцарилась тишина. — На сей счет там были целые страницы. Страницы. Нам надлежало через регулярные промежутки времени читать команде лекции о пагубности недозволительных половых сношений. Мне, пастору, врачу — нам всем приходилось читать эти наставления. Нарушителям — жестокая порка. Трата времени. Какие там недозволительные половые сношения, в чем бы они ни состояли, — при такой-то команде? Иссохшая шатия, никаких жизненных соков в них не осталось. Понимаете, о чем я? Сколько ни плавал, ни разу ничего похожего не видел.

— А когда вы покидали порт, имелось ли у вас представление о том, сколько продлится этот вояж? Или сроки его удлинялись по ходу дела?

— Решительно никаких представлений. Все время полная неясность, — Скотт отставил кофе и набросился на клубные крекеры. Крошки несколько подпортили идеальность его бородки. — Сам-то я думал, что мы сможем вернуться через полгода. А после пошли приказы. Продолжать плавание. Вроде какого-то древнего проклятия. Возвращение домой отменяется. Бесконечное странствие. Странствие, которое не завершится никогда. Путешествие на край света. И обратно. Как у древних мореходов.

— Последний вопрос, если позволите. Вы сказали о ваших подозрениях относительно того, что настоящая цель плавания состояла в том, чтобы держать принца Эдди подальше от Англии. Что натолкнуло вас на эту мысль?

— Думал об этом годами. Никогда никому не рассказывал. До этого дня. Вы первый. Перед плаванием — какая-то жуткая история на «Британии». Все замяли. Офицеров разжаловали, команду разогнали, даже судовой кот принес обет молчания. Какой-то скандал. Жуткий. В чем там было дело, я так и не узнал. И никто не узнал. Но если в нем участвовал принц Эдди, возможно, его следовало запрятать куда подальше. Обычно семьи отправляют испорченных младших сыновей в колонии. С глаз долой, подальше от путей порока. То же и тут. Эдди сослали в колонии. Буквальным образом. Я сам, черт подери, его туда и доставил.

Еще один из поездов Уильяма Лита вез Пауэрскорта из Лондона на новую встречу — с Джеймсом Робинсоном, отцом одного из пяти юношей, впутавшихся в историю с принцем Эдди на борту «Британии»; адрес у него был такой: «Липы», Черч-Роуд, Дорчестер на Темзе. Поблескивавшая в окне Темза предлагала обещания мира более спокойного. Двое ехавших с ним в купе школьников в черных сюртуках, белых рубашках и черных галстуках обменивались жалобами на Цезаря и Цицерона.

— У нас осталось полчаса, чтобы справиться с двумя этими пассажами, иначе нам каюк, — сказал мальчик повыше.

На коленях их лежали раскрытые латинские словари.

- Думаю, первый кусок я одолею, — сказал мальчик пониже, — посмотри, что такое *aedificavit*[*], ладно? В конце предложения стоит. Наверняка какой-нибудь дурацкий глагол.

---

[*] Строить (*лат.*)

Пауэрскорт пытался привести свои недавние открытия хоть в какой-то порядок. Скандал на «Британии», это несомненно. А потом? Отослали ли Эдди потому, что он был болен? Не была ли «Вакханка» чем-то вроде плавучего госпиталя со своими врачами и пасторами? И вернуться назад они могли только после того, как Эдди вылечится? Но вылечился ли он?

Или его услали подальше, чтобы иметь время все замять? Тогда получается, что принцу Уэльскому потребовалось для сокрытия скандала два года? Два года, в течение которых одно лишь появление Эдди на людях могло все погубить? Не удивительно, что им так хотелось утаить обстоятельства смерти Эдди, сказал он себе. Не удивительно, что хотелось скрыть убийство. Они годами утаивали не одно, так другое. Теперь это должно было обратиться в их вторую натуру, едва ли не в образ жизни.

— Слава Богу, закончили, — сказал черный сюртук что повыше, когда мальчики укладывались, собираясь покинуть поезд. — И почему Цицерону непременно нужно было писать такими длинными оборотами? Наверняка же простые римляне забывали их начало, когда он, наконец, добирался до конца.

— А ты Гладстона вспомни, — ответил черный сюртук что пониже. - Не уверен, что он и сам помнит начало своей фразы, когда добирается до ее конца. Если он вообще добирается. В сущности, то же самое.

И почему, думал Пауэрскорт, глядя, как мимо окна в который раз проносятся крытые тростником коттеджи у реки, почему некто ждал тринадцать лет, прежде чем убить его? Почему не попытался сделать это раньше? Принц Уэльский предположительно тратил немалые деньги, лишь бы все было тихо, кучи и кучи денег, вероятно. Почему же все они не помалкивали, как им и было положено? Впрочем, возможно, и помалкивали.

«Липы» оказались небольшой виллой в предместье города. Она видывала и лучшие дни. Окна

явно нуждались в уходе. Краска на входной двери облупилась, оставив черные пятна. Пока Пауэрскорт ждал на память ему пришли обои капитана Уильямса, обои, отстающие от стен, с белыми пятнами там, где когда-то висели картины.

Он еще раз с силой стукнул в дверь.

Открыл ее свирепый человечек лет шестидесяти. Где-то в доме лаяли псы. Старые экземпляры «Таймс» и «Иллюстрейтед Лондон ньюс» кипой лежали на столике в прихожей.

— Вы — мистер Робинсон? С добрым утром. Меня зовут Пауэрскорт.

— Убирайтесь! — ответствовал свирепый человечек. — Убирайтесь!

— Я писал вам о моем приезде. У меня в кармане лежит адресованное вам письмо от премьер-министра. — Долгий опыт научил Пауэрскорта вставлять в приоткрытую дверь ступню, крепко прижимая ее к косяку.

— Убирайтесь. Плевать мне, от кого у вас там письмо — от премьер-министра, архиепископа Кентерберийского или от Папы римского. Убирайтесь, и все!

— Наш разговор будет совершенно конфиденциальным. Никто о нем не узнает. Даю вам слово.

Человечек уже совершенно побагровел. Пауэрскорту показалось, что в уголках глаз его скапливаются слезы.

— Вы по-английски понимаете? Я сказал: убирайтесь! Пока я на вас собак не спустил.

— Прошу вас, не надо спускать на меня собак. Собак я очень люблю, — сказал Пауэрскорт в пустой надежде, что его обаяние все-таки поможет ему проникнуть в дом.

— В последний раз говорю — убирайтесь! И не приходите больше! Никогда не приходите! — теперь человечек и вправду плакал, слезы катились по его щекам.

Пауэрскорт отступил.

— Примите мои извинения за то, что расстроил вас, мистер Робинсон. Я ухожу. И не волнуйтесь, больше я не приду.

Лай собак следовал за Пауэрскортом, пока тот шел к калитке. Доносились из дома и мужские рыдания, и ласковый, успокаивающий женский голос. Миссис Робинсон утешала человечка, уже лишившегося всей его свирепости, точно ребенка. И судя по ее голосу, ей приходилось делать это и прежде.

В двух сотнях ярдов от дома располагался под тисами церковный погост. Крики птиц сменили лай собак и страдальческий плач мистера Робинсона. Свежие могилы, думал Пауэрскорт, — вот что мне следует искать. Ну, относительно свежие — год-два, не больше. Ряды старинных надгробий тянулись вдоль тропы погоста, время и непогода почти уже стерли выбитые на них имена. То там, то тут крест либо ангел надменно метили место упокоения человека побогаче.

На южном краю погоста, самом дальнем от церкви, Пауэрскорт нашел могилы времен относительно недавних.

Мэри Уильям Блант, возлюбленная супруга Томаса Бланта из Дорчестера, отошедшая 14 января 1890 года.

Эндрю Джеймс Макинтош, церковный староста прихода, возлюбленный супруг Элизабет, отец Табиты, Дэниеля, Альберта. 18 июля 1891. Да покоится он с миром.

Мод Мюриэль Смит, возлюбленная супруга Джона Смита из Дорчестера. 25 августа 1891. Ушла, но не забыта.

Питер Джеймс Купер, возлюбленный супруг Луизы, отец близнецов. 12 сентября 1891. Да узрит он Бога.

Саймон Джон Робинсон, отошедший 25 сентября 1891, возлюбленный сын Джона и Мэри Робинсон, «Вязы», Дорчестер. Господи, прости им, ибо не ведают, что творят.

Пауэрскорт опустился на колени и прочитал молитву. Он молился за Робинсонов, за всех троих, молился за все возрастающую общину мертвых, окружавших его, и просил у Бога прощения за свой утренний визит в дом Робинсонов. Мо-

лился за своих родных. Молился за Джонни Фицджеральда. Молился за леди Люси.

Господи, прости им, думал он, поднимаясь с колен, — кладбищенский садовник уважительно ждал неподалеку, когда ему можно будет заняться своей работой, — ибо не ведают, что творят. Кем были эти «они» для семьи Робинсонов? Принц Уэльский с его двором? Юноши с «Британии»? Быть может, даже явилась ему причудливая мысль: опухоли, отметившие последнюю стадию болезни, пожирая кости и мозг жертвы, — бездумные и бесчувственные орудия Господа?

Викарием здесь был, как извещала доска на церкви, его высокопреподобие Мэттью Адамс, БИ, Оксфорд, МЛ*, Лондон, Дорчестерский приход.

Дверь открыла миссис Адамс. Собак на сей раз не наблюдается, думал Пауэрскорт, пока она вела его в холодноватую гостиную.

— Муж только что убежал, — весело сообщила она, — но скоро вернется. Вы не согласитесь подождать здесь? Это недолго.

Гостиную украшали библейские сцены, пространные виды Галилейского озера и горы Елеонской. Уж не сам ли викарий и пишет их в свободное время? — подумал Пауэрскорт, — проводя все свободные дни с холстом и кистью. «Еще несколько минут, дорогая, вот только закончу ангелов».

— С добрым утром, — весело произнес, вступая широким шагом в гостиную, его преподобие Адамс — красивый мужчина лет сорока с настороженными, несмотря на улыбку, глазами.

Похоже, он уже знает, что я не из тех, кто недавно понес утрату, или кто-то еще в этом роде, подумал Пауэрскорт. Вероятно, жена предупреждает его о появлении нежданного гостя — скорбящего, помешанного, очередной дорчестерской заблудшей души.

— Прошу простить, что вторгся к вам без предуведомления, весьма неучтиво с моей стороны.

* Бакалавр искусств, магистр литературы — ученые степени.

Меня зовут Пауэрскорт. У меня было здесь в Дорчестере дело, завершившееся несколько неудовлетворительно, и я надумал воспользоваться вашим знанием местной жизни.

Пауэрскорт вручил ему свою визитную карточку. Объяснил, что занят расследованием, суть которого, по природе его, раскрыть не может. И показал его преподобию Адамсу одно из писем от премьер-министра.

— Там что же, какие-то нелады? В правительстве, хочу я сказать? — судя по лицу его преподобия Адамса ему совсем не хотелось добавлять к тяжкому бремени службы в Дорчестере на Темзе еще и неприятности Вестминстера и Уайтхолла.

— В правительстве? Да нет, не думаю, ничего сверх обычного. Меня интересует ваш прежний прихожанин, недавно переселившийся на кладбище. Саймон Джон Робинсон.

— Молодой Робинсон. — выражение глаз викария стало еще более настороженным. Он откинулся в кресле. — И что же я могу рассказать вам о нем?

— Вам известно, от чего он умер?

— Как ни странно, нет. Знаете, обычно нам сообщают, от чего умирают люди. Собственно, я думаю, что скончался он не здесь. Думаю, тело его привезли откуда-то еще.

— Его семья была хорошо обеспечена?

— Я не управляющий их банка, лорд Пауэрскорт, да, думаю, и управляющий не стал бы отвечать на этот вопрос даже вам. Порою мне кажется, что нам было бы легче служить нашей пастве, если бы банки осведомляли нас о том, кто из прихожан испытывает денежные затруднения, — тогда мы смогли бы оказывать им посильную помощь, пусть и духовного толка. Но, разумеется, ничего такого не происходит. Постойте, так о чем вы спрашивали? Ах да, Робинсоны. Думаю, они вполне обеспечены. Всегда жили неплохо. Сын, Саймон, подолгу отсутствовал. Он, знаете ли, служил раньше во флоте.

— И когда умер, тоже служил?

— Нет, не служил, но они говорили мне, что Саймон получает щедрую флотскую пенсию, которая позволяет ему ездить за границу.

— Имеются ли какие-либо свидетельства, — Пауэрскорт поднял перед собою ладони, — что остальные члены семьи обеспечены не так хорошо? Ведь с его смертью выплата флотской пенсии должна была прекратиться.

— Ходили разговоры о том, что вскоре после его смерти им пришлось кое-что распродать. Однако потом слухи прекратились. Похоже, сейчас с деньгами у Робинсонов все обстоит как прежде, — викарий улыбнулся слабой, дежурной улыбкой. Быть может, их обучают улыбаться в теологических колледжах, подумал Пауэрскорт, — улыбка учтивая, улыбка сочувственная, улыбка озабоченная, улыбки на все случаи жизни.

— Какие-либо братья, сестры?

— Насколько я знаю, в семье только мальчики. Дочерей нет. Бедная миссис Робинсон. Уверен, ей хотелось бы иметь дочь. Всегда говорит о том, какое нам выпало счастье. У нас и сыновья, и дочери, по двое. — На сей раз — улыбка счастливого мужчины. — Двое братьев живут за границей. Канада, Австралия? Еще один в Лондоне, он временами наезжает сюда.

— Вы не знаете, чем он в Лондоне занимается? — спросил Пауэрскорт, понимая, что пора уходить.

— Вообще говоря, знаю. Работает в большом магазине, расположенном близ Пикадилли, но имеющем отделения, разбросанные по всему Лондону. Его специальность — ружья, стрелковое снаряжение, охотничьи ножи и прочее в этом роде.

Охотничьи ножи — Пауэрскорт почувствовал, что от лица его отливает кровь. Острые охотничьи ножи. Достаточно острые, чтобы рассадить горло. Достаточно острые, чтобы рассечь артерии.

— Вам не по себе, лорд Пауэрскорт? Вы словно призрака увидели.

— Нет-нет, все хорошо. Со мной иногда случаются подобные приступы, — Пауэрскорт послал викарию вполне достойную того слабенькую улыбку.

Призраки. Призраки юношей с «Британии». Господи, прости им, ибо не ведают, что творят. Призраки тех, кто лежит под деревьями Сандринхемского леса, оставив послания для живых. Верен навек. Semper Fidelis. Призраки, приплясывающие между снастей идущей в никуда «Вакханки». И живой, павший духом призрак с красными глазами на берегу Эмбла. Это была не моя вина, говорю вам, не моя.

— Вы не откажетесь от чашки чая? Или, может быть, закусите?

— Нет, со мной все в порядке. Прогулка до вокзала пойдет мне на пользу, уверяю вас.

Викарий проводил его по городу, доведя до самой платформы. Хочет увериться, что я уеду, думал Пауэрскорт. Больше Дорчестер меня не увидит. Иначе на меня здесь спустят собак. Или вооруженных охотничьими ножами сыновей из оружейного магазина на Пикадилли.

17.

Быть может, все дело в том, говорил себе Пауэрскорт, что женщины, а говоря точнее, его сестры, не получили настоящего образования. Он снова был на Сент-Джеймсской площади — сидел, обложившись записными книжками сестер с изложением разговоров, которые те вели по всему Лондону о шестерке его конюших. Страницы записных книжек были покрыты бессвязными мыслями, бессвязными, лишенными последовательности и логики фразами. Наверняка же, думал Пауэрскорт, гувернантки чему-то да учили их в классных. А может быть, и не учили. Может быть, они просто сплетничали дни напролет, поглядывая на плавные взгорья Уиклоу, мечтая о лошадях, на которых не успели еще покататься.

Мысли Пауэрскорта то и дело возвращались к одной из фраз, к трем словам, сказанным его преподобием Адамсом, сидевшим в кресле под горой Елеонской, в доме викария городка Дорчестер на Темзе.

Щедрая флотская пенсия. Так он выразился. Слова эти настолько удивили Пауэрскорта, что он даже занес их в записную книжку и долго разглядывал, возвращаясь поездом в Лондон. Очень долго разглядывал. Он как-то не думал прежде, что флотская пенсия бывает щедрой. Если она бывает вообще.

Уильям Берк, так тот просто расхохотался.

— Мой дорогой Фрэнсис, — сказал финансист, — королевский военно-морской флот и первые лорды Адмиралтейства отнюдь не славятся щедростью выдаваемых ими пенсий. Совсем на-

оборот. Если они находят хоть какую-то возможность не платить, вы не получаете ни фартинга. А мысль о том, что они возьмут вдруг да и начнут оплачивать чью-то жизнь, — сколько ему, вы говорите, сильно за двадцать? — попросту нелепа. Я не стал бы утверждать, что это невозможно, — тут взяла свое осторожность банкира, — но это очень, очень маловероятно. Весьма маловероятно, уверяю вас.

Предположим, деньги, поступающие от принца Уэльского, замаскированы — предположим, они поступают в обличии щедрых флотских пенсий. Очередная прикрывающая правду выдумка, фикция, затемнявшая то обстоятельство, что деньги выплачиваются сэром Уильямом Сутером и сэром Бартлом Шенстоуном, личным секретарем и управляющим Двора принца Уэльского, соответственно. Они выписывают чеки. И к получателям приходит очередная порция щедрой флотской пенсии. Круг шантажа замыкается.

Мысли Пауэрскорта вновь отвлеклись, на сей раз он вспомнил о записке, посланной им комиссару столичной полиции, записке, содержавшей просьбу проверить перемещения служащего в оружейном магазине на Пикадилли человека по фамилии Робинсон, имя неизвестно. Родители его проживают в Дорчестере на Темзе. Не может ли комиссар выяснить, где этот Робинсон провел уикэнд 8–9 января? Не в Норфолке ли, случаем? Запрос очень срочный. Лорд Пауэрскорт будет крайне благодарен за помощь.

Записные книжки сестер, так и лежавшие непрочитанными на столе, призвали Пауэрскорта к работе.

Замечательное собрание документов, думал он, приближаясь к концу сестриных записей. Будущих историков они попросту зачаруют. Кто богат, кто беден, чьи семьи благополучны, чьи нет, какие из семей продают, чтобы остаться на плаву, свои картины американцам, чьи младшие сыновья доводят родителей до отчаяния. Браки, заключаемые не в сердцах будущих жен и мужей, но в головах их рас-

четливых матушек: где покупалась обстановка, где — шторы, где — кухни, где происходили встречи с любовниками и любовницами.

Повсеместно считалось, что мать Чарльза Перила состоит в связи с отцом Уильяма Брокхема, причем связь эта тянется годами. Что, согласно заметкам сестры Пауэрскорта Мэри, и должно было дать ключ ко всему делу. Впрочем, связь их не раскрыта и поныне, — и новые обрывки слухов наперегонки заскакали по странице. Отец Гарри Радклиффа слишком много пьет. Отец Фредерика Мортимера старательно распродает свои земли, по тысячам и тысячам акров за раз.

Но что до шантажа или секретных выплат, до темных теней, падающих на семейные состояния, — об это не было ни слова. И Уильям Берк, когда Пауэрскорт столкнулся с ним внизу, подтвердил — шантаж отсутствует.

— Фрэнсис, я все записал, поверьте, вот только бумаги оставил в офисе. Если позволите, я прямо сейчас перескажу вам основные моменты.

Он отвел Пауэрскорта к окну. Фонари, горевшие на площади, не освещали ни единой идущей по улицам Сент-Джеймса души. Огромная площадь была пуста, — разумеется, если не считать издавна обжившей ее колонии ворон.

— Деньги, — сказал Берк. В голосе его звучало и глубокое знание предмета, и уважительное отношение к нему. — Что касается денег, все эти люди пребывают в положении, для их круга среднем. Тут все зависит от того, успел ты вовремя сбыть землю с рук или не успел. Четверо из них все еще вкладывают в землю немалые средства — или получают под нее ссуды. И терпят все большие убытки. Двое других от земли избавились, как и вы, Фрэнсис, и вложили деньги во что-то другое. Эти день ото дня богатеют. А вот что касается шантажа, в смысле активном либо пассивном, тут я никаких следов не обнаружил.

Прежде чем лечь, Пауэрскорт еще раз пересмотрел кое-какую корреспонденцию, в особенности два письма, пришедшие на его имя. Письма

1 Сен., милый драм.

эти прислали родители двух юношей, бывших с Эдди на «Британии». Обе четы будут рады увидеть его. То есть, просто счастливы. Однако рекомендовали ему переговорить предварительно с мистером Уильямом Симмонсом, «Лавры», Шапстон, Дорсет. «Он осведомлен в этом вопросе намного лучше нас». Фразы в обоих письмах стояли одинаковые, как если бы отправители их загодя условились, что будут писать. Или, быть может, Симмонс из Шапстона, что в Дорсете, согласовал это с ними?

Завтра он все выяснит.

Когда кеб Пауэрскорта углубился в череду дорсетских холмов, шпиль Солсберийского собора неторопливо укрылся в своей долине.

Он ожидал, что Шапстон окажется милой маленькой деревушкой с прудом, крикетным полем и рядами опрятных домиков при ухоженных садах. Ничего подобного. Здесь имелся весьма импозантный особняк на холме над деревушкой и стоявшие вразброд разношерстные дома. И очень много коров. Похоже, коровы считали себя владелицами здешних земель.

«Лавры» оказались двухэтажным домом с тростниковой кровлей и очень древней парадной дверью.

— Добро пожаловать в наш скромный приют, лорд Пауэрскорт! Добро пожаловать! — тараторила миссис Симмонс, принимая от него пальто посреди просторной прихожей.

Миссис Симмонс была женщиной статной, чуть старше пятидесяти. В паре футов за ее спиной переминался, ожидая возможности обменяться с ним рукопожатиями, Уильям Симмонс. Не олицетворяет ли этот зазор их отношения? — погадал Пауэрскорт. Она всегда впереди, он неизменно сзади.

— Вот тут у нас столовая, — она, похоже, решила устроить для Пауэрскорта экскурсию по их скромному приюту. Увидев обеденный стол и кресла, он содрогнулся, впрочем, шторы имели

вид вполне удовлетворительный. — Мы пользуемся ею только зимой, когда Уильяму приходится принимать клиентов своего банка, не правда ли, дорогой? А это дверь в коттедж, в нашу маленькую пристройку, мы называем ее Восточным крылом, — она издала бодрый смешок. — В нем обитает Альфред, наш сын, который так вас интересует, лорд Пауэрскорт.

Ну вот, — весело продолжала она, — а здесь гостиная. Думаю, вы не откажетесь присесть, лорд Пауэрскорт, вы ведь проделали столь долгий путь. И думаю, вы не откажетесь от кофе. Уильям всегда пьет в этот час кофе.

Комната была очень мила — пылающий в камине огонь, дверь, выходящая в сад. Две малиновки деликатно прогуливались по лужайке, красные грудки их ярко светились средь зимнего уныния иссохшей травы и голых плодовых деревьев.

— Думаю, нам придется подождать кофе, а там уж и приступить к разговору, лорд Пауэрскорт. Мюриэль так любит находиться в гуще событий. Я иногда гадаю, не заявится ли она в один прекрасный день в Бландфорд, чтобы захватить власть в банке, — и Симмонс скорбно улыбнулся. Он представлялся человеком куда более проницательным, чем то следовало из речей его супруги. Почти шести футов ростом, несколько раздавшийся в талии, с очень тонкими усиками и украшающей жилет превосходной часовой цепочкой.

— А вот и мы! Вы, наверное, решили, что я и забыла о кофе! — пропела миссис Симмонс, вплывая с подносом в гостиную.

Пауэрскорт извлек письмо от премьер-министра Солсбери и вручил его хозяевам дома для обозрения. Симмонс, уважительно прочитав письмо, передал его жене.

— Ну, знаете! Ну, знаете! — воскликнула миссис Симмонс. — Прямо чудо какое-то! Даунинг-стрит является в Шапстон. И как это все сходится — письмо от лорда Солсбери. Ведь Солсбери всего в нескольких милях отсюда. Как ты думаешь, что скажут об этом в банке, Уильям?

— В банке об этом узнать не должны. Никогда. Да, собственно, и где бы то ни было. Все дело столько лет держалось в тайне. Так оно и должно остаться.

Пауэрскорт решил, что знает теперь, как выглядит мистер Симмонс в банке. Резкие слова, обращаемые к нерадивым служащим. Возможно, он вовсе не пребывает у жены под каблуком. Возможно, он просто подыгрывает ей, потому что ему так проще.

— Мистер Симмонс. Миссис Симмонс. Я понимаю, вы сознаете необходимость все сохранять в тайне. И то, что необходимость эта распространяется и на будущее. Возможно, мне следует описать вам в общих чертах, что именно меня интересует.

Пауэрскорт окинул взглядом гостиную. И зря. Стены ее покрывали старые карты — карты Дорсета, карты Бандфорда, карты Солсбери. Некоторые, судя по их виду, стоили немалых денег.

— Простите, что перебиваю! — застрекотала миссис Симмонс. — Я невольно заметила, лорд Пауэрскорт, что вы любуетесь нашей коллекцией карт. Это одно из хобби Уильяма. За интересной старой картой он готов отправиться хоть на край света, не правда ли, дорогой?

— Всему свое время, Мюриэль. Всему свое время и свое место, так я всегда говорю. Лорд Пауэрскорт, вам слово.

— Я уже разговаривал с несколькими офицерами, имевшими касательство к злосчастным событиям на «Британии».

— Это было так ужасно, так ужасно, лорд Пауэрскорт! — сдержать миссис Симмонс невозможно было ничем. — Простите, что снова вас перебиваю. Всегда буду помнить миг, когда я об этом услышала. Уильям подстригал лужайку перед нашим домом, боюсь, мы жили тогда в меньшем, чем этот. А я готовила ему на кухне бифштекс и пирог с почками на ленч. Уильям работал в то время у «Кука» и у него был выходной. Он очень их любит, бифштекс и пирог с почками. И тут мы услы-

шали новость! Почки так и разлетелись у меня по всему полу! Ой, простите, — муж гневно сверлил ее пламенным взором, — я больше не буду вас перебивать. Даю слово. Простите, лорд Пауэрскорт.

Пауэрскорт улыбнулся ей одной из тех улыбок, которые перенял в Дорчестере у его преподобия Адамса.

— Как я уже сказал, мне довелось побеседовать с некоторыми из офицеров «Британии». Я разговаривал и с офицерами «Вакханки», судна, на котором двое принцев обогнули земной шар. Но что мне действительно хочется знать, так это то, как восприняли эти печальные, несчастливые события семьи других юношей. Не думаю, мистер Симмонс, что нам стоит вдаваться в подробности медицинского толка.

Пауэрскорт обращался к сидевшему слева от него, перед горящим камином, Симмонсу. Справа сидела миссис Симмонс, поджидавшая, точно хищная птица добычу, первой же возможности встрять в разговор.

— Получив ваше письмо, лорд Пауэрскорт, я провел немало времени, размышляя об этих событиях, — Симмонс словно бы выступал теперь перед акционерами своего банка, — и потому постараюсь быть кратким. Вскоре после того как связанная с «Британией» история завершилась, родители пяти молодых людей встретились в Лондоне. Мы пытались решить, как нам теперь быть, как позаботиться о будущем наших детей. Родители попросили меня принять роль выразителя их интересов. С того времени я им и остаюсь.

— Им нужен был деловой человек, лорд Пауэрскорт! Кто-то сведущий в делах этого мира. Ведь так, Уильям?

Симмонс продолжил, словно никакого вмешательства в разговор и не произошло.

— Я написал письмо, конфиденциальное, разумеется, личному секретарю принца Уэльского Уильяму Сутеру. Я указал ему, что вследствие деяний сына его хозяина будущее *наших* сыновей стало весьма неопределенным, требующим значи-

тельных расходов. Нас ожидали счета от докторов, поездки в Европу, возможно, даже в Америку, в поисках новых методов лечения. На том этапе я никаких денег не запрашивал. Я хотел посмотреть, каким будет ответ.

— А как мы все тревожились! Какие тревоги, какая неопределенность! Надо же было хоть както возместить страдания, выпавшие на долю пяти матерей! Страдания, способные надорвать материнское сердце!

Симмонс неукоснительно продвигался дальше.

— Ответ я получил незамедлительно. Он содержал просьбу о встрече в Лондоне. Мистер Сутер — он тогда еще не был сэром Уильямом Сутером, не так ли, лорд Пауэрскорт? — сказал, что принцу Уэльскому требуется время, чтобы тщательно все обдумать.

Ну еще бы, подумал Пауэрскорт. Готов поспорить, что тот и с единым пенни не расстался бы, если бы мог этого избежать. Он просто ждал, когда к виску его поднесут заряженный пистолет.

— Так или иначе, Сутер дал мне понять, что мы можем назвать нашу цену. Это мы и сделали. Однако нам было поставлено одно условие. Уверен, вы способны догадаться, какое, лорд Пауэрскорт.

— Молчание, — обронил Пауэрскорт.

— Полное и абсолютное молчание. Нам всем пришлось подписать документ, составленный его поверенными. Даже Мюриэль подписала его, не так ли, Мюриэль?

— Уильям, дорогой, в нем вовсе не говорилось, что мы не вправе обсуждать это в уединении наших домов. И сказать по правде, мы справились со случившимся очень хорошо. Уже через несколько лет мы смогли позволить себе переехать сюда, верно?

Пауэрскорт вспомнил разговор о шантаже, случившийся у него несколько лет назад с одним очень проницательным суперинтендантом столичной полиции. Они в тот раз сидели вдвоем в задней комнате паба у реки.

«Все выглядит так, мой лорд, — говорил суперинтендант, неспешно прихлебывая из пинтовой

кружки пиво. Первое, что проделывает шантажист, это поглубже запускает когти в свою жертву. — Он с силой сдавил кулак левой руки пальцами правой. Скоро от кулака отхлынула кровь, кожа на нем побелела. Потом он начинает требовать большего. Первый год, мой лорд, может оказаться лишь пробой сил. На второй шантажист уже понимает, что может попросить немного больше. Потом намного больше. А спустя какое-то время он начинает считать, что жертва в долгу перед ним, что он, шантажист, деньги свои заслужил. Такое случается».

— Не могли бы вы рассказать мне о вашей договоренности, мистер Симмонс? О том, каким образом выплачивались деньги, ну и так далее.

— О, тут все было устроено очень порядочно и честно, лорд Пауэрскорт.

— Да Уильям ни на что иное и не согласился бы, не правда ли, дорогой? Что сказали бы в банке, если бы в этом присутствовало нечто необычное?

Действительно, что? — подумал Пауэрскорт.

— Деньги поступали каждый месяц. Мы все условились говорить, если кто-нибудь спросит, что это флотская пенсия нашим мальчикам. Впрочем, никто никогда не спрашивал. Выплаты производились как по часам. Через лондонское отделение «Финчс».

— А вы не обнаружили, что с ходом времени все обходится вам дороже? Доктора, лечение и прочее? — Пауэрскорт постарался, чтобы вопрос его прозвучал сколь возможно невиннее. Впрочем, никакой нужды в этом, как оказалось, не было.

— Конечно обнаружили, лорд Пауэрскорт! — миссис Симмонс даже прогневалась. — Все становилось дороже с каждым годом! Нам приходилось ездить в Швейцарию, в Лондон, в Америку, чтобы повидать тамошних докторов. Приходилось покупать для этих поездок новую одежду и шляпки. И если мы потом оставались там ненадолго отдохнуть, так что же в этом дурного, правда? Подумайте, через что всем нам пришлось пройти! Подумайте о позоре, который ожидал бы нас, если

бы все вышло наружу! Я никогда бы уже не смогла пройти по деревне с высоко поднятой головой! Нам пришлось бы уехать отсюда! Я считаю, что молчание стоит любых денег, ты согласен со мной, Уильям, дорогой?

— И все всегда шло гладко? Никаких неприятных сбоев? – Пауэрскорт снова вспомнил о своем суперинтенданте. Кое-что из сказанного им вертелось, дразнясь и подтрунивая, в глубине его сознания.

«Если хоть какое-то из соглашений о выплате денег вдруг да не срабатывает, мой лорд, начинается паника. Жуткая паника. А выпустив джина из бутылки, загнать его обратно очень трудно».

— Все и всегда шло очень хорошо, — ответил Симмонс. Жена его на время удалилась из гостиной. — Была одна задержка, только одна, да и та совсем недавно. Но мы сумели во всем разобраться.

— А сами юноши — молодые люди, следовало мне сказать. Я знаю, что один из них в прошлом году умер. Остальные благополучны?

— Благополучны настолько, насколько того можно ожидать, так говорят нам доктора. Иногда несколько лет проходит без всяких хлопот, потом болезнь вдруг вспыхивает с новой силой.

А ваш Альфред? Он живет здесь, с вами?

— Лорд Пауэрскорт! Отведайте моего особого кекса! Мои скромные усилия неизменно приносят мне приз деревни. Однажды я даже завоевала третье место на выставке графства Дорсет!

Миссис Симмонс возвратилась торжествующая, принеся огромный кекс с цукатами и маленькую, переплетенную в кожу книжицу.

— Вот! Вам, лорд Пауэрскорт, самый большой кусочек! Уильям всегда говорит, что есть мой кекс малыми порциями не имеет никакого смысла!

— С нашим сыном все обстоит благополучно, — продолжал Симмонс. — Он единственный наш ребенок и большую часть времени живет с нами.

— Уильям даже смог подыскать для него скромное место в банке, лорд Пауэрскорт! Как это мило

с его стороны! И, в отличие от большинства мальчиков его возраста, Альфреду действительно нравится жить с его мамой! Ведь так, дорогой?

Он и сейчас здесь?

— Нет, сейчас его нет, — Симмонсу, уже набившему рот кексом, слова давались не без труда. — Он с самого начала года в отъезде. Отправился в Норфолк, погостить у друга, живущего где-то под Факенхемом. Альфред туда часто ездит. Он всегда был очень метким стрелком. Думаю, они там целыми днями охотятся.

В поисках спасения Пауэрскорт обратился к кексу. Один из братьев, входящих в сообщество «Британии», скорее всего, хорошо владеет охотничьим ножом. Другой ничуть не хуже — ружьем. Смертельно опасная парочка могла бы получиться из них в Норфолке, неподалеку от Сандринхема. И Пауэрскорт начал мысленно составлять еще одну записку к комиссару столичной полиции.

Он совсем уж было собрался покинуть «Лавры», однако миссис Симмонс не отпустила его так сразу.

— Лорд Пауэрскорт! Мы не отпустим вас, пока вы не распишетесь в нашей маленькой гостевой книге! Так делают все наши гости! Если же вы еще и напишете: «лорд Фрэнсис Пауэрскорт», — получится чудо как хорошо! А то ведь никто не поверит, что вы настоящий лорд! О Боже! Это будет ужасно!

Впервые в жизни он подписался как «лорд Фрэнсис Пауэрскорт». На прощание Симмонс сердечно пожал ему руку, сказав, что, если Пауэрскорту понадобится еще какая-то помощь, он может снова приехать к ним. Миссис Симмонс заверила его, что в их скромном доме он всегда будет желанным гостем. У нее имеется рецепт еще одного кекса, который она непременно освоит к следующему его визиту.

18.

— Ты просто сядь в задней части лодки, Фрэнсис.

— По-моему, ее принято называть кормой, Джонни.

Пауэрскорт и Фицджеральд отплыли из Хаммерсмита вверх по Темзе, намереваясь осмотреть прибежище богатых гомосексуалистов Лондона. Пауэрскорту хотелось увидеть его своими глазами. Стоял поздний вечер, холодный ветер задувал над рекой. Фицджеральд раздобыл где-то старенькую гребную шлюпку.

— Знаешь, Фрэнсис, этот дом обратил меня в очень суеверного человека. Вот уж два раза я, уходя от него, видел одинокую сороку*. И сколько ни озирался по сторонам, второй так и не углядел. А от клятого дерева меня уже попросту тошнит. Стало быть, мы подкрадываемся к ним со стороны для них неожиданной. Господи, Фрэнсис, да сиди ты, ради всего святого, спокойно. Утопишь же обоих.

Шлюпка, похоже, обладала собственным необузданным нравом — она начинала раскачиваться, крениться и черпать воду в мгновения самые неожиданные.

— Мы, собственно, куда плывем, Джонни?

Шлюпка, виляя, устремилась на роковое свидание с бастионами Хаммерсмитского моста, и Па-

---

* Сорока считается в Европе птицей опасной, зловещей, связанной с ведьмами и колдовством. Старинный английский стишок о сороках, увиденных во время прогулки, начинается строкой: «Одна для печали, две для веселья».

уэрскорт принялся гадать, удастся ли ему вплавь добраться до берега.

— Заткнись, Фрэнсис! Я просто стараюсь держать чертову посудину посередине реки. Здесь течение слабее.

В конце концов лодка усвоила некий ритм движения и могучие руки Фицджеральда повлекли ее вверх по течению. Хэмптон-Корт*, думал Пауэрскорт, будем стараться, глядишь, доберемся и до Хэмптон-Корта, а то и до Оксфорда. Хотя на такой скорости нам туда в этом году не попасть. Даже на середине реки течение оставалось сильным, а продвижение медленным, и плеск весел казался ненатурально громким.

Справа от Пауэрскорта тянулась береговая линия Хаммерсмита с ее тавернами и красивыми домами, время от времени оттуда неслись над рекой разномастные звуки. Слева, за Хаммерсмитским мостом, молча следили за их продвижением деревья Барнза. Разного рода странный сор плыл им навстречу, устремляясь в открытое море — фантастической формы деревянные обломки, тряпье, возможно, бывшее некогда одеждой, бутылки, в которых отсутствовали записки. Гребная восьмерка промахнула мимо, гребцы были все в черном, и какой-то призрачный свет мерцал на носу этой лодки, несомой течением к Патни**.

— Уже близко, Фрэнсис, — Фицджеральд на миг перестал грести, чтобы от души глотнуть из бывшей при нем фляжки. — Смотри! Видишь вон там свет за деревьями?

Они плыли по речной излучине. Холодные, черные воды Темзы раскинулись впереди примерно на милю, до противоположного берега Барнза. Чета грачей застыла, точно чета часовых, на верхушке одного из обступавших дом деревьев.

---

* Огромный дворец с парком на берегу Темзы, под Лондоном, бывший до середины XVIII века королевской резиденцией.

** Юго-западный пригород Лондона со множеством расположенных на Темзе гребных клубов и яхт-клубов.

Во всех окнах верхних двух этажей горел свет. Похоже, дела там идут полным ходом, подумал Пауэрскорт. Быть может, нынче у них один из особых вечеров — торжественный обед с танцами после него или бал-маскарад. На крыше здания виднелась круглая балюстрада, и что-то посверкивало там под пробивавшимися сквозь тучи лучами лунного света. Часовые, подумал он, ночной дозор, вглядывающийся в темный Лондон — не заявятся ли из него нежданные гости, не хлынут ли к парадной двери люди в полицейских мундирах.

– Прекрасное место для тех, кто ищет уединения, не правда ли? — Фицджеральд слегка задыхался от усилий, потребных, чтобы удерживать шлюпку на одном месте. Справа от них различался небольшой причал с парой зачаленных лодок, готовых к быстрому броску через реку. — Я еще раз побеседовал с моим приятелем, Фрэнсис.

— С поклонником Помероля?

— С поклонником Помероля, — подтвердил Фицджеральд. — Он сказал две вещи, для нас, я думаю, небесполезных. Во-первых...

Где-то совсем близко раздался глухой звук — вода отразила его, и созданное звуком эхо угасло среди деревьев.

Фицджеральд снова взялся за весла, они миновали дом и ушли в другую излучину реки.

Оба ждали. Не произнося ни слова. Прождали две минуты, может быть, три. Темза безмолвствовала, если не считать вечного шепота ее вод. Наконец, Фицджеральд поворотил шлюпку в обратном направлении. И течение понесло их назад, к Лондону. Теперь, чтобы удерживать шлюпку на правильном курсе, требовались лишь легкие удары весел.

— Что это, к дьяволу, было? — произнес Пауэрскорт, когда дом скрылся из вида.

— Думаю, открылась и закрылась входная дверь. Еще один член клуба, еще один клиент. Он, надо полагать, шел подъездным путем черт знает с какой осторожностью. Ведь никаких шагов мы с тобой не слышали, верно?

— Нет, не слышали. У меня от этого дома мурашки бегут по коже. Так что ты собирался сказать, Джонни?

Интересно, на кого мы похожи? — думал Пауэрскорт. Двое мужчин, сгорбившихся в крохотной лодчонке, снующей вверх и вниз по реке. На служащих акцизного управления, быть может, отправляющихся на осмотр некоего запрещенного груза, или на кладбищенских воров, старающихся избежать людных путей?

— За последние два года там умерли двое, — по-моему, я это собирался сказать. Знакомого моего, когда он об этом рассказывал, трясло. Полагаю, он гадал, не ожидает ли и его подобный же конец. Лишившийся рассудка, ослепший или парализованный, а то и все сразу, со съеденными болезнью костями. Я спросил его и о шантаже, о том, не случалось ли нашим друзьям из этого дома шантажировать друг друга. Он ответил, что, по его мнению, шантаж там практически невозможен.

Фицджеральд произносил все это шепотом. Чтобы расслышать его, Пауэрскорту пришлось наклониться, отчего шлюпка снова опасно заплясала.

— Ты ведь помнишь устав клуба, Фрэнсис, — каждый из членов обязан представить имена и адреса двух близких людей, ничего об их извращенных привычках не ведающих. И эта угроза висит над ними всегда. По словам моего приятеля, все они до того боятся шантажа со стороны клуба, что мысль шантажировать друг друга им и в голову-то прийти не может.

Эти воды будут поспокойнее, думал Пауэрскорт, хоть, может, они немного и зыбистее, и крохотные волны ударяют беспомощно в берег, и парусник попрыгивает на них, разрезая носом волну.

Круглый пруд Кенсингтон-Гарденз принимал в этот мирный воскресный день Пауэрскорта, леди Люси и двух мальчиков.

Ленч на Маркем-сквер много времени не занял. Леди Люси окрестила робертов парусник «Британия», вылив ему на нос бокал шампанского.

— Боюсь, он может сломаться. Парусник, то есть. Если я, как полагается, разобью о его нос бутылку шампанского, — слушая леди Люси, можно было подумать, будто она всю жизнь спускала на воду суда. Возможно, и спускала, думал Пауэрскорт, и возможно, тысячи их плыли по синим эгейским водам на встречу со смертью в ветреной Трое.

Освобожденный из временного домашнего заточения друг Роберта, Томас Сент-Клер Эрскин, важно уведомил всех, что его судно называется «Виктори» и что этот корабль Ее Величества раскачивается на волнах совершенно, как изначальный «Виктори», патрулировавший Атлантику.

Ну так пойдем? Может, пойдем, спустим его на воду?

Даже самый лучший яблочный пирог поварихи леди Люси, отделанный кусочками апельсина и нашпигованный для пущей крепости мускатным орехом, не смог удержать их. Мальчики бежали — не слишком быстро, ибо опасались уронить свои суда, — взрослые следовали за ними поступью более мерной.

Тревога, великая тревога сопровождала первое плавание «Британии». Роберт, с осунувшимся от волнения и сосредоточенности лицом, то и дело подправлял напоследок паруса. Между двумя семилетними мальчиками состоялся ученый разговор о направлении преобладающего ветра. И наконец, корабль вышел в плавание — поначалу он неуверенно покачивался, но скоро выправился и, описав большую дугу, пристал к берегу неподалеку от места, с которого плавание и началось.

— Надеюсь, все будет хорошо. Я имею в виду, с кораблем. Подумайте, что могло бы случиться, если бы он не поплыл, — леди Люси повернулась к Пауэрскорту, мужчине, которому положено знать о таких вещах все.

— В армии нам о парусах и тому подобном почти ничего не рассказывали, — словно оправдываясь, сказал Пауэрскорт.

— О Боже, — леди Люси поспешила к берегу. Корабль Роберта, совершив еще два неуверенных рейса, вернулся в порт и дальше плыть куда бы то ни было отказался. Похоже, на борту его вспыхнул бунт. Роберт был близок к слезам. Друг уговаривал его поставить все паруса, чтобы «Британия» могла воспользоваться бризом, дувшим в Кенсингтон-Гарденз.

— Тогда он вообще перевернется и утонет. Я не хочу, чтобы он утонул. Почему он не плывет, мама? У всех других корабли вон как хорошо ходят.

Отчаяние, рисовавшееся на лице леди Люси, привело к тому, что спасение пришло к ним со стороны совсем неожиданной. К приунывшей компании приблизился старый джентльмен в темно-синем пальто с до блеска начищенными пуговицами и с обмотанной шарфом шеей.

— Могу я предложить вам помощь? У меня есть некоторый опыт по этой части, — вопрос свой старый джентльмен адресовал леди Люси. Мальчики недоверчиво уставились на него. — Уверяю вас, я разбираюсь в парусных судах. Я многие годы плавал на одном из них.

Теперь мальчики взирали на него, как зачарованные. Вот человек, ходивший под настоящим парусом. Быть может, в молодости он все мачты облазил, до самых марсов. Лучше этого могла быть только встреча с самим У. Г. Грейсом*.

— Вы так добры, — ответила леди Люси. — Но уверены ли вы, что вас это не затруднит?

— Нисколько. Итак, что тут у нас? Эти суда не желают должным образом ходить под парусом, не так ли?

— Судно Гоберта, сэг, — Томас явно решил, что старый джентльмен был некогда военным капи-

---

* Уильям Гилберт Грейс (1848–1915) — величайший крикетист викторианской эпохи.

таном, если не адмиралом. — Оно просто болтается на воде, и все. Наверное, с такелажем что-то не так.

Последовал долгий и внимательный осмотр непутевой «Британии». Старый джентльмен медленно склонился над водой. Возможно, трудности со спиной, подумал Пауэрскорт, или суставы уже не те. Дальнейшее показалось леди Люси чудом. Распускались узлы. Выправлялся такелаж. Крохотный руль был по совету старого моряка слегка передвинут.

— Если сделать вот так, корабль будет просто описывать круги, — добродушно сказал он. — Ну-ка, Роберт, проверь, все ли узлы затянуты. Все. Хорошо. Опускай его на воду. И подтолкни немного. Большие корабли, когда они уходят в плавание, вытягивают в море буксиром. Так что подтолкнуть его — дело вполне допустимое. То же самое, в сущности.

На сей раз «Британия» повела себя образцово, прорезав пруд по прямой и вплотную подойдя к берегу на другой его стороне, рядом с очень большой собакой. Мальчики понеслись спасать его.

— Я же говорил, дело в такелаже, — торжествующе кричал Томас. — А теперь такелаж в порядке.

Так оно и продолжалось все послеполуденные часы. Свет уже меркнул, когда парусные корабли перевели в сухой док, кили их осмотрели на предмет повреждений, с парусов стряхнули капли воды. Старый джентльмен откланялся. Прощаясь с мальчиками, он наклонился к ним:

— Знаете, я был когда-то капитаном настоящего парусного судна. Корабль Ее Величества «Ахилл», так его звали. Давно, еще в шестидесятых. Ох и быстрое же было судно! Хотя чего же еще и ожидать при таком-то имени. Я бываю здесь почти каждое воскресенье, после полудня. Жена моя больше из дому не выходит. Навигационные системы стали совсем никуда. Так что, быть может, еще и увидимся. Доброго вечера вам обоим.

— Какой очаровательный джентльмен, — сказала леди Люси, поводя рукой над споудовским[1] заварочным чайником — они уже вернулись на Маркем-сквер.

— Думаю, ему сегодня выпал удачный день, — ответил Пауэрскорт. — Интересно, будет ли он там, когда мальчики снова отправятся в плавание.

— Лорд Фрэнсис, — тонкая рука леди Люси протянулась, чтобы налить в чай молока. — По-моему, вы не положили сахара.

— И как это вы все замечаете, — галантно ответил Пауэрскорт, отмечая про себя, что леди Люси чем-то немного встревожена.

— Помните, я говорила, что у меня есть для вас история о тех ваших конюших? Когда мы повстречались на Сент-Джеймсской площади.

Леди Люси в роли Анны Карениной, вспомнил Пауэрскорт, сам он — несговорчивый Вронский, и высокий меховой воротник удаляется со своей хозяйкой в сторону Пикадилли.

— Конечно.

— Ну вот, я так ее и не записала. То есть я записала, но получилась какая-то чушь. Это такая странная история — почти что сказка из стародавних времен. В детстве, лорд Фрэнсис, я очень любила сказки. А вы?

— Меня они сильно пугали, — ответил Пауэрскорт, думая о том, что детство леди Люси должно было отстоять от его лет на двенадцать—пятнадцать.

— Давным-давно, двадцать пять, а то и двадцать восемь лет тому назад... — негромко начала леди Люси, глаза ее и мысли были где-то далеко-далеко. Наверное, вот так она рассказывает Роберту сказки перед сном, подумал Пауэрскорт: голова мальчика покоится на подушках, а мягкий голос матери словно исходит из какого-то скрытого в ней спокойного места. — ...в одной из древнейших семей Англии родился мальчик. Мать его была уже не молода, лет под сорок, а то и за сорок. Мальчик

[1] «Споуд» — марка тонкого фарфора.

стал последним ее ребенком. Все прочие были девочками. И она очень его любила. Смотрела, как он подрастает в огромном поместье. И втайне плакала, когда для него настала пора отправиться в школу. Все долгие триместры она ожидала его возвращения домой. Домой. К матери.

Он был совсем еще малышом, когда отец бросил семью. Уехал в Париж или в Биарриц — в одно из тех мест, куда сбегают дурные мужья, и не вернулся, и с мальчиком больше не виделся. Сестры повыходили замуж и разъехались. Только мать с маленьким мальчиком и осталась в огромном доме с парком и озером под окнами. Мальчик любил катать свою маму в лодке по озеру — все греб и греб, пока не наступало время пить чай.

Мальчик рос. Говорят, в детстве он был очень хорошеньким, а обратившись в молодого мужчину, стал красавцем, едва ли не принцем, обитающим в собственном замке. Все девицы до единой влюблялись в него. И матери это не нравилось. Нисколько не нравилось.

За окнами уже темнело. Леди Люси поднялась, задернула шторы, помедлила у камина, чтобы подложить в него пару поленьев. Дедовские часы леди Люси гипнотически тикали за ее креслом.

— Недалеко от их поместья, милях в десяти — пятнадцати, стоял большой город. Пока мальчик подрастал, город рос тоже. Но если рост мальчика исчислялся в футах и дюймах, то рост города — в тысячах, в десятках и десятках тысяч людей, стекавшихся туда в поисках работы и счастья.

Еще чаю, лорд Фрэнсис? Если ваш остыл, я могу заварить свежий.

— Нет, спасибо, — Пауэрскорту не хотелось рассеивать созданные ею чары.

— Большинство обитателей этого города были людьми бедными. Ужасно бедными, бедняжки, — леди Люси слегка содрогнулась, хоть огонь, горевший в камине, и согревал комнату. — Но имелись среди них и богачи. Они производили разные вещи. Заправляли большими делами. Владели кораблями. Человек, о котором пойдет речь в нашем

рассказе, лорд Фрэнсис, обладал множеством магазинов, бакалейных магазинов, и в этом огромном городе и в городах вокруг него. Он разбогател пуще всех прочих. И у него имелась дочь, единственная дочь. Говорят, она была прекрасна, настолько прекрасна, что молодые мужчины едва ли не страшились ее красоты.

Наш молодой человек приглашал в свой сельский дом девушек самых разных. Там давались обеды, за которыми следовали танцы, а были еще балы графства, охотничьи балы, балы благотворительные, ну, и так далее. Мать его вглядывалась в молодых женщин, которые приходили к ним в дом, чтобы отнять ее прекрасного сына, и почти ненавидела их. Мысль о них была для нее невыносима. Однако сын ни к одной из этих женщин не привязывался. Возможно, он жалел мать. Мы не знаем. Возможно, он, как сказочный принц, ждал прихода кого-то еще.

И этот кто-то пришел, разумеется. Как оно всегда и случается. В один прекрасный день он встретился с дочерью бакалейщика. Я не знаю, где это произошло. Но они полюбили друг друга, точно так, как бывает в сказках. Молодой человек всю жизнь оставался равнодушным к красавицам своего графства. Теперь же он влюбился стремительно, словно попал в водопад и летел, кувыркаясь, вниз. Бывают на свете водопады любви, лорд Фрэнсис?

— Уверен, что бывают, леди Люси. Нисколько в этом не сомневаюсь.

Да, так о чем я? — прилив чувств временно увлек леди Люси в каком-то не совсем правильном направлении. — Через месяц они уже любили друг друга без памяти. И хотели пожениться. Но существовало одно препятствие, лорд Фрэнсис. Как и всегда. Девушка была католичкой. А родители ее — людьми очень набожными. Они не желали, чтобы их дочь стала женой протестанта, пусть даже тот происходит из старейшей семьи Англии. И сказали, что не дадут согласия на брак.

Леди Люси отпила из своей чашки остывший чай. Пауэрскорт смотрел на нее, рассказывающую эту историю, а мысли его убегали вперед. Он гадал, чем все закончится. И не хотел думать о конце.

— Препятствия имелись и с другой стороны. Мать юноши не хотела, чтобы ее драгоценный сын взял в жены дочь бакалейщика, каким бы богатым тот ни был. И уж тем более не хотела, чтобы сын женился на католичке. Она тоже заявила, что не согласится на их брак. Сказала, что вернет домой отца юноши — где бы тот ни был и чем бы ни занимался все это время, — чтобы он запретил сыну жениться на этой девушке.

Все оказались в тупике. Молодой человек, прекрасная девушка и их родители. Возможно, не будь родители столь упрямы, все сложилось бы и лучше. Что оставалось юным влюбленным? Как они могли поступить?

Леди Люси снова примолкла, глядя на пляшущее в камине пламя так, словно в нем-то и крылся ответ на этот вопрос.

— Мне кажется, молодые влюбленные всегда ведут себя неразумно — как по-вашему, лорд Фрэнсис? Молодому человеку пришлось выбирать между своей любовью и матерью, между прошлым и будущим, быть может, между старым веком и красотой века нового.

И молодой человек стал готовиться к переходу в католическую веру. Говорят, что он изучал ее постулаты усерднее, чем то, чему его обучали в Итоне. Когда же его в нее приняли — или как это называется, — влюбленные обвенчались. Мать юноши на венчание не пришла. Венчаться с дочерью бакалейщика, говорила она. Да еще и католичкой. В какой-то языческой часовне, украшенной кровоточащими сердцами и прочими ложными идолами Рима.

Что ж, кое-кто из участников этой истории все-таки был счастлив. Особенно молодые влюбленные. Отец девушки купил для них прелестный маленький дом, стоявший на полпути между городом и старым поместьем, в котором родился мо-

лодой человек. Девушка ждала ребенка, и счастье их всех было полным. Но продлилось оно не долго, лорд Фрэнсис. Совсем не долго.

Леди Люси, казалось, размышляла о чем-то. Глаза ее были устремлены вдаль, в сказку, которую она рассказывала.

А Пауэрскорт ждал окончания, некоего, еще не известного ему ужаса. Лица конюших, которых он опрашивал в Сандрингеме, мелькали в его мозгу. Пятеро, и один из них — тот самый молодой человек.

— Она потеряла ребенка. С ней случилось страшное несчастье. Молодой человек проходил в то время службу в своем полку. Боюсь, я забыла сказать вам, что он вступил в тот же полк, в котором служил когда-то его отец. Ребенок погиб. И юная мать погибла тоже. Молодой человек поспешил домой — увидеть, что жизнь его разрушена, что любовь его лежит, умирая, у подножия каменной лестницы, с мертвым ребенком в чреве.

Похороны вызвали ссору — ссору по поводу того, где следует покоиться телу. Мать юноши, хоть она и не пришла на венчание, хотела, чтобы ее внук и невестка покоились в родовом склепе родовой часовни, стоявшей в их родовом поместье. Но родители девушки воспротивились этому. Они сказали, что это и их внук тоже. И где их, в конце концов, похоронили, я не знаю.

Впрочем, главная суть истории вовсе не в этом, лорд Фрэнсис, — леди Люси слегка наклонилась, устремив взгляд синих глаз на Пауэрскорта. Взгляд был очень пристален. — Молодой человек рассказал о своей женитьбе лишь очень немногим. Полагаю, он хотел избавить мать от лишних тягот, от сельских дам, которые станут расспрашивать ее, как прошла служба да во что обошлось свадебное угощение. Не думаю, что он сказал о ней и кому-либо из офицеров полка. Не думаю даже, что он сказал о ней кому-то из друзей.

Однако принц Эдди о его женитьбе знал. Принц Эдди был знаком с этой девушкой. Говорят, что в отсутствие мужа принц Эдди просто-напросто не

выходил из их дома. Говорят, что он изводил молодую супругу знаками своего внимания. Быть может, он считал, как и отец его, замужних женщин легкой добычей. Однако эта женщина таковой не была. Легкой добычей, то есть.

Рассказывают, что в день ее смерти принц Эдди был в их доме, что, когда раздались крики, страшные, не прекращавшиеся крики, его видели убегающим оттуда. Говорят, будто он, принц Эдди, бежал, не оглядываясь. Просто бежал. Бежал и бежал.

Думаю, это все, что мне известно. Ужасная история.

Пауэрскорт встал и подошел, словно стараясь рассеять чары, к камину.

— Кто рассказал вам все это, леди Люси? От кого исходит история?

— От двух людей, лорд Фрэнсис. Для того чтобы услышать ее от второго из них, мне пришлось нагородить гору чудовищной лжи. Один приходится кузеном покойной. Другой — дядя молодого человека. Он, видите ли, и мой дядя тоже, хотя родство наше нельзя назвать прямым. Он брат отца моего покойного мужа — сводный, так сказать, дядя. А ему, сколько я знаю, все это известно от матери молодого человека.

Истина, думал Пауэрскорт, лежала на пороге твоего дома. Пока ты мотался, пересаживаясь с поезда на поезд, по Англии, леди Люси просто поговорила с родственниками, живущими на соседней улице.

— И каково же имя этого молодого человека?

Леди Люси помолчала. Ей казалось, что стоит назвать имя, и все переменится. И все же храбрости ей хватило.

— Имя молодого человека — лорд Эдуард Грешем.

На какое-то время Пауэрскорт погрузился в размышления. Не присутствовало ли в том, как он вел себя в Сандрингеме, что-то не совсем нормальное? Да нет, ничего сколько-нибудь осязаемого — хотя, казалось бы, что-то должно же про-

изойти с человеком, когда он убивает будущего наследника трона и, бросив на пол портрет невесты убитого, размалывает его в мелкие куски.

— Лорд Эдуард Грешем. Лорд Эдуард Грешем, конюший Его королевского высочества герцога Кларенсского и Авондэйлского. Покойного герцога Кларенсского и Авондэйлского, принца Эдди. — Пауэрскорт уже обдумывал следующую свою поездку. — Мать его — леди Грешем, леди Бланш Грешем из Торп-Холла, Уорикшир. А огромный город, о котором вы говорили, это Бирмингем. Я прав?

— Вы правы, лорд Фрэнсис, вы правы. Молодой человек из сказки, тот, чья жена лежала мертвой у подножия каменной лестницы, — лорд Эдуард Грешем.

19.

Потолок выглядел выходящим за пределы всякого правдоподобия. По четырем высоким углам его стыли ангеловидные гипсовые младенцы; гипсовые девы в скудных покровах, гипсовые девы с трубами, копьями и снопами пшеницы теснились на нем. И филигранно обрамляя всю эту компанию, гипсовая лепнина растекалась по четырем стенам, становясь в углах их особенно замысловатой. В середине же потолка овальная аллегорическая картина в розовых и ярко-красных тонах изображала Аполлона, отъезжающего в своей колеснице на охоту сквозь толчею еще пуще сгустившихся женских телес с гипсовыми же бедрами и грудями.

— Большинство гостей останавливается здесь, мой лорд, — сообщил Лайонс, дворецкий Торп-Холла, что в графстве Уорикшир. — Чтобы взглянуть вверх. Потолок этот выполнен в 1750 году, мой лорд, человеком по фамилии Гиббс, Джеймс Гиббс*.

Пока Пауэрскорт озирал барочный потолок и изящные очертания колесницы, Лайонс снес его пальто и шляпу в один из дальних углов огромного холла. Интересно, какое убранство присутствует там, погадал Пауэрскорт. Гипсовые вешалки, быть может, со все теми же младенцами, только изогнутыми, готовыми принять на себя груз плащей и пальто визитеров.

— Вот сюда, мой лорд, — холл был очень длинен, со множеством закрытых дверей по двум его стенам.

— Лорд Пауэрскорт, моя леди.

---

* Джеймс Гиббс (1682–1754) — шотландский архитектор, определивший стиль английской церковной архитектуры XVIII столетия.

Пауэрскорт оказался в огромной двусветной гостиной с покрытыми росписью стенами. На дальнем ее конце поднялась из кресел, чтобы поздороваться с ним, леди Бланш Грешем. Времени на то, чтобы впитать в себя ее натужное изящество, достоинство и гордость, сквозившие в каждом аристократическом шаге, коими она неторопливо промеряла ковер, у Пауэрскорта было более чем достаточно.

— Лорд Пауэрскорт, очень рада познакомиться с вами. Присядьте, прошу вас.

Повелительный кивок указал, что ему надлежит проделать следом за ней долгий путь к креслу у окна, за коим лежала в оцепенении промерзшая лужайка.

— Лорд Роузбери написал мне о вас. Вы, стало быть, знакомы с лордом Роузбери? — то был не столько вопрос, сколько приказ: отвечайте.

— Он — один из самых близких моих друзей, леди Грешем. Мы уже много лет знаем друг друга. А кроме того, у меня имеется адресованное вам письмо от премьер-министра. Я просто не решился доверить его почтовой службе.

Леди Бланш была женщиной высокой и стройной. Немного за шестьдесят, думал Пауэрскорт, родилась, скорее всего, в правление Вильгельма IV[*]. Черная юбка до полу, темно-красная блуза. Жемчужное ожерелье на шее, к которому она подносила время от времени пальцы, словно проверяя, на месте ли оно.

— Роузбери я знала совсем еще молодым человеком. А с этим Солсбери не знакома, — она отмахнулась от премьер-министра, как если бы тот был человеком вконец худородным, а то и приобретшим состояние, подвизаясь в торговле. — Роузбери человек очаровательный. Он приезжал сюда на один из наших приемов, много лет назад. По-моему, в тот уик-энд у нас был Дизраэли.

---

[*] Вильгельм IV (1765–1839), по прозвищу «Король-Моряк», правил Великобританией с 1830 года, после него на престол вступила его племянница Виктория.

Интересно, подумал Пауэрскорт, как это Дизраэли удалось втереться сюда, если даже Солсбери считается здесь *persona non grata.* Обаяние и лесть, решил он, — обычные приемы Дизраэли.

— Он был на редкость забавен — я говорю о Роузбери. Развлекал нас все дни, что провел здесь. И такие изысканные манеры, — голос у нее был высокий, но время от времени надтрескивался, точно разбитое зеркало. — Впрочем, вы, лорд Пауэрскорт, приехали сюда не для того, чтобы выслушивать воспоминания о блистательных днях Торп-Холла. Чем я могу помочь вам в вашем деле?

В том, как она произносила название Торп-Холла, присутствовало нечто особенное, как если бы дом этот был святилищем, которое надлежит оберегать от чужаков.

— Я хотел задать вам несколько вопросов о вашем сыне, леди Грешем.

— О моем сыне? О сыне? — леди Бланш Грешем выпрямилась и застыла в кресле, уставив на Пауэрскорта полный осуждения взгляд. — Прежде всего, лорд Пауэрскорт, вам следует помнить, что мой сын — Грешем. Грешем.

Да, вот именно. Прежние Грешемы — Грешемы, облаченные в мундиры, Грешемы, возлежащие, отдыхая, в креслах, словно бы покивали в знак согласия со стен длинной, длинной гостиной своего родового поместья.

— Грешемы играли в истории Англии видную роль в течение более чем шести столетий, лорд Пауэрскорт. Возможно, они прибыли сюда вместе с Вильгельмом Завоевателем. Хотя сказать это с уверенностью невозможно. Одного из моих предков сожгли на костре в правление ужасной королевы Марии, он умер за веру. Говорят, что прочие протестанты, казненные вместе с ним, кричали и плакали, когда их охватило пламя. Грешем же не издал ни звука. Грешемы не плачут.

Я читала хроники тех времен, наши семейные документы, лежащие где-то на чердаках дома, в котором мы с вами сидим. Священники были тогда растленны, лорд Пауэрскорт. Аббатов пожира-

ла алчность. Они обирали богатых людей. И обирали бедных. Монахов интересовали скорее грехи плоти, чем спасение душ. А индульгенции! Ими торговали ради того, чтобы потворствовать причудам Папы римского, стремившегося восславить свой город не столько благословениями мира иного, сколько чертогами этого.

Да, подумал Пауэрскорт, родство с семьей католиков и вправду должно было обернуться здесь, в Торп-Холле, серьезной проблемой.

— Мой род, — продолжала она, — столетиями живо участвовал в делах нашего графства и нашей страны. На тех полях за окнами мы охотились поколениями. Поколениями, лорд Пауэрскорт. И приветственный кубок Грешемов, который здесь подносили гостям, был, как всегда говорили охотники, лучшим в графстве, если не во всей стране.

Она ненадолго замолкла. Дух этой женщины, подумал Пауэрскорт, не удастся сломить никогда. Хоть на костер ее возводи за веру. Она не издаст ни звука. Грешемы не плачут.

— Эдуард — последний в нашем роду. В очень длинном роду, лорд Пауэрскорт.

Голос ее, когда она заговорила о сыне, смягчился. И Пауэрскорт вдруг увидел их, плывущих летом по озеру, — солнечный свет, изливающийся на золотистые локоны красивого мальчика, мощь материнской любви, изливающейся в его душу. Впрочем, мягкости леди Бланш хватило ненадолго.

— Полагаю, вы хотите расспросить меня о его браке, лорд Пауэрскорт. Я избавлю вас от необходимости подбирать слова для вопроса, который обоих нас мог бы поставить в неловкое положение. Думаю, вы знакомы со слухами, с тем, о чем судачат в Лондоне.

«Лондон» звучит в ее устах, как «Содом», подумал Пауэрскорт, тихо сидевший в своем кресле, озирая студеный ландшафт за окнами.

— Девицу ту я никогда не видела. Я не присутствовала на венчании. Не присутствовала и на похоронах, событии, смею сказать, для меня бо-

лее счастливом. По-моему, ее звали Луизой. Такое заурядное имя. Приказчиц в лавках зовут, сколько я знаю, Луизами. И дочерей бакалейщиков. Этот брак был попросту невозможен. Грешемы не берут в жены приказчиц. Как не берут и католичек. И никогда не брали.

Ну, как же не брали? — как раз и брали, подумал Пауэрскорт, прикидывая, как бы ему повернуть разговор в нужном направлении.

— Эдуард когда-нибудь привозил сюда принца Эдди? В Торп-Холл?

— Принц Эдди? Это тот, что умер недавно? Да, привозил. Принц бывал здесь множество раз. Мне он казался весьма хилым молодым человеком. Дурная кровь, жидкая кровь. Что-то с ней было не так. В его возрасте и скончаться от столь дюжинной болезни, как инфлюэнца. Это доказывает лишь присутствие некоего изъяна в породе.

— А Луизу принц Эдди знал? — Пауэрскорт обронил вопрос легко, словно носовой платок.

— Дорогой мой лорд Пауэрскорт, неужели вы думаете, что мне может быть известен ответ на этот вопрос? Я же сказала вам, на венчании я не присутствовала. На похоронах тоже. Вряд ли можно было ожидать от меня, что я стану заглядывать в тот дом, дом, в котором они жили на деньги, вырученные бакалейщиком.

— Простите мой следующий вопрос, но известно ли вам что-либо относительно обстоятельств ее смерти?

— Нет. Я ни о чем не спрашивала. Не интересовалась. Я считаю, что это не мое дело. Я просто рада, что Эдуард избавился от нее.

Пауэрскорт задумался: достанет ли материнской любви на то, чтобы заставить леди Бланш явиться в маленький дом, купленный отцом-бакалейщиком, и столкнуть с лестницы невестку, которой она никогда не видела, чтобы та разбилась до смерти. Нет, наврял ли. Правда, он чувствовал — леди Бланш говорит ему не все, что знает. Но с другой стороны, она никогда всего и не ска-

жет, даже если он досидит здесь до времени, когда сойдут снега и по озеру можно будет снова кататься в ялике.

— А где сейчас Эдуард, леди Грешем?

— Эдуард? О, после дней, проведенных им в Сандринхеме, он уехал отсюда. Он вернулся тогда очень бледным, ужасно бледным. Полагаю, такой там, в Норфолке, климат. Хотя кое-кто говорит, будто он все еще горюет из-за смерти своей девицы.

Сказать «Луизы» она не смогла бы, отметил про себя Пауэрскорт. Довольно. Один, ну, от силы, два раза, это все, что она способна снести. Грешемы, во всяком случае, некоторые из Грешемов, не говорят «Луиза».

— И куда он направился? Когда уехал отсюда?

— Сказал, что едет в Италию, лорд Пауэрскорт. Он уехал всего лишь на прошлой неделе. Эдуард сказал мне, что хочет совершить путешествие в Рим. Я не стала спрашивать, что это значит. Возможно, тут есть какая-то связь с его ужасной религией. Вы хотя бы немного знаете Италию, лорд Пауэрскорт?

«Италия» прозвучала у нее, как имя соседа — ближайшей помещичьей семьи, быть может.

— Знаю, леди Грешем. Довольно хорошо. Он не сказал, направится ли он прямиком в Рим?

Он и направился уже прямиком в Рим, думал Пауэрскорт, подобно Ньюмену*, Маннингу**, всем тем, кто обращается в католичество, — сотням, если не тысячам людей, проделавшим это при одной только его жизни. Впрочем, Пауэрскорт чувствовал, что упоминать об этом не стоит.

— Что-то такое он говорил. По-моему, он сказал, что сначала заглянет в Венецию.

---

* Ньюмен Джон Генри (1801–1890) — английский теолог, педагог, публицист и церковный деятель. В 1845 году перешел из англиканства в католичество, с 1879 года кардинал.

** Маннинг Генри Эдуард (1808–1892) — английский церковный деятель. Первоначально священник англиканской церкви. В 1851 году перешел в католичество, стал примасом католической церкви в Англии, с 1875 года кардинал.

В этой длинной, длинной гостиной разожжены были два камина. И все-таки Пауэрскорт все то время, что сидел в ней, ощущал холод. Возможно, здесь никогда уже не станет тепло.

— Впервые я отвезла его в Венецию, когда ему было шестнадцать, лорд Пауэрскорт. Нас было лишь двое, он и я.

Пауэрскорт так и видел их, уже не в гребном ялике, а в гондоле, пролагающей путь по переполненным лодками водам Большого канала.

— Эдуард обожал Венецию. Он говорил, что в ней привлекательно все. И любил прогулки по самым бедным кварталам — ну, знаете, лорд Пауэрскорт, разрушающиеся, обваливающиеся в воду палаццо, свисающее из окон постиранное белье.

— Я очень хорошо понимаю, о чем вы говорите, леди Грешем. Правда. Вы замечательно все описали.

Она снисходительно улыбнулась. А Пауэрскорта вдруг страшно потянуло к расписаниям поездов. Поездов, пересекающих Европу. К быстрейшему способу достижения Венеции. Способу опередить лорда Эдуарда Грешема, некогда — конюшего покойного герцога Кларенсского и Авондэйлского, совершающего ныне путешествие в Рим. Может быть, стоит послать со станции телеграмму дворецкому лорда Роузбери?

Увы, но кекса с цукатами леди Бланш мне не предложила, думал, откланиваясь и вспоминая сытное шантонское угощение, Пауэрскорт. Собственно, она не предложила мне ничего. Возможно, весь наш разговор показался ей на редкость безвкусным.

Из экипажа, который уносил его по промерзшему парку к станции, Пауэрскорт видел, как она стоит у окна своей длинной, длинной гостиной, глядя ему вслед, — старая, оледеневшая от гордыни женщина, наблюдающая за отъездом последнего визитера дома Грешемов, Торп-Холла. Она вновь осталась одна в огромном холодном доме с барочными потолками, наедине с воспоминаниями о давно сбежавшем муже и блудном сыне, с вос-

поминаниями о давних Грешемах, неотрывно взирающих на нее со стен ее салона, приветствующих ее из мраморных гробниц семейной усыпальницы, в которую она ходит молиться. А может быть, размышлял Пауэрскорт, она вовсе и не одинока. Может быть, она одолевает настоящее тем, что живет в прошлом.

Грешемы не плачут. Не плакали тогда. Не плачут и теперь.

Как бы там ни было, думал он, представить себе леди Бланш Грешем, изготовляющей кекс с цукатами, невозможно. Она послала бы за ним в лавку.

В лавку бакалейщика.

«Семичасовой поезд до Дувра, мой лорд. Приходит прямо к парому до Кале. Наибыстрейший маршрут, мой лорд».

Послужившая ответом на его телеграмму записка от Уильяма Лита, дворецкого Роузбери, уже дожидалась Пауэрскорта при его возвращении на Сент-Джеймсскую площадь. Времени он зря не тратит, подумал Пауэрскорт. А следом ему пришло в голову, что для человека с возможностями Лита, с его полками и полками железнодорожных расписаний, исполнение просьбы, содержавшейся в телеграмме, было, скорее всего, детской игрой. Другое дело — Калькутта или города-близнецы Миннеаполис и Сент-Пол.

«Экспресс до Парижа. Прибывает в 4.30, Северный вокзал, мой лорд. Я предложил бы доехать парижским такси до Лионского. Ночной поезд до Милана, мой лорд. Прибытие в 7.30. Завтрак на вокзале. В буфете миланского вокзала подают на завтрак очень вкусный рулет, мой лорд. Начиная с 8-ми, поезда на Венецию отходят каждый час. К ленчу, мой лорд, или сразу после полудня Вы уже будете в Венеции. Взял на себя смелость забронировать для Вас места во всех этих перевозочных средствах. За исключением такси, мой лорд. Предварительная покупка билетов на них дело слож-

ное, если вообще возможное. Номер заказан в отеле "Даниэли". Центр города. Рекомендован лордом Роузбери».

Откуда, Боже ты мой, знает он о буфетном рулете, подивился Пауэрскорт? Быть может, клиенты Лита отчитываются перед ним, пополняя энциклопедию железнодорожных знаний, которая копится в маленькой твердыне, разместившейся на подвальной лестнице дома Роузбери? Пока поезд катил из Парижа на юг, по Божоле и вдоль вод Роны, Пауэрскорт подсчитывал своих мертвецов.

Принц Эдди в той страшной комнате Сандрингхема. Ланкастер, самоубийство в лесу. Верен навек. Semper Fidelis. Саймон Джон Робинсон из Дорчестера на Темзе, место кончины неизвестно. Господи, прости им, ибо не ведают, что творят. Двое джентльменов из клуба гомосексуалистов в Чизике. Леди Луиза Грешем, погребенная в какой-то католической часовни Центральных графств, не оплаканная и не любимая свекровью.

Их уже шестеро. Шесть трупов. Какая нить связывает их воедино? И существует ли она, эта общая нить? Кроется ли ответ в Венеции или в Лондоне? Или ждет его где-то еще?

Когда поезд поворотил на восток и занялся долгим подъемом в Альпы, Пауэрскорт уснул. Ему ничего не приснилось. Хороша ночь без сновидений, думал он, пробуждаясь и слушая, как рычание огромной паровой машины вторгается в глубокое безмолвие гор.

Железнодорожный вокзал Санта-Лючия расположен не так уж и далеко от Большого канала. Санта-Лючия, радостно думал Пауэрскорт. Они тут даже вокзал назвали в честь леди Люси. Как это мило с их стороны. А где-то рядом, за углом, стоит, наверное, посвященный ей храм, может быть, даже палаццо. Впрочем, насчет палаццо он уверен не был.

Престарелый гондольер с тонкими усиками и в красном берете, которые гондольеры, похоже, не

снимают никогда, доставил его в отель. Когда они отплывали, гондольер глубоко вдохнул, наполняя легкие влажным венецианским воздухом.

— Прошу вас, — сказал Пауэрскорт, успев вовремя поднять ладони. — Прошу вас, *per favore*, без пения. *Niente opera*, — в отчаянии продолжал он. — *Silenzio. Per favore. Niente arie*[1]. Не надо петь.

Гондольера точно громом ударило.

— Никаких арий? Ни одной, синьор? Даже маленькой? Может быть, заздравную из «Травиаты»?

— Никаких арий, — твердо сказал Пауэрскорт. — Ни единой. Ни даже этой заздравной, черт бы ее побрал.

Гондольер пожал плечами — особым, прибереагаемым для иностранцев образом, — и решил добавить к своему счету несколько лир. Пауэрскорт чувствовал себя человеком, в последнюю минуту избежавшим опасности. Слушать, проезжая по самой романтической улице мира, поющих итальянцев, да еще и поющих-то, на его слух, немузыкально — это выше его сил.

По обеим сторонам от него проплывали палаццо. В детстве у Пауэрскорта имелась карта, на которой были помечены самые великие из них — с датами постройки и именами обитавших в них людей, прославленных и бесславных. Лет в девять-десять он помнил большую часть этих сведений наизусть. Поэзия имен, думал Пауэрскорт, какая поэзия имен!

Палаццо Вендрамин-Калерджи, одно из прекраснейших ренессансных зданий Италии. Палаццо Джованелли, в котором жили люди, купившие себе аристократический титул за 100 000 золотых дукатов. Ка Редзонико, дом еще одного венецианского Папы. Палаццо Фальер, дворец изменника, который попытался стать королем и лишился за это головы, отсеченной на верху его же собственной лестницы. Мстительные аристократы, вспомнил Пауэрскорт, известили его о предстоя-

---

[1] Пожалуйста... Никаких опер... Молчание. Пожалуйста. Никаких арий (*итал.*).

щей казни всего за час. Палаццо, построенные для великих семей, чьи имена были занесены в Золотую книгу*.

Семьи, из которых выходили дожи. Семьи, из которых выходили прокураторы Святого Марка. Семьи, из которых выходили Папы. Семьи, из которых выходили адмиралы. Семьи, которые торговали пряностями. Семьи, которые торговали шелками. Семьи, которые торговали с Шейлоком.

Теперь воды канала покрыла зыбь; лодки разгружались; искусно лавировали, огибая друг друга, гондольеры. Гондола Пауэрскорта прошла под мостом Риальто — некогда финансовым центром Венеции, лондонским Сити на воде, два банка которого обанкротились, когда в 1490 году пришла весть о великом плавании Колумба, уничтожившем монополию Венеции на торговлю с Востоком. Смерть Венеции затянулась на три столетия.

Гондольер что-то напевал, и напевал довольно громко, словно из желания отомстить. Пауэрскорт решил, что это и есть заздравная из «Травиаты». Шум, создаваемый гондольером, мешался с другими шумами города — лодочники кричали один на другого, носильщики выкрикивали свое «поберегись», прочие гондольеры, которым куда больше повезло с пассажирами, оглашали завываниями канал Сан-Марко. Надо всем царила громада барочного гиганта, церкви Санта Мария делла Салюте, возведенной в память о спасении города от чумы. Миллион свай забили в мутную воду, чтобы построить ее, треть жителей города погибла до того, как началось строительство. Даже сифилису, с горечью думал Пауэрскорт, даже сифилису такое пока что не удалось.

Обслуга в «Даниэли» была, по-видимому, предупреждена о его появлении.

---

* В Венецианской республике — список патрицианских родов, члены которых имели исключительное право участия в делах правления; составлен в 1297 году, после чего почти не пополнялся.

— Сюда, милорд. Ваше пальто, милорд, вашу шляпу, милорд. Чашку чая, милорд?

Интерьер здесь образовывался в основном золотыми листьями и красным бархатом, и повсюду висели огромные люстры из стекла Мурано. На переукрашенных, вычурных полотнах, имитациях Тьеполо, раскинулись по стенам нимфы и сатиры из некоего выдуманного венецианского прошлого.

Отель наполняли американцы, носовой выговор их разносился эхом по огромному вестибюлю, из которого открывался вид на водный простор, уходящий к Сан-Джорджо и Лидо. Американцы, стремительно совершающие Большое Турне, думал Пауэрскорт, которому американцы, в общем-то нравились. Буффало знакомится с Байроном. Бостон заключает в объятия Боттичелли. Гранд-Рапид здоровается с Джорджоне. Тампа приветствует Тициана.

— Пять дней в Венеции, целых пять дней! — гневно говорила своей соотечественнице одна из дородных дам. — Да на что тут смотреть-то столько времени? Городишко вчетверо меньше Филадельфии! А потом еще семь дней в Риме! Семь дней! Ну, увидим мы Папу, посмотрим картины, а потом что там делать?

Важный человечек с маленькими усиками, выглядевший в своем сюртуке очень чинно, поприветствовал Пауэрскорта:

— Лорд Пауэрскорт? Добро пожаловать в «Даниэли». Я Антонио Панноне. Здешний управляющий.

Он провел Пауэрскорта к тихому столику у окна, снял со скатерти табличку, извещавшую, что столик зарезервирован.

— Лорд Роузбери телеграфировал нам о вашем приезде. Он наш старый друг, лорд Роузбери. Любой из друзей лорда Роузбери должен быть другом и для «Даниэли», нет? Это так.

Человечек огляделся вокруг. Как по волшебству появился чай. Он налил две чашки, глаза его неотрывно следили за текущей мимо окон толпой.

— Лорд Пауэрскорт, лорд Роузбери сообщил, что вы, возможно, разыскиваете кого-то, нет?

Пауэрскорт сказал, что разыскивает лорда Эдуарда Грешема.

Это молодой человек, ему под тридцать, светлые волосы и карие глаза. Лорд Эдуард Грешем всегда хорошо одет. Друзья даже поддразнивают его за это.

— Здесь, в Венеции, все стараются одеваться хорошо, — с грустью поведал Антонио Панноне. — Нет ли у вас случайно его портрета или фотографии?

Фотография у Пауэрскорта имелась. Фицджеральд вручил ее Пауэрскорту два дня назад, перед самым отправлением поезда из Лондона.

— Господи, Фрэнсис, — Фицджеральд, которому пришлось пробежать в поисках друга всю платформу, задыхался, — ну почему тебе обязательно нужно ехать в первом вагоне этого клятого поезда? Я тебя чуть не упустил. Так вот. Если ты хочешь найти кого-то, неплохо иметь его портрет, чтобы всякий мог видеть, как выглядит нужный тебе прохвост. Иногда это здорово помогает. Думаю, теперь даже ты это понял.

Как раз и нет. В спешке Пауэрскорт совершенно забыл о портрете. Лорд Джонни сунул ему в руку номер «Илюстрейтед Лондон ньюс».

— Страница двадцать четыре, — твердо сказал он. — А может быть, двадцать пять. Он там снят на ступенях какого-то загородного дома, во время приема. Красивый такой.

— Боже, Джонни, как ты это раздобыл?

У паровоза уже поднялась суета. Свистели свистки, мелькали флажки. Семичасовой экспресс до Дувра и Парижа почти неприметно стронулся с места.

— У моей тетки, Фрэнсис. Иисусе, опять придется бежать, чтобы держаться с тобой вровень. Имей в виду, до твоей чертовой Венеции, Фрэнсис, я не побегу. Она собирает все журналы, моя тетушка, то есть. У нее ими забито несколько комнат. Говорит, через несколько лет они станут весьма ценными. Совсем помешалась на...

Лорд Джонни сбежал с платформы. Поезд набирал скорость. Пауэрскорт едва расслышал прощальное напутствие, донесшееся к нему из дыма:

Не свались там в какой-нибудь грязный канал, Фрэнсис. И не разговаривай с незнакомыми женщинами, куртизанками или как их. Там таких полным-полно.

Пауэрскорт вручил Панноне журнал, открыл его на двадцать пятой странице. На ней действительно присутствовала групповая фотография гостей, собравшихся на уик-энд в загородном доме. Хозяева и гости постарше без особого удобства сидели перед уходящими вверх ступенями. За ними выстроились, прикрываясь от солнца парасолями, молодые женщины. На ступенях же и среди вазонов с цветами расположились, приняв самые разные позы, молодые люди в щегольски заломленных канотье. Самым элегантным из них был томно разлегшийся на верхней ступеньке — одна рука упирается локтем в пол, другая проверяет точность угла, под которым сидит его исключительного качества шляпа, — лорд Эдуард Грешем. Он надменно взирал в объектив, как если бы тот нарушил его послеполуденный отдых.

— Вот этот. Тот, что лежит. Это и есть лорд Эдуард Грешем.

— Спасибо. Большое спасибо, лорд Пауэрскорт. Он смахивает на денди. Это так? — Панноне внимательно вглядывался в фотографию, стараясь, возможно, отыскать на ней кого-нибудь из постоянных клиентов отеля «Даниэли». · Итак, лорд Пауэрскорт. Могу ли я позаимствовать у вас этот снимок? Или мне лучше передать его кое-кому из здешних людей, чтобы они сделали копию? Выбирать вам. У меня имеется план. Вам уже приходилось отыскивать кого-нибудь в Венеции? Это гораздо труднее, чем кажется. Мы делали это прежде. Ну, вы понимаете, для властей.

Американцев становилось в вестибюле все больше. Они шумно жаловались на цены цены на венецианское стекло, которое они увозили домой, цены в отеле, цены найма гондольеров, по-

ющих арии или не поющих. Неужели они не понимают, думал Пауэрскорт, что люди столетиями жаловались на цены Венеции — цены на соль, цены на шелк. И неизменно возвращались сюда.

— Прошу прощения, мистер Паннone. Мысли мои уплыли куда-то в сторону, подобно одной из ваших гондол. Разумеется, вы можете оставить журнал у себя. А теперь расскажите мне о вашем плане.

— Мой план состоит в том, чтобы положиться на официантов, лорд Пауэрскорт. Каждый должен что-то есть, не так ли? Поэтому люди приходят в отели и рестораны. А там их обслуживают официанты. У официантов же имеются глаза и уши, лучше которых не сыскать. Так вот, я отнесу сейчас фотографию в «Флорианс», на пьяцца Сан-Марко. Туда приходит много туристов. Мой друг — метрдотель «Флорианс». Мы с ним распространим портрет вашего молодого человека по всем отелям и ресторанам. Через день-другой лорд Эдуард станет самым известным в городе человеком! Его будут выглядывать все официанты!

Официанты, думал Пауэрскорт. Как просто. Официанты Венеции, завербованные в работающую на него службу розыска. В его собственную разведку. Официанты в качестве соглядатаев, его соглядатаев, чьи глаза обшаривают лица клиентов, которым они подают «Спаггети с клемами» или «Печень по-венециански», соглядатаи с кларетом, кьянти или граппой. Такая секретная служба могла существовать еще столетия назад, в дни, когда Совет десяти или Совет трех правили из своих темных покоев в Дворце дожей с помощью внутренней разведки Венеции, и жертвы их без особых церемоний выбрасывались в море либо обнаруживались мглистыми венецианскими утрами на мощеной береговой полосе — с головами, погруженными в воду.

Будь осторожен, заказывая в Венеции еду. Следи за тем, что говоришь. Тебя окружают осведомители.

— Ваш план великолепен, мистер Панноне. Позвольте мне сказать, как я благодарен вам за помощь. Я не знаю, сколь долго намеревается оставаться здесь лорд Грешем.

— В Венеции все остаются дольше, чем намеревались, — сказал патриотичный Панноне, — за вычетом американцев. — Он окинул столпившихся у его бара заокеанских гостей полным жалости взглядом. — Они вечно спешат. Вечно стремятся попасть куда-то еще. Как будто все они поражены странной болезнью — охотой к перемене мест. Вы что-нибудь понимаете в американцах, лорд Пауэрскорт?

— Думаю, для меня они составляют такую же загадку, как и для вас, мистер Панноне. Однако скажите, сколько времени могут, по-вашему, занять поиски лорда Грешема?

Панонне задумчиво потер ладонью о ладонь.

— Я бы сказал, самое большее, два дня. Самое большее. Человек должен есть. До сих пор эта система всегда позволяла находить нужных нам людей. Он опасен, лорд Пауэрскорт?

Если я скажу, что его подозревают в убийстве предполагаемого престолонаследника Англии, это вряд ли чему-то поможет, решил Пауэрскорт.

— Нет, не думаю, чтобы он был опасен. Мне просто нужно побеседовать с ним. Я буду заглядывать в «Флорианс» или сюда каждый день в час ленча, а затем проводить здесь время, начиная с пяти вечера. Буду поджидать его. Мы могли бы выпить с вами вашего великолепного чая. Или пообедать.

— Хорошо, лорд Пауэрскорт. Очень хорошо. Два дня, даю слово. А теперь позвольте показать вам ваш номер. Это тот, в котором останавливается, приезжая к нам, лорд Роузбери.

Пока они поднимались на второй этаж, Пауэрскорт гадал, что, собственно, скажет он Грешему, отыскав его. Пауэрскорта томили опасения, что тот сейчас уже где-то южнее, ближе к Риму.

«Это вы убили принца Эдди? А зачем вам понадобилось столько крови? И как вы проникли в его комнату?»

20.

Что там говорила его мать о Риме? Пауэрскорт огибал гору упаковочных клетей, протянувшуюся от приставшей к берегу грузовой лодки до «Даниэли». В это утро, следующее за днем его приезда, он обошел Венецию против часовой стрелки в слабой надежде увидеть где-нибудь промельк лорда Эдуарда Грешема. «Эдуард сказал мне, что хочет совершить путешествие в Рим. Я не стала спрашивать, что это значит. Возможно, тут есть какая-то связь с этой его ужасной религией». Старая леди сидела, прямая, как шомпол, в своей холодной зале, перебирая по ходу разговора жемчуга на шее.

Возможно, тут есть какая-то связь с этой его ужасной религией. Если ты хороший католик, тебе нет нужды ездить в Рим, не правда ли? Это же не Мекка — или куда там еще отправляются в свои паломничества мусульмане? Что уж такого особенного в Риме? Или он обещал Луизе свозить ее в этот город? Не было ли его путешествие искупительным Эдуард отправляется туда, где хотела побывать с ним Луиза? «В память»*.

Пауэрскорт уже прошел половину пути до приморья, достигнув неприветливых ворот Арсенала. Четверка меланхоличных львов стояла перед ними на страже, пятый надменно пристроился у самых ворот. И львов этих они тоже украли**, ве-

---

* Вообще говоря, это стандартное начало надгробной надписи — «В память о...», однако здесь, вероятно, подразумевается посвященный памяти умершего друга сборник стихотворений Альфреда Теннисона (1809 -1892).

** Четверка античных львов была привезена в Венецию из Пирея в 1687 году.

нецианцы, вспомнил Пауэрскорт, так же как украли того, что украшает собор Святого Марка на площади опять-таки Святого Марка, как украли тело своего покровителя, все того же святого Марка, из какого-то захоронения в Александрии*. Пираты, все до единого, а собор Святого Марка — попросту пиратская пещера, в которой хранится добро, награбленное в Константинополе и на торговых путях венецианских кораблей. Как раз здесь их и строили, эти корабли, думал Пауэрскорт, сворачивая налево и шагая вдоль высокой красной каменной стены, оберегавшей тайны Арсенала. На вершине своего могущества они способны были выпускать по одному боевому кораблю в день, припомнил он, за этими стенами работала поточная линия, на которой корабль собирался за сутки — от киля до полной парусной оснастки.

Теперь впереди лежали бедные кварталы города, венецианцы жили здесь скорее в лачугах, чем во дворцах, улицы покрывал мусор, по которому бродили голодные, вечно подвывающие коты. Леди Грешем говорила что-то и об этих местах тоже. Память Пауэрскорта, переходившего по изысканному кованому мостику через узкий канал, сработала едва ли не со щелчком. «Ему нравилось прогуливаться по самым бедным кварталам — ну, знаете, лорд Пауэрскорт, разрушающиеся, обваливающиеся в воду палаццо, свисающее из окон постиранное белье». Да, постиранного белья здесь хватает, подумал он, когда какая-то простыня, соскользнув с веревки, упала на узкую улицу в паре футов за его спиной.

Колокола звонили над всем городом, дальние колокола, ближние колокола, колокола печальные, колокола старые, колокола новые — все они сзывали венецианцев на воскресную мессу. Месса, подумал Пауэрскорт. Может быть, поездка Грешема как-то связана с мессой? Но еще не успев

---

* Покоящееся в соборе Святого Марка тело евангелиста Марка было перевезено туда в правление дожа Джустиниано Партечако (828–830) из Александрии в Египте.

углубиться в эту мысль, он понял, что заблудился. Запутанная топография Венеции в который раз обманула его. Сохранить в этом городе чувство направления попросту невозможно, вспомнил Пауэрскорт, — ты думаешь, что наконец добрался до порта, а попадаешь на совершенно сухопутную маленькую площадь; рассчитываешь увидеть железнодорожный вокзал, а видишь собор Святого Марка, собственной персоной. Месса. Венецианцы стекались к утренней службе. Некоторые несли цветы. Старухи несли цветы, бабушки, согнувшиеся под их тяжестью почти в три погибели. Откуда здесь столько цветов? — дивился Пауэрскорт. Скорее всего, они крадут и их, как украли тех львов, — рано утром пиратские флотилии отплывают к материку, чтобы пограбить там всласть.

И тут он понял. Старухи несли цветы не на мессу — на кладбище. У мессы они, скорее всего, уже побывали — у ранней мессы, устраиваемой специально для скорбящих. Если он последует за ними, то выйдет к пристани, от которой лодки отплывают к венецианскому «Острову мертвых», Сан-Микеле на Изоле, кладбищу, со всех сторон окруженному водой, — поверхность острова целиком покрыта надгробиями, гробницами и вычурными итальянскими изваяниями. Как раз такое место, которое с удовольствием посетила бы на досуге королева Виктория, подумал Пауэрскорт, — еще бы, куда ни глянь, одни только мертвые.

Он терпеливо следовал за вереницей старух, совершавшей извилистый путь по лабиринту проходов и темных улочек, приближаясь к Фоундаменте Нуове.

«Мы сбиваемся с пути Твоего и блуждаем, подобно овцам пропавшим[*], — вспомнил Пауэрскорт высокий и ясный голос священника своей церкви в Роуксли. — Слишком часто следуем мы

---

[*] Евангелие от Луки, 15, 6

помыслам и желаниям сердец наших... Помилуй же, Господи, тех, кто осознал проступки свои». Дóлжно исповедоваться в грехах своих, прежде чем ты причастишься таинств.

Они добрались до берега. Два баркаса стояли здесь, готовые отправиться со скорбящими в недолгий путь к Сан-Микеле.

Исповедь. Вот в чем все дело. Если ты не исповедовался в грехах своих, ты не вправе причаститься тела и крови Христовых. А если ты несешь ответственность за тело и кровь принца Эдди, тебе есть в чем исповедоваться. Возможно, он ищет место для исповеди. Возможно, путешествие в Рим завершится в исповедальне.

Старухи грузились на борт, продолжая крепко прижимать цветы к груди, баркас медленно покачивался на воде. За ним виднелся другой — темный, похоронный, с облаченной только в черное командой, — уже медленно подвигавшийся к печальному острову. Утро на Сан-Микеле нынче выдастся оживленное.

Теперь он услышал пение, гимн, изливавшийся из роскошного дворца — рококошного шедевра. Иезуиты, думал Пауэрскорт. Быть может, лорду Грешему требуются для исповеди иезуиты, чья ученость и казуистичность способны предложить ему некую разновидность отпущения грехов.

Пауэрскорт заблудился. Проклятие, подумал он, взглянув на часы. Я же должен через полчаса быть на ленче в «Флорианс». Проклятие! Где этот чертов «Флорианс»? Куда он запропастился? Где площадь Святого Марка?

Он решительно взлетел на мост, но, дойдя примерно до середины его, остановился и огляделся. Звон колоколов разливался над улицами, однако с какой колокольни, он сказать не мог. За спиной его послышался голос:

— Вы, случаем, не заблудились? Заблудившиеся люди выглядят здесь, в большинстве своем, точь-в-точь как вы.

Мы сбиваемся с пути и блуждаем, подобно овцам пропавшим, подумал Пауэрскорт. Священник.

весь в черном, в весьма изящной берете на голове, пришел на помощь заблудшему.

— Боюсь, что заблудился. Мне необходимо через полчаса быть во «Флорианс», — исповедался Пауэрскорт.

— «Флорианс» на площади Святого Марка? Я сам туда направляюсь. Мы могли бы пройтись вместе.

Священник, как сказал он Пауэрскорту, был на самом-то деле англичанином, служившим на Фарм-стрит, в церкви иезуитов, что в лондонском Мейфэре*. Возможно, Пауэрскорту она известна? Известна. Деньги, грустно сказал священник, там так много денег. И Пауэрскорт стал прикидывать, какие грехи могут оказаться соизмеримыми со столь большими богатствами.

Выяснилось, что оба они питают интерес к живописи. Священник, отец Гилби, был ревностным поклонником семьи Беллини. Побывал ли уже Пауэрскорт на Мурано, чтобы посмотреть тамошних Беллини? Многие туристы их пропускают.

Пауэрскорт пообещал совершить паломничество туда, прежде чем он покинет Венецию. Они расстались среди голубей площади, на которой музыканты уже продирались сквозь заздравную песню из «Травиаты».

— Надеюсь, вы сможете найти то, что ищете, лорд Пауэрскорт. По-моему, вы что-то ищете. Да благословит вас Бог.

Пауэрскорт поспешил к «Флорианс», снедаемый страшной мыслью. Лорд Эдуард Грешем, прежде чем присоединиться к римской католической церкви, получал наставления в новой вере. В Центральных графствах он этого сделать не мог, на сей счет Пауэрскорт был уверен. Уж не на Фарм-стрит ли он их и получал — у отца Гилби?

Не приехал ли Грешем в Италию в обществе своего собственного отца-исповедника? И пока великий инквизитор сидит, ожидая, в отеле «Да-

---

* Мейфэр — фешенебельный район лондонского Уэст-Энда.

низли» или склоняется над блюдом с дарами моря во «Флорианс», эти двое укладывают чемоданы, чтобы добраться до вокзала имени леди Люси и продолжить путешествие в Рим?

В этот день Грешема найти не удалось.

Не удалось и на следующий.

Пауэрскорт слонялся по городу, заглядывал в церкви, обходил дозором музеи, бесконечно прохаживался по берегу — до моста Риальто и обратно, к площади Святого Марка. Он написал леди Люси. Его уже хорошо знали здесь — официанты «Флорианс» и голуби на площади: официанты, когда он входил, печально покачивали головами, голуби строй за строем взлетали перед ним под звуки арии из «Аиды». Пауэрскорт подумывал, не заказать ли ему в Лондоне какие-нибудь ноты — для расширения здешнего репертуара. Джонни Фицджеральд доставил бы их сюда за пару дней. Он снова написал леди Люси.

Синьор Панноне, управляющий «Даниэли», был встревожен. Он ощущал нараставшие в Пауэрскорте беспокойство и возбужденность. Он тоже, думал Панноне, наблюдая, как лишившийся сна Пауэрскорт расхаживает взад-вперед по темно-красным коридорам отеля, подхватил американскую болезнь, неспособность усидеть на одном месте.

Синьор Липпи, метрдотель «Флорианс», пришел на совещание, состоявшееся в расположенном на втором этаже кабинете Панноне, из которого открывался вид на лагуну и остров Сан-Джорджо Маджоре. Синьор Липпи был человеком худым и высоким, на пальцах его мерцала целая коллекция серебряных колец.

— Ничего не понимаю, лорд Пауэрскорт, — сказал Панноне, горестно озирая родной город. — Мы ищем его каждый день. Каждый день мы можем сказать, где побывали вы. Еще до того, как вы вернетесь. Мы знаем все. Но где же лорд Грешем?

— Возможно, он, как и думает лорд, уехал, — синьор Липпи прижимал к груди кипу своих заново отпечатанных меню.

Он воскресает, думал Пауэрскорт. И в третий день воскреснет и будет судить живых и мертвых.

— Я не думаю, что он уехал. Не знаю почему. Вот вы, лорд Пауэрскорт, прежде думали, что он уехал. Теперь вы не уверены. Это так?

— Это так, — печально ответил Пауэрскорт.

Официант, войдя, вручил Панноне стопку бумажных листков.

— Видите, лорд Пауэрскорт. Видите, у нас новые донесения. Мы получаем их каждые несколько часов. Каждый раз просматриваем их. Всегда просматриваем. И никогда ничего. Ничего, — Панноне перебирал листки в поисках хоть чего-то обнадеживающего. — Он на Бурано, говорится в одном, прогуливается вдоль моря. Он в церкви Санта-Мария Формоза. Он в Академии, осматривает картины. Он завтракает на Лидо. Он повсюду. И нигде.

— Вот еще. Он на острове Сан-Джорджо, гуляет со священником у маленьких маяков. Это было лишь час назад.

— Со священником, говорите? — Пауэрскорт с вновь пробудившимся интересом наклонился вперед.

— Да, со священником. И что с того? В Венеции, как и в Италии, полным-полно священников.

Пауэрскорт рассказал им о знакомстве с отцом Гилби и его загадочных прощальных словах.

— Вы думаете, он приехал сюда с лордом Грешемом? Отец-исповедник? — синьор Панноне поднялся из кресла и подошел к окну, выходящему на построенную Палладио церковь Сан-Джорджо Маджоре.

— Думаю, это возможно. Но постойте, джентльмены, постойте, — Пауэрскорт говорил медленно, стараясь придержать пустившиеся вскачь мысли. — Возможно ли остановиться в Венеции, не останавливаясь при этом в отеле? Вы можете, конечно,

поселиться в чьем-то доме или палаццо, однако я не уверен, что у Грешема есть в Венеции близкие друзья.

Но предположим, что вы священник. Разве не селитесь вы в семинарии или в монастыре? Привозя с собой, в обстоятельствах исключительных, и гостя? И кормитесь вы в этом случае в трапезной монастыря или где-то еще. Такой визитер не посещает кафе, отели, рестораны. Ни один официант его не видит. И ваша великолепная служба разведки попросту не работает. Никаких новостей вы при этом получить не можете.

Наступило короткое молчание. Теперь уже все трое стояли у окна, глядя на постройки острова.

На Сан-Джорджо есть монастырь, — негромко сказал синьор Липпи, — прославленный. Дома, трапезная, библиотека все построил Палладио. Однако желающих осмотреть эти шедевры туда не пускают, даже американцев.

Мысль о том, что существуют места, в которые не пускают американцев, явно утешила синьора Панноне.

— Все это правда, сказал он, — все правда. Значит, нам следует выяснить, кто присутствует на острове. И кто, возможно, гостит. Как нам это сделать, синьор Липпи?

И эти двое быстро затараторили по-итальянски, резко подчеркивая каждое слово взмахами рук. Время от времени Пауэрскорт гадал, не дойдет ли у них дело до драки, настолько ожесточенным выглядел их разговор.

— *Bene. Bene.* Итак, лорд Пауэрскорт, вот что мы предлагаем. — Точно так, подумал Пауэрскорт, предлагает вам меню официант во Франции. — План, возможно, несовершенный, но мы думаем, он сработает. Да? — Панноне бросил быстрый взгляд на синьора Липпи, и тот с силой закивал. — Время у нас еще есть. Сейчас четверть восьмого, это не слишком поздно, чтобы заглянуть в монастырь, пока там не начали молиться на ночь или чем они еще занимаются.

Наш управляющий поставками, здесь, в «Даниэли», — он широко повел рукой, охватив этим жестом и свой кабинет, и ту часть Венеции, какая виднелась в окне, как будто и она была частью его отеля, — он ведет дела и с монахами Сан-Джорджо. — Не с монахами, прошу прощения, а с их экономкой. Она проработала там долгое время. И знает все. Знает всех. Очень много говорит. Возможно, потому, что монахи все больше молчат и с ней не разговаривают. Видит Бог, женщины не могут не говорить. — Он покачал головой, вспомнив, возможно, о болтливости собственных женщин. Пауэрскорт подумал, что, кроме жены, у него, пожалуй, имеются и дочери. — Я сейчас же переговорю с ним. Мы пошлем его на остров. Он побеседует с этой женщиной, с экономкой — или, возможно, просто послушает ее. А после вернется сюда и все нам расскажет.

Однако я еще не сказал вам о лучшей части нашего плана, лорд Пауэрскорт. Нам придется дождаться здесь его возвращения, вам и мне. Иногда эта экономка говорит часами. Не думаю, что долгое ожидание понравится нам — вам и мне. Поэтому мы пошлем туда лучшего гондольера Венеции, самого быстрого в городе. Вот он перед вами, синьор Липпи! Каждый год он побеждает в гонках гондол. Каждое воскресенье упражняется на Канареджио. Эти гонки — подобие вашего Хенли[*]. Вам ведь нравятся гонки в Хенли, это так?

Пауэрскорт заверил его, что это так.

— Ну вот, он именно тот человек, который нам нужен. Он, может быть, и не привык управлять гондолой в таком сюртуке, но будет счастлив помочь нам. Что ж, нам надо идти. Мы не можем терять время.

И двое итальянцев торопливо направились к выходу из комнаты.

---

[*] Город на Темзе, в котором ежегодно и ныне проводится гребная Хенлийская регата, ставшая ныне неофициальным первенством мира.

— Не забудьте фотографию! — крикнул им вслед Пауэрскорт. — Фотографию лорда Грешема.

Мой Бог, мой Бог, мы едва не забыли ее. Боюсь, нам все же не следует так спешить.

Пауэрскорт выглянул в окно. Под ним стояли на своем посту ночные швейцары «Даниэли» в просторных, накрепко застегнутых во избавление от холода плащах. Справа сидел на высокой колонне довольный лев Святого Марка, все еще ожидающий случая предупредить горожан о вторжении с моря. Правее Сан-Джорджо различались на острове Джудекка огни другого огромного собора Палладио, храма Спасителя, построенного, как и Санта Мария делла Салуте, в благодарность за избавление от чумы. У берега покачивались на воде гондолы. Голуби еще суетились на площади Святого Марка, где одинокий оркестрик напитывал ночной воздух звуками «Сельской чести» Масканьи.

Внезапно у гондол поднялась суматоха. Синьор Липпи, переодевшийся в белую, с короткими рукавами рубашку, готовился, с поблескивающими под береговыми огнями серебряными кольцами, к плаванию — на корме гондолы уже сидел упитанный человечек.

Пауэрскорт наблюдал за их отплытием, за гондолой, стремительно рассекавшей воду лагуны, становившейся все меньше и меньше, пока она не достигла ступеней Сан-Джорджо. Пауэрскорту казалось, что он видел, как пухлая фигурка скрылась за дверью справа от пристани.

Он продолжал наблюдение. Не это ли и есть конец его пути? Пути, начавшегося несколько месяцев назад в принадлежащем Роуэбери маленьком замке Барнбоугл с рассказа о неведомых негодяях, шантажирующих принца Уэльского. Он думал о людях, которых повстречал на этом пути, о неправдоподобных придворных, о распорядительном майоре Дони, о флотском историке мистере Симкинсе с его стремянками и архивом, о стряхивающем крошки с бородки лорде Джордже Скотте, бывшем капитане корабля Ее Величе-

ства «Вакханка». Думал о людях в беде — о принцессе Александре, оплакивающей еще одного сына, о краснолицем мужчине, который велел ему убираться прочь, о сыне этого мужчины, зарытом на дорчестерском кладбище, о леди Бланш Грешем, горделивой старухе, оставшейся наедине со своими предками посреди огромных просторов Торп-Холла. Думал о лорде Джонни Фицджеральде, сидящем на дереве невдалеке от клуба гомосексуалистов в Чизике. Думал о леди Люси.

Он нес дозор. Никакого движения на ступеньках. Пауэрскорт вроде бы видел, как синьор Липпи размахивает, пытаясь согреться, руками. Воды оставались спокойными. Он вспоминал леди Люси, такую взволнованную у Круглого пруда в Кенсингтон-Гарденз, такую счастливую и страстную, когда она рассказывала в Национальной галерее о «Сражающемся "Темерере"», такую лучезарную в ее напоминающей об Анне Карениной шубке на Сент-Джеймсской площади.

Он все еще стоял в дозоре, не отрывая глаз от темных ступеней перед фасадом островного собора. Быть может, когда-нибудь я привезу леди Люси в Венецию, думал он. Быть может, нам удастся приехать сюда на наш медовый месяц. И поселиться в «Даниэли», у синьора Паннone.

— О чем вы размышляете здесь, лорд Пауэрскорт? Здесь, у окна? — в комнату неслышно вступил Паннone.

— Я размышляю о женитьбе, синьор Паннone. Я, правда, еще не испросил у молодой леди согласия. Но, возможно, скоро сделаю это.

— Какая прелесть, лорд Пауэрскорт. Подобная перемена пойдет вам на пользу. Это дело с лордом Грешемом, оно было очень трудным?

Пауэрскорт стоял в дозоре. Надо же, нашел себе занятие — помышлять о женитьбе на леди Люси в такое-то время. А это там не гондола отплывает от Сан-Джорджо, разворачиваясь, чтобы вернуться к отелю? Нет, всего лишь тень на воде.

Прошло уже двадцать минут. Он снова сверился с часами.

— Да, мистер Панноне, дело оказалось трудным. Я буду рад, когда оно завершится.

Панноне умолк, словно поняв, что Пауэрскорту не до разговоров. Он вытащил откуда-то бинокль, но вскоре убрал его, сказав, что все видно и так.

Темное облако укрыло молодой месяц. Теперь собор был еле виден, лишь белые верхушки маяков ясно различались двумя замершими у окна наблюдателями. Сколько же может говорить эта женщина? Или в монастыре успели раскрыть истинный характер задания, с которым прибыл на остров их человек? И посланца Панноне уже допрашивают некие монахи? А может быть, его бросили в подземную, лежащую ниже уровня воды келью, чтобы он дожидался в ней более искусного допросчика-иезуита, который прибудет на остров утром?

Пауэрскорту показалось, что он различает на ступенях какое-то движение. Он протер глаза, протер, чтобы лучше видеть, оконное стекло. Нет, ничего.

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул синьор Панноне. — По-моему, они возвращаются.

Гондола шла по лагуне другим путем. Она резко, зигзагами, забирала к Таможенному мысу.

— При тамошних течениях это наибыстрейший путь назад, лорд Пауэрскорт.

Теперь он уже различал их: Липпи мощно работал веслом, белая рубашка его мерцала в ночи, пухлый человечек неподвижно сидел на корме.

— Сколько нам еще ждать? Сколько? — терпение Пауэрскорта было на исходе.

— Всего лишь несколько минут. Последний участок пути они пройдут очень быстро. Подождите здесь, я принесу вам новости. Мой управляющий поставками не говорит по-английски.

Панноне поспешил на берег. После торопливых переговоров, состоявшихся там, все трое мужчин скрылись в отеле.

Пауэрскорт еще раз оглядел загадочный фасад Сан-Джорджо — никакого движения там видно не

было. Внизу голосила, как в преисподней, направлявшаяся к ресторану большая компания американцев, намеревавшихся отпраздновать последний свой день в городе.

Панноне вернулся с откупоренной бутылкой и двумя бокалами.

— Думаю, после нашего долгого бдения нам следует выпить, лорд Пауэрскорт. Чтобы успокоить желудок, как у нас говорят. Мы были правы. Но также и ошибались. В монастыре действительно остановился священник. И он привез с собой гостя. Больше того, он англичанин. Однако на этом хорошие новости и кончаются.

Панноне разлил кьянти по бокалам и перенес их к окну.

— Это не отец Гилби. И не лорд Грешем. Священник прибыл из Лидса, по-моему, это в Йоркшире. Отец Ричардс. Он очень старый человек, этот отец Ричардс. А гость — его брат, Леопольд Ричардс. Леопольд Ричардс смертельно болен. Он приехал в Венецию умирать. Священник же прибыл, чтобы соборовать его. И после похоронить.

21.

Туман. Туман по всей невидимой в шестом часу утра Венеции. Пауэрскорт, чтобы полюбоваться им, выскользнул из отеля через боковую дверь и обнаружил, что двигаться почти не может.

Лев Святого Марка на его огромной колонне, гондолы, мерцающие купола собора — сгинуло все. Осталась только вода. Слышно было, как она монотонно бьет о причалы. Венеция исчезла, думал Пауэрскорт. Да оно и не удивительно. Прежде всего, этот город был слишком фантастичен, чтобы существовать на самом деле. Венеция, ее поразительная красота, каменный ажур Дворца дожей, провозглашающий, что здание это на века останется единственным в своем роде, — Венеция была лишь иллюзией, сценической декорацией. Бог решил прекратить представление и разобрать декорации, и сонмы ангелов ожидают сейчас приказа унести их на крыльях.

День обратился в ночь, ночь тумана, белую ночь. Колоссальное утреннее движение запнулось о мрак, и отовсюду — вблизи и издали — понеслась итальянская ругань. Далеко, в море, сирены испускали ноты опасности и тревоги.

Он протянул руку и прикоснулся к успокоительной колонне Дворца дожей. Может быть, Дворец как раз сейчас уносят вверх. Нечто черное ритмично покачивалось вверх-вниз футах в пятнадцати от него — гондола, замершая на самом краю видимости. Голуби, стаями набившиеся, сложив крылья, в углы здания, начали на пробу облетать площадь Святого Марка. И когда Пауэрскорт повернулся к морю, вернее, туда, где, по его пред-

ставлениям, находилось море, перед ним повис в тумане Мост вздохов, зловеще паря над незримыми водами канала под ним.

Пауэрскорту хотелось, чтобы и мозг его очистился, как очищается от тумана воздух. Он ощущал себя выжатым, события последних двух дней изнурили его. Не стоит ли просто уложиться и уехать домой? Сколько еще сможет он дожидаться здесь человека, который, быть может, никогда и не появится? Не следует ли ему находиться сейчас во Флоренции, на площади Синьория, или заступать на долгую стражу в колоннаде римского собора Святого Петра?

Кот из «Даниэли», гладкий и довольный, приступил к неспешному обходу стоявших у причала лодок. Похоже, Бог передумал. Венецианские декорации опять вернулись к жизни, ангелы разлетелись по новым заданиям, расставив мраморные и каменные блоки по прежним местам.

Пауэрскорт просто не мог ни на что решиться. Он запутался.

Спасение пришло в пору ленча. Утро Пауэрскорт провел во «Флорианс», без какой-либо системы попивая кофе, потом попытался освежить свою латынь с помощью надписей на гробницах дожей в церкви Святых Иоанна и Павла. Сколько же сражений они провели, думал он, в сотнях и сотнях миль от дома, морских сражений с турками, киприотами, греками и снова турками — адмиралы с триумфом возвращались в Венецию, чтобы упокоиться под черным мрамором этого венецианского некрополя, где гордые, кичливые эпитафии на стенах наделяли этих воителей подобием вечной жизни.

Он еще раз написал леди Люси. Написал о своей надежде на то, что когда-нибудь они смогут вместе приехать в Венецию. Написал о впечатлении, которое неизменно производит на него этот город на воде, надгробный монумент великой некогда морской державе. Возможно, в будущем,

когда дни королевского флота будут сочтены, схожий облик обретет и Лондон, писал он, поглядывая на голубей площади Святого Марка, на уходящие в воду стены дворцов, на распад, облекающий огромные памятники подобно истлевшей перчатке.

— Лорд Пауэрскорт! Лорд Пауэрскорт! — Панноне поймал Пауэрскорта на входе в его отель. — Скорее! Скорее! Вы должны немедленно пройти в мой кабинет! У меня есть новости!

Маленький человечек, улыбаясь широко и лучезарно, притащил Пауэрскорт туда, где оба они прошлой ночью ожидали возвращения гондолы.

— Я видел его! Грешема! Наконец-то! Наконец-то!

— Где, мистер Панноне? Вы видели его лично? Во плоти?

— Я же вам говорю. Какой удачный день! Хорошо, так? А теперь дайте мне собраться с мыслями, — он снял со стола очередную стопку листков. — Этим утром донесений к нам поступило больше. О да, донесения поступают безостановочно. И будут поступать, пока я, Антонио Панноне, не скажу свое слово. Среди донесений было вот это, от половины одиннадцатого.

Он помахал одним из листков, и Пауэрскорт увидел, что тот исписан тонким, неразборчивым итальянским почерком и усеян множеством восклицательных знаков. Возможно, они и пишут, как говорят, сказал он себе, — сплошные подчеркивания и размашистость жестов.

— Это донесение, оно говорит, что Грешем в городе, поселился в отеле «Пеллегрини» у вокзала железной дороги. Не очень хороший отель, «Пеллегрини», ему следовало прийти сюда, в «Даниэли». Гораздо лучше, гораздо удобнее, — Панноне грустно покачал головой, словно скорбя о неразумии утраченных им клиентов. — Однако этот официант из «Пеллегрини», он очень умный человек, так я думаю. Он заглянул в книгу регистрации постояльцев. И пожалуйста. Лорд Эдуард Грешем из Уоркшира, остановился на три дня.

Лорд Пауэрскорт, я вам так скажу. Я был взволнован, очень взволнован. Быть может, молодой человек распаковывает вещи, думаю я. Быть может, отдыхает с дороги. Я всегда поступаю так, когда сам путешествую! Скорее в «Пеллегрини»! И вот он! Как раз выходит из парадных дверей, в твидовом костюме и широком плаще!

Пришла новая пачка донесений - молодой лакей, принесший их, почтительно пятясь, отступил к двери кабинета.

— Ага! Ага! Как видите, система работает, лорд Пауэрскорт! Вот он в книжной лавке, покупает путеводители по Венеции и религиозные книги! А вот — во «Флорианс»! У самого синьора Липпи!

Пауэрскорт улыбнулся, вспомнив свое вчерашнее знакомство с быстрейшим из гондольеров Венеции. Как эти сообщения доставляются из одного места в другое? — гадал он. Официанты ли, столь же скорые на суше, сколь синьор Липпи в море, спешно высылаются в город? Или они используют голубей? Птицы, наверное, радуются перемене — не все же им слушать дурацкие арии на площади Святого Марка. Нет, лучше не спрашивать.

— И он только что заказал ленч! Паста, бифштекс, немного картофельного соте, его во «Флорианс» готовят превосходно. Это я говорю вам конфиденциально, лорд Пауэрскорт. Соте во «Флорианс» лучше, чем у нас. Невероятно, но это так. Постойте, а это что? Послание от самого синьора Липпи! «Если желаете, я могу продержать его у нас два часа. Прошу вашего совета».

— Думаю, вам необходимо обдумать дальнейшие ваши действия, мой лорд. Возвращаясь из «Пеллегрини», я размышлял над тем, что мы взялись за это дело не с той стороны. Мы не запоздали с поисками лорда Грешема, как всем нам казалось. Мы поторопились с ними! Возможно, он путешественник обстоятельный. Возможно, он приехал сюда из Вероны с ее любовниками и Виченцы с ее построенной Палладио ратушей. Возможно, заезжал в Падую, посмотреть Джотто в Каппелле Скровеньи. Все возможно.

Пауэрскорт весьма и весьма сомневался в том, что Грешем успел побывать в Вероне. Навряд ли Ромео и Джульетта обладали для лорда Эдуарда Грешема большой притягательностью.

— Мистер Панноне, это просто чудо! Чем я могу отблагодарить вас?

Пауэрскорт обнаружил вдруг, что уже вскочил из кресла и обнимает маленького итальянца. Объятия завершились поцелуями в обе щеки.

— Так вот. Следующий этап будет трудным. Трудным для меня, — Пауэрскорт отошел к окну. Сан-Джорджо был виден теперь очень ясно, яркое солнце играло на воде. Прямо за углом, невидимый отсюда, лорд Эдуард Грешем, должно быть, уже приступал к бифштексу, заедая его великолепным картофельным соте «Флорианс». Не пойти ли и не переговорить с ним сейчас? — Мистер Панноне, я думаю, мне снова понадобится ваш совет.

— Лорд Пауэрскорт, дорогой мой лорд Пауэрскорт, я не стремлюсь узнать, в чем состоит ваше дело. Однако я вижу, как тревожно у вас на душе. Этот разговор, я думаю, очень важен для вас. Скажите, молодому человеку так же не терпится увидеть вас, как вам его?

— Очень и очень сомневаюсь в этом. Уверен, что он вообще видеть меня не желает.

— Я так и полагал. То есть встречаться с ним сейчас вам не хочется. Во «Флорианс».

— Пожалуй что нет. Там слишком много людей.

— И приглашать его отобедать с вами нынче вечером вам тоже не хочется. Я имею в виду — сейчас. Вы опасаетесь, что он может почуять неладное и ускользнуть.

— Да, вот именно. Он может почуять неладное и ускользнуть.

— Я извещу об этом запиской синьора Липпи. Итак, лорд Пауэрскорт, мы прошли большой путь. Мы отыскали нужного вам человека. Теперь нам следует придумать способ свести вас с ним. Мы могли бы схватить его во «Флорианс» и доставить

сюда, чтобы он волей-неволей побеседовал с вами. Однако это может сильно настроить его против вас. И, возможно, он вообще не пожелает разговаривать с вами.

Панноне направился к двери, чтобы послать записку синьору Липпи.

— Я через миг вернусь. Донесения будут поступать по-прежнему. У нас есть три дня до его отъезда из Венеции — если, конечно, он не решит, что «Пеллегрини» слишком ужасен, и не уедет раньше. Итак, за эти три дня нам надлежит составить план.

Пауэрскорт беспокойно расхаживал по кабинету взад-вперед. Снаружи поблескивала под зимним солнцем Венеция, приезжие выстраивались в очередь у Дворца дожей или рассаживались по баркасам, чтобы отплыть по синим водам к далеким островам Бурано и Точелло. У меня есть лишь один шанс, думал Пауэрскорт. Лишь один. Если он не сработает, надежда раскрыть тайну почти умрет. Он способен высказать очень правдоподобную догадку о том, кто убил принца Эдди, однако она так догадкой и останется.

— Лорд Пауэрскорт! По-моему, нам сегодня очень везет! Смотрите, еще одно донесение от самого синьора Липпи! Во «Флорианс» вокруг вашего лорда Грешема подняли великую суету. Они послали к нему старшего официанта, который лучше всех говорит по-английски, и тот под конец ленча побеседовал с молодым человеком. Этот их старший официант некоторое время работал в Нью-Йорке. Так что говорит он по-американски. Но неважно. Наш старший официант, здесь, в «Даниэли», он успел поработать и в Лондоне, и в Париже. Это, я думаю, намного лучше.

Как бы там ни было, этот старший официант, он спросил лорда, не желает ли тот заказать на вечер столик, чтобы отобедать. И лорд пожелал! Он вернется туда в семь тридцать! Это всего в двухстах ярдах отсюда!

Пауэрскорт не разделял энтузиазма маленького человечка. Нежелание предпринимать что бы то ни было накатывало на него, подобно сонной болезни.

— Вы понимаете, мой лорд? Я уже довольно давно думаю — отдельный номер, вот что нам нужно. Обед на двоих, свечи, хорошие вина, изысканные блюда, горит камин, и все счастливы. Я думаю, в такой обстановке у людей развязывается язык. Надеюсь, мне удастся устроить это у нас, в «Даниэли». Здесь немало изысканных отдельных кабинетов для джентльменов, появляющихся с дамами, которые не приходятся им супругами, — Паннона пожал плечами, словно снимая с себя какую бы то ни было ответственность. — Впрочем, такие кабинеты имеются и на верхних этажах «Флорианс». Итак, вы, словно бы случайно, сталкиваетесь с лордом Грешемом на пьяцца. Небольшая беседа. Не пообедать ли нам вместе? Да, но я заказал во «Флорианс» столик на одного. Закажем на двоих. Что может быть проще? Нет?

Пауэрскорт задумался. Нет, не хотел он связывать себя какими ни на есть обязательствами. Не сейчас. Не в это время. А может быть, и ни в какое иное.

— Или же, мой лорд, мы можем оставить за вами отдельный кабинет здесь. И вы пригласите его отобедать с вами. Разве это не хороший план?

Пауэрскорт по-прежнему выглядел как человек, ничего решительно предпринимать не желающий. Он беспомошно улыбнулся Панноне. Маленький итальянец улыбнулся в ответ.

— Вам требуется время, чтобы обдумать все, мой лорд. Я покину вас ненадолго. Устрою все во «Флорианс». Устрою все здесь. Да и в отеле у меня имеется несколько мелких дел. Но я вернусь, мой лорд. Поразмыслите надо всем как следует.

Дело не в том, что я боюсь, сказал себе Пауэрскорт. Однако он так долго обдумывал все это, а теперь оно навалилось на него с великой поспешностью. Взяв его врасплох. Ошеломив.

И все-таки Пауэрскорт решился. Два воспоминания подвигнули его на это. Обещание, данное им мертвому Ланкастеру, – обещание быть навек верным его памяти. И прозвучавший в его ушах голос Джонни Фицджеральда: «Никогда не сдаваться, Фрэнсис, никогда не сдаваться. Ты сам так всегда говорил. Даже у подножия той чертовски высокой горы в Индии».

Всю вторую половину дня Панноне приносил Пауэрскорту новые донесения о перемещениях лорда Эдуарда Грешема по городу.

Тот побывал в соборе Святого Марка, разглядывал там потолки. Побывал во Фрари* — смотрел Тицианово «Успенье Богородицы». Обошел береговой участок между Дорсодуро и островом Джудекка. Теперь направляется к мосту Риальто.

— Отлично. Отлично, — сказал в половине пятого Панноне. — Думаю, это означает, что он возвращается в отель. Возможно, немного отдохнет там перед обедом. Итак, лорд Пауэрскорт. Вы уверены, что хотите исполнить наш план? Да?

— Совершенно уверен, — ответил Пауэрскорт. — Лучшей возможности нам не представится.

— Мне кажется, вы приобретаете сходство с игроками нашего казино. Ставите все на красное.

Золотое солнце садилось над Большим каналом, омывая красками купол Салюте. За куполом сверкала в закатном свете вся остальная Венеция. Для Пауэрскорта она вновь стала городом чернобелым — гравюрой, ожидающей возможности обратиться в писанное маслом полотно.

— Давайте посмотрим, лорд Пауэрскорт, чем мы можем помочь вам. Этим вечером мы на недолгое время расставим кое-кого из наших официантов по улицам. Пусть подежурят под открытым небом. Боюсь, обслуживание в некоторых ре-

* Собор Санта-Мария Глориоза деи Фрари — одна из немногих готических церквей Венеции

сторанах отчасти замедлится. Сюда, сюда, — он увлек Пауэрскорта к висевшей на стене карте Венеции. — Вот здесь у нас пьяцца Святого Марка — огромное пустое пространство внизу карты. На южном краю площади, в середине его, мы видим «Флорианс». За углом от него, вот здесь, у воды, стоит «Даниэли». Выше — к северу, за площадью, находится «Пеллегрини». Мы надеемся, что лорд Грешем придет отсюда. Ну-с, лорд Пауэрскорт, всякий, кто знает Венецию и направляется от «Пеллегрини» к «Флорианс», пойдет мимо Риальто и затем здесь, по Мерсери, — палец Панноне прошелся по воображаемому маршруту Грешема, — и выйдет сюда, к верхнему северному концу площади. Однако людям свойственно то и дело сбиваться с пути. Поэтому он может пойти по Калле Спечиери и выйти на площадь в точке еще более высокой. А может пройти по Калле деи Фаббри и оказаться вот здесь, — Панноне вновь ткнул в карту пальцем, — почти напротив «Флорианс». — Он может даже забрать еще дальше на запад и выйти на площадь в противоположном от Мерсери углу.

Однако взгляните, лорд Пауэрскорт. Каким бы путем он ни шел, он выйдет на противоположную от «Флорианс» сторону площади. И потому ему придется пересечь пьяцца. Так что мы расставляем наших официантов у каждого из северных выходов на площадь. И они подают сигнал еще одному официанту, который займет позицию вот здесь, перед кампанилой. На нем будет шляпа гондольера, так что вы легко его узнаете, да? Этот человек, который в шляпе гондольера, посылает сигнал вам. Вы, мой лорд, стоите сбоку от Святого Марка, у двери Дворца дожей. Вам видна вся площадь. Маловероятно, что человек, подходящий с севера, через один из прикрытых официантами проходов, заметит вас. Вы получаете знак, выходите на пьяцца и встречаетесь с лордом Грешемом. Мы все будем молиться за вас, да? И предполагаем молиться всю ночь.

Маленький человечек рассмеялся.

Пауэрскорт разглядывал свой скромный гардероб. Надо было выбрать что-то подходящее еще в Лондоне, что-то умеренное, успокоительное. Только не этот темный костюм, в нем он будет походить на полицейского. И не этот серый — тот же полицейский, только не на службе. Остается коричневый. У него хотя бы вид не слишком угрожающий. И синяя сорочка. Синюю сорочку может носить кто угодно. Так, а его-то он с собой взял? Взял. Галстук старого итонца, разменная монета, все еще сохраняющая ценность, даже в Италии. Особенно на площади Святого Марка, где можно рассчитывать на встречу с бывшим однокашником. Быть может, директор школы обрадовался бы, узнав, что прежние его ученики то и дело сталкиваются один с другим по всему этому городу.

Шесть тридцать. Скоро пора будет выходить. А плана у него все еще нет. Правда, он продумал разговор — такой, что может, как ему казалось, стать не самым острым и опасным. Ваша матушка, леди Бланш Грешем. Я не так давно виделся с ней. Она хорошо выглядит. Этого всегда хватает на минуту-другую — люди рассказывают друг другу всякие страсти о своих матерях. Вера. Дорога в Рим. Собственно, я и сам нередко об этом подумываю. Луиза. Мои соболезнования человеку, также, как и я, лишившемуся жены. Да простит меня Бог, Каролина.

Шесть сорок. Стук в дверь.

— Он еще не покинул отель, наш лорд Грешем. По-прежнему в «Пеллегрини», — Панноне выглядел почти таким же озабоченным, как Пауэрскорт. — Официанты расставлены по местам. Ночь ясная. Значит, им все будет видно. Иногда тут бывает так сумрачно, что лорд Грешем мог бы пройти вплотную к вам, а вы бы его даже не узнали. Я осмотрел во «Флорианс» номер, отведенный для вашего обеда. Он не столь хорош, как наш, однако вполне приемлем. Вы постараетесь убедить его прийти сюда, лорд Пауэрскорт? Я чувствовал бы в этом случае, что все под контролем, понимаете?

Пауэрскорт заверил управляющего, что приложит все усилия, чтобы вернуться в «Даниэли».

Без пяти семь.

— Не пора ли мне выходить, мистер Панноне? Как вы считаете?

— До вашего поста, лорд Пауэрскорт, всего две-три минуты ходьбы. Однако запаздывать не стоит. Во всяком случае, сегодня, я так думаю.

Семь. Как громко ударили колокола. Пауэрскорт даже подпрыгнул. Ну конечно, вспомнил он. До них, до этих колоколов, висящих по другую сторону собора Святого Марка, отсюда всего сотня ярдов.

За спиной его располагались Дворец дожей, пьяцетта, соединяющая площадь Святого Марка с берегом, и темные воды лагуны. Слева лежал огромный прямоугольник площади, пустынной в этот час, лишь несколько туристов сидели на ней за столиками в ожидании ужина. С моря поддувал холодный ветерок. Справа возвышался очередной лев, на сей раз ученый, с Евангелием между лапами. Pax Tibi Marce. Мир да пребудет с тобой, Марк. Аминь, подумал Пауэрскорт, слегка подрагивавший от холода и нервозности.

Десять минут восьмого. Без всякого предупреждения объявился мистер Панноне. Должно быть, он прошел вдоль собора, там, где света было меньше всего.

— Все готово. Он еще не покинул «Пеллегрини». Возможно, он из быстрых ходоков. Видите человека вон там, у кампанилы? В шляпе гондольера? В шляпе-то вся и суть, мой лорд. Когда он будет знать, что лорд Грешем вот-вот выйдет на пьяцца, Сандро, так его зовут, махнет шляпой. Махнет направо, значит, Грешем придет по Мерсери, перед собой — лорд Грешем выйдет посередине, с Калле деи Фабри, налево — выйдет в самом низу площади. Хорошо?

— Хорошо. Очень хорошо, — ответил Пауэрскорт.

Праздно застывшие на маленьких мостах, переминающиеся в ожидании у витрин магазинов в

концах улиц, читающие меню в освещенных окнах ресторанов, официанты мешкали в ожидании своей добычи. Взмах рукой, посланный на другой конец улочки, приподнятая шляпа, иногда посвист — и по извилистым венецианским улицам полетит заветное слово. Лорд Грешем приближается. Таким-то путем.

Двадцать минут восьмого. Площадь Святого Марка практически опустела. Даже голуби, безжалостные пожиратели отбросов дня, покинули ее. Это сцена, думал Пауэрскорт. Как назвал эту площадь Наполеон? Изящнейшая гостиная Европы, вот как. Однако сегодня она была не гостиной. Сегодня она была самой большой в Венеции сценой, ожидающей спектакля, который разыграют на ней двое мужчин. Актеры уже на подходе. Зрители ждут, вглядываясь сквозь окна закопченных домов, во «Флорианс» и «Квадрис», стоящие по другую сторону площади, — в ложах еще остались свободные места, стоячие только на крыше собора, рядом с четверкой львов. Хороший обзор. Холодновато, правда. Зато дешево.

Панноне исчез. Гондольерская шляпа Сандро неподвижно маячила под колокольней. Лишь подойдя совсем близко к нему, можно было заметить, что глаза его раз за разом описывают дуги, пробегаясь по дальнему краю площади, — совершенно как луч маяка, только быстрее. Почти не моргая при этом.

Семь тридцать. Может быть, он вообще не придет, думал Пауэрскорт. Взял да и струсил. Или слишком устал. Или учуял неладное. И решил поужинать в «Траттории Мадонны» или в «Приюте гондольера». А то и в своем отеле.

Дирекция театра весьма сожалеет. Деньги, уплаченные за билеты на спектакль, можно получить в фойе театра. Примите наши искреннейшие извинения, леди и джентльмены, но представление отменяется.

Мистер Панноне ждал, сидя за письменным столом своего кабинета. Он уже вынюхал немалую понюшку табаку. Он был генералом, ожида-

концим известий с поля сражения. А никаких известий не поступало. Известия выдохлись. Он подошел к окну, глянул поверх вод лагуны, мысленно обшаривая улицы и окольные подходы к площади Святого Марка. Где же лорд Грешем? Или лорд Пауэрскорт оказался все-таки прав? Вон он стоит под львами, замерев в ожидании, напряженный, почти больной. Как там писал Роузбери? У него очень трудная работа. Прошу вас, позаботьтесь о нем.

Без двадцати восемь. Может, мне следует помолиться? — думал Пауэрскорт. В конце концов, до собора, заполненного пиратской добычей, отсюда рукой подать. Нет, решил он, Бог этого не одобрит. Стайка престарелых монахинь переходила площадь, сгибаясь под ветром, как если б грехи мира были этим вечером особенно тяжки. Голуби расступались перед ними. Морщинистые пальцы монашек медленно перебирали четки в запоздалых вечерних молитвах, произносимых в самом сердце Венеции.

Шляпа гондольера! Она наконец пришла в движение! Шляпа Сандро, стоящего под кампанилой, указывала направо. Стало быть, Грешем подходит все же по Мерсери. Наконец-то. Пауэрскорт обнаружил, что ноги его дрожат. Спокойнее, сказал он себе, спокойнее. И пошел к центру площади Святого Марка, навстречу лорду Эдуарду Грешему, прежнему конюшему убитого принца Эдди, покойного герцога Кларенсского и Авондэйлского.

За собой он услышал топот бегущих ног. Сандро, Сандро-шляпоносец на полной скорости несся к отелю «Даниэли». К мистеру Панноне, чтобы сообщить ему — спектакль начинается. С пятнадцатиминутным — всего только — опозданием.

22.

Занавес поднимается, думал Пауэрскорт. Зрители расселись по местам. Суфлер ждет за кулисами. Если я возьму чуть вправо, то, меньше чем через минуту, смогу заговорить с Грешемом. Превосходная, должно быть, картина откроется зрителям два главных действующих лица в самой середине площади. Весь мир театр, все мужчины и женщины — просто-напросто актеры.

— Лорд Грешем? — спросил Пауэрскорт, словно бы неуверенный, что узнает мужчину в длинном черном плаще.

Молодой человек окинул площадь отчаянным взглядом. Он еще успел краем глаза приметить Сандро-шляпоносца, скрывающегося за углом Дворца дожей.

Лорд Грешем! Это вы! Как мило встретиться здесь с вами. Надо же, какой приятный сюрприз.

Не страх ли мелькнул в глазах Грешема? Тот снова огляделся, как бы помышляя о бегстве. Площадь велика, спрятаться негде.

Грешемы не плачут. Грешемы не убегают.

— Лорд Пауэрскорт! Боже мой! Да еще и здесь, посреди Венеции. Рад снова видеть вас.

Не уверен, сказал себе Пауэрскорт, совсем не уверен. Дядюшка, подумал он, я — дядюшка, старый друг семьи. Так значится в пьесе.

— Вы, полагаю, приехали, как и я, чтобы отдохнуть, лорд Грешем. Венеция всего прекраснее зимой.

Я отдыхаю, думал Пауэрскорт, я здесь не по делу, какое там. И уж определенно не провожу расследование, не ищу убийцу — не здесь же, на площади Святого Марка искать его.

— Но пойдемте, мой дорогой Грешем, я рад, что мне не придется сегодня обедать лишь в собственном обществе. А то чувствуешь себя немного одиноко. Вы не присоединитесь ко мне? Я остановился в «Даниэли» — это там, за углом.

— Вы очень добры, лорд Пауэрскорт. Но я уже заказал столик во «Флорианс». Заказал на одного, однако не сомневаюсь, у них найдется место и для двоих.

— Вы уверены? «Даниэли» очень приятный отель и кухня у них хорошая...

— Видите ли, я сегодня завтракал во «Флорианс» и все были так милы со мной. Не хочется их подводить.

Спустя пару минут они уже входили во «Флорианс». Грешем, едва войдя, резко повернулся на каблуках, снова оглядывая и оглядывая пустую площадь.

Пока все идет хорошо, думал Пауэрскорт.

Еще один посланец скрылся за углом, направляясь к морю. Служба вестовых синьора Панноне работала в полную силу.

— Лорд Грешем, — в дверях их встретил сам синьор Липпи, чьи серебряные кольца выглядели этим вечером особенно яркими. Гондольер. — За ленчем вы были один. И вот вас уже двое! — он испустил смешок. — У нас здесь сегодня большое семейное торжество. Будь вы один, мы разместили бы вас в круглом кабинете, там, в глубине зала. Но раз уж вас двое, отведем другой кабинет, наверху. Там вас не будет тревожить шум, поднятый семейством Морозини. К тому же, оттуда открывается вид на площадь.

Кабинет был обит темно-синей тканью с золотой искрой. По стенам его висели изображения венецианских церквей. Шторы были раздернуты, за окном уходила в ночь огромная площадь. Возможно, зрителей там поприбавилось, подумал Пауэрскорт, особенно на лучших местах.

Он внимательно вглядывался в молодого человека, лицо которого освещалось теперь свечами. Это был не тот Грешем, с которым Пауэрскорт

познакомился и побеседовал в Сандринхеме. Венецианский Грешем выглядел так, точно он того и гляди развалится на части. Воротничок был пристегнут криво. Побрился он без особого тщания, оставив на горле пучок щетины. Глаза казались диковатыми.

— Вам приходилось прежде бывать в Венеции, лорд Грешем? — светским тоном осведомился Пауэрскорт.

— Приходилось. Правда, всего лишь раз. Но я так полюбил ее, что всегда хотел вернуться сюда.

Это он был здесь с матерью, сказал себе Пауэрскорт, в шестнадцать лет.

— А вы часто наезжаете сюда, лорд Пауэрскорт? Хорошо знаете город?

— Готовы что-нибудь заказать, джентльмены?

При появлении официанта с меню Грешем вздрогнул.

— Пожалуйста, не торопитесь, прошу вас.

В голосе главного официанта, кружившего вокруг их стола, слышалось эхо Манхэттена. Это, должно быть, тот, что ездил в Америку, подумал Пауэрскорт, уступавшую, по мнению мистера Панноне, Лондону и Парижу.

— Джованни! — лорд Грешем улыбнулся. — Рад видеть вас снова. Это лорд Пауэрскорт. Он тоже англичанин.

Официант поклонился. И принял заказы.

«Antipasto di Frutti di Mare», несколько минут спустя читал у себя в кабинете Панноне, салат из даров моря, в виде начальной закуски. Мозг его автоматически переводил все итальянские меню на английский. Затем «Brodo di Pesce», рыбный суп, «Risi e Bisi», ризотто, приправленное горохом и ветчиной, два «Faraona con la Peverada», цесарка с особой подливой. Бутылка «Шабли» для начала. Вдогон ей лорд Пауэрскорт заказал две бутылки «Шатонеф-дю-Пап». К цесарке в самый раз. Панноне припомнил свой разговор с синьором Липпи, состоявшийся в начале этого вечера.

«Эти англичане, по-моему, пьют намного больше нашего. Я давно к ним приглядываюсь. Вам тоже стоит приглядеться к ним, синьор Липпи. Так вот, я думаю, в молодого человека неплохо бы влить побольше вина, и с самого начала. Быть может, это развяжет ему язык. И, быть может, он расскажет лорду Пауэрскорту все, что тот хочет узнать».

— Вы спросили, хорошо ли я знаю Венецию, лорд Грешем. Я бывал здесь множество раз. И все же не решусь утверждать, что знаю ее хорошо. Я и поныне, гуляя по городу, раз за разом сбиваюсь с пути. Не думаю, что кто-либо способен хорошо узнать Венецию. В ней слишком много сюрпризов.

— Я понимаю, о чем вы, — отозвался Грешем, вглядываясь в украшающую морской салат большую клешню омара. — Однако я думаю, что и устать от нее невозможно. О, большое спасибо.

Джованни, американский официант, второй раз наполнил бокал Грешема. «Шабли» так хорошо идет под рыбу.

— Вы побывали во всех этих церквах? Я о тех, что висят здесь по стенам, — Пауэрскорт неторопливо продвинул по доске свою религиозную пешку.

— Я отстоял мессу в Святом Марке. Это потрясающе. И заходил сегодня после полудня в деи Фрари. — Грешем не отрывал глаз от зеркала, висящего над головой Пауэрскорта.

— Простите мой вопрос, — сказал Пауэрскорт, расчленяя ярко-красного краба, — вы верующий? Я хочу сказать — католик? Мне всегда казалось, что для человека, принадлежащего к этой вере, службы ее должны означать нечто куда больше, чем для других.

— О да, о да, — ответил Грешем, расправляясь с последними креветками. — Я действительно верующий, католик то есть. Я принял эту веру пару лет назад. Она многое для меня значит.

— Я часто размышляю о ней, — сказал Пауэрскорт. — В наши дни столь многие совершают

путешествие в Рим. Это трудно? Я насчет обращения.

В общем и целом — да, — с выражением ветерана веры ответил молодой человек. Тарелки уже унесли. Разложили чистые приборы. От «Шабли» почти ничего не осталось. — Но с другой стороны, нельзя ожидать, что истинная вера дастся тебе легко, не правда ли? Я страшно поссорился с матерью. Она не могла понять, зачем мне это нужно. И не пришла на церемонию моего посвящения в новую веру. Священник сказал, что, в конце концов, она все поймет. Я же думаю, что конец этот еще очень не близко.

Грешем мрачно усмехнулся. Остатки «Шабли» переместились в его бокал. Ризотто и рыбный суп пришли на смену скелетам морских тварей. А он так все и вглядывался в зеркало.

— Со мной это произошло после смерти жены. Тогда я и начал подумывать о переходе в католичество, — на сей раз Пауэрскорт передвинул по доске коня — или это был слон? — Ужасное было время. Мне и вправду требовалось тогда то, что принято называть утешениями веры. Я посещал тогда службы, самые разные, по всему городу. И во множестве англиканских мне казалось, что священники просто произносят слова, не более того. Нет, слова-то были прекрасные, по-настоящему прекрасные. Однако я думал в ту пору, что для людей, которые их произносят, слова эти мало что значат. Как вам суп?

Соблюдение приличий прежде всего. Хорошие манеры — вот наш последний оплот. Мы же британцы, не так ли? Старые итонцы, все до единого.

— Суп великолепен. Да и ризотто, заказанное вами, тоже выглядит превосходно. Но скажите, лорд Пауэрскорт, давно ли скончалась ваша жена?

Стая голубей пронеслась мимо окна, устремляясь в места поспокойнее. Поднявшийся ветер гнал по площади дневной сор.

— Каролина? — произнес Пауэрскорт, катая по тарелке последние горошины ризотто. — Каролина умерла семь лет три месяца и пять дней на-

зад. — Молчание повисло над столом. — Она погибла при крушении судна. Утонула. И наш сын вместе с ней. Ему было всего два года.

На краткий миг Пауэрскорт возненавидел себя. Возненавидел за то, что использует все это как силки, расставленные на молодого человека, не сознающего, что доверительность отрепетирована, что душевные признания — это не более чем тактический ход. Он взглянул на площадь, теперь уж совсем пустую. Я написал бóльшую часть этой пьесы, сказал он себе. Я сам сочинил ее и должен идти до конца.

— И после стольких лет вы все еще помните тот день, — произнес, откидываясь в кресле, Грешем. Официанты вновь убирали со стола посуду и приборы.

— Лорд Грешем, лорд Пауэрскорт. Теперь у нас цесарка, овощи и немного салата. Мы же ненадолго покинем вас. Прошу вас, не забывайте о красном вине. Оно слишком хорошо, чтобы оставить его невыпитым. — Джованни низко поклонился и закрыл за собой дверь.

Новое послание понеслось в «Даниэли». С первыми двумя переменами блюд покончено. Серьезный разговор. Далеко не веселый. Молодой человек слишком быстро пьет. Панноне добавил это послание к пачке других и мрачно уставился на море.

— Да, верно, тот день я помню, — печально произнес Пауэрскорт. — Думаю, и вы не забыли бы такое. Просто не смогли бы.

— У меня тоже умерла жена, лорд Пауэрскорт. В прошлом году. Четырнадцатого июня. И этот день я буду помнить всегда.

— Простите, простите, — мягко сказал Пауэрскорт, подливая Грешему красного вина.

— Мы были так счастливы с Луизой, — Грешем рассеянно пережевывал цесарку. — Она тоже была католичкой. Я потому и перешел в эту веру. Луиза сказала, что родители благословят ее замужество, только если она выйдет за католика. Какая она была красивая, лорд Пауэрскорт, какая кра-

сивая. В первую же минуту, едва увидев ее, я понял, что она должна стать моей женой. Знал, что мы будем счастливы вместе, — Грешем, сам того не замечая, прихлебывал красное вино, взгляд молодого человека был теперь устремлен вовнутрь, в какие-то его глубоко личные воспоминания.

— Как вы потеряли ее? Если, конечно, вопрос мой не представляется вам бесцеремонным? — Пауэрскорт старался говорить по возможности мягче. Именно сейчас все может сложиться плохо. Очень плохо.

— Это долгая история. Вы не против долгих историй?

Пауэрскорт взмахнул рукой, обведя ею кабинет и вид за окном. Пожалуйте в исповедальню, подумал он. «Да смилостивится Господь над грехами вашими».

— Мой дорогой лорд Грешем, ночь только еще началась. А время в Венеции почти ничего не стоит. Его здесь скопилось уже так много. Продолжайте, прошу вас.

Молодой человек наполнил свой бокал.

— Незадолго до нашей женитьбы мы, я и Луиза, познакомились с принцем Эдди. Не помню, где это было. Да теперь оно и не важно. Совсем не важно. Как бы там ни было, после нашей женитьбы он часто у нас появлялся. Просто сваливался нам на голову. Иногда оставался на несколько дней. Думаю, он тоже немного влюбился в Луизу. Я к тому, что все влюблялись в нее. Она была так прекрасна.

Пауэрскорт подлил себе «Шатонеф-дю-Пап». Не это ли вино использовали они многие годы при своих службах — авиньонские Папы? Тело и кровь Христовы, возросшие на папских виноградниках. Когда только будете пить, в Мое воспоминание*.

— Временами он приезжал, когда я был в полку. Ну, вы знаете, маневры, учебные лагеря и тому подобное, — Грешем слегка содрогнулся. Он продолжал уничтожать ногу цесарки, не отрывая при

---

* Первое послание к Коринфянам, 11, 25.

этом глаз от стенных обоев. — Вот так он приехал пожить у нас и в прошлом году, в мое отсутствие. У меня ушло четыре месяца на то, чтобы выяснить, что же тогда произошло — я хочу сказать, что произошло на самом деле. Понимаете, в то время в доме у нас жил, кроме Луизы, только один человек. Когда все это случилось. Горничная. И она сбежала. Скрылась. Исчезла с поверхности земли, словно ее и не было никогда. Я искал ее повсюду. Искал в доме ее родителей, в йоркширской деревушке, из которой она происходила. Смешно, но ее тоже звали Луизой. Луиза Пауэлл. Из Йоркшира.

Грешем замолк, уставившись в огонь. Снаружи, на площади, замерли зрители. Они зачарованы, думал Пауэрскорт. Сам он молчал.

— Потом я в один прекрасный день столкнулся с ней на Тоттнем-Корт-Роуд. Совершенно случайно. Она переменила имя. И не удивительно. После того, что произошло, никто не захотел бы зваться Луизой. Она рассказала мне все в одной из маленьких чайных, которых немало в тех местах. Кошмарные булочки. Жуткий, помнится, чай, просто жуткий. Мне пришлось пообещать ей пятьдесят фунтов. Господи, да я бы и пятьсот отдал.

Пауэрскорт наклонился, пополнил бокал Грешема — выражая сочувствие по поводу выпавшей тому необходимости пить жуткий чай. Он так и не произнес ни слова.

— А произошло вот что. Это рассказ Луизы, Луизы Пауэлл, Луизы из Йоркшира. Не Луизы прекрасной. Не девушки, на которой я женился. Моей Луизы.

Пауэрскорт подумал, что молодой человек того и гляди расплачется. Впрочем, Грешемы не плачут, вспомнил он. Им не положено.

— Элди несколько дней увивался вокруг нее. Думаю, он не знал, что Луиза носит ребенка. Дом, в котором мы жили, стоял на склоне холма. И на задах его, там, куда выходила дверь гостиной, была длинная ведущая в сад лестница. Луиза так любила сады. Она многое знала о цветах и иных

растениях. Между ними случилась ссора, между Луизой и Эдди. Другая Луиза слышала, как они кричали друг на друга. Моя Луиза повторяла «нет», очень громко, не один раз. Другая Луиза пошла, чтобы посмотреть, не удастся ли ей их успокоить. Знаете, «не перед слугами» и так далее.

Она видела, как Эдди с силой толкнул Луизу. И толкнул еще раз. Служанка думает, что слышала, как Эдди кричал на нее. Моя Луиза разбила голову о последние ступени — так, что у нее треснул череп. Вот и все. Она погибла. Ребенок тоже погиб. А Эдди сбежал. И другая Луиза сбежала. Да я и сам бегу. С тех пор. Со дня, когда Эдди убил ее. «Зато его распутство — это бездна». «Макбет», слова Малкольма из четвертого акта. Я играл его в школе. Я лишь немного переменил их, так будет точнее:

...повинен
Во всех грехах, имеющих названья.
Зато его распутство — это бездна.
У вас не хватит жен и дочерей,
Матрон и дев, чтоб доверху наполнить
Сосуд моих нечистых вожделений[*].

Вот только к списку принца Эдди, подумал Пауэрскорт, можно добавить еще сыновей и мужей. Право сеньора. Эдди столько лет видел перед собой пример отца. Бери то, что хочешь взять. Шагом марш в постель принца Уэльского, таков королевский приказ.

Вся-то и разница, что в сосуде принца Эдди бултыхались еще и мужчины.

Пауэрскорт думал о молодом Грешеме, выходящем на сцену, — на сцену самого большого в Венеции зала. Думал о двенадцатилетнем Ланкастере, читавшем строки Байрона о павших. Ланкастер тоже оказался в их числе. Как много мертвых тел!

Молодой человек уставился теперь на Пауэрскорта. Глаза его опять стали дикими. Потом он

[*] Пер. Ю. Корнеева.

перевел взгляд на площадь. Молчание затопило маленький кабинет с темно-синими, обрызганными золотом стенами.

— А знаете, лорд Пауэрскорт, за мной ведь присматривают с той минуты, как я оказался в Венеции. Вон там, за зеркалом над вашей головой, сидит кто-то и следит за каждым моим движением.

Пауэрскорта спасло возвращение Джованни.

— Вы позволите убрать все это? Понравилась вам цесарка? Прекрасно. А теперь, джентльмены, через несколько секунд — фрукты и немного шоколадного десерта? У нас нынче вечером очень хороший лимонный торт, это специальность нашего повара. А следом кофе? И по капельке граппы к нему?

— Зеркало, лорд Пауэрскорт, — официант еще не успел закрыть дверь. — Человек, который следит за нами. Мне кажется, я разглядел его лицо, когда нам принесли первое блюдо. На нем беспощадные глаза — на лице, хотел я сказать. Как будто нынче Судный день.

И там их тоже хватает, — Грешем подскочил к окну и распахнул его, испугав стайку пролетавших мимо голубей. — Там их еще больше. И все следят за мной. Только не говорите, что мне все это чудится, лорд Пауэрскорт. В моем маленьком номере — в отеле «Пеллегрини» — есть такой альков. Так и в его глубине тоже сидят какие-то люди — высматривая, вслушиваясь. Я накричал на них, когда уходил. Но, думаю, им это решительно все равно. Они по-прежнему там.

Боже милостивый, подумал Пауэрскорт. Бедняга сходит с ума. Он и до того-то, как приехать сюда, был не в себе. А официанты Панноне и вовсе подтолкнули его к самому краю безумия.

— В Венеции, лорд Грешем, любому человеку что-нибудь да привидится. Я бы на этот счет не тревожился. Пойдемте, я провожу вас до отеля.

Пока они выходили на площадь, Грешем говорил безостановочно, как будто сдержать себя был уже не способен. Говорил о зеркале, о лицах, которые следуют за ним по улицам Венеции, о золо-

тых крапинах на обоях, свивающихся в шипящих на него змей. Когда они вышли, наконец, под открытое небо, холодный ночной воздух вроде бы немного успокоил его. Площадь была пуста, кампанила парила в ночи, четверка львов на соборе Святого Марка приготовлялась отправиться по крышам города на ночную охоту.

Боковым зрением Пауэрскорт приметил двух официантов, ускользавших на другой стороне площади по Мерсери и Калле деи Фаббри. Грешем же крикнул вслед их исчезающим силуэтам:

— Вот они! Вот! Я же говорил!

Он понесся по камням площади, стены отзывались эхом на дробь, выбиваемую его ногами. Пауэрскорту удалось отыскать его лишь несколько минут спустя — задыхающимся у двери отеля.

— Удрали, ублюдки. Ублюдки. Ничего, я с ними сквитаюсь. Сквитаюсь. И еще как.

Вдвоем они медленно пошли по узкой улице. В конце ее был поворот налево, маленький мост, за ним другая улица, Калле деи Фаббри. Они уже прошли три четверти пути, когда из проулка неторопливо выставилось чье-то лицо. Увидев приближающихся мужчин, оно исчезло.

Грешема опять прорвало.

— Вернись! Вернись! — отчаянно завопил он, понимая, что поймать удравшего ему не удастся. Он вихрем помчался вперед, заглядывая в кривые проулки, уходящие в Большому каналу.

— Лорд Грешем, перестаньте, перестаньте. Думаю, вам следует отдохнуть. Вот, наконец, и отель «Пеллегрини». Почему бы вам не заглянуть ко мне завтра утром, в «Даниэли», часов в одиннадцать? Утро вечера мудренее. И мы придумаем, как нам провести день.

Пауэрскорт смотрел, как Грешем входит в отель, как заботливый ночной портье снимает с него пальто и провожает молодого человека до номера.

Возвращаясь назад, к морю, он вспоминал огромное кирпичное здание в Морнете, стоящее наособицу от домов города и заполненное изолиро-

ванными палатами для безумцев. «Приют умалишенных графства Нортемберленд», битком набитый людьми, которых посещают видения -- змеи в стенной обивке, зеркала с глазами. Набитый Грешемами, грустно думал он, бродящими по длинным коридорам, и докторами со смирительными рубашками в руках, докторами, стремящимися защитить несчастных от демонов, поселившихся в их головах.

Это забег на скорость, сказал он себе.

Забег между моей способностью добиться от Грешема исповеди. Если у того есть в чем исповедоваться. И способностью Грешема спятить.

23.

Назавтра, совсем ранним утром, Пауэрскорт прокатился в принадлежащей «Даниэли» гондоле по морю.

— Куда плыть, мне все равно, — сказал он гондольеру, — просто привезите меня назад через полчаса. Я должен подумать.

Гондольер повез его в сторону Лидо — огромная береговая дуга, Рива дельи Шиавони, названная так в память о торговавших здесь когда-то славянских купцах, постепенно съеживалась за спиной Пауэрскорта до ширины проведенной по карте карандашной линии.

Прошлой ночью, думал он, лорд Грешем почти сказал мне кое-что. Но то было ночью, когда вино и вестники Паннонe стакнулись и едва не свели его с ума. Пауэрскорт сомневался, что между ними еще состоятся такие тяжелые, исповедальные разговоры. Если он не скажет мне еще чего-то этим утром, придется все же задать ему некий вопрос.

Хватит и одного.

План кампании сложился у него как раз тогда, когда гондольер последним театральным взмахом весла возвратил гондолу на место стоянки. Только тут Пауэрскорт сообразил, что возничий его последние пятнадцать минут пел, не закрывая рта. До этого он не слышал ни звука.

Вернувшись в «Даниэли», он прямо из отеля послал в Лондон телеграмму своему зятю, Уильяму Берку, попросив его сколь возможно скорее доставить содержащееся в ней послание Джонни Фицджеральду. Ответ требовался к 10.30.

В номере Пауэрскорта на втором этаже были произведены разнообразные перестановки. В середине его воздвигся большой письменный стол, украшенный всякого рода перьями и карандашами. Со стен удалили три картины, заменив их тремя лучшими зеркалами мистера Панноне — золоченые рамы их превосходно смотрелись на красных стенах. Репродукция «Мадонны с младенцем» заместила собой «Вид на канал Сан-Марко» Каналетто. У окна, прямо напротив того, кому предстояло усесться перед письменным столом, висело теперь большое серебряное распятие. А пустой участок стены над кроватью заполнила репродукция «Распятия Христа» Тинторетто, полотна, источающего отчаяние и муку.

Не уверен, что мне понравится спать здесь и дальше, мрачно думал Пауэрскорт. Однако я нуждаюсь в любой поддержке, какой могу заручиться.

Мистер Панноне сновал по комнате, рассыпая советы касательно того, как наилучшим способом достичь желаемого эффекта. Распятие было его идеей. Он предложил также устроить шествие священников, которые непрестанно прохаживались бы за окном — так, чтобы их было видно сверху. Эту мысль Пауэрскорт отверг.

Итак, лорд Пауэрскорт, — мистер Панноне решил уточнить последние приготовления. — Сейчас половина одиннадцатого. Он должен появиться здесь в одиннадцать. Нас, как обычно, известят, когда он выйдет из отеля, ваш лорд Грешем. Вам нет нужды встречать его внизу, у входа. Я сам приведу его сюда.

Через пять минут после его прихода я принесу вам записку. Полагаю, записки у вас пока еще нет. А, уже есть. Однако в ней еще осталось пустое место. Вы ведь ждете ответа из Лондона, это так?

Лорд Джонни Фицджеральд запаздывал. Возможно, ему не удалось найти ответ. Возможно, Джонни и в Лондоне-то нет. Возможно, его не было дома, когда ему принесли телеграмму, —

хотя Пауэрскорт не сомневался, что он все еще завтракает. Лорд Джонни не любил вылезать из постели ни свет ни заря.

— Он вышел из «Пеллегрини»! Лорд Грешем! Он приближается! — Панноне нервно порхал между телеграфной и конторой отеля. — Все время оглядывается. Но идет быстро. Будет здесь через десять минут.

Пауэрскорт окинул свой номер последним взглядом. Этим утром у нас сцена поменьше, сегодня на театре дают пьесу характера более интимного.

— Он проходит Риальто!

Пауэрскорт подвигал напоследок перья на письменном столе. Проверил, хорошо ли видны три зеркала из кресла у стоящего при окне кофейного столика.

— Вышел на площадь Святого Марка! Вы не хотите, чтобы я задержал его немного внизу, пока мы будем ждать телеграмму? Нет?

Пауэрскорт выглянул в окно. День стоял серенький — ветер, хлещущий по набережной дождь; туристы спешили укрыться где-нибудь, те же, что похрабрее, упорно вышагивали к местам, которые наметили посетить сегодня. В картинных галереях нынче будет много посетителей.

— Лорд Пауэрскорт! — в номер ворвался Панноне. — Вот она!

Он вручил Пауэрскорту телеграфный бланк. Лорд Джонни не поскупился на слова, подумал Пауэрскорт. Впрочем, телеграмму, скорее всего, оплатил Уильям Берк.

«Есть ли покой на этом свете? — гласила телеграмма. — Не успею я решить, что могу отдохнуть несколько дней, как появляется твое послание. Оставят меня когда-нибудь в покое или не оставят? Нужное тебе имя таково: генерал Джордж Брук. Дейзи он родней не приходится. Остерегайся куртизанок. Фицджеральд».

Что ж, теперь в написанную заранее записку можно было подставить три слова. Пауэрскорт

уже слышал на лестнице шаги лорда Грешема. Он отдал записку покидающему номер Панноне.

— Лорд Грешем! Рад вас видеть!

— С добрым утром, лорд Пауэрскорт.

Выглядел Грешем нисколько не лучше вчерашнего. На подбородке так и остался неопрятный пучок щетины. Шейный платок весь перекручен. Сорочка та же, что вчера. Волосы нерасчесаны, глаза дикие.

— Они продолжают следить за мной, лорд Пауэрскорт. Теперь уже и при свете дня.

Взгляд Грешема прошелся по зеркалам, по распятию, по Мадонне с младенцем. И с выражением ужаса вернулся к зеркалам. Что он там видит, гадал Пауэрскорт, — змей, глаза, лица убитых венецианцев? Двух дожей, вдруг вспомнил он, прикончили некогда в паре шагов отсюда, за ближайшим углом.

— Присядем, я распорядился о кофе. Мы сможем обговорить наши планы.

В дверь постучали. Вошел Панноне — поднос с кофе и записка для Пауэрскорта.

— Для вас только что доставили вот это, лорд Пауэрскорт. Особым посыльным. Благодарю вас, мой лорд, — Панноне в пояс поклонился распятию и удалился.

— Нет, вы только подумайте, только подумайте, — говорил Пауэрскорт, пробегая глазами слова, которые сам же и написал три часа назад. — В город прибыл британский военный атташе при итальянском правительстве. Приехал вместе с послом на какую-то конференцию. Спрашивает, не присоединимся ли мы к нему за ленчем. Человек по имени Брук, генерал Джордж Брук. Вы его знаете, Грешем? Этого Брука?

Грешем побледнел, и побледнел сильно. Он взирал на зеркала, и вид у него был при этом такой, словно за ними-то генерал Брук и прячется.

— Я его знаю. Знаю, — очень тихо ответил он. — Брук был моим непосредственным командиром. В течение четырех лет.

Он умолк. Пауэрскорт вглядывался в серебряное распятие.

— Я не смогу встретиться с ним. Просто не смогу. Мне нужно идти.

Грешем обвел комнату взглядом — казалось, он подумывает, не выскочить ли ему прямиком в окно. Над кроватью медленно истекал кровью распятый Христос Тинторетто. Мадонна и Младенец мрачно смотрели в пол. Дева уже много столетий знала, что сыну ее суждено умереть на кресте.

— Лорд Пауэрскорт, прошу вас, помогите мне. Я должен уехать. Должен выбраться отсюда.

Пауэрскорт молча ждал.

— Вы согласитесь отвезти в Англию письмо от меня? Не думаю, что я когда-либо вернусь туда.

— Я буду только рад доставить его. Конечно, Грешем, дорогой мой. Присядьте, напишите ваше письмо. На столе довольно бумаги и прочих принадлежностей. Мне нужно ненадолго уйти, уладить все с этим ленчем. Генералу Бруку придется подыскать других гостей для своего увеселения.

Внизу, в вестибюле, толклась очередная партия американцев, только-только прибывших из Вены. Панноне расторопно руководил их приемом: распределял багаж, выкликал носильщиков — добро пожаловать, заокеанские гости, и примите наилучшие наши пожелания. Пауэрскорту бросился в глаза гостиничный кот, мирно спавший на стойке портье, обняв своим телом горшок с каким-то растением. Снаружи все шел дождь, струйки воды криво стекали по оконным стеклам отеля.

Интересно, додумались ли уже и они до этого? — спросил сам себя Пауэрскорт. — Отец Гилби, монсиньоры, кардиналы. Исповедь в письменном виде. Не нужно ничего говорить в темных исповедальнях — просто оставляешь записку, просовываешь ее сквозь решетку. А попозже являешься за ответом.

У венецианцев, вспомнил Пауэрскорт, вглядываясь в портрет зловещего обличия дожа, висевший над головой Панноне, система была не-

сколько иная. Они веровали не в исповеди, а в доносы, почтовые, так сказать, доносы, опускавшиеся сквозь пасть льва, bocca di leone, в почтовые ящички. Ящики опорожнялись каждую ночь. И во Дворце дожей их было несколько. Обличали врагов, или друзей, или мужа, или ближайшего соседа. Только и нужно было, что написать письмецо и забросить его в львиную пасть. Или в логово льва. Все остальное делала тайная полиция.

Пятнадцать минут, думал Пауэрскорт. Он уже наверняка дописал письмо. Когда Пауэрскорт начал на цыпочках подниматься к своему номеру, Панноне ободряюще похлопал его по плечу.

Номер был пуст. Грешем исчез.

— Панноне! Панноне!

Никто еще и никогда не призывал к себе маленького человечка криком столь отчаянным.

— Он ушел! Птичка упорхнула! Грешем сбежал!

— Не волнуйтесь, лорд Пауэрскорт. За ним же следят официанты. Очень скоро мы будем знать, куда он направился. Однако взгляните, он оставил вам письмо.

На конверте значилось: лорду Фрэнсису Пауэрскорту, отель «Даниэли». Пауэрскорт вскрыл его ножом для разрезания бумаги.

Дорогой лорд Пауэрскорт.

Я хотел бы, чтобы Вы, по возвращении в Англию, написали моей матери. Сообщите ей, пожалуйста, что у меня все хорошо и что я скоро напишу ей. Мне следовало сделать это пораньше. Думаю, она тревожится, когда меня нет рядом.

Я уезжаю во Флоренцию. В Венеции я больше оставаться не могу. Мне кажется, что я схожу здесь с ума. Зеркала не оставляют меня в покое ни на минуту. Потом отправлюсь в Перуджу. Быть может, дорогой заеду еще в Ареццо, а оттуда в Рим. В Риме — или по пути в Рим — я исповедуюсь.

После этого мне придется нарушить некоторые из заповедей. Я думаю застрелиться. Католическая церковь не допускает самоубийства. Однако она и

не узнает о нем, пока не будет слишком поздно. Я собираюсь соединиться на той стороне с Луизой, с моей Луизой. Надеюсь, меня допустят к ней.

— Он вернулся в «Пеллегрини», лорд Грешем, — Пашоне быстро просматривал самые свежие донесения. — Укладывает вещи. Возможно, направится на железнодорожный вокзал. Там у нас официантов хватает.

И последнее, лорд Пауэрскорт. Уверен, Вы уже все знаете. Это я убил принца Эдди. Вам известно, почему. Я перебрался по крыше в его комнату. Думаю, Ланкастер слышал, как я топтал каблуком фотографию принцессы Мэй. Он мог также увидеть, как я выбираюсь из окна, не знаю.

Я не сожалею о содеянном. Но знаю, что должен принять наказание после того, как исповедуюсь в моих грехах.

Жаль, что Вы не знали Луизы. Она была такая красивая. И я желаю Вам встречи с Вашей покоящейся на дне морском Каролиной. Моя Луиза. Какая же она была красивая, моя Луиза...

Время вышло. Прощайте, лорд Пауэрскорт. Прощайте.

Грешем.

Пауэрскорт еще раз перечитал письмо, руки его немного тряслись. Он сложил последнюю волю, завещание Грешема, и спрятал его в карман. Ради него он и приехал в Венецию. Ради него четыре дня строил интриги и планы, расставлял официантов по улицам города, перевешивал картины, условился, что ранним утром гондола якобы примчит по лагуне им же состряпанную подложную записку. Ему следовало бы ликовать, ощущать довольство собой. Однако никаких «аллилуйя» в душе его не звучало, ее наполняла лишь великая грусть и мысли о новой смерти, об англичанине, которого вскоре найдут мертвым где-то в Италии, о еще одной преждевременной кончине.

— Лорд Пауэрскорт? Думаю, вы нашли, что хотели найти. Однако находка вас опечалила. Так что же, отыскали вы то, ради чего приехали?

— Я отыскал то, ради чего приехал, мистер Панноне. Я не рассчитывал, что, когда я найду это, найденное мне понравится. Однако я его нашел. И оно понравилось мне даже меньше, чем я думал. Однако, — продолжал он, — без вашей поддержки я и вовсе ничего не нашел бы. Спасибо вам за помощь, которую вы с такой расточительностью оказывали мне с самого моего появления здесь. Я ваш вечный должник.

Панноне улыбнулся.

— У нас тут, в «Даниэли», теперь новая поговорка, лорд Пауэрскорт. Раньше мы говорили: любой из друзей лорда Роузбери должен быть другом и для «Даниэли». А теперь говорим: любой из друзей лорда Роузбери и лорда Пауэрскорта должен быть другом и для «Даниэли»!

Пауэрскорт поклонился в знак благодарности. Придется опять обниматься с ним, подумал он. И, пожалуй, расцеловать в обе щеки.

— Но скажите мне одно, лорд Пауэрскорт, если, конечно, вы не против такого вопроса. Этот ленч с генералом, с генералом, которого не существует. Итальянского генерала я бы для вас отыскал, не сомневаюсь, может быть, и французского тоже. Насчет немецкого не уверен. Но вот английского генерала я вам предоставить не смог бы. Что оно значит, это имя, присланное из Лондона? Почему оно было столь важным?

— Имя было столь важным, дорогой мой Панноне, потому что оно принадлежит генералу, который когда-то состоял в командирах лорда Грешема. Я был уверен, что Грешем не захочет встречи с ним. Поэтому я и отправил в Лондон запрос. Чтобы выяснить имя.

— Так он был комманданте лорда Грешема? И вы были уверены, что это имя заставит лорда Грешема отказаться от ленча? Даже от ленча в «Даниэли»?!

— Я был уверен.

Они обнялись. Пауэрскорт расцеловал маленького управляющего в обе его пухлые щечки. Все кончено, думал он. Почти кончено.

— Вы должны снова вернуться к нам, лорд Пауэрскорт. Возможно, с той молодой леди, на которой вы думаете жениться? Медовый месяц в «Даниэли» — да он же лучший в мире!

Вокзал Санта-Лючия. Поезда имени леди Люси. Поезда имени леди Люси ждут его, чтобы доставить назад, в Лондон.

Назад, к леди Люси.

Домой.

Часть четвертая

ЗЕЛЕНАЯ НАКИДКА

[illegible]

24.

Пауэрскорт снова сидел в кабинете Сутера в Мальборо-Хаусе, там, где осенью прошлого года совещались четверо мужчин, где Сутер показал ему памятную записку о бедах своего хозяина, принца Уэльского. Сэр Уильям Сутер вглядывался в толстую стопу документов, лежащую на его столе; сэр Бартл Шепстоун, управляющий и казначей Двора Его высочества, — борода его выглядела чистой, сверкающей в утреннем свете, — вглядывался в свои лоснящиеся сапоги.

Я видел вас совсем недавно, думал Пауэрскорт. Всего лишь позавчера я видел множество подобных вам на стенах венецианских соборов — благодушных белобородых святых, замерших в ожидании вечности пообок печальной Мадонны, могучих пророков с белыми же бородами, призывающих народ свой на борьбу за правое дело Господне, апокалиптических стариков, Бога, тоже белобородого, разделяющего на картинах народы на святых и грешников в день последнего суда.

Пауэрскорт, немного нервничавший, все еще не оправившийся после своей венецианской одиссеи, сжимал в руках новую, черную записную книжку.

Роузбери, нацепивший нынче безучастную личину политикана, мысленно составлял последний свой доклад о странной смерти принца Эдди, предназначавшийся для премьер-министра Солсбери. Прошлым вечером, на Баркли-сквер, Пауэрскорт рассказал ему все.

— Это какая-то «Трагедия мстителя»*, — постановил Роузбери. — Будем надеяться, что с новыми трупами нам дела иметь не придется. Скажите, Фрэнсис, вы принимаете поздравления? По-моему, вы раскрыли это дело на удивление быстро, особенно если учесть трудности, с которыми вам пришлось столкнуться.

— Здесь уместны скорее молитвы за мертвых, чем поздравления. Все, какие найдутся. За всех мертвых сразу, — ответил, слегка содрогнувшись, Пауэрскорт.

— С добрым утром, джентльмены, — промурлыкал учтивый придворный сэр Уильям Сутер. — Вы сообщили, что желаете видеть нас. Сообщили из Венеции каблограммой, что у вас имеются новости относительно прискорбной кончины герцога Кларенсского и Авондэйлского. Вы что же, отдыхали в Венеции, лорд Фрэнсис? Сколько я знаю, погода там в это время года весьма неприветлива.

— Я не назвал бы это отдыхом, — горько улыбнувшись, ответил Пауэрскорт. — В Венецию меня привело расследование.

В восьмистах милях от них молодой человек смотрел на двери церкви, не моргая, ожидая, когда они откроются. То была Санта-Мария дельи Кармине, стоящая во Флоренции на южном берегу Арно. Небольшая, прикрепленная к доске, на которой вывешивались объявления для паствы, табличка обещала прием исповедей на английском языке — каждую неделю, по четвергам, с девяти до десяти. Отец Менотти, ОИ**.

Молодой человек пришел слишком рано. Он пытался припомнить, что говорили ему иезуиты о достойной исповеди. «Блага буди, Мария, исполненная благодати, Господь да пребудет с тобой,

---

* Пьеса, изданная в 1607 году и ныне приписываемая драматургу Томасу Миддлтону (1580–1627).

** Орден иезуитов.

благословенна ты среди женщин, благословен плод чрева твоего, Иисус...» Ожидая, он молился.

Стоя под фреской Мазаччо, представляющей изгнание Адама и Евы из Райского сада, под изображением двух людей, бегущих в страхе и ужасе от своего преступления, от начала всех грехов, греха первородного, лорд Эдуард Грешем готовился исповедаться в совершенном им убийстве.

Прошлой ночью Пауэрскорт спросил у Роузбери, что следует рассказать Сутеру и Шепстоуну. Все? Представить им причесанную версию правды? Или просто назвать имя убийцы?

— Ради Бога, Фрэнсис, они же ничем вам не помогли. Корни этого дела уходят так далеко в прошлое. Они привыкли утаивать правду. Никогда не говорить «да», никогда не говорить «нет», о чем я сказал вам с самого начала. Думаю, хотя бы один раз им следует выслушать все. Правду, и ничего, кроме правды.

— К делу принца Уэльского и его семьи я приступил впервые во второй половине 1891 года, — начал Пауэрскорт. — В то время существовали опасения, что принца Уэльского шантажируют, и боязнь — оправданная, как впоследствии оказалось, — за жизнь герцога Кларенсского и Авондэйлского. При дальнейшем изложении событий я буду называть его принцем Эдди.

Вскоре после того как я занялся этим делом, вопрос о шантаже оказался, как тогда представлялось, отпавшим. История с принцем Уэльским, Дейзи Брук и перехваченным леди Бересфорд нескромного характера письмом потребовала от всех ее участников совершения немалого числа сложных маневров. — Сосуд нечистых вожделений, думал он про себя. Никак эта фраза не шла у него из головы. — Сама по себе эта история легко могла стать поводом для шантажа, однако в том, что речь идет именно о нем, я полностью уверен не был. Наведенные мною справки показали, что за последние двадцать лет, и это по

меньшей мере, в том, что мы называем Обществом, серьезных шантажистов не появлялось. Причина шантажа должна была крыться в чем-то ином.

Сутер уже начал делать заметки. Ну еще бы, сказал себе Пауэрскорт. Он будет делать их, даже когда Бог изречет решение Свое в Судный день, — дабы составить памятную записку для размещения оной в архиве Всевышнего.

— Займемся теперь собственно убийством, — Пауэрскорт заглянул в записную книжку. — В ночь восьмого января или утром девятого принц Эдди был убит известным всем нам способом.

Хотя бы от этих подробностей их можно избавить.

В исповедальне было очень темно, темно-бурое дерево окружало кающегося. И какой-то странный запах стоял здесь, быть может, мастики для полов. Или страха.

Грешем преклонил колени перед исповедником, отцом Менотти, невидимым за перегородкой кабинки.

— Благословите меня, отче, ибо я согрешил.

Он опустил голову, закрыл глаза, и исповедник благословил его. Грешем с нарочитой медлительностью новообращенного осенил себя крестным знамением. Хор школьников репетировал на другом конце церкви, юные голоса выпевали «Кирие». *Kyrie eleison, Christe eleison, Kyrie eleison.* Господи, помилуй, помилуй, Христос, Господи, помилуй.

— Исповедуюсь Господу Всемогущему, благословенной Деве Марии, всем ангелам и святым и тебе, духовный отец мой, в том, что я согрешил.

— Принц Уэльский решил, — продолжал Пауэрскорт, — по причинам, которым предстояло в дальнейшем стать слишком понятными, что историю эту надлежит замять, а правду утаить. Была

придумана устраивавшая всех версия, согласно которой принц Эдди умер от инфлюэнцы.

— От инфлюэнцы, да, от инфлюэнцы, — сэр Бартл Шепстоун покивал с таким умудренным видом, точно он был давно знаком с этой болезнью.

— В результате о смерти принца официально объявили лишь 15 января. Тем временем в Сандринхемском лесу обнаружили тело лорда Генри Ланкастера, одного из шести молодых конюших принца Эдди. Голова лорда Ланкастера была прострелена. На первый взгляд это походило на второе убийство. Однако результаты медицинского освидетельствования не оставляли никаких сомнений. Лорд Ланкастер покончил с собой. Он оставил мне записку.

Сутер оторвался от своих бумаг. Шепстоун выпрямился в кресле. О записке Пауэрскорт им до этой минуты не говорил.

— Назвать ее особенно удовлетворительной было нельзя. Я хочу сказать, что она ничего не проясняла. Скорее еще пуще запутывала. Говорилось в ней следующее.

Он вынул записку из кармана. «Когда вы прочтете это, я буду уже мертв. Я сожалею обо всех неприятностях, кои причиняю моим родным, друзьям и себе самому. Уверен, вы поймете, что другого выбора у меня нет. Я не могу поступить иначе. Semper Fidelis». Пауэрскорт аккуратно сложил записку Ланкастера и вернул ее в карман.

— Это Semper Fidelis сильно меня озадачило. Верность чему он хранил? Своей стране? Друзьям? Принцу Эдди? Своему полку? Поначалу я был сбит с толку. Впоследствии многое прояснилось.

Вот таким было положение дел при завершении операции по сокрытию правды.

Лорд Эдуард Грешем дрожал в исповедальне. По церкви расхаживали дневные уборщицы со швабрами и ведрами. Хор перешел от «Кирие» к «Санктус». Дети все время совершали одну и ту

же ошибку. Начальные ноты раз за разом проносились по храму, а хормейстеру все не удавалось ее исправить.

Отче, в самом начале этого года я исповедовался на Фарм-стрит в Мейфэре. По милости Божией я получил отпущение, исполнил епитимью и побывал у Святого Причастия. Но, отче, с того времени я совершил самый горестный грех. Я убил человека. Нарушил шестую Заповедь. Да смилостивится надо мной Господь.

— При каких обстоятельствах нарушил ты шестую Заповедь, сын мой? — голос отца Менотти доносился откуда-то издалека. То, что лежало за перегородкой исповедальни, представлялось Грешему миром, который он утратил и в который войти уже никогда больше не сможет.

— Версию, согласно которой преступление совершили люди со стороны, можно было отбросить. Имелись сообщения о присутствии неподалеку русских и ирландцев. И те, и другие были подвергнуты проверке. И те, и другие оказались ни в чем не повинными. Оставались, как мне представлялось, три возможности.

Пауэрскорт произносил свой вердикт холодным, безучастным тоном судьи, подводящего итоги сложного судебного процесса. Сэр Бартл Шепстоун поглаживал бороду.

— Первую составлял некий недовольный офицер армии либо флота, который служил вместе с принцем Эдди и считал, что без него стране будет намного лучше. Смею вас заверить, что офицеров, презиравших его нравственные качества и образ жизни, а также считавших, что в Короли он никак не годится, нашлось бы немало.

Возмутительно, возмутительно! — закудахтал Шепстоун. — Он был славным, достойным молодым человеком!

— Ничуть, — произнес Роузбери. — Он был позором. Я знаком со многими старшими офицерами, придерживающимися взглядов, о кото-

рых говорит лорд Пауэрскорт. Помолчите, прошу вас.

— Вторая возможность состояла в том, что преступление совершил один из конюших. Один из шести, — впрочем, после смерти Ланкастера их осталось пятеро. И я решил выяснить все, что мне удастся, об их жизнях и о том, не мог ли кто-либо из них иметь причины убить принца Эдди.

Третья возможность — шантаж, который каким-то образом оказался связанным с убийством. Я установил, что в течение десяти лет, начиная, если быть точным, с 1879-го, расходы принца Уэльского превышали его доходы на пятнадцать — двадцать тысяч фунтов в год. В то время двое молодых принцев покинули учебный корабль Ее Величества «Британия» и на два года отправились в кругосветное плавание на другом корабле — на «Вакханке». Один из участвовавших в этом плавание офицеров флота считает, что главное назначение их вояжа состояло в том, чтобы держать принца Эдди подальше от Англии.

В тот год на борту «Британии» разразился скандал. Пятеро молодых людей, вступивших с принцем Эдди в половые сношения, заразились сифилисом. Предполагалось, что сам он подхватил эту болезнь у каких-то портсмутских проституток.

Сосуд нечистых вожделений, думал Пауэрскорт, полный доверху сосуд. И пятеро на борту «Британии». Впрочем, заразить всех мог и кто-то из тех пятерых. А то и двое сразу. Сутер по-прежнему что-то записывал. Роузбери, лицо которого казалось высеченным из камня, пристально вглядывался в Пауэрскорта.

— С того времени принц Уэльский производил регулярные выплаты всем пяти семьям. Вы можете назвать это помощью в лечении от страшной болезни. Можете назвать компенсацией за разбитые молодые жизни. Можете — флотскими пенсиями. Кое-кто так их и называет. А можете — шантажом, как вам будет угодно. Я подозреваю, что один из вас, джентльмены, если не оба,

знал все это. Однако сообщить мне нужным не счел. — Пауэрскорт оглядел верных слуг принца Уэльского. Оба молчали. — Я занимался тем, что пытался выяснить, мог ли кто-либо из родичей жертв, отец или брат, совершить это преступление. Месть — обычный мотив убийства. На самом-то деле, в ту ночь в Норфолке находились два таких человека — братья несчастных. Однако ни один, ни другой совершить убийство возможности не имел. И я принялся перебирать прочие семьи, но тут получил известия касательно одного из конюших.

— Отче, грех мой связан с моей женой. Я познакомился с ней два года назад, в Бирмингеме, в самом сердце Англии. Ее звали Луизой. Она была очень красива, — лорд Эдуард Грешем на время прервал исповедь. Любить человека — ведь это не грех, не правда ли?

— Продолжайте, сын мой. Продолжайте исповедоваться, — голос отца Менотти был ласков, но тверд.

— Мы полюбили друг друга. Она принадлежала к католической вере. Я нет. Луиза хотела, чтобы я принял католичество, прежде чем она станет моей женой. Я получил наставления от иезуитов с Фарм-стрит и был принят в лоно церкви. Мы поженились восемнадцать месяцев назад.

Всхрап, или, может быть, кашель, донесся из-за решетки. Возможно, священник прочищал горло. Возможно, радовался спасению протестантского еретика, происходящего из страны, где еретиков этих хоть пруд пруди.

— Отче, человек, убитый мною, — принц Эдди, сын принца Уэльского, внук самой королевы Виктории. После нашей женитьбы он часто бывал у нас в доме. И нередко — в то время, когда я отсутствовал по армейским делам. Я офицер Британской армии. Принц Эдди хотел, чтобы моя жена совершила с ним прелюбодеяние. Он просил ее отдаться ему. Как отдавались все остальные.

— Так он постоянно прелюбодействовал с женами других мужчин?

— Он готов был блудить и с женщинами, и с мужчинами, отче. Для него это разницы не составляло.

Пауэрскорт обвел свою маленькую аудиторию взглядом. На сей раз у нас монолог, думал он, близится конец пятого акта.

— Два года назад один из конюших полюбил замечательно красивую девушку из Центральных графств, жившую близ Бирмингема. Отец девушки был очень богат. Однако имелось препятствие. Она происходила из католической семьи. А конюший — нет. К ужасу его матери, он с помощью иезуитов с Фарм-стрит, это совсем близко отсюда, сменил веру. Они поженились. Мать на венчании не присутствовала.

Как это сказала леди Люси — насчет леди Бланш Грешем и женитьбы?

«Венчаться с дочерью бакалейщика, говорила она. Да еще и католичкой. В какой-то языческой часовне, украшенной кровоточащими сердцами и прочими лживыми идолами Рима».

— После женитьбы принц Эдди постоянно посещал их дом, особенно в отсутствие конюшего. И постоянно делал жене его известного рода предложения. Она с таким же постоянством отказывала ему. И он начал уставать от ее отказов. Он не привык слышать их — ни от мужчин, ни от женщин. В один прекрасный день он столкнул ее с длинной лестницы и убил. Она была уже беременна в то время.

Конюшему потребовалось четыре месяца, чтобы выяснить истину. Единственный человек, бывший в ту пору в доме, единственный, кто знал, что произошло, их служанка — сбежала. В конце концов конюший отыскал ее — прошлым летом. Думаю, это произошло примерно в то же время, когда его пригласили в конюшие при принце Эдди. Во всяком случае, это отвечает записке, которую

вы, сэр Уильям, прислали мне, — записке о сроках службы конюших ко времени убийства.

Уборщицы ушли из флорентийской церкви Санта-Мария дельи Кармине. Певцы совершили иной переход — к «Бенедиктус».

— Настал день, когда она снова отказала ему. И он столкнул ее с длинной лестницы. И это ее убило. Это убило и наше дитя, потому что Луиза была беременна. Принц Эдди убил мою Луизу. Она была такая красивая. Я обожал ее. Принц Эдди убил наше дитя, еще не успевшее родиться. Отче, я сознаю, что согрешил против Святого Закона Божия и Заповедей Его. Сознаю, что преступил шестую Заповедь. Я искренне раскаиваюсь в этих грехах и прошу вас простить их мне.

Я виню себя и в грехах прежней моей жизни, особенно в прегрешениях против целомудрия и чистоты. За все эти грехи мои и за те, коих я уже не помню, я всей душой прошу у Господа прощения, а у вас, духовный отец мой, отпущения и епитимьи.

— В ночь восьмого января этого года или в утро девятого конюший перелез через крышу Сандринхема и убил принца Эдди. Имя конюшего — лорд Эдуард Грешем.

Сэр Уильям Сутер побледнел. Шепстоун побагровел.

— Грешем? Грешем? Вы уверены, Пауэрскорт? Проклятье, я много лет знаю его семью. По-моему, я даже был на крестинах в Торп-Холле.

— Я совершенно уверен, спасибо, сэр Бартл. Иначе бы я этого вам не сказал.

— Проклятие, Сутер, невероятно. Вы верите в это?

— Откуда в вас столько уверенности, лорд Пауэрскорт?

— Да оттуда, что Грешем сам сказал мне это в Венеции, три дня назад. Вам нужны иные подтверждения?

— Господи, — сказал, откладывая перо, Сутер. — Какая ужасная история. Ужасная.

Он замолк и уткнулся в свои заметки.

— Могу я попросить вас прояснить один-два мелких момента, лорд Фрэнсис?

Как истинный бюрократ, личный секретарь обязан был выверить все факты, которые он включит в свой доклад принцу Уэльскому.

— С тех пор как вы упомянули относительно этого «Semper Fidelis» Ланкастера, оно не дает мне покоя. Что оно означает?

— Думаю, он видел Грешема в комнате принца. Возможно, слышал, как тот пытается разбить на кусочки портрет принцессы Мэй. Возможно, видел его вылезающим из окна. Он знал, кто убийца. И сохранил верность другу. Не хотел предавать его. Остался верным ему навсегда. Верен навек. Semper Fidelis.

— Вы согрешили, сын мой. Вы тяжко согрешили против Святого Закона Божия и Заповедей Его, — отец Менотти умолк.

Лорд Эдуард Грешем так и стоял на коленях, со слезами на лице и страхом в сердце. Теперь голос отца Менотти звучал совсем близко. Вот он, мой Страшный суд, думал Грешем, здесь, посреди Флоренции. Отец Менотти обратился в Саванаролу. Судный день на реке Арно.

— *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis.* Агнец Божий, очищающий грехи мира сего, смилуйся над нами. Мальчики пели теперь «Агнус Деи», невинные голоса их возносились к крыше собора.

— Преступление, в коем исповедался ты, ужасно. Ты должен рассказать о содеянном властям твоей страны. Каждый день, начиная с этого и до конца твоей жизни, тебе надлежит трижды молиться Деве за мать убитого тобой молодого человека. И каждодневно молиться за братьев и сестер его. И каждодневно — за душу усопшего. Каждый год в день смерти его будешь ты выстаивать

заупокойную мессу. Тем самым ты почтишь его память.

— *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis.* Агнец Божий, очищающий грехи мира сего, смилуйся над нами.

— Всем ли сердцем отвергаешь ты мирские грехи свои и пороки.

— Да.

— Обещаешь ли ты воистину отречься от преступлений твоих, дабы воспринять, наконец, благодатную милость Господню и защиту Его?

— Обещаю.

— Да смилостивится над тобой Господь всемогущий, да простит грехи твои и дарует тебе жизнь вечную. Аминь. *Ego absolvo te.* Я прощаю тебя. И пусть Господь всемогущий и милостивый дарует тебе прощение, — отец Менотти старательно осенил грешника крестным знамением, — отпустит тебе грехи твои и осенит милостью Своей.

— *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis.* Агнец Божий, очищающий грехи мира сего, смилуйся над нами.

Слова священника и голоса мальчиков проводили Грешема, вышедшего в холодный воздух Флоренции. Он исповедался. Священник простил ему все его грехи. Теперь осталось совершить последний.

— А шантаж? Кто же шантажировал прошлой осенью принца Уэльского? — Сутер все еще старался подрезать обвисающие нити, несомненно, составляя в уме окончательную памятную записку для своего хозяина.

— На этот счет я не уверен полностью, — сказал Пауэрскорт. — Но, думаю, произошло следующее. Один из молодых людей с «Британии», Робинсон из Дорчестера на Темзе, умер прошлым летом от сифилиса. Платежи принца Уэльского прекратились. Семья обнаружила вдруг, что стеснена в средствах. И отец молодого человека попытался возобновить платежи собственными

силами. Я видел в прихожей его дома номера и «Таймс», и «Иллюстрейтед Лондон ньюс». Могу себе представить, как он вырезал из них ножницами буквы и наклеивал их на бумагу. Потом, как я полагаю, другие родители поняли, что происходит. Вопрос был улажен. Платежи возобновились. Шантажные письма поступать перестали.

— А где сейчас Грешем? — спросил Шепстоун.

— Все еще в Италии. Он намеревался посетить Флоренцию, быть может, Ареццо, потом Перуджу. Конечный пункт его назначения — Рим. Он собирается исповедаться в грехах, а потом застрелиться. Так он мне сказал. И я ему верю. Не думаю, что он доживет до Пасхи.

— Лорд Пауэрскорт, мы так вам благодарны, это такое облегчение — узнать всю правду об этом прискорбном, ужасном деле.

Похоже, сэру Уильяму не терпелось избавиться от них, уж больно торопливо выпроваживал он обоих в коридор Мальборо-Хауса. Они уже спускались по лестнице, когда Пауэрскорт сказал Роузбери:

— Черт. Я забыл записную книжку. Не хочется оставлять ее там.

Он поспешил назад. Когда он открыл дверь, к нему обратились удивленные, смущенные лица. К первоначальному обществу присоединился теперь расторопный майор Дони. Все трое вглядывались в расстеленную по столу карту Италии.

— Записная книжка. Забыл ее. Прошу прощения. Всего хорошего, джентльмены.

Роузбери поджидал его у Мальборо-Хауса.

— Превосходная работа, Фрэнсис, превосходная. Похоже, дело закрыто.

— Надеюсь, вы правы, Роузбери. Надеюсь, вы правы.

25.

Лорд Фрэнсис Пауэрскорт ожидал в ложе королевского Альберт-Холла леди Люси Гамильтон — ожидал, чтобы послушать вместе с ней исполнение Девятой симфонии Бетховена.

Кошмарный принц Альберт, думал он, ожидая; у нас есть его огромная позолоченная статуя — отсюда до нее рукой подать, он сидит, размышляя, над Кенсингтон-Гарденз. Есть его сын, принц Уэльский, чью жизнь тираническое воспитание отца далеко не улучшило. И есть покойный внук, убитый за похоть, за сосуд его нечистых вожделений. Быть может, они уже встретились — там, на другой стороне. Пауэрскорт не думал, что у принца Альберта найдется много общего с принцем Эдди, герцогом Кларенсским и Авондэйлским.

«Какие добрые дела совершил ты в сроки своей земной жизни, внук Эдди?»

«Я наградил сифилисом кучу людей, дедушка».

Но тут она растворила дверь — снова в каренинской шубке.

— Леди Люси! Как же я рад вас видеть!

— Спасибо, что пригласили меня сюда, лорд Фрэнсис. Да еще и в ложу! Всегда любила Бетховена.

Они уселись, их было только двое в этой ложе, способной вместить восемь человек.

— Лорд Фрэнсис, — леди Люси вглядывалась в публику под ними. — Этот зал так похож на римский амфитеатр — вроде тех, что стоят в Вероне или Оранже. Как вы думаете, найдется здесь место для хлеба и зрелищ?

Относительно хлеба Пауэрскорт сомневался. Для зрелищ же места было предостаточно. Он вдруг увидел себя сидящим в императорской ложе Колизея. Он был Августом, а может быть, и Нероном. Внизу бились насмерть двое гладиаторов. Оба были изранены, быстрая кровь стекала с их тел на горячую землю Рима. Вот один поверг другого и замер над побежденным, воздев меч, готовый нанести последний удар. Толпа римлян взревела, жаждая крови. Нерон-Пауэрскорт повернулся к своей супруге, чтобы спросить, какая участь ожидает лежащего внизу человека. Супруга коснулась его руки.

— Лорд Пауэрскорт. Дирижер, — леди Люси и не ведала о выпавшей ей роли царицы игрищ.

Дирижер, герр доктор Гирш из Вены, оказался человеком худым, высоким, начинавшим лысеть. Занимая дирижерское место, он нервно одергивал манжеты сорочки. Вот он подготовил оркестр — улыбка туда, взмах палочкой сюда. Публика все еще шелестела, устраиваясь, — кто-то проглядывал программку, кто-то переговаривался со знакомыми. Герр Гирш привел Девятую Бетховена в неторопливое, чуть слышное движение. Очень мягкое, очень нежное. А следом Бетховен барабанами и трубами призвал публику к вниманию. Слушать — там, на задах! Довольно болтать, добрые граждане Берлина, Гамбурга, Лондона! Я поведу вас в странствие! Я, Бетховен!

Две темы — марши и танцы, временами лирические, временами воинственные, проносились по залу. Дирижер широкими движениями перечеркивал оркестр, не останавливаясь ни на миг, не заглядывая в раскрытую перед ним партитуру. Лоб его уже покрыла поблескивающая пленка пота.

Но вот третья тема повлекла слушателей совсем в другой мир.

Все началось словно бы с гимна, с грустного звука, звука несказанной печали. Бетховен оплакивает бедствия этого мира, думал замерший в

ложе Пауэрскорт. *Sunt lacrimae rerum*[*]. Да, это они — строки из «Энеиды» Вергилия, перевоплощенные в музыку пятидесятилетним германским гением. Слезы — вот средоточие всего, печаль в самом сердце Вселенной. Слезы, сокрытые в сердцевине всех вещей.

И тут настроение музыки изменилось.

Любовь растеклась по Альберт-Холлу.

Любовь проплыла сквозь его крышу и повисла над Лондоном.

А потом она развернулась и понеслась выше и выше, кружа, сметая все на пути, воспаряя в пространство, лежащее за пределами планетных орбит, за пределами Млечного пути.

Осколки Божьей любви наплывали с небесных сфер, звездной пылью опадая на землю.

Дирижер наклонился теперь вперед, палочка его ласкала струнные, точно сметая пыльцу с чего-то совсем хрупкого, подобного крыльям бабочки. Внизу, на арене, воцарился великий покой, публика словно приготовлялась к странствию по бетховенской вселенной любви. За спинами Пауэрскорта и леди Люси стояли в ожидании шесть пустых кресел. Ангелы приближаются, думал Пауэрскорт, ангелы нисходят на землю, чтобы послушать музыку. Они будут сидеть здесь терпеливо, перевив крылья. А после взлетят над улицами Кенсингтона, чтобы присоединиться среди созвездий к гимну любви.

Любовь долго терпит, милосердствует; любовь все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит. Один из ангелов читает наставление, думал Пауэрскорт, наставление леди Люси и мне — здесь, в ложе Альберт-Холла. «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Здесь пребывают сии три: вера, надежда, любовь. Но любовь из них больше»[**]. Ангел спустился. Музыка воспаряла все выше.

---

[*] Слезы сочувствия есть (*лат.*).

[**] Первое послание к Коринфянам, 13, 4–13.

Любовь где-то рядом, она стучится в райские врата, высоко, высоко над улицами Лондона, величаво шествует в бесконечность. Любовь Бетховена. Божья любовь.

Когда эта тема отзвучала, Пауэрскорт повернулся, очень тихо, чтобы взглянуть на сидящую рядом леди Люси. Та нежно улыбалась, в глазах ее стояли слезы. *Sunt lacrimae rerum.* Пока четвертая часть симфонии возвращала публику Альберт-Холла на землю, Пауэрскорт рылся по карманам. Говорить же нельзя. Только не здесь. И не сейчас. Бетховен может прогневаться. А Бог так и вовсе перуны послать. Да где же карандаш? У него где-то был карандаш. Вот он. А писать есть на чем? Нет, только старый многажды сложенный номер газеты и отыскался в одном из карманов. Пауэрскорт извлек его на свет. Нашел пустое место — внутри рекламы горчицы «Колманз». И разместил на нем свое послание.

«Люси. Я люблю вас. Вы выйдете за меня? Фрэнсис».

Он легонько дотронулся до ее плеча, вручил ей смятую газету, ткнув пальцем в написанное.

Леди Люси улыбнулась ему. Слез уже не было. Она повела по воздуху пальцами, словно выписывая некие слова. Господи, это еще что такое, что за знаки она ему подает? Но тут он понял. У леди Люси нет карандаша. Он протянул ей свой. Вот такой отныне и станет наша жизнь, подумал он. Мы будем делиться всем — карандашами, программками Альберт-Холла, любовью.

Газета вернулась к нему. Ответ оказался упрятанным в другой рекламе, на сей раз — заварного крема «Птичий глаз». Пауэрскорт предпочел бы горчицу. Заварной крем он на дух не переносил.

«Фрэнсис. Конечно, выйду. Люблю, Люси».

Она отобрала у него газету и аккуратно уложила ее в сумочку. Надеяться, что мужчина догадается сохранить такую вещь, думала она, — дело решительно невозможное. Даже Фрэнсис. Хотя Фрэнсис, возможно, и догадается.

Бетховен уже приступил к последней части симфонии. Хор поднялся на ноги. Шиллерова ода «К радости» сотрясала зал. Вальсы и марши возвратились, чтобы принять новое обличье.

Кто сберег в житейской вьюге
Дружбу друга своего,
Верен был своей подруге,
Влейся в наше торжество!

Леди Люси накрыла ладошкой ладонь Пауэрскорта. В темноте можно. Все равно никто не увидит. И вдруг ей стало все равно. Ей хотелось кричать, петь собственный гимн любви и счастью, обретенным ею с помощью Бетховена и Шиллера. И Фрэнсиса. Свою оду «К радости».

Обнимитесь, миллионы!
Слейтесь в радости одной!
Там, над звездною страной
Бог, в любовь пресуществленный.
Ниц простерлись вы в Смиренье?
Мир! Ты видишь Божество?
Выше звезд ищи Его;
*В небесах Его селенья**.

— Фрэнсис, — леди Люси Гамильтон и лорд Фрэнсис Пауэрскорт возвращались на Маркем-сквер в кебе, погромыхивавшем по Кромвель-Роуд. — Мне больше не обязательно называть тебя лордом Фрэнсисом, правда? Я хочу сказать — теперь. И ты не обязан называть меня леди Люси.

Голова ее лежала на плече Пауэрскорта. Уж очень холодно было снаружи.

— Ну, я всегда называл тебя леди Люси. Мысленно то есть.

— Да нет, я не против, называй меня леди Люси и дальше. Как-никак, это свидетельствует о подлинном уважении, не правда ли?

Пауэрскорт усмехнулся.

* Перевод И. Миримского.

— А что ты скажешь Роберту?

— Роберту, ах да, Роберту, — леди Люси еще плотнее прижалась к плечу Пауэрскорта. — Знаешь, на днях он спросил, не собираюсь ли я выйти за тебя замуж. Вот так, просто. Думаю, я единственная оставшаяся незамужней из матерей мальчиков его школы. Наверное, это и навело его на мысль.

Она вспомнила их разговор: Роберта, довольного тем, что он покончил со школьным заданием по латыни, с существительными второго склонения, себя, сражающуюся с последним сочинением Генри Джеймса.

— Мам, а ты не думаешь выйти за лорда Пауэрскорта?

Леди Люси некоторое время собиралась с мыслями. Какие странные вещи говорит иногда Роберт. Впрочем, она и сама думала об этом — всего минуту назад. В Генри Джеймса так сразу не вникнешь.

— Ну, милый... — что бы ему такое сказать? Наверное, самое верное — правду, и чем раньше, тем лучше. — Я вышла бы, если бы он меня попросил. Но этого пока не случилось.

— А он попросит?

— Надеюсь. Надеюсь, что рано или поздно он на это решится. Вероятно.

— И ты тогда согласишься?

— Да, — она рассмеялась. — Да, тогда соглашусь.

Роберт почему-то не сомневался, что лорд Пауэрскорт попросит. Мама же вон какая красивая. Все мальчики в его школе так и говорят.

— А что ты об этом думаешь, Роберт? О том, что мы вдруг возьмем да и поженимся?

— Ну, он здорово вяжет узлы и вообще хорошо управляется с моим кораблем, — ответил практичный Роберт.

— Я думаю, ему приходится думать и о другом. Очень часто.

И леди Люси объяснила Роберту, что Пауэрскорт — следователь, что он раскрывает преступ-

ления, иногда даже убийства. А по временам выполняет секретные поручения правительства — он и в Венецию ездил с таким поручением. Глаза у мальчика становились все больше и больше.

— Так он ездил в Венецию с секретным заданием? И когда мы были на Круглом пруду, он тоже обдумывал всякие тайны? Ух ты! — Роберт примолк, усваивая новые сведения. — Мам?

— Да, милый?

— А можно, я в школе об этом расскажу? Если ты за него выйдешь. О том, чем он занимается — лорд Фрэнсис. О расследованиях.

— Только совсем немного, милый. Совсем немного.

Кэб, уже выехавший на последнюю прямую, медленно катил по челсийской Кингз-Роуд. Полная луна время от времени показывалась над крышами Слоун-сквер.

— Так что, сам понимаешь, Фрэнсис, не думаю, что с Робертом возникнут какие-нибудь сложности.

— Понимаю. Послушай, может быть, мне стоит иногда приходить к вам переодетым? Ну, чтобы произвести на Роберта впечатление. В накладной бороде? Или в облике прачки?

Кэб остановился у дома 25 на Маркем-сквер.

— Фрэнсис, ты не зайдешь ненадолго? Не выпьешь чашку чая?

— С наслаждением, леди Люси, — ответил, расплачиваясь с кебменом, Пауэрскорт. — С совершеннейшим наслаждением.

В дом сестры на Сент-Джеймсской площади он возвратился поздно. Однако леди Розалинда еще не спала.

— Фрэнсис, — произнесла она, делая вид, что приводит в порядок подушки на одном из канапе. — Как ты поздно. Ну, что Бетховен? Что леди Люси? Есть какие-нибудь новости?

Пауэрскорт понимал — так ясно, как если бы все было написано на окнах, — сестра подозрева-

ет, что он сделал леди Люси предложение. Она уже несколько дней намекала ему, что время для этого настало.

— Концерт был великолепен. Леди Люси чувствует себя превосходно.

— Ты ничего мне не хочешь сказать? Ничего нового?

— Нет, пожалуй что, не хочу.

— То есть новостей у тебя никаких? — с грустью произнесла леди Розалинда. При этом взгляд, которым она впивалась в брата, говорил, что тот явно что-то утаивает.

Пауэрскорт улыбнулся ей широченной улыбкой. Черт, сказал он себе, я счастлив — и как это скроешь? Однако удовлетворять ее любопытство в четверть первого ночи не собираюсь.

— Я, пожалуй, пойду лягу, Розалинда, — и Пауэрскорт расцеловал сестру в обе щеки.

— Пембридж! Пембридж! Ты спишь?

Леди Розалинда с силой потрясла мужа. Он, разумеется, выглядит спящим, но лучше все же проверить, так ли это.

— Пембридж! Послушай!

Пембридж с большим трудом выбрался из объятий сна.

— Господи, женщина! Ты хоть на часы посмотри.

— Так ведь и я о том же. О времени. Фрэнсис только что вернулся домой. Только что. В четверть первого ночи. А концерт, между прочим, закончился в десять тридцать. Это самое позднее. И он улыбается от уха до уха. Я думаю, он его все-таки сделал.

— Кого? — спросил сонный Пембридж.

— Да предложение же, дурень! Леди Люси!

— А ты его об этом спросила? — осведомился рассудительный Пембридж.

— Спросила. Еще бы я не спросила, — запальчиво ответила его супруга. — Он сказал, что ничего нового сообщить не имеет. Дважды сказал. Но при этом все время улыбался. Вот я и подумала — интересно. Очень даже интересно.

Ранним утром следующего дня леди Люси Гамильтон лежала в своей постели на Маркем-сквер, гадая, где именно ей предстоит обратиться в жену лорда Фрэнсиса Пауэрскорта. Отправятся ли они в ее родовой дом в Шотландии, полный военных реликвий и длинных, холодных коридоров замок вождя клана? Или в Нотргемптоншир, в поместье Фрэнсиса? А может быть, церемония состоится здесь, в Лондоне, в соборе Святого Иакова на Пикадилли или Святого Георга на Ганновер-сквер? И что, вообще говоря, полагается надевать на второе венчание? Ну, что бы ни полагалось, у нее этого точно нет. И леди Люси принялась серьезно обдумывать новый наряд — в особенности шляпку.

Лорд Фрэнсис Пауэрскорт тоже лежал в постели на Сент-Джеймсской площади, размышляя о том, где ему предстоит обвенчаться с леди Люси Гамильтон. Может быть, в Роуксли, думал он, в собственной его маленькой церкви — служить будет его викарий, у него такой прекрасный голос, а петь местный, вечно фальшивящий хор. Хотя леди Люси может захотеть выйти замуж в Шотландии, откуда родом ее семья. У сестер, конечно, будет на этот счет собственное мнение — и лорд Пауэрскорт вздохнул.

С лестницы донесся громкий шум. Кто-то с великой скоростью поднимался по ней.

— Фрэнсис! Господи! Ты все еще в постели! Ты хоть на часы посмотри, друг любезный. Посмотри на часы.

— С добрым утром, лорд Джонни Фицджеральд. Ты врываешься в мою спальню в четверть восьмого утра. У нас что, революция или еще что-нибудь? Нация в опасности?

— Одевайся, Фрэнсис. А после прочитай вот это.

Фицджеральд сжимал в руке номер «Таймс».

— Газету, если уж от этого никак не отвертеться, я могу почитать и в постели. Мне приходилось делать это и прежде. И к какому же разделу «Таймс» ты советуешь обратиться? «Рождения, браки и смерти»? Финансовому? Или футбольному?

— Не понимаю, как люди могут вести себя столь легкомысленно, еще даже не выбравшись из кровати. Ей-богу, не понимаю, Фрэнсис. Вот посмотри здесь. Четвертая страница, маленькая заметка в самом низу.

«Беспорядки в Ирландии». «Крушение поезда под Кру». Нет, не то. «Новости с президентских выборов в Вашингтоне». Нет. А, наверное, это:

Загадочная смерть в Перудже.

От нашего корреспондента.

Сегодня утром в одной из знаменитейших скульптурных композиций Италии обнаружили тело убитого человека. Горло его было перерезано от уха до уха. Перерезанными оказались также и основные артерии. На руках и ногах остались следы, схожие, как уверяют, с теми, что присутствовали на теле распятого Христа.

Труп нашли в фонтане Маджоре, стоящем в самом центре Перуджи. Фонтан, созданный в 1275 году Никколо и Джованни Пизанскими, является символом средневековой Перуджи. Знатоки искусства считают его одним из изящнейших образцов европейской скульптуры тринадцатого века.

— В этом доме найдется чем позавтракать, Фрэнсис? Хоть какая-то надежда на завтрак тут имеется? Я, пожалуй, спущусь вниз, поищу чего-нибудь съедобного. Если сумеешь выбраться из кровати, найдешь меня там.

Тело обнаружили монахини, направлявшиеся в собор к ранней утренней службе. По их словам, фонтан был наполнен кровью. Они сообщают также, что при их возвращении из собора вода все еще оставалась красной, хотя тело из фонтана уже извлекли.

Перед внутренним взором Пауэрскорта предстал лорд Эдуард Грешем, вглядывающийся в зеркала, надеясь прочесть в них некие послания, бегающий по улицам Венеции, рассказывающий

о великой любви своей жизни. Моя Луиза. Она была такая красивая. Неужели он должен был воссоединиться с нею вот так — с разрезанным неизвестным убийцей горлом, получив, наконец, последнее утешение от монахинь? Пауэрскорт стал читать дальше:

Суеверные элементы считают кровь символом Всевышнего. У фонтана собралась, чтобы помолиться, небольшая толпа верующих.

Итальянские власти не сумели пока установить личность погибшего. Они считают, что убитый, описываемый ими как человек лет двадцати восьми — тридцати с небольшим, не был по происхождению итальянцем.

Пауэрскорт перечитал заметку. Ему вдруг стало очень холодно. Он перечитал ее в третий раз, запомнив слово в слово. А после спустился на кухню.

— Пауэрскорт, доброго вам утра. Жена уверяет, что вы сделали предложение милейшей леди Люси, — приветствовал его лорд Пембридж, только-только целиком отправивший в рот намасленный гренок.

— Что? — переспросил Пауэрскорт, все еще обходивший по кругу фонтан у кафедрального собора Перуджи.

— Предложение сделали. Вы. Леди Люси. Так говорит жена, — и лорд пододвинул к себе блюдо с копченой селедкой.

— А, да. Совершенно верно. Сделал, — согласился Пауэрскорт, еще не успев понять, что он, собственно, говорит. Он так и оставался в Перудже, думая о расписаниях поездов, о новой дальней поездке через всю Европу. Тут он заметил, что его осыпают поздравлениями. Фицджеральд обнял его. Пембридж пожал ему руку. Невесть откуда взявшаяся сестра от души расцеловала в обе щеки.

— Вот старый черт! — сказал Фицджеральд.

— Поздравляю! Надеюсь, вы будете счастливы, — сказал Пембридж.

— Лучше поздно, чем никогда — сказала сестра.

Это все равно, что получить сразу целую пачку телеграмм, думал Пауэрскорт. Удастся ли ему остановить поток поздравлений?

— Прошу вас! Прошу! — он с силой пристукнул вилкой по столу. Гренок вылетел из подставки и покатился по полу. У ног Пауэрскорта остались лежать нежелательные крошки. — Прошу вас! Я понимаю, помолвка и так далее, это очень важно. Однако Джонни только что принес мне ужасную новость.

Видите ли, я полагал, что последнее мое расследование закончено. Теперь же я так не думаю. Напротив, я думаю, что меня ожидает вторая глава, которая будет еще и пострашнее первой. Похоже, мне придется возвратиться в Италию. И скорее всего, сегодня.

Пауэрскорт вдруг приобрел сходство с отчаявшимся ребенком, у которого отобрали все игрушки.

— Мне нужно посовещаться с моим шафером, — Пауэрскорту удалось соорудить печальную улыбку, каковую он и послал Фицджеральду. Сестре его показалось, что глаза Пауэрскорта смотрят в какую-то дальнюю даль, как будто он уже уехал отсюда. Пембридж всегда считал своего шурина несколько чудаковатым — человеком хорошим, тут и говорить не о чем, но время от времени ведущим себя странно. Вот сейчас как раз такое время и наступило. И Пембридж вернулся к копченой селедке.

— Мне что же, речь придется произносить, Фрэнсис? Рассказывать о тебе всякие истории? И целовать невесту?

— Придется, Джонни, придется. Однако сначала нам необходимо составить план. Давай-ка пройдем в гостиную, поклонимся новым шторам Розалинды. Там наверняка тише, чем здесь.

Пауэрскорт вглядывался в утреннюю суету на Сент-Джеймсской площади. День выдался холодный, серый. У мальчишек-посыльных даже щеки были обмотаны шарфами.

Лорд Джонни прихватил с собой тарелку с гренками.

— Ты думаешь, это он, Фрэнсис? Тот труп в фонтане? Лорд Эдуард Грешем? — и Джонни перекрестился.

Пауэрскорт ответил далеко не сразу.

— Я думаю, возможно. Но это всего лишь догадка. Давай, однако, посмотрим, что нам известно. Нам известно, что Грешем собирался дорогою в Рим заехать в Перуджу. Так что оказаться там он мог. Теперь спроси себя, кто мог пожелать убить его таким необычным способом. Даже в Италии, которая прославлена своими убийцами, они вряд ли перерезают иностранцам глотки и оставляют их истекать кровью в каком-нибудь дурацком фонтане.

— Это не обычный фонтан. Я почитал о нем, прежде чем прийти сюда. Это один из самых прославленных фонтанов Италии, как и сказано в газете.

— Ладно, забудь о фонтане. Если того человека в Перудже убил не итальянец, тогда кто? Предположим, что убили Грешема. Кто знал, что он убийца? Грешем, я имею в виду. Убийца принца Эдди. Ты, я, Роузбери. Больше никто. Ни единый человек.

Он снова окинул взглядом площадь. Пошел дождь, на навесах угольных тележек уже образовывались лужи.

— Ни единый человек. Кроме Сутера и Шепстоуна, разумеется.

Имена эти Пауэрскорт произнес очень тихо. Он потеребил край шторы. Потом перевел взгляд на Фицджеральда, дожевывавшего последний гренок.

— Ты же не думаешь, Фрэнсис, что эти джентльмены взяли короткий отпуск и отправились в Умбрию, верно?

— Нет, не думаю. Однако у них имеются люди, вполне на это способные. Они могли послать туда их. Имя убийцы я назвал Сутеру и Шепстоуну во вторник на прошлой неделе. Сегодня пятница, прошло десять дней. Когда я вернулся в Мальбо-

ро-Хаусе за моей записной книжкой, они разглядывали карту Италии. Они не ожидали моего возвращения.

— Господи, Фрэнсис, Господь всемогущий. Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, Джонни. Понимаю. Я думаю об этом с тех пор, как прочитал заметку в «Таймс». — Пауэрскорт вспомнил расторопного майора Дони из особого подразделения Шепстоуна, вспомнил, как искусно удалось ему замаскировать смерть Ланкастера. Определенно, они могли сделать это. Но сделали ли?

Джонни, пока нам не известно, Грешем это или не Грешем, мы попусту сотрясаем воздух. Я должен поехать в Перуджу и попытаться опознать тело. Но перед этим мне нужно сделать один-два визита.

— А тебе не кажется, Фрэнсис, что в Перуджу могу съездить и я? Как выглядит Грешем, я знаю. Кроме того, я не помолвлен и не женат. Ты же не должен все делать сам. К тому же, говорят, тамошние вина заслуживают того, чтобы с ними познакомиться.

— Это очень благородное предложение, Джонни, очень. Однако после нашего разговора в Венеции я чувствую себя в долгу перед Грешемом. Я не успокоюсь, если туда поедет кто-то другой. Даже ты.

— Ты не думаешь, что мне лучше поехать с тобой? История эта становится довольно опасной. Мы же не хотим, чтобы и ты закончил свои дни в каком-нибудь итальянском фонтане. Мне еще, как-никак, речь на венчании произносить. Я уже припомнил пару отличных историй.

Пауэрскорт рассмеялся:

— Я уверен, что справлюсь и сам. А ты нужен мне в Лондоне. Чтобы я мог посылать тебе через Уильяма каблограммы, если придется.

— Ладно, Фрэнсис, как скажешь. Слушай, как по-твоему, там еще осталось что-нибудь съедобное? Селедочка, помнится, выглядела довольно мило.

Пауэрскорт послал записку Уильяму Литу, дворецкому Роузбери, знатоку расписаний, попросив его определить наискорейший путь до Перуджи — отправление сегодня, быть может, сразу после полудня.

Он написал также комиссару столичной полиции, попросив о немедленной встрече — под конец дня, если это возможно. Прибавив извинения за назойливость. Для него очень важно было повидаться с комиссаром именно сегодня.

Два кеба повезли его записки по двум адресам. Третий отвез Пауэрскорта на Маркем-сквер. Он надеялся, что леди Люси окажется дома.

Дверь открыла пожилая горничная. Да, мадам дома. Не согласится ли лорд Пауэрскорт обождать в гостиной? Мадам сейчас спустится.

— Фрэнсис. Фрэнсис. — Его нареченная, пританцовывая, прошлась по комнате. — Выглядишь ты просто ужасно. Ты не передумал, надеюсь?

— Конечно, не передумал, леди Люси. Конечно, нет, — он крепко прижал ее к себе. — Просто я вынужден снова уехать. Скоро. Думаю, сегодня. Я понимаю, это ужасно, мы почти помолвились и так далее, однако у меня нет выбора.

— Ты, помнится, говорил, что твое последнее дело закончено, — она нисколько не рассердилась. Просто хотела понять, что случилось.

— Я так и думал. Уверен был в этом. Однако оно не закончено. Потому мне и необходимо вернуться в Италию.

— Фрэнсис, бедный Фрэнсис. Но почему же ты так встревожен, так печален?

— Да, леди Люси, я встревожен. И опечален. Думаю, меня ожидает в Перудже еще один покойник. Я распростился с этим человеком в Венеции, неделю назад. Теперь он, по моим догадкам, мертв. В этом деле уже слишком много трупов. А ведь я только нынешним утром обдумывал наше венчание.

— Я тоже. Как хорошо, что мы думаем об одном и том же. И как, ты решил что-нибудь?

— Ну, я думаю, решение нам следует принять совместно, после того как я вернусь. Впрочем, шафера я себе нашел. И он только и думает о том, как будет целовать невесту.

— Это, надо полагать, Джонни Фицджеральд, — сказала леди Люси. — Что ж, пусть целует, я не против. Хотя твои поцелуи, Фрэнсис, намного лучше.

— Я не могу остаться, — отчаянным тоном произнес Пауэрскорт. — Я должен поспеть на поезд.

— Бедный Фрэнсис, — она притянула его к себе за отвороты пиджака и поцеловала в губы. — Я буду здесь, когда ты вернешься. Только будь осторожен, ладно? Побереги себя. Мне кажется иногда, что твоя работа очень опасна.

Послание Лита было, как и всегда, кратким. Пауэрскорт прочитал его по дороге к комиссару.

«Трехчасовой с Виктории, мой лорд. «Дувр-Кале». Экспресс до Парижа. Предлагаю заночевать в отеле у Лионского вокзала. В 7 утра экспресс на Милан. Прибытие в Милан в 4 вечера. В 4.30 поезд до Флоренции. Прибывает во Флоренцию в 9.30 вечера. В отеле «Риволи», это рядом с вокзалом, забронирован номер. Бывший францисканский монастырь, мой лорд. Поезд на Перуджу в 8 утра. Прибывает в 12.15, мой лорд. Гористая местность. Номер заказан в отеле «Поста» на корсо Ваннуччи».

— Лорд Пауэрскорт, дорогой мой, — комиссар столичной полиции выглядел нынче старым, усталым и несколько ослабевшим. Быть может, подумал Пауэрскорт, на этой неделе и в Лондоне совершилось слишком много преступлений. Четыре карты так и висели по стенам, Ист-Энд покрывали большие красные пятна происшедших там преступлений.

— Сэр Джон, я буду краток. И прежде чем я начну, позвольте сказать, как я благодарен вам за помощь, которую уже получил. Она очень и очень облегчила мне жизнь.

— Я хотел бы быть полезным вам в большей мере, — сэр Джон пожал плечами. — Пока все наши сведения негативны. Насколько нам известно, в настоящее время никакие шантажисты в обществе не подвизаются. Далее, мы проверили местонахождение пятерых названных вами людей в одну из январских ночей этого года, — он бросил на Пауэрскорта проницательный взгляд, словно подозревая о причине, которой вызваны его запросы. — Все они вели себя в соответствии с законом. Так чем же мы можем помочь вам теперь?

— У меня два вопроса, лорд Джон. Простите, если они покажутся вам слишком причудливыми. Первый таков: насколько легко нанять в нашей стране профессионального убийцу? Сколько времени это может занять? И будут ли они, профессиональные убийцы, готовы сделать свое дело за пределами страны? Отсюда, собственно, вытекает еще один вопрос: легко ли нанять такого убийцу за границей? В частности, в Италии. И наконец, нет ли у вас случаем каких-либо связей в полиции итальянского города Перуджа? Не знаете ли вы кого-то, кто мог бы помочь мне в расследовании?

Последний вопрос самый легкий, комиссар поднялся из-за стола и снял с одной из полок толстую папку. — Вы удивились бы, узнав, как часто нам приходится сотрудничать с полицейскими силами других стран. Сбежавшие дети, похищенные драгоценности, воры, которые, как считается, укрылись на родине. Мы ведем записи обо всех полицейских, с которыми нам доводилось работать. Не сомневаюсь, что и они ведут записи о наших офицерах.

Падуя, Палермо, Парма, Павия, Перуджа. Вот она. Перуджа. Нужного вам человека зовут Ферранте, капитан Доменико Ферранте. Он хорошо говорит по-английски. Я пошлю ему кабель о вашем приезде — с просьбой помочь в расследовании.

Теперь о найме убийцы, вы спросили о нем, точно о найме кеба. И это действительно просто,

увы, слишком просто. Не думаю, однако, что британские убийцы так уж готовы работать за пределами наших берегов. Возможно, капитан Ферранте поможет вам разобраться с итальянскими особенностями вашего дела. Полагаю также, вам хотелось бы, чтобы мы держали ухо востро и попытались узнать, не обращался ли кто к нашим убийцам в последние несколько недель? Недель или месяцев, как вы скажете?

— Недель, — твердо ответил Пауэрскорт. — Безусловно, недель. А если быть точным — в последние десять дней.

26.

Местность гористая, мой лорд. Фраза Лита вспомнилась Пауэрскорту, когда его экспресс тащился туннелями, приближаясь к Перудже. Справа внизу он видел огромный простор воды — Тразименское озеро с тремя его островками и поросшими оливами склонами. Здесь, более чем в тысяче миль от дома, Ганнибал, чьи слоны уже одолели, тяжко ступая, Апеннины, ожидал в туманах и мгле раннего утра армию римлян. Пятнадцать тысяч римских солдат полегло тогда между горами и озером, резня продолжалась несколько часов. Впадающая в Тразименское озеро речушка получила название Сангвинетто в память о крови, которую две тысячи лет назад несли ее воды.

На вокзале в Перудже Пауэрскорта приветствовал совсем молоденький итальянский полицейский. Он вытянулся в струнку и старательно отдал честь. Тужурка юноши была велика ему по меньшей мере на два размера, из рукавов торчали наружу лишь кончики пальцев. Свежеотглаженные брюки складками наплывали на башмаки. Матушка его, решил Пауэрскорт, считает, что сыну еще предстоит подрасти. Какой смысл тратить хорошие деньги на форму, если она протянет всего лишь год? Пусть даже это форма полицейского.

— Лорд Пауэрскорт? Добро пожаловать в Перуджу, сэр. Я отправлю ваши чемоданы в отель. И отведу вас к капитану Ферранте, сэр.

Капитан сидел в маленьком кафе — пил кофе и мрачно изучал лежащий перед ним на столе длин-

ный рапорт. Едва Пауэрскорт уселся, как подали свежий кофе, черный и крепкий.

— Лорд Пауэрскорт, очень рад знакомиться с вами. У меня есть длинное письмо от комиссара, извещающее о вашем приезде. Как комиссар?

— Комиссар здоров. Хотя при последней нашей встрече в Лондоне он выглядел усталым.

— Я думаю, полицейские везде устают. Слишком много преступлений, слишком много преступников. Не хватает времени поймать их всех.

Капитан Ферранте был хорошо сложенным человеком, совсем недавно разменявшим пятый десяток. Вид у него, несмотря на обилие преступлений, был веселый.

— Этот комиссар и я, мы работать вместе, три или четыре года назад. Английский милорд, очень глупый молодой человек, он украсть картину из одной церкви города. Возможно, он думать, что повесит ее на стенах своего палаццо в Англии. Мне пришлось ехать и возвращать картину в Перуджу. Комиссар, он очень помогает. Он любит картины, я думаю, комиссар. Да?

— О да. Любит, — и Пауэрскорт вспомнил разговоры о прискорбного качества акварелях с видами Темзы, которые комиссар пишет в свободное время.

— Мы вернуть картину. Комиссар говорит, что если ее написали, чтобы висеть на стенах Сан-Пиетро в Перудже, так там ей и место, там она и должна жить. Но к делу, лорд Пауэрскорт. Я верю, вы думаете, что, возможно, сможете опознать тело из фонтана? Тела без имен, с ними очень трудно. Наши процедуры для мертвых людей, они очень правильны, очень уважительны, однако они предполагают, что мы знаем, кто эти люди.

Мы пьем наш кофе здесь, потому что тело вон в том доме, — Ферранте указал на большое, импозантное здание, стоящее на другой стороне улицы. — Это больница. Морг находится в дальнем углу больницы. Там и есть тело. Монахини, вы знаете, монахини, которые нашли его в фонтане, они настояли, чтобы омыть тело, очистить

его и все прочее. Мать настоятельница, она настаивает.

Снятие лорда Эдуарда Грешема с креста, подумал Пауэрскорт, дополняющее собою все написанное ранее — плачущие женщины, спускающие с окровавленного креста обмякшее тело, грозные тучи над их головами, воздух, пронизанный смыслом происходящего.

Пойдемте, сказал Ферранте. — Мы сможем выпить еще кофе, когда вернемся. Потом я отведу вас к фонтану.

Они пересекли улицу и вошли в больницу. По коридорам ее катили на операции больных. Люди с ногами в гипсе, люди с руками в гипсе совершали первые свои экспериментальные выходы из операционных и, шатко ковыляя, присоединялись к основному потоку движения. Доктора, переходя из палаты в палату, сличали свои записи.

— Нам вниз по этим лестницам. Очень много лестниц.

Стук их каблуков эхом отзывался в лестничном колодце. Безукоризненно чистые бледно-зеленые стены украшались через правильные промежутки изображениями Девы. Навстречу им поднялись и прошли мимо двое мужчин в черном, гробовщики Перуджи с неподвижными, профессионально благочестивыми лицами.

— Я должен найти служителя. У него ключ, — и Ферранте скрылся за боковой дверью.

Естественное освещение внизу отсутствовало — лишь мерцание ламп. Быть может, здесь, гадал Пауэрскорт, в пятидесяти футах под землей, под взглядом блаженно улыбающейся Мадонны, и закончится мое путешествие.

— Сюда, пожалуйста, — огромная дверь негромко заскрипела. Ферранте и служитель морга перекрестились.

В этом помещении стоял изрядный холод. Окна отсутствовали. Стены сверкали белизной. Пара ламп посылала длинные тени живых на стены мертвых. Морг представлял собой квадрат со стороной футов в пятнадцать, по стенам его возно-

сились к потолку ярусы коек. Только это на самом деле не койки, сказал себе Пауэрскорт. Это полки. И на каждой лежит труп.

— *Questo. Si, questo. Per favore*, — прошептал служителю Ферранте. Вот этот. Этого, пожалуйста.

Служитель потянул на себя вторую полку справа. Тело в ящике выползало из стены медленно, словно не желая, чтобы его опознали.

Шейный платок — вот что первым бросилось в глаза Пауэрскорту, тот же шейный платок, что был на молодом человеке в последнее их венецианское утро. Шелковый шейный платок. Залитый кровью шелковый шейный платок, обозначавший присутствие здесь лорда Эдуарда Грешема. Лицо его было спокойным, несмотря на огромную рану на шее. Монахини, подумал Пауэрскорт, омыли его хорошо, молясь, счищая кровь с лица изуродованного Грешема. Он увидел отметины на руках — нож с силой вонзался в них и проворачивался в ранах. Увидел обильно покрытый высохшей кровью сюртук. Возможно, им не позволили вычистить его, пока тело оставалось безымянным. Что-то в лице Грешема напомнило Пауэрскорту других Грешемов, глядящих со стен их родового дома, быть может, в нем проступило даже сходство с матерью. Аристократы и в смерти заключают в себе всех своих предков. В смерти особенно.

Ферранте кашлянул, очень тихо.

— Лорд Пауэрскорт, вы знаете этого человека?

— Знаю.

— Вы уверены? Вы должны поклясться, что уверены. Мы должны заполнить бланки. Для властей, вы понимаете.

— Я уверен, — сказал Пауэрскорт и, пока тело ускользало обратно в стену, прошептал слова последнего прощания с Грешемом. «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром»*.

— Когда вы в последний раз видеть его?

— Я видел его в Венеции, около десяти дней назад.

* Евангелие от Луки, 2, 29.

— Пойдемте, — сказал Ферранте, — бумагами мы можем заняться в конторе. Не здесь, я думаю.

Пауэрскорт понимал теперь, почему итальянские полицейские — люди вечно занятые. Ферранте заполнял бланки с такой скоростью, какую только способно было развить его перо.

— Имя?

— Лорд Эдуард Грешем.

— Адрес?

— Торп-Холл, Уорикшир, Англия.

— Род занятий?

— Армейский офицер.

— Женат или одинок?

— Был женат. Жена скончалась. Детей нет.

— Будем считать, одинок. Вероисповедание?

— Католическое.

— Ближайший родственник?

— Мать. Леди Бланш Грешем, Торп-Холл. Адрес тот же.

— Причины посещения Перуджи?

— Турист.

— Адрес, по которому тело следует доставить для погребения?

— Опять-таки, Торп-Холл.

Семейный склеп, предмет ухода его матери. Надо думать, даже леди Грешем заплачет, когда сын ее возвратится домой в гробу.

— Большое вам спасибо, лорд Пауэрскорт. А теперь, пока я покончиваю с бланками, возможно, вы захотели бы взглянуть на это. — Ферранте извлек из письменного стола небольшой мешочек и вытряс его содержимое на стол.

— Это то, что мы нашли в его карманах и так далее. Никто не прикасался, только кровь.

Здесь имелся билет на поезд до Рима, первый класс, пятидневной давности. Видимо, день убийства был последним днем пребывания Грешема в Перудже — последней его остановкой на пути в Рим. Имелась горстка мелких монет и оплаченный счет из «Флорианс» в Венеции. Боже мой,

подумал Пауэрскорт, ведь это он был со мной — официанты вокруг, гондольер Сандро, машущий шляпой с другого конца площади Святого Марка, зеркало на стене. Имелось письмо, написанное Грешемом себе самому. Моя епитимья, значилось в его начале, наложенная отцом Менотти, ОИ. Далее следовал список молитв, покаянных деяний, темных ссылок на тонкости веры, Пауэрскорту непонятных.

Погоди-ка, сказал он себе. Если Грешему предстояло исполнить епитимью, значит, он должен был исповедаться здесь, в Перудже, или, может быть, во Флоренции.

— Капитан Ферранте.

— Да, лорд Пауэрскорт, — капитан уже успел добраться до середины очень длинного формуляра. Он продолжал строчить.

— Мне нужно задать вам вопрос, касающийся католической веры.

— Я не священник, вы же понимаете, — Ферранте наполнял ручку официальными синими чернилами. — Но брат священник. И жена, боюсь, она очень набожна.

— Лорд Эдуард Грешем перешел в католичество. В начале этого года он убил одного человека. Из мести. Этот человек убил жену Грешема. Грешем направлялся в Рим. Где-то по пути он собирался исповедаться. И вот этот клочок бумаги наводит меня на мысль, что он так и сделал.

— В Перудже, лорд Пауэрскорт, отца Менотти нет. Мы проверили. Думаю, этот из Флоренции. Я написал ему, но он пока не отвечает. Почта иногда слишком медленная. Почти всегда, — Ферранте грустно покачал головой, сожалея о несовершенстве почтовой службы.

— Если он исповедовался, удастся ли ему попасть на небо? Понимаете, он очень стремился попасть на небо, чтобы встретиться там с женой. С Луизой, так ее звали. Он был уверен, что Луиза на небесах.

— Я думаю, тут так, — произнес, продолжая неистово писать, Ферранте. Пауэрскорт видел, что

теперь он проставляет свое имя на множестве бумаг, выводя в начале «Ферранте» размашистое «Ф». — Если он исповедуется, а священник отпускает ему грехи, и он исполняет таинство покаяния, тогда его душе возвращается состояние очистительной благодати. Он будет в состоянии благодати. И Бог примет его на небо. Он может снова встретить Луизу, возможно.

Пауэрскорт почувствовал облегчение. Ему не хотелось думать, что Грешем утратит Луизу где-то между небом и преисподней.

— Так это история обреченных любовников? — Ферранте укладывал бланки в папку. — Как Ромео и Джульетта в Вероне или Элоиза и Абеляр? На это раз у нас Эдуарде и Луиза. Может, нам следует написать оперу, мне и вам, лорд Пауэрскорт. Итальянцы ее полюбили бы. «Eduoarde e Louisa». Последнее действие могло быть здесь, в Перудже, — у фонтана, когда обнаруживают тело Эдуарде, распевает огромный хор. Всюду кровь. Свет над собором меркнет. Призрак мертвой Луизы, она приходит петь над трупом любимого. Может быть, дуэт. Эдуарде и Луиза наверху Колледжио дельи Камбио, там, на площади. Два привидения, но какая роскошная ария. Она внушила бы публике почтение. Может быть, они кричали бы от восторга. Может быть, плакали бы.

Простите, лорд Пауэрскорт. Я увлекся. Я очень люблю оперу. Миссис Ферранте, она говорить, я трачу на театр слишком большие деньги. А теперь время для кофе. Эти бланки, — он торжествующе помахал папкой, — эти бланки покончены. Слава Богу.

На сей раз они оказались в тихой задней комнате кафе. Им принесли черный кофе и блюдо пирожных.

— Лорд Пауэрскорт, — капитан Ферранте быстро уплетал маленькое лимонное пирожное. На блюде, отметил Пауэрскорт, их было немало. Возможно, Ферранте питал к ним особое пристрастие. — Я думаю, нам следует говорить открыто. Никто не может услышать нас здесь. Никто нам

не помешает. Мы сможем решить, что нам потом вставить в наши отчеты. Да?

— Конечно.

— Я думаю, когда вы приехали сюда, что вы ожидали найти, что тело было телом лорда Грешема. Это верно? Комиссар прислал мне справку о том, что говорилось в «Таймс» про Перуджу в день, когда вы пришли его повидать.

Пауэрскорт не говорил сэру Джону о заметке в «Таймс». В этом он был совершенно уверен. Хотя Перуджу, разумеется, назвал. Видимо, соединить одно с другим было не так уж и трудно.

— Да, я ожидал, что покойник окажется Грешемом.

— Могу я спросить вас, лорд Пауэрскорт, почему вы думали, что это Грешем? Вы читаете эту заметку в вашей газете, вы бросаете все ваши другие дела и как можно быстрее едете в Перуджу. Отчего?

Пауэрскорт, наконец, понял, почему комиссар придерживается о Ферранте высокого мнения.

— Мы сейчас разговариваем конфиденциально, капитан?

— Да. Даю вам слово.

— Все дело в том, *как* его убили. В его ранах.

— Но почему эти раны делают вас столь уверенным? Простите меня, я должен написать отчет об этом убийстве. Убитый может быть англичанином, не жителем Перуджи, но я все равно обязан искать убийцу. Как, вероятно, и вы, лорд Пауэрскорт, хотя, возможно, другого. Для вас, я чувствую, это конец. Для меня это может быть только началом. Я всегда могу написать в середине отчета, что его убило неизвестное лицо или лица. Это я делал и раньше, да поможет мне Бог. Однако я возвращаюсь к ранам, — капитан Ферранте протянул руку еще к одному лимонному пирожному. — Что там такое с ранами?

— При убийстве более раннем, — ответил Пауэрскорт, — том, о котором я говорил, жертве перерезали горло и рассекли артерии, убийца сделал все, чтобы пролить как можно больше крови.

Это было ужасно. Убийство в Перудже — копия совершенного в Англии, прямая копия, рана к ране, порез к порезу. Прочитав в «Таймс» о деталях смерти, я проникся уверенностью — это Грешем. Здесь, полагаю, фонтан смыл часть крови. В том случае вода отсутствовала, только простыни и ковры. Кровь лужами стояла на полу.

— Не думаю, что мне хочется очень много знать об этом прежнем убийстве, лорд Пауэрскорт. Я забываю об этом. — Ферранте взял в качестве вспомоществования амнезии еще одно пирожное. — Вы думаете, простите меня, что убийцей в обоих наших убийствах был один и тот же человек, что эти раны своего рода ужасное личное клеймо?

— Я совершенно уверен, — ответил Пауэрскорт, решивший, что и ему лучше бы попробовать одно из пирожных, пока они не подошли к концу, — что убийца не один и тот же человек. У нас имеется двое разных убийц.

— Возможно, им следовало бы спеть вместе арию в нашей опере, в «Eduoarde e Louisa», «Дуэт убийц». Они могли бы точить ножи на ступенях собора, прокалывая себе пальцы, чтобы кровь могла забрызгать все их красивые белые рубашки.

— Похоже, эта опера способна обратить нас в богатых людей, — дипломатично согласился Пауэрскорт. — Но позвольте задать вам вопрос. Предположим, вы англичанин. Предположим, вы хотите убить лорда Грешема. Вам известно, что он направляется в Перуджу. Могли бы вы нанять здесь шайку убийц, чтобы те покончили с ним?

— Думаю, могли бы, если бы были в Палермо. Или в Неаполе. Может быть, даже в Риме. — Ферранте говорил, тщательно взвешивая каждое слово. — В Перудже — нет. Я думаю, нет. Конечно, у нас есть убийцы. Однако это граждане города, убивающие один другого из-за любви, или измены, или страсти, или по каким-то еще причинам. В Перудже мы сами совершаем наши убийства. Мы не просим посторонних пойти и сделать это за нас. И кроме того, кто в Перудже захотел бы

убивать лорда Грешема? Никто его даже не знает. И мы не знали, кем он был, пока не приехали вы.

— Стало быть, ваш опыт говорит вам, что некто должен был приехать в город, чтобы найти его. И затем убить.

— Именно так, лорд Пауэрскорт. И есть коечто еще. — Ферранте прошел к выходу из ниши — проверить, не вслушивается ли кто-нибудь в их разговор. И возвратился со свежим кофе. — Мы нашли оружие. Возможно, то самое, которым лорду Грешему зарезали горло. Длинный и очень острый нож. Мы обнаружили его в углу пьяцца, ярдах в ста от фонтана. Нож не совсем обычный. Сейчас я расскажу вам — чем.

Мои люди, они обходят все мясницкие лавки, все кафе, все рестораны, все большие частные дома, где повар может использовать такой нож. У обычных людей вроде миссис Ферранте, говорю вам, у нее такой вещи не было бы. В ней нет нужды. Мои люди, они спрашивают этих поваров и мясников, не потерял ли кто нож. Или не узнают ли они тот, который нашли у фонтана. Нет. Этот нож, он чужой в Перудже, иностранец.

И вдоль лезвия очень маленькими буквами говорится «Сделано в Шеффилде». Так вот, мы не знаем, есть ли это оружие убийцы. Но это возможно. И оно могло приехать сюда из Англии. Я знаю, Шеффилд славится сталью, однако здесь, в Перудже, никто не покупает ножи, сделанные в Англии. Они покупают ножи, сделанные в Италии, или в Германии, или во Франции. Не ножи из Шеффилда. — Ферранте помолчал и улыбнулся Пауэрскорту. — Позвольте мне подытожить для вас, лорд Пауэрскорт, что у вас имеется. Потом вы сделаете то же для меня. Нас заставляли играть в такую игру в полицейской школе. Иногда получалось очень хорошо.

Вы приезжаете, чтобы выяснить, не Грешем ли попадает в фонтан. В душе вы думаете, это он, даже до того, как видите его. Итак, вы его находите. Опять же в душе вы, я думаю, знаете, кто его убил. Не обязательно имя человека. Возможно, кто-то

велит кому-то еще сделать это для них. Возможно, убийца выполняет приказ. Я думаю, вы знаете, что этот убийца, убийца Грешема, мог вернуться туда, откуда прибыл, — вероятно, в Англию. Правильно?

— Очень хорошо, — ответил Пауэрскорт. — Теперь давайте попробую я.

Ферранте медленно-медленно доедал последнее лимонное пирожное, один крохотный кусочек за другим.

— У вас в морге лежало тело. Чье, вы не знали. Теперь знаете. Думаю, вы сознаете также, что убийца не станет наносить здесь, в Перудже, еще один удар. Он приезжал сюда лишь для того, чтобы убить Грешема. И сделал это. Сейчас он, скорее всего, возвратился домой. Орудие убийства он мог бросить здесь. Вы вправе закрыть дело, капитан Ферранте. В отчете вашем будет сказано, что лорда Грешема убил английский убийца, посланный сюда именно с этой целью. Неизвестным лицом или лицами. Дело закрывается.

— Я думаю, вы правы, лорд Пауэрскорт. Я могу закрыть мое дело. Но я гадаю, не нанесет ли убийца новый удар. Будьте осторожны, мой лорд. Эти люди с острыми ножами очень опасны. Однако пошли. Нам следует сходить и посмотреть на фонтан, пока еще не стемнело. И следует еще раз подумать об опере. Быть может, мы станем вроде тех англичан, Гильберта и Сэлливана? Пауэрскорт и Ферранте. — Капитан Ферранте промурлыкал себе под нос коротенькую мелодию. — Начало, я думаю, у меня есть начало. Старый английский замок на закате. Лорд Грешем сидит на зубчатой стене и томится любовью к Луизе. Он смотрит на огромное озеро, лежащее посреди его земель. Она плывет к нему в лодке. Он еще не может видеть ее. Послушайте. Он начинает петь...

27.

— Не оборачивайтесь. Не оглядывайтесь. Пока еще нет.

Капитан Ферранте вел Пауэрскорта по Виа дель Приори, соединяющей больницу и морг, находящиеся в университетском районе, с главной площадью Перуджи.

— Я думаю, за нами следят. И думал об этом уже некоторое время.

Он искоса глянул на Пауэрскорта. Того, похоже, более всего интересовали две очень старые итальянки, тащившие по улице, согнувшись почти вдвое, сумки с овощами и изливавшие на мостовую потоки итальянской речи.

— Вы можете сказать, итальянцы это или англичане?

— Не могу. Они то ненадолго выглядывают из дверного проема, то отступают в тень. Коричневое пальто, по-моему. Иногда в шляпе, иногда нет. За вами следили прежде, лорд Пауэрскорт?

— Следили, капитан Ферранте. Но это было много лет назад, в Индии.

В Дели или в Калькутте? В Дели, припомнил он. Там ему пришлось очень туго, поскольку вокруг было слишком много людей, слишком много лиц и глаз, машинально вглядывающихся в тебя, если ты белый. Но только двое из них шли за тобой с ножами, шли за англичанином, одним из правителей. Он вспомнил одолевавшую его потребность бежать, как можно быстрее оторваться от преследователей, промчаться по площади и укрыться в одном из правительственных зданий, в безопасности его архивов. В здании белого чело-

века, здании правителя. Там ты будешь вне опасности. Но следом тебе приходит в голову, что удариться в бегство — значит стать еще более приметным, более бросающимся в глаза.

— Что же, нам следует подумать, что с этим сделать. Или кто это может быть. У вас есть какая-нибудь мысль о том, кто это может быть, лорд Пауэрскорт? Ладно, поговорим об этом позже, в вашем отеле. Видите, это пьяцца Четвертого ноября. А это фонтан, где нашли тело.

Слева от них возвышался собор Сан-Лоренцо с фасадом, так за четыреста пятьдесят лет и не завершенным. Справа — прекрасное Палаццо деи Приори с изящными окнами и готическими скульптурами, цепями и решетками ворот, исполняющими роль памятников давних побед над врагами Перуджи. Корсо Ваннуччи, названный в честь знаменитейшего из живописцев Перуджи, Перуджино*, уходил отсюда к площади Виктора-Эммануила. Там стояла огромная статуя самого короля Виктора-Эммануила II**. Интересно, подумал Пауэрскорт, подсчитывал ли кто-нибудь число статуй Виктора-Эммануила, разбросанных по вновь объединенной им стране? Он неизменно сидел на коне. Сидел в каждом крупном городе Италии, взирая сверху вниз на свой народ. Скульпторы могли бы ставить ему памятники и от собственного имени — таким количеством работы он их обеспечил.

Фонтан поднимался тремя грациозными ярусами — пара двадцатичетырехугольных бассейнов, увенчанная бронзовой чашей.

— Люди приходят посмотреть на этот фонтан со всего мира, — печально произнес Ферранте. — И всегда, я думаю, говорят о скульптурах по его сторонам, о тонкой работе мастеров, о маленьких

---

* Пьетро Ваннуччи (1446–1524), прозванный Перуджино, учитель Рафаэля.

** Виктор Эммануил II (Vittorio Emanuele) (1820–1878) — король Сардинского королевства в 1849–1861 годах и первый король объединенной Италии с 1861 года.

статуях героев перуджийской истории. Они забывают, что он значит для жителей города. Жители идут сюда за свежей водой. Идут, чтобы омыться в маленьких бассейнах. Я уверен, шестьсот лет назад все это было для них куда важнее статуй. Свежая вода на вершине холма — люди, должно быть, думали, что она исходит от Бога.

Но взгляните, — Ферранте подвел Пауэрскорта к самой кромке фонтана. По другую его сторону молились, склонив головы, две монахини. — Они забросили тело на верхний ярус. Доктора думают, что лорд Грешем был мертв еще до того, как из него вытащили ножи. Я думаю, они перерезали горло и другие места уже потом. Кровь переливалась через мраморный край в нижний бассейн. Думаю, они перекрывают вон там выпуск воды из фонтана. И фонтан наполняется кровью Грешема.

Это то, что видят монахини по пути в кафедральный собор сзади нас. Они видят отметины на руках и сбоку на теле. А поскольку вода вытечь не может, когда монахини возвращаются со службы, здесь еще очень много крови, хоть тело уже и убрали. Кровь, смешанная с водой, переливается через край фонтана Маджоре и течет по улице.

Несколько паломников присоединилось к монахиням, преклонив колени на жестких камнях площади. Вода, теперь уже чистая, текла, спадая в фонтан, плеск ее тонул в звуках молитв и шарканье ног проходящих мимо людей.

— Как по-вашему, капитан Ферранте, почему его бросили здесь? Это так и было задумано? Или их застали врасплох?

— Я думаю, они намеревались нанести ему все эти раны. Но не думаю, что хотели бросить его здесь. Думаю, они выходят на площадь по одной из этих узких улочек. И собираются уйти по другой, возможно, той, по которой только что пришли мы. И тут они слышат шум. Может быть, слышат, как подходят монахини. Не поют ли они, направляясь в церковь, эти монахини? Убийцы в панике. Они быстро делают на теле надрезы.

И убегают. Достойные сестры находят труп, раны на нем, кровь. Они думают, это знаки Бога. А когда выходят после молитвы, тела нет. Мои люди, они уносят его. Что думают монахини? Возможно, он восстал, восстал из мертвых. Здесь, в Перудже, у нас произошло второе Воскрешение, в четыре часа утра. И теперь они молятся. Никогда не останавливаются. У фонтана всегда находится монахиня.

Капитан Ферранте перекрестился, вспомнив, быть может, брата-священника, свою благочестивую жену, напоминающую ему о его долге.

— Позвольте мне угостить вас пивом, капитан Ферранте. Отель мой совсем рядом. Пожалуйста, я настаиваю.

Двое мужчин пошли по Корсо Ваннуччи. Каменные грифоны, символы Перуджи, наблюдали за их продвижением. Живые глаза, глаза людей, глаза соглядатаев, помечали их недальний путь. Теперь повсюду вокруг роились университетские студенты — прогуливающиеся рука об руку по улице, сидящие в кафе, беседующие о лекциях, планирующие революции, влюбляющиеся. Вдали в розовом, исчерченном черным небе садилось за холмы Умбрии солнце.

— Случайности. Вечные случайности, вот что осложняет нашу жизнь.

Ферранте медленно прихлебывал пиво в тихом углу отеля. Пауэрскорт понимал, что отсюда капитан может приглядывать за входом, оставаясь невидимым с улицы. На сей раз лимонных пирожных не было, лишь несколько маслин.

— Я думаю, лорд Пауэрскорт, о том, что должно было произойти, вероятно, должно было. Эти люди убивают лорда Грешема. Они намерены где-то оставить тело. Никто его не знает. Проходит время, и он становится еще одним неизвестным покойником, зарытым с другими неизвестными в могилах без имен на надгробии. Но нет, мешает случайность. Они взяты врасплох, убийцы. Они паникуют. Они бросают тело. Монахини находят его. Они поднимают шум насчет Божьих знамений. Это появляется в вашей «Таймс». Вы едете в

Перуджу. Теперь мы знаем, кто он. Но, может быть, они ждут и вас тоже, убийцы. Каким-то образом они узнают, что вы собираетесь приехать сюда. Может быть, и убийцы читают «Таймс», как все в Англии. Они думают — и лорд Пауэрскорт тоже, он приедет в Перуджу.

Я вам скажу одно, друг мой. Здесь они вас не убьют. Они не убьют вас в Италии. Сначала им придется убить Доменико Ферранте!

Пауэрскорт рассмеялся и похлопал капитана по плечу. Обниматься с итальянцами — это уже входит у меня в привычку, подумал он, — с Панноне, с Ферранте. Два человека, меньше чем за месяц.

— Капитан Ферранте! Я чрезвычайно вам благодарен. Уверен, ответ на мои проблемы находится в Лондоне, не в Перудже. Завтра мне придется отправиться домой.

— Но как нам доставить вас домой, друг мой? Вот в чем вопрос. Не думаю, что вам следует отправляться назад тем же путем, каким вы попали сюда.

Капитан Ферранте раскуривал большую сигару. Густые клубы дыма волновались вокруг их маленькой софы, словно та стояла в первом вагоне поезда.

— Не нравится мне вид человека, который только что вошел сюда, — сказал он, добавляя к прежним клубам новые. — Чем хуже нас видно, тем лучше. Этой ночью, лорд Пауэрскорт, я буду держать ваш отель под присмотром. Очень осторожно, вы понимаете. Может быть, нам удастся схватить одного из этих наблюдателей и узнать от него всю правду. Может быть.

Завтра утром я очень рано приду за вами. Мы отправляемся в Ассизи. Я сажаю вас в почтовый поезд до Рима. Вы едете с посылками и письмами, вы понимаете. Пассажиров нет. Из Рима, я думаю, есть поезд в Париж. С вами поедут двое моих людей. Просто на всякий случай.

Ферранте вспомнил слова своего друга, комиссара столичной полиции: «Возможно, ему грозит опасность гораздо большая, чем он полагает. По-

жалуйста, доставьте его назад невредимым, как бы это ни было трудно».

— Друг мой, друг мой, — и Ферранте заказал еще две кружки пива и вонючую сигару.

Я вспоминаю дело, которым мы занимались здесь, в Италии, два года назад. Под конец были убиты трое. Первый человек был жертвой, которую убийца и собирался прикончить с самого начала. Но он все время делает ошибки. Двое других людей знают, что он убийца. Он не может позволить, чтобы другие знали его тайну. Они могут выдать его. Они слишком много знают. И он убивает их тоже. Не так ли обстоит дело и с вами, лорд Пауэрскорт?

Пауэрскорт вдруг вспомнил Сутера с Шепстоуном, склонившихся в гостиной Мальборо-Хауса над картой Италии, и Дони, застывшего рядом с ними в ожидании приказаний. Вероятно, они-то и убили Грешема. Да нет, он уверен в этом. Однако и он, Пауэрскорт, знает о шантаже, знает о тринадцати годах выплат юношам с корабля Ее Величества «Британия», знает о молодом человеке, умершем от сифилиса. Знает о причине бессмысленного кругосветного плавания с лордом Джоном Скоттом и паскудным пастором на другом корабле, на «Вакханке». Знает о принце Эдди и тайном клубе гомосексуалистов в Чизике. Знает, кто убил принца Эдди. И знает, кто убил убийцу принца.

Он знает слишком много.

Если бы ты был Сутером или Шепстоуном, ты не хотел бы, чтобы все эти знания слонялись по Лондону или Перудже. Тебе не хотелось бы, чтобы они слонялись даже по Нортгемптонширу. Тебе хотелось бы разделаться с ними раз и навсегда.

Лорд Фрэнсис Пауэрскорт. Покойся в мире.

Он снова обратился к капитану Ферранте:

— Думаю, я знаю, как обстоит дело со мной. В начале этого расследования я полагал, друг мой, что от меня требуется всего лишь найти убийцу. И я его нашел. Затем потребовалось найти тех, кто

убил убийцу. Думаю, я нашел и их. Теперь мне нужно найти способ остановить их, пока они не убили меня. Потому что я — человек, который слишком много знает.

Этой ночью Пауэрскорту приснился сон. На площади у кафедрального собора стояла ночь. Здесь играли оперу. Вдоль стен собора и Палаццо деи Приори выстроились певцы. Трубачи часовыми замерли на крыше. Пылающие факелы отбрасывали на публику внизу длинные тени. Женщина, прислонясь к фонтану и водя рукой по воде, пела арию. По площади с великой скоростью бежал мужчина. Мужчина, им был Пауэрскорт, ненадолго остановился, чтобы пропеть с женщиной последний дуэт. Толпа преследовала его. Трое солдат в роскошных мундирах сдерживали толпу. Пауэрскорт различил руководившего обороной, облаченного в средневековый костюм капитана Ферранте. Вот Ферранте упал. Толпа рванулась к мужчине у фонтана. Он повернулся и отчаянно понесся вниз по одной из узких улочек, оскальзываясь на ее уклоне.

Женщина пропела ему последнее прости.

Пауэрскорт несся по улице. Музыка достигла громового крещендо. Два пистолетных выстрела грянули в ночи, заполнив оставленную последними аккордами тишину.

Он проснулся.

Уильям Лит, говорил себе на следующее утро Пауэрскорт, почтовые поезда в качестве средства передвижения не одобрил бы. Трудно представить себе лорда Роузбери, скорчившегося в темноте, среди черных мешков с итальянской почтой. Сквозь щели в стене вагона сюда пробивались обрывки рассвета, полоски сельского пейзажа постепенно светлели снаружи. Окно отсутствовало. Ветер свистел, проносясь над мешками и троицей рядом с ними — Пауэрскортом и его полицейским эскортом, двумя очень серьезными мужчинами с тонкими усиками и в длинных черных перчатках.

— Они доедут с вами до Парижа, — сказал при прощании Ферранте, опуская в карман Пауэрскорта тяжелый пакет. — Пистолет. Он заряжен. Просто на всякий случай, друг мой. Просто на всякий случай.

Они обнялись еще раз, в холодном воздухе станции Ассизи, среди охраны, патрулировавшей состав по всей его длине, и дыма, поднимавшегося от его головного вагона.

В Риме полицейские облачились в форму — великолепные шляпы сообщали особую значительность темной синеве их мундиров и поблескивающей черноте брюк. По-английски из них говорил только один. В пути Пауэрскорт вел с ним странные разговоры о его семье, о дедушке, который ходил в походы Гарибальди, и бабушке, которая так и не простила ему этих долгих отлучек из дому. Если хотите знать мое мнение, говорила она, все эти походы — одна только зряшная трата времени. Остался бы прежний король, было бы то же самое: как было в лавках все дорого, так и осталось. Пауэрскорт рассказал ему о леди Люси, о том, что они собираются пожениться. Джулио, так звали полицейского, страшно разволновался и быстро переводил услышанное другу, стоявшему снаружи в коридоре, бесконечно оглядывая двери и сжимая в кармане нечто увесистое. Джулио спросил, не пригласит ли он на свадьбу королеву Викторию. Пауэрскорт почему-то не думал, что сделает это. Не думал, что станет приглашать на свадьбу хоть кого-то из членов королевской семьи.

Если он вообще доживет до свадьбы.

И все это время они оставались настороже — к северу от Рима, в горах, на равнинах Ломбардии. Оставались настороже, пересекая в темноте Альпы. Оставались настороже, когда поезд мчал на север вдоль солнечных берегов Роны. Оставались настороже, приближаясь к Парижу, — глаза полицейских постоянно шарили по сторонам, каждого, кто проходил мимо их купе, осматривали, точно багаж контрабандиста на таможенном пункте.

Они довезли Пауэрскорта до Кале, хоть в приказах их значилось — покинуть его в Париже.

— Вы и представить себе не можете, каков капитан Ферранте в гневе, — сказал Джулио. — Очень страшный. Он велел проследить, чтобы вы безопасно добрались до Англии. Вот мы, лорд Пауэрскорт, и следим, чтобы вы безопасно добрались до Англии.

Они оставались настороже на плоских равнинах Франции, однообразие которых нарушалось лишь церковными шпилями. Оставались настороже, когда Пауэрскорт грузился на судно. Они осмотрели всех прочих пассажиров. И оставались настороже, пока судно отчаливало, а сами они энергично махали руками стоявшему на палубе Пауэрскорту.

— *Arrivederchi! Chao!* — кричали они с берега. Они оставались настороже, пока судно почти не скрылось из виду, напрягали слух — не донесутся ли с него выстрелы или крики. Они оставались настороже, пока глаза их не перестали различать что-либо, кроме темно-серых вод Английского канала.

Леди Розалинда сама открыла входную дверь своего дома на Сент-Джеймсской площади.

— Фрэнсис, Фрэнсис, ты вернулся. Наконец-то. Слава Богу, ты невредим. Пойдем присядем.

— А почему бы мне не быть невредимым, Розалинда? — спросил Пауэрскорт, с облегчением отмечая, что шторы в гостиной задернуты.

Дело в лорде Джонни, Фрэнсис, лорде Джонни Фицджеральде. В него стреляли.

— Господи, — выдавил Пауэрскорт. Боже ты мой! Огромная волна гнева накатила на него. — Когда? Он жив? Убит?

— Нет, он не убит. Но то, что он все еще жив, — это чудо. Он выкарабкается. Я вчера ездила в Роуксли повидать его.

— Он в Роуксли?

— Да, уехал туда два дня назад. Сказал, что устал дожидаться твоего возвращения в Лондон. Что

ты, должно быть, отправился осматривать какие-нибудь клятые фрески или еще что. Ему хотелось понаблюдать за птицами, — Розалинда говорила теперь очень тихо. — Он отправился на прогулку в сторону Фодерингея. Сказал, что видел там пару пустельг. Потом услышал выстрелы. Джонни решил, что это обычная охота. Резко повернулся, потому что ему показалось, что сбоку от него пролетела одна из этих птиц. И кто-то выстрелил. Пуля прошла через грудь, справа. Не повернись он, пуля ударила бы прямо в сердце.

Ах, мерзавцы, думал Пауэрскорт. Мерзавцы.

— Фермер нашел его и привез домой. Доктора говорят, что перевозить его нельзя. Боюсь, от холла и до постели наверху у тебя все в крови. Они сказали, что это лучшее для него место. Он очень слаб. Потерял много крови. Но ему станет лучше. Дело вот в чем, Фрэнсис, — Розалинда смотрела на него так, точно он вернулся с того света. — Джонни надел твою широкую зеленую накидку с капюшоном. Когда вышел прогуляться. Ту, что ты всегда носишь в Роуксли. Лорд Джонни сказал мне об этом, перед тем как снова лишиться чувств. Он не думает, что убить хотели его. Убить хотели тебя.

— Я должен ехать к нему, Розалинда. Ехать немедленно.

Пауэрскорт подошел к окну и чуть раздвинул драгоценные шторы. Он смотрел на площадь, ожидая, когда глаза его свыкнутся с наружной темнотой.

— Розалинда, ты никого отсюда не видишь? Никого, кто мог бы следить за домом?

Вдвоем вглядывались они в лондонскую ночь. Ничего подозрительного. Полицейский, обходящий сквер посреди площади. Пара кебов, высаживающих пассажиров. Заблудившийся пес, призывающий лаем потерянных хозяев.

А это кто там, в углу? Не человек ли в пальто, нырнувший в тень?

Пауэрскорт ждал. Но тень не желала выдать свои тайны. Сказать что-либо невозможно. Он сел

и написал несколько писем: Уильяму Маккензи — прося его немедленно приехать в Роуксли, леди Люси — уведомляя ее о ране Фицджеральда, Роузбери — с просьбой о неотложной встрече, Уильяму Берку — сообщая, что нуждается в его совете, и сколь возможно более скором.

В голове Пауэрскорта складывались очертания плана, который, возможно, позволит ему остаться в живых, дожить до свадьбы с леди Люси и до весенних цветов, — плана, требовавшего участия Уильяма Берка, финансиста, делового человека, директора «Месье Финчс и компании», в заключительной сцене последнего акта.

28.

От станции Аундл до своего дома Пауэрскорт добрался кебом. Обычно он проделывал этот путь пешком. Но не сегодня, подумал он, когда кеб, дребезжа, проезжал мимо спален и спортивных площадок школы Аундла, не сегодня.

Он думал о Джонни Фицджеральде, лежавшем на дороге в паре миль отсюда, спасенном от смерти пролетевшей мимо него пустельгой. Думал о том, как его, скорее всего, бесчувственного, везли по ухабистой дороге домой. Я похож сейчас на какого-то зверя с изображающей охоту картины «Загнанный Пауэрскорт» — зверя, ожидающего внезапной вспышки в темноте, треска пистолетного выстрела.

Роукли-Холл в осаде, враг переоделся в охотников, целыми днями прочесывающих окрестности в поисках широких зеленых накидок на дорогах. В лесу затаились чужаки с ружьями, способные уложить человека с расстояния в пятьсот ярдов. Следует ожидать стука в дверь, превращающего тебя в идеальную мишень для стрелка, засевшего по другую сторону поля.

Мужчины уходили из моего дома, чтобы сражаться при Азенкуре и Креси, напомнил он себе. Быть может, нам удастся призвать их призраки, чтобы те встали часовыми на крыше — со смертоносными луками, чьи стрелы готовы защитить их хозяина, с арбалетами, которые спасут его.

Когда он добрался до дому, Фицджеральд спал беспокойным сном, переворачиваясь в постели Пауэрскорта с бока на бок.

— Он все время спрашивает о вас, — сказала миссис Уорри, экономка Пауэрскорта, которая и ходила за больным. — Просил, как только вы появитесь, сообщить ему.

— Ну, вот я и появился, миссис Уорри. Идите отдохните. Что говорит доктор?

— Доктор приходил нынче вечером, мой лорд. И завтра утром придет опять. Говорит, что он поправится, только ему нужен покой. И каждый раз, как приходит, дает ему какое-то лекарство. Еще он говорит, что лорду Фицджеральду нельзя никакого спиртного. Во всяком случае, пока.

— Не думаю, что это принесет Джонни большую пользу, миссис Уорри. Совсем не думаю.

Миссис Уорри рассмеялась.

— Да он как раз этим вечером попросил у меня капельку бренди. Всего только капельку, говорит. От боли.

— Раз Джонни просит бренди, значит, ему определенно становится лучше. Он идет на поправку.

Назавтра Пауэрскорт встал с утра пораньше. Он направился к письменному столу в своей маленькой гостиной, окна которой выходили в сад и на церковный погост. Из травы уже выглядывали ранние подснежники. Скоро, сообразил он, все лужайки вокруг дома засветятся от клонящихся на ветру цветущих нарциссов. То было любимое его время года.

Он принялся сочинять письмо к сестрам — на случай, если убийцы все же настигнут его. Он думал о Джонни Фицджеральде, спящем наверху, одурманенном лекарствами, с плечом, все еще покрытым подтеками крови. Думал о леди Люси, которая, несомненно, кормила сейчас Роберта завтраком, проверяя, все ли домашние задания он сделал. Думал о послании мертвого лорда Ланкастера. «Уверен, со временем вы поймете, что я не мог поступить иначе. Semper Fidelis».

Взяв перо, Пауэрскорт составил последнюю памятную записку о «Странной смерти принца Эдди».

Он изложил в ней все факты, от начала и до конца: попытка шантажировать принца Уэльского, опасения за жизнь принца Эдди, ужасное убийство, самоубийство в Сандрингемском лесу, поиски мотива, которые привели его к «Британии» и к давнему плаванию «Вакханки». Он изложил факты, относящиеся к Грешему: смерть его жены, Луизы; переход Грешема через крышу Сандрингема, предпринятый, чтобы убить принца Эдди.

Он описал свои собственные поиски Грешема по улицам и каналам Венеции; исповедь, которую услышал в глядящей на воды канала Сан-Марко красной комнате с тремя зеркалами; то, как он объяснял в Мальборо-Хаусе Сутеру и Шепстоуну подлинный характер смерти принца Эдди. Он изложил факты, касающиеся убийства Грешема в Перудже, рассказал об изготовленном в Шеффилде ноже, о трупе, брошенном в фонтан. И факты, касающиеся попытки убить Джонни Фицджеральда. Или его самого.

Он сделал две копии. И тут появился запыхавшийся Уильям Маккензи.

— Бежал большую часть пути от станции Аундл, — объяснил шотландский следопыт. — Решил, по сказанному в вашем послании, что дела тут очень серьезные.

В конце своей телеграммы Пауэрскорт трижды поставил «Сверхсрочно».

— Три дня назад кто-то пытался убить Джонни Фицджеральда. На дороге в Рокингем. Он выкарабкается. Сейчас лежит наверху, в моей кровати. В тот день на нем была моя накидка. И он считает, что убить пытались меня.

Маккензи вглядывался в окно с такой пристальностью, точно надеялся различить за ним убийцу, затаившегося в высокой траве или прячущегося среди деревьев.

— Понимаю, мой лорд. Полагаю, вы хотите, чтобы я приглядывал за окрестностями. Я займусь этим немедля. И я посоветовал бы вашему лордству из дома пока не выходить. Пока я не огляжусь как следует, понимаете?

Маккензи вылез в окно и скрылся за углом дома. А к парадной двери его уже эффектно подкатывал в кебе новый гость. Уильям Берк покинул свой кабинет и свои капиталы, чтобы нанести визит в Роуксли-Холл.

— Уильям! Как вы добры — проделать такой путь!

— Не думаю, чтобы у меня имелся выбор, — ответил финансист. — Ваша жизнь в опасности. Бог весть, что еще может приключиться. Чем я могу вам помочь?

Берк снял пальто, перчатки и уселся у камина. Со стены на него взирал портрет жены Пауэрскорта, много лет назад написанный Уистлером. По сторонам от нее красовались сестры лорда, выглядевшие моложе, чем при последнем его прощании с ними.

— Они у вас здесь все, — сказал он, указывая кивком на портреты в тяжелых золоченых рамах, — вся троица.

— Так мне удается присматривать за ними, — весело отозвался Пауэрскорт. — Это единственное в Англии место, где я могу быть уверенным — сестры станут делать то, что я им скажу.

— Да, не лишено удобства. Пожалуй, мне стоит заказать еще один портрет Мэри и повесить его в моем домашнем кабинете. Что позволит и мне присматривать за нею.

— Так вот, Уильям, я думаю, вам стоит прочесть этот документ. Я составил его нынче утром.

Пауэрскорт стоял у окна, глядя на свою церковь. Уильям Берк, пристроив на нос очки, читал памятную записку. В церкви упражнялся органист. Мелодии Баха плыли поверх надгробий.

— Боже мой, Фрэнсис. Это кошмар. Кошмар. Что я должен сделать?

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной в Мальборо-Хаус на встречу с Сутером и Шепстоуном. Мне нужен свидетель. Роузбери за границей, а премьер-министру нездоровится.

— И что вы собираетесь им сказать? Сутер — личный секретарь принца Уэльского, не так ли? А каков официальный титул Шепстоуна?

— Казначей и управляющий Двора, Уильям. Что бы сие ни значило.

Пауэрскорт отвернулся от окна. Ватага грачей снялась при ударе церковного колокола с высоких деревьев и, построившись в воздухе, полетела кормиться в поля за ними.

— Важно помнить, что они всего лишь исполняют приказы своего господина. Делают, что велит им принц Уэльский. Я не верю, что они убили бы лорда Грешема или попытались убить меня, если бы не считали, что такова его воля. И я должен убедить принца Уэльского — через этих двух его слуг, — что настало время остановиться.

— Но как вы собираетесь сделать это, Фрэнсис?

Пауэрскорт объяснил ему — как. По лицу Берка медленно расползлась улыбка.

— А он это сделает? Я о Роузбери.

— Уверен, что сделает. Абсолютно уверен. Вся история началась с шантажа. Вот пусть шантажом и закончится, хоть и иного рода.

— Давлением, Фрэнсис, давлением. Так выражаемся мы в Сити, заключая подобного рода соглашения. «Давление» — слово куда более приятное, чем «шантаж». И если подумать, при встрече с ними я и сам мог бы оказать на них кое-какое давление. Причем принцу Уэльскому оно ничуть не понравится. В нашем порочном мире, Фрэнсис, давление можно оказывать разными способами. Однако самый мощный инструмент давления — это деньги.

Берк взглянул на свои часы. Кэб так и стоял у парадной двери, поджидая его.

— Я должен вернуться в Лондон, Фрэнсис. День встречи уже назначен?

Мне было сказано, что нас примут через два дня, в одиннадцать утра. В четверг. Я буду ждать вас на ступеньках дома.

— До свидания, Фрэнсис. Будьте осторожны, очень.

Кэб Берка разворачивался, чтобы направиться к холму, за которым лежал Аундл. В двухстах ярдах от Роуксли-Холла невысокий мужчина, воз-

можно, что и Маккензи, стоял за купой деревьев, оглядывая голый ландшафт. В руке он держал пистолет.

— Ваша сестра, Фрэнсис, просила меня в Лондоне передать вам кое-что. Оставайтесь в доме, сказала она. Все время. Нортгемптоншир — очень опасное место.

— Ну, и где тебя носило? — лорд Джонни Фицджеральд полулежал в постели Пауэрскорта, откинувшись на гору подушек. Только что удалился, сделав Джонни перевязку, доктор. Пауэрскорт решил, что сегодня Джонни выглядит немного лучше. — Право, Фрэнсис, не думаю, что ты — тот человек, которого я попросил бы навестить меня на моем смертном одре. Ты бы и туда опоздал.

— Не опоздал бы, если бы полагал, что смогу услышать твое предсмертное покаяние. Это было бы нечто.

— А мне стыдиться нечего, — откликнулся Фицджеральд, чуть приподнимаясь над своей опорой, — ну, во всяком случае, сильно. Суть в том, Фрэнсис, — не сомневаюсь, тебе уже сказали об этом — что лежать здесь, в постели, должен был ты, а не я. Я уверен, они приняли меня за тебя, надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

— «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»*, — радостно сообщил Пауэрскорт. — А если серьезно, я страшно благодарен тебе, Джонни. Ну да ладно, доктора говорят, что мне не следует подолгу занимать тебя разговорами. Как по-твоему, скоро ты снова сможешь ходить?

— Ну вот, пожалуйста. Да ты хоть взгляни на меня. Господи, я же без малого покойник. И все, что тебя интересует, так это когда я снова смогу ходить. Ты что, избавиться от меня хочешь, Фрэнсис?

---

* Евангелие от Иоанна. 15, 13

— Нет. Не хочу. Нисколько не хочу. Я просто думаю кое о чем, что ты мог бы для меня сделать. Но для этого ты должен ходить.

— Они говорят, что я смогу встать через четыре-пять дней, через неделю наверняка. И куда же я, Господи, должен тащиться?

— Пока сказать не могу. Скажу через пару дней, когда ты окрепнешь. Кстати, я принес для тебя одну штуку. Она поможет тебе поправиться, — Пауэрскорт вытащил из кармана маленькую фляжку и положил ее на постель.

— А в ней что-нибудь есть? Ты же не для того ее притащил, чтобы помучить меня, правда? Там не какая-нибудь клятая вода или еще что?

— Медицинский бренди, Джонни. Чисто медицинский. Доктор считает, что этой фляжки тебе хватит дня на три-четыре.

— Три-четыре? Да ты на величину ее посмотри. Три-четыре часа, это еще куда ни шло. Но я тебе вот что скажу, Фрэнсис. Регулярно пополняй нашего маленького друга, и я встану на ноги уже через три дня. Через три ровно.

Сутер с Шепстоуном сидели в офисе Мальборо-Хауса на своих обычных местах. Уильям Маккензи привез сюда Пауэрскорта замысловатым, окольным маршрутом, используя по дороге на юг разные железнодорожные ветки и меняя поезда. Сам Уильям Маккензи остался стоять в дверях «Берри Браз энд Радд», изредка поглядывая на бутылки в витрине и постоянно обводя взглядом Пэлл-Мэлл. Похоже, на этой вахте к нему присоединился и взявшийся откуда-то полисмен — тот прохаживался взад-вперед между входом в Сент-Джеймсский дворец и Мальборо-Хаусом.

— Лорд Пауэрскорт. Мистер Берк. Доброго вам утра. Насколько я понимаю, об этой встрече попросили вы, лорд Пауэрскорт. У вас имеются новости? Свежие сведения, которыми вы желаете поделиться?

— Имеются, — и Пауэрскорт рассказал о своей поездке в Перуджу, об изуродованном теле Гре-

шема в фонтане, об покушении на жизнь лорда Фицджеральда. — Существует только одно объяснение, которое согласуется с этими фактами, сэр Уильям. Только одно.

— И какое же, скажите на милость? — Шепстоун нервно поерзал в кресле.

— О том, что принца Эдди убил лорд Грешем, знали лишь четверо. Я, лорд Роузбери, лорд Фицджеральд и премьер-министр. И, разумеется, придворные принца Уэльского.

Пауэрскорт помолчал. В комнате стояла полная тишина. Берк перебирал лежащие перед ним бумаги. Шепстоун разглаживал бороду.

— Никто из этих четверых в Перуджу, чтобы убить Грешема, не ездил. Остается Двор принца Уэльского. Или люди, исполняющие приказы Двора. Приказ убить его, убить в точности так же, как был убит принц Эдди, теми же ударами ножа, нанесенными в те же места тела. Разумеется, предстать перед английским судом Грешем не мог. После того как двор решил скрыть все случившееся, не осталось ни убийства, ни возможности следствия, арестов или судебного слушания. Не могло быть судьи, который надел бы черную шапку и приказал отвести Грешема на место казни, где он будет повешен, пока не умрет. Я считаю, джентльмены, что веревка милосерднее к шее, чем нож. Куда милосерднее. Однако Двор мог решить взять все в собственные руки. Он мог сам обратиться и в судью, и в присяжных. Мне отмщение, говорит Господь. Я воздам.

Сутер с Шепстоуном вытаращили глаза. Вытаращили на Пауэрскорта. Как мог этот человек слышать их разговор, когда его и в комнате-то не было! Ибо он произнес сейчас ненароком те самые слова, которые произнес в Сандринхеме принц Уэльский, говоря о том, как надлежит поступить, когда убийца принца Эдди будет установлен. Мне отмщение, говорит Господь. Я воздам.

— Мне отмщение, — продолжал Пауэрскорт, — и отмщение это могло включать в себя не одно только убийство лорда Грешема. Оно могло под-

разумевать устранение всех тех, кому известна неудобная правда, неудобная, то есть, для Двора принца Уэльского. Отмщение могло подразумевать устранение людей, знающих всю правду об этом деле, о сифилисе, шантаже, убийствах, сокрытии обстоятельств смерти предполагаемого престолонаследника. Самое лучшее — убрать этих людей с дороги, убрать всех. И никто никогда не узнает, что произошло в Сандрингеме. Или в Перудже. Или на борту корабля Ее Величества «Британия» за многие годы до этого.

Пауэрскорт вдруг вспомнил капитана Уильямса, плетущегося по берегу Эмбла, его загубленную карьеру, его разрушенное здоровье. «Это была не моя вина, говорю вам, не моя». Не было ли происходящее сейчас еще одной разновидностью отмщения, отмщения за все эти разрушенные жизни?

— Несколько дней назад было совершено покушение на жизнь лорда Фицджеральда. Возможно, убийцы ошибкой приняли его за меня. Уверенно сказать не могу. Но одно могу сказать вам с определенностью. Любое новое покушение на лорда Фицджеральда, на меня, на кого бы то ни было, причастного к этому расследованию, приведет к последствиям крайне серьезным. Я предлагаю вам прочесть составленную мной памятную записку. Когда вы оба ознакомитесь с ней, то вернете записку мне — точно так же, как вы просили меня и лорда Роузбери поступить с вашей, сэр Уильям, более ранней запиской.

Пауэрскорт смотрел на портрет Александры над камином. Уильям Берк заносил в записную книжку какие-то цифры.

— Интересно, — сказал Шепстоун и передал документ Сутеру.

— Весьма интересно, — подтвердил личный секретарь, возвращая записку Пауэрскорту. — И каково же назначение этого листка бумаги, позвольте спросить?

— Позволяю. И еще как позволяю. Если, как я уже говорил, что-то случится с лордом Фицдже-

ральдом, со мной, с любым, кто причастен к этому делу, одна копия этой записки отправится к королеве Виктории. В прошлом она прощала сыну многое. Сомневаюсь, однако, что она простит ему и это — убийства его собственных подданных. Второе назначение сего документа таково: лорд Роузбери потребует немедленно открыть в Палате лордов дебаты о текущем состоянии монархии, и он добьется их открытия. В качестве вступительного заявления он зачитает эту записку — под протокол.

Пауэрскорт мог себе представить, какая разразится сенсация. Наружу просочится, как оно всегда и бывает, словечко о том, что в Верхней палате рассказывают нечто потрясающее. Пэры, молодые и старые, постоянно присутствующие на заседаниях парламента, и сельские медведи, пэры любопытные, пэры, разносящие слухи, пэры, посланные женами за новостями, пэры из правительства, пэры с задних скамей — все они набьются в Палату. Ко времени, когда Роузбери усядется на свое место, на огромных красных скамьях поднимется шум и гам. Выйдут специальные выпуски газет. Сутер и Шепстоун согласились утаить первое убийство из боязни скандала. Теперь они получат скандал размеров невообразимых, ураган, тайфун скандала, от которого принцу Уэльскому оправиться никогда уже не удастся.

Сутер с Шепстоуном бесстрастно восседали в своих креслах. Оба молчали. Они словно оледенели. Двое придворных, обратившихся, подобно жене Лота, в соляные столпы.

И это еще не все, — Пауэрскорт не выходил из роли ангела истребления. — Мистер Берк.

— Я от всего сердца соглашаюсь с каждым словом моего шурина. Его родным очень хочется, чтобы он остался в живых. Один из официальных постов, которые я занимаю, джентльмены, — Берк произнес это тоном, позволяющим заключить, что подобных постов у него сотни; возможно, так оно и есть, подумал Пауэрскорт, — это пост старшего директора «Месье Финчс и компании», банкиров принца Уэльского.

Впервые за время этой встречи сэр Бартл Шепстоун, казначей и управляющий Двора, побледнел. Он встревоженно поглаживал бороду. Что еще ему предстоит услышать?

— По состоянию на сегодняшнее утро, — Берк заглянул в имевшийся среди его бумаг официальный документ, — принц Уэльский задолжал «Финчс и К°» королевскую сумму в 234 578 фунтов 14 шиллингов и 9 пенни. Это без учета сегодняшних процентов. «Финчс» могла бы потребовать немедленного возврата всей задолженности. К концу месяца, самое позднее. Более того, она попросила бы закрыть счет. А любая попытка получить подобные же условия в других банках лондонского Сити нимало не приветствовалась бы. Наше сообщество, сообщество банкиров, невелико, джентльмены. Слухи, как известно, расходятся быстро. В Сити они расходятся быстрее, чем где бы то ни было.

Но, джентльмены, — ага, дошел черед и до давления. — Какая-либо необходимость в подобных мерах отсутствует. Лорд Роузбери может никогда и не произнести своей речи в Палате лордов. «Финчс и К°» может никогда не выдвинуть названных требований. Решение за вами. Все, что вам требуется сделать, это отдать необходимые распоряжения. Вам нужно лишь гарантировать, что ни с лордом Пауэрскортом, ни с кем-либо из его помощников ничего более не случится. Все очень просто.

С этими словами Берк собрал бумаги и широким шагом вышел из комнаты, словно покидая малоприятное собрание совета директоров.

— Мы сами найдем дорогу, спасибо, — таковы были последние слова, обращенные Пауэрскортом к двум придворным. — Я здесь уже бывал. И, надеюсь, возвращаться сюда мне не придется.

Колокола звонили на колокольне церкви Роуксли. Колокола счастья. Колокола радости.

Их можно было услышать в Аундле. Их можно было услышать даже в Фодерингее, где перезвон

ослабевал до звука бокалов, позвякивающих на подносе.

Колокола веселья. Свадебные колокола. Колокола, знаменующие венчание лорда Фрэнсиса Пауэрскорта и леди Люси Гамильтон, имевшее состояться в субботу, в два часа пополудни, с последующим приемом в Роуксли-Холле.

Со времени встречи в Мальборо-Хаусе прошло десять дней. Пауэрскорт прямо оттуда отправился в дом леди Люси — вместе с Маккензи, оставшимся снаружи, чтобы скрытно патрулировать мирные пределы Маркем-сквер.

— Фрэнсис! До чего же я рада видеть тебя! Как лорд Джонни? Ему лучше?

— С ним все хорошо. Как раз сейчас он подкрепляется бренди, в твою и мою честь. Однако у меня есть к тебе серьезный разговор, леди Люси.

— Серьезный разговор, Фрэнсис? И какой же?

— Боюсь, мне снова придется уехать. При том обороте, какой приняло это отвратительное дело, думаю, будет лучше, если я покину страну — на время, пока все не уляжется. Мне кажется, тут многим нужно дать успокоиться.

— Ну, я в твое отсутствие покоя испытывать не буду. Совершенно никакого. Как долго ты предполагаешь отсутствовать?

— Не знаю. Полтора месяца? Два? Что-то вроде этого. Если только не... если... — Пауэрскорт оставил это «если» висеть в воздухе. Он изо всех сил старался сохранить лицо серьезным и непроницаемым.

— Если что, Фрэнсис? Скажи же мне, нареченный мой.

— Ну, я просто подумал...

— Да говори же, старый интриган. Я ведь вижу, ты задумал какую-то интригу. Говори.

— Дело в том...

Пауэрскорт, бывший этим утром в Мальборо-Хаусе таким прямым и отважным, оказавшись к полудню в Челси, утратил изрядную долю храбрости, чему одной из причин стал сверлящий его взгляд умных синих глаз. Возможно, ему не по-

мешала бы капелька медицинского бренди лорда Фицджеральда.

— Понимаешь, если бы кое-что произошло, оно могло бы все изменить...

Ты говоришь загадками, совершенно как какой-нибудь фокусник-заклинатель. Роберт на днях видел такого на ярмарке. Кролики в цилиндре и прочее. У тебя тоже припрятан кролик, Фрэнсис?

И вдруг леди Люси поняла. Ей ни за что не удалось бы объяснить, как, однако она поняла.

— Давай-ка я попробую вытащить его, Фрэнсис. Думаю, то, что ты намереваешься сказать, выглядит примерно так. Может так выглядеть.

Леди Люси помолчала. Она вовсе не собиралась облегчать ему жизнь. Нет уж, после всех его проволочек.

— Предположим, мы с тобой поженимся. Просто предположим. Сам понимаешь, это всего лишь отвлеченная идея. Однако предположим, что мы обвенчаемся в церкви — с колоколами, кольцами, викариями и всем остальным. Тогда мы сможем вместе уехать на наш медовый месяц. И тебе не придется оставлять меня здесь. Как насчет этого? — леди Люси откинулась на спинку кресла и улыбнулась улыбкой порочной женщины.

Пауэрскорт рассмеялся.

— Ты права. Об этом-то я и думал, именно об этом. Но потом мне пришло в голову, что пожениться всего через десять дней — значит проявить некоторую поспешность. Нужно же еще столько всего приготовить

— Чушь, — сказала леди Люси Гамильтон, испытывавшая неодолимое желание обратиться в леди Люси Пауэрскорт. — Если бы ты захотел, Фрэнсис, я вышла бы за тебя хоть завтра. Так что десять дней никакой сложности не составляют.

Церковные часы Роуксли показывали без пяти два. Пауэрскорт стоял, волнуясь, у алтаря, бок о бок с бледным Фицджеральдом. Скамьи за их спинами

заполняли Гамильтоны и Пауэрскорты, собранные сюда срочным порядком. Здесь были и три сестры Пауэрскорта с мужьями и сыновьями в матросских костюмчиках. Несколько дней назад сыновья сестер — Уильям, Патрик и Александр — встретились с Робертом на поле битвы при Ватерлоо, расположенном на верхнем этаже дома Пемриджей, что на Сент-Джеймсской площади.

— Если хочешь, можешь быть маршалом Неем, который возглавил последнюю большую атаку императорской гвардии, — предложил щедрый Уильям. — Или Наполеоном.

Становиться Наполеоном Роберту как-то не улыбалось. Мысль о ссылке на остров посреди океана не представлялась ему привлекательной. Название острова он запамятовал.

— Если вы не возражаете, я бы лучше стал одним из британских генералов линии обороны, — сказал он, с восхищением озирая раскинувшееся перед ним обилие самых разных мундиров.

— Тебя, скорее всего, убьют, — весело сообщил Патрик. — Их почти всех поубивали.

По представлениям Роберта лучше было умереть британцем, чем стать ссыльным французом.

Орган играл Баха. Хористы вглядывались в стоявшие перед ними на пюпитрах ноты. На лице викария застыла счастливая улыбка из тех, какие викарии надевают на венчания. Пауэрскорт надеялся, что леди Люси не запоздает.

— Фрэнсис, Фрэнсис. Ради всего святого.

— Что такое, Джонни?

— Знаешь, я сказал тебе, что на венчание мне сил хватит. Ну так нет, не хватит. Мне что-то совсем худо.

Шорохи и шелест донеслись к ним с другого конца церкви. По центральному проходу приближалась леди Люси, сопровождаемая братом и трепещущей подружкой невесты.

— Ухватись покрепче за спинку скамьи, Джонни. Если не поможет, держись за меня.

Пауэрскорту явилась вдруг картина — он поддерживает под руку стоящую слева от него невес-

ту, отчаянно стараясь удержать на ногах стоящего справа шафера.

Леди Люси миновала отданных под суровую опеку Уильяма Берка мальчиков в матросках, улыбнувшись им улыбкой тетушки. Роберт, выглядящий в новом костюме очень торжественным, поджидал ее на скамье невесты.

Фицджеральд уже немного покачивался.

— Держись, Джонни. Держись. Пастор вот-вот произнесет все что положено.

— Хочешь ли ты взять этого мужчину в венчанные мужья, дабы жить с ним согласно закону Божию, соединясь священными узами брака? Хочешь ли повиноваться ему и служить ему, чтить любовь его и пребывать с ним в болезни и здравии?

— Хочу, — твердо ответила леди Люси и улыбнулась Пауэрскорту.

— Я, Фрэнсис, беру тебя, Люси, в мои венчанные жены, дабы с этого дня и вовеки удерживать и оберегать тебя...

В трех скамьях от них поднялся какой-то шум. Это подрались двое племянников Пауэрскорта. Уильям Берк уже отчитывал их самым страшным образом. Я видел, как он запугивал придворных принца Уэльского, подумал Пауэрскорт, и теперь удивляюсь, что дети осмеливаются просто дышать в его присутствии.

Орган заиграл «Свадебный марш». Двое местных полицейских, благосклонно наблюдавших за происходившим с дороги, отсалютовали тем, кто выходил из церкви. Линия облаченных в матроски племянников, к которым уже присоединился и Роберт, образовала маленький почетный караул. Джонни Фицджеральд, прихрамывая, медленно приблизился к леди Люси и с великим удовольствием поцеловал ее в губы.

— Сто лет дожидался этой возможности, — с лучезарной улыбкой поведал он.

— Надеюсь, вам понравилось, лорд Джонни. Уверена, это поможет вам выздороветь. Разве вам не следует произнести теперь речь или еще что-то?

Речь Фицджеральда оказалась короткой. Он выглядел совсем больным. Он просто зачитал телеграммы — от Роузбери: «Пусть все ваши загадки будут простыми»; из Венеции, от синьора Паннопе: «Все в "Даниэли" шлют вам поздравления, в особенности официанты»; от капитана Ферранте: «Мои поздравления. Сегодня я пою арию в честь вас обоих. Возможно, из моцартовской "Женитьбы Фигаро". Или вы предпочли бы "Так поступают все женщины"?»

В один из последующих послеполуденных часов лорд и леди Пауэрскорты уже стояли, облокотясь о поручни лайнера, пришвартованного в Саутгемптонском порту. Они отплывали на медовый месяц в Америку — в Нью-Йорк и Бостон, в Чарльстон и Саванну. Пауэрскорт с волнением предвкушал встречу с архитектурой Саванны, с огромными предвоенными домами, расставленными по городу словно в узлах правильной решетки.

— Ты видел нашу каюту, Фрэнсис? Она огромна. Такие большие, выходящие на море окна или как они называются, множество всяких шкафов и полок для багажа. Я уже навела там некоторый уют.

Муж похлопал ее по ладони. Внизу под ними собралась толпа, провожавшая громадное судно.

В телеграфной один из офицеров столичной полиции составлял рапорт комиссару. «Объекты на борту, — говорилось в нем. — Дорогой никаких осложнений. Следующие рапорты буду посылать по пути в Нью-Йорк. В гавани передам их американским властям. Джонстон».

Еще с возвращения Пауэрскорта в Англию за ним присматривали подчиненные комиссара столичной полиции, озабоченного его безопасностью. Ферранте сам присоветовал это своему другу, комиссару. «Вы просили меня охранять его, говорилось в телеграмме Ферранте. — Я это сделал. Однако Англия для него небезопасна, я думаю. Эти люди способны на все. Присмотрите за

ним, если сможете, комиссар. Перуджа прониклась к лорду Фрэнсису самыми теплыми чувствами».

Огромные тросы, удерживавшие судно у берега, были отпущены. Долгий гудок пронесся над ними. Оставшиеся за кормой, обращавшиеся в точки люди все еще махали ладонями вслед кораблю, махали своим любимым, которых они, быть может, никогда больше не увидят, махали уплывавшим друзьям, махали новому миру, который встретит их под конец плавания. Корабль набирал скорость, и Англия уменьшалась в размерах. На верхней палубе оркестр заиграл увертюру из «Сельской чести» Масканьи, с таким успехом прошедшей в Лондоне в прошлом году.

— Люси, — сказал Пауэрскорт, обнимая жену за плечи. — Как я счастлив, что ты рядом.

Ему хотелось сказать нечто такое, что бы связало Люси с его последним расследованием, соединило бы их в его сознании. Слишком много смертей. Под конец он едва не сбился со счета. Принц Эдди не стоит моих волнений, решил он, с какой стороны ни взгляни. Гренем отправился на встречу с Луизой. «Она была так прекрасна, моя Луиза». Теперь он, должно быть, счастливее, чем был здесь. Пауэрскорт вспомнил лорда Ланкастера, лежащего на холодной земле Сандринхемского леса, отдавшего жизнь ради никем не востребованной чести. Вспомнил Саймона Джона Робинсона, покоящегося на кладбище Дорчестера на Темзе. «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят».

— Люси. У меня есть для тебя девиз. Пусть он проведет нас через Атлантику. И через наше будущее. Я так люблю тебя, Люси. Верен навек. Semper Fidelis.

— О, Фрэнсис, как это прекрасно. Я возвращаю его тебе. Ради нашего будущего. Фрэнсис и Люси. Люси и Фрэнсис. Приятно звучит, правда? Верна навек. Semper Fidelis.

Содержание

Дикинсон Д.

Д 45 Спи, милый принц [Текст]: роман / Дэвид Дикинсон; перевод с английского С. Ильина. — М.: Слово/Slovo, 2006. — 384 с. — 12,0 × 21,5 см. — (Исторический детектив). — Перевод изд.: — 5000 экз. — ISBN 5-85050-873-2 (в пер.).

«Спи, милый принц» — первый роман английского писателя Дэвида Дикинсона о детективных расследованиях лорда Пауэрскорта.

Семейство принца Уэльского в шоке — принца шантажируют! Ситуация становится еще более серьезной, когда его сына, Эдди, наследника короны, находят с перерезанным горлом. Лорду Пауэрскорту доверяют трудную задачу найти убийцу. И конечно же, он справится с ней, но только вот понравится ли результат его расследований королевскому семейству?

Дикинсону удается создать яркие характеры, атмосферу эпохи. Его знание истории и искусства, а также умение придумать увлекательный сюжет делают роман интересным для любителей и детектива, и интеллектуальной прозы.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)